

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Forum für osteuropäische
Ideen- und Zeitgeschichte

№ 2, 2016

Distributed by
ibidem Press

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 2, 2016

Редакция:
Леонид Люкс (главный редактор)
Николаус Лобковиц
Алексей Рыбаков (Алексей Макушинский)
Андреас Умланд
Антонина Зыкова
Антон Шеховцов

Форум

новейшей восточноевропейской
истории и культуры

Русское издание

№ 2, 2016

Редакция:

Леонид *Люкс* (главный редактор)

Николаус *Лобковиц*

Алексей *Рыбаков* (Алексей Макушинский)

Андреас *Умланд*

Антонина *Зыкова*

Антон *Шеховцов*

Адрес редакции:

Zentralinstitut für Mittel- und
Osteuropastudien Katholische Universität
Eichstätt-Ingolstadt Marktplatz 7

D-85072 Eichstätt

E-Mail: zimos@ku.de

Петр Яковлевич Чаадаев (1794-1856) – философ и публицист.

Основоположник русского западничества

http://lidenz.ru/wp-content/uploads/2014/11/Chaadaev_portrait1.jpeg

Графическая обработка:

Марина Цой

Содержание

I. История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (1)

I.1. Истоки и память о Волынской трагедии 1943-1944 гг.

Тимоти Д. Снайдер

Причины украинской этнической чистки поляков в 1943 году:
региональный контекст и историческое значение
Волынской трагедии

7

Гжегож Мотыка

Как классифицировать Волынскую трагедию в историческом
и сравнительном контекстах? «Война в войне», геноцид и
сталинские этнические чистки

39

Элеонора Нарвселуц

Волынь 1943-1944: украинские дискуссии о
националистическом повстанчестве, поликультурных «вселенных»
пограничья и польском региональном наследии

54

Юлия Юрчук

Прошлое под прицелом амнезии: память об ОУН и УПА в Волынском
регионе на примере памятника Климу Савуру

87

Лукаш Адамский

Волынский негационизм как фактор, отягощающий польско-
украинские отношения: анализ дискуссии 2016 года

102

I.2. Формирование идеологии ОУН в межвоенное время

Александр Зайцев

Идеология и политическая стратегия ОУН до 1939 года:
возникновение и эволюция украинского интегрального
национализма в межвоенное время

125

Иван Гомза

Каталитическая мобилизация радикальных украинских националистов
во Второй Речи Посполитой: роль структуры политических возможностей

150

Ярослав Божко
«Новый национализм» Дмитрия Донцова: между интегральным
национализмом и консервативной революцией 181

II. Русские европейцы (6)

Михаил Блюменкранц
Любовь к истине как род душевного недуга: Пётр Чаадаев
в современном контексте 191

III. Страницы новейшей истории

Леонид Люкс
«Один человек – против всей страны»: к 80-летию сталинского
Большого террора 199

IV. К столетию Русской революции (3)

Екатерина Коллинг
Большевистская революция 1917 года как камень преткновения
российской науки 209

V. Искусствоведение

Аннэ Реннерт
«Двое в комнате» – Родченко, Ленин и Маяковский: к наличию
отсутствующего 247

VI. Политология

Ростислав Аверчук
Полномочия и влияние президента Украины в сравнительной перспективе 267

VII. Эссе

Леонид Люкс
Россия и Германия в XIX и XX веке: два особых пути 281

VIII. Рецензии

Холокост на пограничье: новая монография об истории межвоенного и военного Закарпатья – Raz Segal: <i>Genocide in the Carpathians: War, Social Breakdown, and Mass Violence, 1914-1945</i> (Юрий Радченко)	295
Коротко об авторах	301

I. История, культ и дискуссии вокруг Организации украинских националистов (1)*

I.1. Истоки и память о Волынской трагедии 1943-1944 гг.

Тимоти Д. Снайдер

Причины украинской этнической чистки поляков в 1943 году: региональный контекст и историческое значение Волынской трагедии**

Этнические чистки скрываются в тени Холокоста¹. Даже если ужас «окончательного решения» Гитлера и побуждает к изучению других массовых убийств, масштаб его стремления к уничтожению существенно ограничивает ценность сравнений. Другие эпизоды массового национального насилия – турецкая «резня» армян, начатая в 1915 г., греко-турецкие обмены населением 1923 г., инициированная в 1935 г. сталинская депортация девяти советских народов, организованное Гитлером в 1939 г. изгнание поляков и евреев с территории увеличенного Рейха, вынужденное бегство немцев из Восточной Европы в 1945 г. – понемногу покидают периферию военной и дипломатической истории. В сравнении с «окончательным решением» каждый из этих эпизодов не дотягивает до ужасающего порога, очерченного намерением полного уничтожения, однако в совокупности они показывают одну из главных тенденций социальной и политической истории Европы XX века – насильственное вытеснение категорий населения для достижения национально очищенного пространства.

* См. также ранние специальные секции *Форума* по этой теме: Украина во Второй мировой войне // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2013. № 1. С. 285-334. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss19.html>; История современного украинского национализма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 133-254. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22>.

** Статья ранее печаталась на английском языке в журнале *Past & Present* (2003. Vol. 179. № 1). Оригинальный текст 2003 года здесь представлен на русском языке (с историографической целью) без доработок и обновлений – прим. переводчика. Одна из наиболее важных последних публикаций по этой теме: McBride J. Peasants into Perpetrators: The OUN-UPA and the Ethnic Cleansing of Volhynia, 1943-1944 // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 3. P. 630-654.

¹ О Холокосте в *Форуме*: Заруский Ю. Лежал ли в основе национал-социалистического убийства евреев в Венгрии экономический расчет? // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2004. № 2; Люкс Л. Сомнительная попытка рационального объяснения Холокоста // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2005. № 1 – прим. редакции.

Словарь «окончательного решения» ограничен. «Холокост» и «Шоа» – это особые понятия выражения скорби, а «геноцид» описывает юридически установленное намерение уничтожить определенную группу. Необходимо ввести новое понятие, способное описать насильственную политику, направленную на очищение определенных территорий от «врагов нации», которая, тем не менее, не предусматривает убийства всех мужчин, женщин и детей. Термин «этническая чистка», проникший в английский язык с телевизионных экранов и газет в 1992 г. из сербского, означает именно это. Хотя действия сербов в Боснии поначалу были восприняты как шокирующая экзотика, они весьма быстро вдохновили ряд авторов на сравнения этих событий с другими событиями в Европе XX века. Точка зрения злоумышленника, выраженная настолько емко, побудила болезненные попытки понимания. «Этническая чистка» превратилась в понятие, которым оперировали не только «чистильщики», но и их летописцы, что в свою очередь заложило фундамент новаторских исследований главных событий XX века². Это также обратило внимание исследователей на ранее ускользавшие от них эпизоды национальных массовых убийств.

Одним из таких эпизодов является вытеснение украинскими националистами поляков с Волыни в 1943 г. Это история о многократных оккупациях и чистках в рамках других чисток. Волынь, подобно другим восточным регионам межвоенной Польши, во время Второй мировой войны пережила тройную оккупацию. Земли между Вильнюсом и Львовом, населенные (по состоянию на 1939 г.) 13 миллионами людей, вначале захватил сталинский Советский Союз (1939-1941), затем гитлеровская Германия (1941-1944), а потом опять Советский Союз (1944 г.). За три года до того, как украинские националисты начали чистку поляков, Волынь была местом крупномасштабных политически мотивированных переселений. Так, во время первой советской оккупации, нацисты вывозили этнических немцев из новосозданной советской Волыни. (Это была часть чрезвычайно амбициозного проекта Гитлера по созданию национально чистой «Великой Германии», также предусматривающего депортацию поляков и евреев с территории увеличенного Рейха.) Советский Союз, расширив Советскую Украину на запад, депортировал десятки тысяч представителей волыньских элит, преимущественно поляков, в Сибирь и Казахстан. Эти депортации были остановлены только после немецкого вторжения в СССР в июне 1941 г. В 1941-1942 гг. немцы организовали укорененный внутри сообщества геноцид волыньских евреев, во время которого практику получили многие из тех, кто в 1943 г. проводил этнические чистки по-

² Основными примерами являются: Browning C. *Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers*. Cambridge, 2000, глава 1: «От “этнической чистки” через геноцид к “окончательному решению”: эволюция нацистской политики по отношению к евреям, 1939-1941»; Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, 2000, глава 8: «Этнические чистки и враги нации»; Naimark N. *Fires of Hatred: Ethnic Cleansing in Twentieth-Century Europe*. Cambridge, 2000; *Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944-1948* / Ed. P. Ther, A. Siljak. Lanham, 2001. См. также: Mazower M. *Violence and the State in the Twentieth Century* // *American Historical Review*. 2002. Vol. CVII.

ляков. Решение украинских националистов начать чистку в 1943 г. было, среди прочего, обусловлено стратегическим расчетом, составными частями которого было сообщение о советской победе под Сталинградом в феврале 1943 г. и восприятие немецкой оккупации как явления и временного, и невыносимого. В тот момент, когда два тоталитарных режима соперничали за Восточную Европу, а запад Украины переживал вторую и третью оккупации военного времени, организация, стремившаяся создать украинское государство, взяла дело в свои руки.

В Германии за этнической чисткой евреев последовало их физическое уничтожение. Однако тех, кто совершают этнические чистки, опыт Гитлера может заинтересовать, даже если они не разделяют его стремлений к полной ликвидации. Этническая чистка в равной мере обеспечивает достижение националистической программы, но осуществить ее гораздо проще, чем истребить группу всецело. Националистам, стремящимся создать национально однородное государство, не надо убивать всех представителей этнического меньшинства: для вытеснения большинства достаточно убийства многих. Несомненно, на Волыни и в иных землях, некогда принадлежащих к восточной Польше, Гитлер не был единственным образцом для подражания, ведь к 1943 г. как поляки, так и украинцы осознали, что Сталин и Гитлер насильственным путем вытесняли и уничтожали группы населения во имя государственной политики. Они были не только свидетелями, но и соучастниками, и мишенью этнических чисток. К 1943 г. приблизительно одна четвертая всего населения Волыни столкнулась с национальным насилием в той или иной его форме – в качестве жертвы, соучастника, или же и того, и другого. Для многих выживших личный опыт приобрел политическую значимость. Вследствие тройной оккупации эти территории не только узнали нацистскую и советскую оккупационные практики, они также стали пространством интенсивного соперничества двух систем. А поскольку иностранное господство одновременно воспринималось и непереносимым, и преходящим, тройная оккупация способствовала появлению крайне сильных надежд на освобождение и лихорадочных планов по сотрудничеству с оккупантами.

В данном случае тройная оккупация служит общей институциональной рамкой причинного объяснения отдельного эпизода этнической чистки. Естественно, «этническая чистка» как идеальный тип должна подтверждаться убедительными доказательствами, которые, в свою очередь, должны быть доступны. Основными проблемами исследования этнических чисток являются скрытость и пропаганда во время преступления, последующие предвзятость и национальная преданность, а также общая скудность источников. Частично благодаря развитию науки в Польше и Украине, частично благодаря преобладающим на данный момент хорошим политическим отношениям между этими странами многие проблемы доказательного характера являются в этом случае преодолимыми. Несмотря на то, что не все релевантные архивные материалы доступны, конец коммунистической системы предоставил редкую возможность для накопления и изучения документов в Варшаве, Киеве и – в гораздо меньшей степени – Москве. Также важными

являются воспоминания волынских евреев, поляков и украинцев, равно как и записи военного периода Правительства Польши в изгнании в Лондоне³.

Волинь (укр. Волинь, польск. Wołyń) – это название территории, издавна населенной православными, которая находится на крайней северо-западной части сегодняшней Украины. На западе она отделена от Польши рекой Западный Буг, а на севере делит с Беларусью Пинские болота. На юге находится Галиция, в совокупности с которой Волинь собственно и образует большую часть западной Украину. Волинь входила в состав Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи. В отличие от Галиции, которая во времена Австрийской империи сохранила преимущественно греко-католическое вероисповедание, Волинь в 1839 г. была вновь обращена в православие Российской империей. Большая часть исторической Волини после Первой мировой войны вошла в состав независимой Польши. События, рассматриваемые в этой статье, происходили на территории, известной до 1939 г. как Волинское воеводство (Województwo wołyńskie). Там обитало украинское православное большинство (68%), а также значительное польское католическое (17%) и еврейское (10%) национальные меньшинства⁴. В период 1928-1938 гг. на этих землях проводилась одна из наиболее амбициозных политик межнациональной толерантности в Восточной Европе – «Волинский эксперимент» Генрика Юзевского, который предусматривал культурную и религиозную автономию для украинцев. Целью данной политики было ограничение популярности коммунизма, однако по ее завершению националистам из Галиции удалось превратить Волинь в собственный плацдарм. И тем не менее, люди, которые выжили в чистках военного времени, часто вспоминают атмосферу согласия, характерную для довоенной Волини.

Как бы там ни было, но в апреле 1943 г., по истечению трех с половиной лет войны, украинский националист Николай Лебедь предложил «очистить всю революционную территорию от польского населения»⁵. После этого Украинская

³ Польские и украинские историки сотрудничали в нескольких интересных конференциях, посвященных этим событиям. См.: Polska-Ukraina: trudne pytania, 8 vols. Warszawa, 1997-2001. К важнейшим из недавних исследований относятся: Motyka G. Tak było w Bieszczadach. Walki polsko-ukraińskie 1943-1948. Warszawa, 1999 и Льюшин І. ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни (в світлі польських документів). К., 2000. Первопроходцем исследований с использованием немецких архивных материалов был Рышард Тожецкий: Torzecki R. Polacy i ukraińcy: Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa, 1993. Ссылки на польские, украинские и русские архивные, равно как и еврейские, польские и украинские воспоминания приведены ниже.

⁴ Согласно докладу о состоянии дел в воеводстве от июня 1937 г., тут обитало 348079 поляков (16,7%), 205615 евреев (9,9%) и 1420074 украинцев (68,1%), немцы, чехи и русские составляли оставшиеся 5,5%. [Henryk Józewski] «Wołyń», Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego, Dział rękopisów (далее: BUW, DR), syg. 1549. P. 1.

⁵ Балеї П. Фронда Степана Бандери в ОУН 1940 року. К., 1996. С. 141. Изложение идеи другими словами: Лебедь М. Українська повстанська армія. Дрогобич, 1987. С. 53; Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Львів, 1993. С. 272; Сергійчук В. ОУН-УПА в роки війни. К., 1996. С.

повстанческая армия очистила Волынь от польского населения. В 1943 г. украинские партизаны истребили около 50 тыс. волыньских поляков и принудили еще десятки тысяч спасаться бегством⁶. Почему посреди Второй мировой войны украинские партизаны решили напасть на польское гражданское население? Для того, чтобы понять, каким образом желание Лебеда воплотилось в жизнь, нам необходимо рассмотреть три вопроса: вопрос легитимной власти, вопрос социального действия и вопрос революционной идеологии.

Причины, 1939-1943 (1): легитимная власть

Украина не имела собственной государственности. После Первой мировой войны принцип самоопределения не соблюдался повсеместно, как это показал раздел Украины большевистской Россией и Польшей, зафиксированный в Риге в 1921 г. К 1930-м годам сотрудничество с польским государством начало превалировать в политической жизни на Волыне. Волынский воевода Генрик Юзевский полагал, что «украинско-польское урегулирование было главным условием существования Польши и Украины»⁷. Своим «Волыньским экспериментом» Юзевский способствовал тому, что украинские политики защищали свои интересы в Варшаве посредством непартийного реформистского блока. С 1935 г. главная центристская партия украинских земель в Польше, Украинское национально-демократическое объединение, проводило похожую политику – сохранять преданность польскому государству в обмен на местные реформы. Принятие факта польской государственности стало целесообразным после подписания Польско-советского договора о ненападении (1932 г.) и Декларации о неприменении силы между Германией и Польшей (1934 г.). Когда польское государство было уничтожено этими же державами, подобная стратегия потеряла *raison d'être*. После того, как украинские территории, ранее принадлежавшие Польше, отошли к Советскому Союзу, легальные партии межвоенного периода самораспустились, чтобы

289. Летопись УПА также признает наличие подобного плана: Вовк О. Вступ // Літопис УПА. Друга серія. Т. 2. Київ, Торонто, 1999. С. xxxix-xl.

⁶ Приблизительно 35 тыс. жертв были идентифицированы. Список опубликован в: Siemaszko W., Siemaszko E. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939-1945*. Warszawa, 2000. Перевод на английский и имеющие отношение к делу воспоминания и документы доступны в: *Genocide and Rescue in Wołyn: Recollections of the Ukrainian Nationalist Ethnic Cleansing Campaign against the Poles during World War II* / Ed. T. Piotrowski. Jefferson, 2000. К интерпретациям, приведенным в обоих сборниках, следует относиться с осторожностью. См., напр.: Hryciuk G. *Straty ludności na Wołyniu w latach 1941-1944, Polska-Ukraina: trudne pytania*. Vol. 5. Warszawa, 1999. P. 278. Как и в других случаях этнических чисток зафиксированы завышенные числа.

⁷ Józewski H. *Opowieść o istnieniu: BUW, DR, syg. 3189, Sprawa ukraińska*. P. 36. Для общего представления см.: Mędrzecki W. *Województwo wołyńskie, 1921-1939: elementy przemian cywilizacyjnych, społecznych i politycznych*. Wrocław, 1988; Kęsik J. *Województwo wołyńskie 1921-1939 w świetle liczb i faktów // Przegląd Wschodni*. 1997. Vol. V. № 1.

избежать преследований. Во всяком случае, впредь ни одна западно-украинская политическая партия какого-то бы ни было толка не стремилась к возрождению на землях, где украинцы составляли численное большинство, то есть на Волыне и в Галиции⁸. Конец польского государства ознаменовал формирование консенсуса в пользу соборности – создания независимой Украины, которая бы объединяла все украинские территории.

Война уничтожила центристов и дала крайним левым – как казалось – великолепную возможность. До укрепления Юзевского в 1928 г., криптокоммунисты набрали наибольшее количество голосов на Волыне и пользовались существенным влиянием в обществе⁹. Даже в 1938 г., после массового голода и чисток в советской Украине, Юзевский жаловался, что жители Волыни часами слушали советское радио, вещавшее на их языке¹⁰. До 1939 г. Западно-Украинская Коммунистическая Партия выступала за уничтожение Польши и включение ее юго-восточных территорий в состав советской Украины¹¹. В 1939 г. Красная армия и НКВД воплотили эту программу в жизнь. В течение 21 месяца советской власти революция подразумевала уничтожение высших слоев общества. Около полу-миллиона польских граждан были лишены свободы или высланы из бывших восточных территорий Польши в Центральную Азию и Сибирь, среди них – очень большое количество волынских поляков, 20% всего польского населения региона¹². Один украинский историк так описывает бедственность их положения: «польский поселенец, офицер или полицейский не могли укрыться от органов НКВД, в особенности из-за того, что в каждом селе находились украинские акти-

⁸ В отличие от советских переписей населения, в польской переписи 1931 г. не было графы «национальность». Людей относили к определенной категории на основании их религии и родного языка. К тому же, границы воеводств проводились особым образом, позволявшим увеличить количество поляков в них, как например в Львовском воеводстве. Тем не менее, нет никаких сомнений, что украинцы превосходили поляков числом не только на Волыни, но и в трех воеводствах, называемых по-польски Małopolska Wschodnia (Восточная Малопольша), а по-украински – «Галичина» (Галиция).

⁹ О влиянии в обществе см.: Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Narodowościowy. Sprawozdania z życia mniejszości narodowych za miesiące wrzesień – październik 1928: BUW, DR, syg. 1550. О голосах избирателей (в том числе и тех, которые не были отображены при подсчете) см.: Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Bezpieczeństwa. Udział ugrupowań wywrotowych w wyborach do ciał ustawodawczych w Polsce w 1928 r.: Archiwum Akt Nowych, Warszawa (далее ААН), MSW, syg. 1186.

¹⁰ Józewski H. Memoriał w sprawie kierunku polskiej polityki państwowej na Wołyniu, 1938, BUW, DR, syg. 1549, akt 6.

¹¹ основоположными трудами по этому вопросу являются: Radziejowski J. The Communist Party of Western Ukraine, 1919-1929. Edmonton, 1983; Jackson G. Comintern and Peasant in East Europe, 1919-1930. N.Y., 1966.

¹² Приблизительные подсчеты для Волыни взяты у Romanowski W. ZWZ-AK na Wołyniu 1939-1944. Lublin, 1993. P. 104. Для осторожных подсчетов о количестве депортированных в 1939-1941 гг., которым я следую, см.: Горланов О., Рогинский А. Об арестах в западных областях Белоруссии и Украины в 1939-1941 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан / Под ред. А.Э. Гурьянова. М., 1997. С. 96 и сл; Eberhardt P. Między Rosją a Niemcami: przemiany narodowościowe w Europie Środkowo-Wschodniej w XX w. Warszawa, 1996. P. 180. См. также: Gross. Revolution from Abroad. P. 197 ff.

висты, выдававшие этих людей советской администрации»¹³. Образованные украинцы, пусть их число и было меньшим, также пребывали в опасности. После того, как советская власть реорганизовала волынские школы, украинка могла стать школьной учительницей, а затем ее депортировали прямо из классной комнаты¹⁴. Высылки прекратились лишь в июне 1941 г., когда внезапно нагрянула немецкая армия. После немецкого вторжения волынские коммунисты либо спасались бегством вместе с Красной армией, либо оставались, рискуя стать жертвой самосуда или быть казненными СС¹⁵.

Конец польского государства в 1939 г. ослабил украинских центристов, а немецкое вторжение 1941 г. рассеяло представителей украинской левой части спектра, вследствие чего из тени вышли приверженцы украинской правой националистической идеи. Организация украинских националистов (ОУН), основанная в 1929 г. ветеранами войны между Польшей и Западной Украиной, была вынуждена провести десяток лет в подполье – пока нацисты не вторглись в Польшу¹⁶. Годы соперничества с польской разведывательной службой также подготовили поколение к подпольной жизни¹⁷. В начале сентября 1939 г. польские власти совершили поступок, который по духу принадлежал минувшей эпохе, – они освободили всех политических заключенных, в том числе и таких украинских террористов, как Николай Лебедь и Степан Бандера. Предусматривалось, что подобная мера избавит узников от злоключений немецкого плена, однако именно эти арестанты ожидали немцев с упованием. Дело в том, что украинские националисты рассматривали Германию как единственно возможного союзника по созданию нового государства, независимого и от Польши, и от Советского Союза, а потому они убедили себя, что приход Гитлера к власти был хорошим предзнаменованием¹⁸. В 1939 г. нацистская Германия благоволила к украинцам в Генерал-губернаторстве, созданном на землях оккупированной Польши¹⁹.

¹³ Ільющин І. ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни. С. 17.

¹⁴ Berdychowska B., Hnatiuk O. Bunt pokolenia: rozmowy z intelektualistami ukraińskimi. Lublin, 2000. P. 32.

¹⁵ Berkhoff K. Hitler's Clean Slate: Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine, 1941-1944. Univ. of Toronto Ph.D. thesis, 1998. P. 87-88.

¹⁶ Основными трудами являются: Motyl A. The Turn to the Right: The Ideological Origins and Development of Ukrainian Nationalism, 1919-1929. Boulder, 1980; Armstrong J. Ukrainian Nationalism. Englewood, 1990; см. также: Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Мюнхен – Лондон – Нью-Йорк, 1968.

¹⁷ Для понимания масштабов проникновения поляков в ОУН обращаться к: AAN, MSW, syg. 1038-41, 1252.

¹⁸ ОУН имело контакты с Гитлером еще до его прихода к власти и сотрудничала с немецкой разведывательной службой. Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Bezpieczeństwa: AAN, MSW, syg. 1040. P. 50-7. Но, как между прочим заметил сотрудник разведки, не все лидеры ОУН в эмиграции были антисемитами, а некоторые даже состояли в любовной связи с еврейскими женщинами.

¹⁹ Кубійович В. Українці в Генеральній Губернії, 1939-1941: історія Українського Центрального Комітету. Чикаго, 1975. С. 49, 197, 280 и сл.; Ільющин І. ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни. С. 35; Gross J. Polish Society under German Occupation: The Generalgouvernement, 1939-1944. Princeton, 1979. P. 141.

Однако война не предоставила той возможности, на которую уповала ОУН. Секретное приложение к Пакту Молотова-Риббентропа между нацистской Германией и Советским Союзом предусматривало, что территории Польши, населенные украинцами, перейдут к советской стороне и будут присоединены к советской Украине. Возможности успешной карьеры в нацистском Генерал-губернаторстве не удовлетворяли националистов, стремившихся к украинской государственности²⁰. Попытки расшатать основы советской власти в Галиции и на Волыни оказались безуспешными, и НКВД ликвидировал десятки важных руководителей ОУН. Тем временем, ощутимыми стали результаты и более ранней специальной операции НКВД – убийства уважаемого лидера ОУН Евгения Коновальца в 1938 г. После нее началось соперничество за власть в организации между представителями младшего поколения, имевшего хорошие связи в польской Украине, и старшим поколением эмигрантов²¹. В феврале 1940 г. в ОУН произошел раскол на две группировки, одну из которых возглавил Степан Бандера, а вторую – Андрей Мельник. Две группировки, первую обычно называют ОУН(б), а вторую – ОУН(м), находились в состоянии войны приблизительно год до их официального разделения в апреле 1941 г. Более молодая ОУН(б) пребывала под сильным влиянием интегрального национализма Дмитрия Донцова, а также была склонна полагать, что большие волевые усилия способны направить ход истории в желаемое русло²². Их гражданская война, тем не менее, была ничем иным как борьбой за власть, а потому шансы на ее скорое завершение были не велики. И действительно: летом 1941 г., когда Германия вторглась в Советский Союз, взяв тем самым всю Украину под свой контроль, ставки только возросли.

Немецкое вторжение в Советский Союз также не оправдало ожиданий. В 1941 г. Германия отправила украинских националистов на Волынь и другие украинские земли, захваченные немецкой армией, учреждать местные органы власти. Однако политические упования националистов оказались разбиты, когда немцы отказались создать единую административную единицу из всех оккупированных украинских территорий. Советская Украина, пусть даже чужая и враждебная, по меньшей мере объединяла большую часть украинских земель. В этом отношении немецкое вторжение в СССР выглядело как шаг назад. Галицию присоединили к Генерал-губернаторству, которым из Кракова управлял Ганс Франк; Волынь и большая часть советской Украины отошли к Рейхскомиссариату Украина, кото-

²⁰ Torzecki. Polacy i ukraińcy. P. 48-51.

²¹ Коновалец был убит в Роттердаме с помощью взрывного устройства, замаскированного под коробку шоколадных конфет. С отчетом его убийцы можно ознакомиться в: Sudoplatov P., Sudoplatov A. Special Tasks: The Memoirs of an Unwanted Witness – a Soviet Spymaster. Boston, 1995. P. 7-29.

²² О Донцове см.: Stryjek T. Ukraińska idea narodowa okresu międzywojennego. Wrocław, 2000. P. 110-190; Рудко В. Донцов і Липинський // Harvard Ukrainian Studies. 1985. Vol. IX; Armstrong J. Collaborationism in World War II: The Integral Nationalist Variant in Eastern Europe // The Journal of Modern History. 1968. Vol. XL. № 3. P. 400; срав. Русначенко А. Розумом і серцем. Українська суспільно-політична думка 1940 – 1980-х років. К., 1999. Гл. 1.

рым из Ровно руководил Эрих Кох. Таким образом, нацистские власти не особо заботились об украинских национальных стремлениях. В ответ ОУН(б), постоянно пытавшаяся проводить политику свершившихся фактов, провозгласила в июне 1941 г. создание украинского государства во Львове. В последующие два года немцы посадили под арест (или убили) 80% руководящего состава ОУН(б)²³. Степан Бандера оказался в Заксенхаузене, два его брата были до смерти избиты в Аушвице польскими (фольксдойче) капо²⁴. После ареста Бандеры главой ОУН(б) стал Николай Лебедь, который посвятил значительную часть своей неумемной энергии созданию службы безопасности ОУН(б), членам которой был присущ «фанатический национализм и непримиримость к врагам нации»²⁵.

Итак, украинские центристы самораспустились, левые – убежали, и на авансцену вышли правые. Однако правая часть спектра также была разрознена советскими провокациями, обезглавлена собственной гражданской войной и немецкими репрессиями, а крушение возвращенных надежд стало причиной ее радикализации. Таким образом, по истечению трех лет войны украинскую политическую линию на Волыне представляла наиболее экстремистская фракция националистической террористической организации, которую возглавляли незрелые рассерженные люди. Лебедю было 33 года, когда начались этнические чистки поляков.

Причины, 1939-1943 (2): умелые «чистильщики»

Одно дело предложить этническую чистку и совсем другое – найти людей, способных осуществить такую политику. Однако в конце марта 1943 г. волынской ОУН(б) удалось за несколько дней мобилизовать Украинскую повстанческую армию (УПА) и в том же месяце приступить к чистке поляков на Волыни. К концу апреля 1943 г. в составе УПА насчитывалось, вероятно, 10 тыс. бойцов, благодаря которым УПА ввергла большую часть Волыни в обоюдную резню. К июлю 1943 г. организация возросла до 20 тыс. бойцов, обретя, таким образом, возможность координировать действия на сотнях километров Волынской земли. Каким же образом подобные операции стали возможными?

²³ Torzecki R. Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy 1933-1945. Warszawa, 1972. P. 247. Немецкие доклады о некоторых из наиболее важных арестов воссозданы в: Літопис нескореної України: Документи, матеріали, спогади (у 2-томах) / Під. ред. Я. Ляльки. Т. 2. Львів, 1997. С. 79-97.

²⁴ Вітошинський Б. Українсько-польські взаємини в німецьких тюрмах і концтаборах // В боротьбі за українську державу / Під. ред. Марунчака М. Вінніпег, 1990. С. 160-162; Вінтоняк О. Про Авшвіц і як загинув Василь Бандера // Там же. С. 301, 305-306.

²⁵ Слова одного их биографов Лебеда: Панченко О. Микола Лебедь: життя діяльність і державно-правові погляди. Полтава, 2001. С. 67.

Первым актом стал распад традиционного общественного строя на Волыни. Грабежи жилищных владений и складов, убийства землевладельцев и евреев, а также сведение личных счетов стали следствием крушения польского государства в сентябре 1939 г. Общественному самоуничтожению потворствовала советская оккупационная политика, направленная на распознавание и устранение возможных очагов сопротивления²⁶. К лету 1941 г. образованные слои населения Волыни были отправлены в Сибирь или Центральную Азию. Хотя эти депортации были частью операций советского НКВД, их непосредственным осуществлением занималось местное ополчение, которое на Волыни состояло преимущественно из украинцев и в которое ОУН успешно внедрило своих членов. Отдельная ячейка ОУН действовала на Волыни начиная с 1934 г., а к 1939 г. организация создала небольшую сеть, включавшую недавних выпускников и студентов высших учебных заведений²⁷. Ввиду того, что ОУН редко прибегала к терроризму на Волыни в межвоенный период, многие из членов организации впервые познали, что такое насилие, во время советских депортаций поляков. Для украинских крестьян именно советская депортационная политика была первым уроком классового единства, национальной политики и возможности применения радикальных решений. По большому счету это было не настолько иронично, как может показаться: в 20-30 гг. XX века и коммунисты, и националисты видели связь между земельным и польским вопросами на Волыни²⁸.

Советская сельскохозяйственная коллективизация, начатая в 1939 г., хоть и не была завершена, поспособствовала воровству и коррупции. В 1941 г. нацисты начали управлять колхозами посредством своих собственных поселенцев. Администрация Рейхскомиссариата Украина под руководством Коха закрыла доступ украинцам к средней школе, и украинские подростки, не имея чем заняться, только и делали, что пили водку, чтобы скоротать время²⁹. Кох рассматривал Волынь как источник сырья, продовольствия и рабочей силы для принудительного труда. После того, как летом 1942 г. ему удалось достичь полного управленческого контроля, он объяснил свой политический курс следующим образом: «Народом этим необходимо управлять с помощью грубой силы, что должно помочь

²⁶ Gross. *Revolution from Abroad*. P. 35-44 ff.

²⁷ Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Bezpieczeństwa, Komunikat Informacyjny, 30 May 1932: AAN, MSW, syg. 1040. P. 47; Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Bezpieczeństwa, «O.U.N. - sprawozdanie Nr. 1 z 27.10.1934»: AAN, MSW, syg. 1252. P. 13, 29; Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Wydział Bezpieczeństwa, «O.U.N. - sprawozdanie Nr. 4 z 6.1.1935»: AAN, MSW, syg. 1252. P. 53.

²⁸ Использование националистической пропаганды коммунистами на Волыни ожидает своего исследования. Секретные доклады волыньских властей в Варшаву описывают низкоинтенсивное национальное насилие, которое организовывала Коммунистическая партия Западной Украины во второй половине 1930-х годов, особенно с приближением майских праздников. См. доклады за 1935-1938 гг., собранные в Akta sprawy Henryka Józewskiego, Wojskowy Sąd Regionalny, 1954, syg. 275/54, tom 2, Archiwum Państwowe miasta stołecznego Warszawy, временно находящиеся на хранении в Sąd Okręgowy w Warszawie, VIII, Wydział Karny, Sekcja Unieważnień.

²⁹ Berkhoff. *Hitler's Clean Slate*. P. 334. См. также: Gross. *Revolution from Abroad*. P. 45-50.

нам победить в текущей войне. Мы освободили его не для того, чтобы принести Украине процветание, но чтобы обеспечить Германию необходимым жизненным пространством и источниками питания»³⁰. Украинцам, вовлеченным в работу местных органов власти в селах и сельской местности, некоторое время удавалось отправлять в Рейх в качестве принудительной рабочей силы поляков, однако со временем им пришлось отправлять и собственно украинцев³¹. Для молодых украинцев служба в полиции была одной из немногих возможностей заработать денег и избежать вывоза в Германию.

В результате немецкой оккупационной политики украинцы Волыни стали свидетелями насильственных смертей огромных масштабов. С момента обоснования Эриха Коха в Ровно он находил удовольствие в постоянных публичных казнях – евреев во время *Aktionen* осенью 1941 г.; украинских и польских крестьян, усмиренных после настоящего или воображаемого сопротивления; советских военнопленных, которых морили голодом в лагере в нескольких сотнях метров от их рабочего места³². Отношение Коха к украинцам передает его известное высказывание: «Если мне попадется украинец, достойный сидеть со мной за одним столом, я должен буду отдать его под расстрел»³³. Во время первой волны уничтожения евреев мобильными *Einsatzgruppen* летом-осенью 1941 г. СС намеренно расстреливала евреев на глазах у украинского ополчения или вспомогательной полиции³⁴. Во время второй и последней волны (лето-осень 1942 г.) немцы привлекли существенно увеличенную украинскую полицию к осуществлению трудоемкой версии «окончательного решения».

В Рейхскомиссариате Холокост отличался от того, каким он был в Генерал-губернаторстве: тут не было ни железных дорог, ни газовых камер, были только короткие марши и расстрелы. В то время как совсем недалеко на юге, в Галиции, многие евреи погибли в газовых камерах, евреев Волыни расстреливали в ямах недалеко от дома. По воспоминаниям выжившего, «там, где мы жили, не было лагерей – они просто хватали людей и расстреливали их на месте»³⁵. Операция по уничтожению еврейских гетто в 1942 г. была спланирована СС, однако осу-

³⁰ Dallin A. *German Rule in Russia, 1941-1945: A Study of Occupation Policies*. L., 1957. P. 142; см. также: *Die deutsche Wirtschaftspolitik in den besetzten sowjetischen Gebieten, 1941-1943* / Ed. R.D. Müller. Boppard am Rhein, 1991. P. 626.

³¹ В городах гражданская администрация была преимущественно польской, однако полиция не питала никаких иллюзий относительно ее преданности: «в основном польское население настроено по отношению к немцам враждебно». *Meldung der Einsatzgruppen und -kommandos, «Lage und Stimmung in der West-Ukraine»*, 10 Apr. 1942, цит. по: *Літопис УПА. Перша серія*. Т. 21. Торонто, 1991. С. 119.

³² Местных жительниц, которые приносили пищу голодающим пленникам, часто избивали и даже расстреливали. См.: Berkhoff K. *The «Russian» Prisoners of War in Nazi-Ruled Ukraine as Victims of Genocidal Massacre* // *Holocaust and Genocide Studies*. 2001. Vol. XV. № 1. P. 2.

³³ Dallin. *German Rule in Russia*. P. 167. О его расистском отношении к украинцам см.: Reitlinger G. *The House Built on Sand: The Conflicts of German Policy in Russia, 1939-1945*. N.Y., 1960. P. 174-182.

³⁴ Hilberg R. *The Destruction of the European Jews*. N.Y., 1978. P. 202, 247, 250.

³⁵ Fortunoff Video Archive for Holocaust Testimonies, Yale University (далее FVA), Memoir T3237.

ществили ее около 1400 немцев и 12 тыс. украинских полицейских. Последние редко занимались непосредственно расстрелами, но они обеспечивали рабочую силу, которая привела 150 тыс. волынских евреев на поля смерти. В сельской местности полиция играла более важную роль, собственноручно убивая евреев³⁶. Лишь немногим евреям удалось выжить, убежав в лес либо найдя укрытие у украинских или польских семей³⁷.

Украинцы, служившие в немецкой вспомогательной полиции, принимали участие в «окончательном решении» весь ноябрь 1942 г., а в марте-апреле 1943 г. именно они составили костяк новобранцев только что созданной партизанской армии ОУН(б) – УПА. ОУН(б) приказала своим людям вступать в ряды вспомогательной полиции еще в 1941 г., а ее оперативные группы шли за немецкой армией по всей Украине. С увеличением численности вспомогательной полиции в 1942 г., обусловленном стремлением воплотить «окончательное решение», ОУН(б) начало проводить агитационную работу, вопрошая: «Кому принадлежит власть, если на пять немцев приходится пятьдесят [украинских] ополченцев?»³⁸.

В 1943 г. ОУН(б) удалось вернуть своих людей и даже привлечь многих полицейских на свою сторону. Это были обученные убивать люди, которые не просто получили навыки СС и принесли с собой оружие: они также имели необходимый опыт скоординированного убийства определенных категорий населения³⁹. ОУН(б) прямо взывало к этому опыту, равно как и к широко распространенной идеи, что украинцам суждено стать следующими: «Немцы прибегают ко всевозможным ухищрениям, чтобы сломить нас и они скоро сделают с нами то, что они сделали с евреями. Мы – не евреи, мы не умрем еврейской смертью»⁴⁰. Люди, влившиеся в ряды УПА, имели некое представление о еврейской смерти, ведь они сами приносили ее, когда служили в немецкой полиции. В скором времени материал усвоенных уроков будет применен к полякам.

³⁶ Archiwum Wschodnie, Ośrodek «Karta», Warszawa (далее AW), Memoirs 11/2451/6, II/2451/7; Żydowski Instytut Historyczny, Warszawa (далее ŻIH), Memoirs 301/5980/B, 301/3178, 301/2890, 301/2879; FVA, Memoir T903; Spector S. The Holocaust of Volhynian Jews, 1941-1944. Jerusalem, 1990. P. 172-83; Huneke D. The Moses of Rovno: The Stirring Story of Fritz Graebe, a German Christian who Risked his Life to Lead Hundreds of Jews to Safety during the Holocaust. N.Y., 1985. P. 64-93. Украинская вспомогательная полиция также участвовала в убийствах евреев в соседних областях.

³⁷ О том, как украинцы спасали евреев на Волыни, см.: FVA, Memoirs T1413, T1645, T2484.

³⁸ Meldung der Einsatzgruppen und -kommandos, «Lage und Stimmung in der West-Ukraine». P. 123.

³⁹ Dean M. The German Gendarmerie, the Ukrainian Schutzmannschaft and the «Second Wave» of Jewish Killings in Occupied Ukraine: German Policing at the Local Level in the Zhitomir Region, 1941-1944 // German History. 1996. Vol. 14. № 2. P. 179.

⁴⁰ Окружний Провід ОУН. У справі останніх подій на наших землях. Квітень 1943. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, Київ (далее ЦДАВО), 3833/1/87/1.

Причины, 1939-1943 (3): идеология и обстоятельства

После того, как мы уяснили, каким образом такой человек, как Лебедь, начал играть главенствующую роль в украинской политике, и каким образом появилась группа людей, способная воплотить его программу, целесообразно более пристально взглянуть на то, каким образом военные обстоятельства повлияли на ответ, выработанный украинскими националистами. Если мы опознаем некоторые постоянные факторы, это позволит установить и переменные.

Одним из постоянных факторов, унаследованных еще из довоенного периода, была идеология этнической однородности. ОУН была основана в 1929 г. как организация, стремящаяся к изгнанию всех оккупантов с украинской земли⁴¹. Толчком к ее становлению было недовольство уничтожением Западно-Украинской Народной Республики, которое совершила Польша в 1919 г. Именно поэтому типичным членом организации был польский гражданин родом из Галиции. С 1939 г. еще одной постоянной военной проблемой стала озабоченность возможным восстановлением польского государства. Обе группировки ОУН понимали, что по окончании войны Польша не оставит Волынь и Галицию добровольно⁴². Будучи поборниками идеи независимой Украины, которая включала бы в свой состав и эти земли, украинские националисты понимали, что переговоры с поляками во время войны не принесут им ничего хорошего. ОУН(б) и ОУН(м) полагали, что ситуация была бы урегулирована сама по себе в случае перемещения населения в обоих направлениях. Этнические чистки Гитлера придали националистам решимость, и в 1941 г. ОУН(м) предложила Армии Крайовой – польскому движению Сопротивления, боравшемуся против нацистской оккупации, – «добровольное» переселение, «на подобии немецкого эксперимента»⁴³. Предложение было отвергнуто, но сам факт его выдвижения свидетельствует о важности немецкого прецедента.

⁴¹ Мірчук. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. С. 93.

⁴² Польское правительство в Лондоне знало, что для удержания региона после войны потребуется «вооруженная оккупация» Волыни. Meldunek specjalny – Sprawa ukraińska. Rowecki Sikorskiemu. 15 November 1941 // Studium Polski Podziemnej. L., VI/3.1.1.1.1. См. также: Przynależność ziem wschodnich do Rzeczypospolitej Polskiej, zesz. A.9.V., tecz. 39; и «Тайне», 3 Aug. 1943, zesz. A.9.V., tecz. 34, Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Archiwum Muzeum Polskiego, London.

⁴³ Это предложение выдвинул Владимир Кубийович. См.: Льюшин. ОУН-УПА і українське питання в роки Другої світової війни. С. 48. Некоторые поляки, хорошо ознакомленные с украинскими политическими процессами, рассматривали возможность предпринять похожие шаги. См. напр.: Zagadnienie ukraińskie: BUW, DR, syg. 155. В этом документе автор, очевидно занимавший правительственный пост во время режима Санации (30-е годы XX в.), предлагает депортацию 500 тыс. украинцев из послевоенной Польши в ее довоенных границах: «во время этой войны сами немцы продемонстрировали, каким образом можно сделать подобные вещи. Не говоря уже о советских практиках. Если нам довелось жить во времена, когда гордиев узел можно только разрубить ножом, то нет иного выхода, кроме как умело применить эти спасительные меры к нашей ситуации». Примером в данном случае служит не поголовное уничтожение евреев, а немецкие (и советские) этнические чистки.

Последовательная в своем радикализме ОУН(б) интерпретировала партийную программу в более решительном, чем ОУН(м), ключе, а потому и следовала более жесткой линии поведения. Она решила действовать на опережение и вытеснить поляков из Западной Украины до завершения войны, ведь этот шаг упредил бы возвращение польского государства. Вышедшая непосредственно перед вторжением немцев в СССР, в мае 1941 г., Директива ОУН(б) оперативным группам указывала, что желательно вытеснить «поляков, которые не отказались от своих стремлений восстановить Великую Польшу за счет украинских земель, из западных украинских регионов»⁴⁴. К 1941 г., испытав советскую оккупацию, ОУН(б) перестала воспринимать поляков как основного противника; но тем не менее организация продолжала настаивать, что их необходимо вытеснить как возможных союзников советской власти. К тому же ОУН(б) с большей готовностью, чем ОУН(м) убивала украинцев для достижения своих целей, что в совокупности с другими средствами обеспечило ей к 1943 г. монополию на политическую жизнь на Волыни⁴⁵.

Еще одно важное стратегическое отличие ОУН(б) и ОУН(м) имело отношение к сотрудничеству с немцами. В 1939 г. тогда еще единая ОУН сотрудничала с Германией ради достижения своих политических целей. Но в 1943 г., после немецкого поражения под Сталинградом, взгляды двух группировок относительно политической целесообразности подобного сотрудничества разошлись. ОУН(м) стояла на более выжидательной позиции в Галиции, продолжая сотрудничать с Германией несмотря на ранние разочарования. Весной 1943 г. ОУН(м) поддержала создание Дивизии СС «Галиция»⁴⁶. ОУН(б), однако, осознавала, что на Волыни исходные данные сотрудничества с немцами были иными: в то время, как генерал-губернатор Франк поддержал создание дивизии войск СС в Галиции, рейхскомиссар Кох воспринял поражение под Сталинградом как причину усилить давление на украинское население на Волыни⁴⁷. По сути, методы ОУН(м) лучше работали в Галиции, а подход ОУН(б) соответствовал условиям на Волыни.

⁴⁴ Боротьба і діяльність ОУН під час війни. Травень 1941. ЦДАВО, 3833/3/1/60. Перевод и об-суждение в: Berkhoff K., Carynnyk M. The Organization of Ukrainian Nationalists and its Attitude toward Germans and Jews: Iaroslav Stets'ko's 1941 *Zhyttiepyis* // Harvard Ukrainian Studies. 1999. Vol. XXIII. №№ 3-4, цитата на С. 153.

⁴⁵ Вопрос убийств украинцев УПА ожидает своего исследователя. Для того, чтобы сложилось впечатление о масштабах событий, см.: Літопис УПА. Друга серія. Т. 2. Київ–Торонто, 1999. С. 312. О тактике по отношению к ОУН(м) см.: ЦДАВО 3833/1/94/1; ЦДАВО 3833/1/225/6-1. См. также: Berdychowska, Hnatiuk. Bunt pokolenia. P. 37.

⁴⁶ Hunczak T. On the Horns of a Dilemma: The Story of the Ukrainian Division Halychyna. Lanham, 2000. P. 5-9; Kosyk W. L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. Paris, 1986. P. 369. Созданная в апреле 1943 г. дивизия Ваффен-СС «Галиция» была одной из приблизительно двадцати ваффен-формаций СС, в состав которых входили европейцы, не бывшие немцами: Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg, 1939-1944. Frankfurt am Main, 1977. Vol. 1. P. 387-393.

⁴⁷ Dallin. German Rule in Russia. P. 156.

Когда в июне 1942 г. советские партизаны начали свои рейды, на Волынь набежала тень третьей оккупации. Осенью 1942 г. по меньшей мере шесть различных партизанских отрядов проникли на Волынь с территории Беларуси или восточной Украины. Хотя советские партизаны и назывались «движением», их деятельностью, представлявшую из себя четко регулируемую пропаганду действием, руководил «центральный штаб». Полковник Антон Бринский, офицер Разведывательного управления Красной армии, получивший впоследствии награду Героя Советского Союза, был руководителем партизан в Украине, известным под кличкой «дядя Петя».

ОУН(б) с опаской осознала, что успехи советских партизан могут иметь важнейшее пропагандистское значение для привлечения украинцев к партизанской борьбе под советским командованием⁴⁸. Более того, после акций советских партизан жертвой немецких репрессий становилось украинское гражданское население Волыни, особенно его образованные представители. Эти репрессии уничтожали возможную украинскую оппозицию ОУН(б), способствовали радикализации украинского общества и принуждали людей, переживших карательные операции, искать убежище в лесу⁴⁹. Возмущенные действиями немцев и лишенные возможности выбора, как выжившие, так и члены вспомогательной полиции могли вливаться в советские партизанские отряды. В 1942 г. две националистические организации, первоначальная УПА Тараса Бульбы-Боровца и ОУН(м), решили воспользоваться благоприятными особенностями ландшафта на Волыни. Активисты местной ОУН(б), к своему негодованию, были оставлены не у дел.

А затем Сталинград существенно поднял ставки. После победы советских сил 2 февраля 1943 г. все больше партизан-коммунистов проникали на Волынь. 10 февраля 1943 г. Украинский штаб партизанского движения приказал начать новые операции на Волыни⁵⁰. В ответ ОУН(б) 17-21 февраля организовала встречу, по результатам которой было принято решение создать националистическую партизанскую армию⁵¹. ОУН(б) стремилась как можно дольше отстрочить формирование своей собственной армии, чтобы таким образом относительно обез-

⁴⁸ Для наглядного примера советской партизанской агитации см.: Бринский А. По той бік фронту: спогади партизана. В 2-х томах. К., 1976-1978. Т. 1. С. 326. О разведывательной деятельности ОУН(б) против советских партизан см.: ЦДАВО 3833/1/87/2-33. Поляки на Волыне также отмечали это новое беспокойство местных украинских националистов: AW, Memoirs II/1321/2k и II/1328/2k.

⁴⁹ Краткое описание их бедствования см.: Kamenetsky I. Hitler's Occupation of Ukraine, 1941-1944: A Study of Totalitarian Imperialism. Milwaukee, 1956. P. 35-50.

⁵⁰ Содержание: о выходе в новый район действий Волынского партизанского отряда. № 0013. 10 февраля 1943 г.; Содержание: о выходе в новый район действий Ровенского партизанского отряда. № 0012. 10 февраля 1943 г. // Білас І. Репресивно-каральна система в Україні. К., 1994. С. 367-369.

⁵¹ Постанови III-ї Конференції Організації Українських Націоналістів Самостійників Державників. 17-21 лютого 1943 р. // ОУН в світлі постанов Великих Зборів. Б.м., 1955. С. 81-83, 88. Несмотря на общую ненадежность данного источника, в этом случае он приводит доказательства, которые отрицают более позднее мифотворчество ОУН, и подтверждает другие источники.

опасить своих людей от немецкой полиции и подпольщиков и позволить Вермахту и Красной армии истощить друг друга в войне⁵². Однако после Сталинграда тенденция комплектации личного состава советских партизан из местного населения заставила действовать быстрее. ОУН(б) стремилась предоставить выбор «тем представителям украинской нации, которые в ином случае могли просить защиты от немецкого империализма у Москвы»⁵³. Лебедь, предусмотревший подобную возможность в 1942 г., начал подготовительные работы. Обладавшие военным опытом галичане, такие как Роман Шухевич, направились на Волынь. Для 35-летнего Шухевича идея сотрудничества с немцами исчерпала себя: ему удалось бежать, когда в январе 1943 г. немцы распустили его 201-й батальон шуцманшафта и арестовали всех офицеров. Теперь он искал пост, который бы соответствовал его чину и опыту⁵⁴.

Поражение немцев под Сталинградом повлекло незамедлительные местные последствия в Западной Украине. Предвосхищая грядущую третью оккупацию и побуждаемая переменами в местном балансе сил, ОУН(б) видоизменила свою общенациональную стратегию. Это была именно стратегия, ведь даже наиболее убежденные националисты осознавали, что создание армии требовало чего-то большего, чем идейной убежденности. Каждый хороший партизанский предводитель должен внимательно относиться к политической переменчивости потенциальных бойцов. Можно было бы допустить, что человек, вступивший в ряды коммунистической армии, никогда не станет на сторону националистов, однако события 1943 г. опровергали предположение, что идеологические убеждения определяют выбор людей, которые шли в партизанские отряды. (Отличным примером служит украинский полицейский, спасший еврейскую девочку из ямы смерти, и перешедший к советским партизанам⁵⁵.) Предводители как националистических, так и советских партизан были правы, когда полагали, что им удастся привлечь украинских полицейских, состоявших на немецкой службе, на свою сторону. В начале 1943 г. командиры просто стремились мобилизовать кадры призывного возраста, пока этого не сделал кто-то другой.

⁵² Красвий Провід ОУН. Провокації. Листопад 1942 р. ЦДАВО 3833/1/86/6; Партизанка і наше становище до неї. Червень 1942 р. ЦДАВО 3833/1/87. См. также: Ільюшин І. Протистояння УПА і АК (Армії Крайової) в роки Другої Світової війни на тлі діяльності польського підпілля в Західній Україні. К. 2001. С. 128.

⁵³ Постанови III-ї Конференції Організації Українських Націоналістів Самостійників Державників. 17-21 лютого 1943 р. // ОУН в світлі постанов Великих Зборів. Б.м., 1955. С. 82. Волынь была предметом особого волнения, см.: Панченко. Микола Лебедь. С.75.

⁵⁴ Воспоминания таких офицеров приведены в: Макар В. Північно-західні українські землі. Квітень 1943. Цит. по: Літопис УПА. Перша серія. Т. 5. Торонто, 1985. С. 15; Грабенко. В рядах УПА на Костопільщині // Там же. С. 68; Новак В. Північно-західна округа Турів // Там же. С. 96; Сорока С. Підгаєцька сотня УПА на Волині // Там же. С. 138; Петренко Р. Перші бойові відділи УПА. Літопис УПА. Перша серія. Т. 27. Торонто, 1997. С. 75-76. О Шухевиче см.: Encyclopedia of Ukraine. 5 vols. Toronto, 1993. Vol. V. P. 680-681.

⁵⁵ ŽIH, Memoir 301/2879.

Они понимали, что сочетание идеологической обработки и непосредственного опыта убийств смогут превратить аполитичных крестьян в надежных и даже преданных бойцов. Даже если жители Волыни и вливались в ряды различных партизанских формирований для того, чтобы выжить, опыт проживания в лесах и опыт боя формировал или усиливал политическую преданность, пусть даже наиболее экзистенциально безнадежного и интеллектуально убогого характера. Эскалации присущи ее собственные правила и ее собственная логика, а за одним видом преданности следует другой – как это показывают события 1943 г. на Волыни.

Национальное восстание, март 1943

Уже упоминавшийся полковник Красной армии Антон Бринский припрятал в рукаве парочку трюков. В 1942 г., после создания советского партизанского отряда на Волыни, ему удалось привлечь нескольких украинцев, работавших в Ровно в администрации Коха, в качестве лазутчиков. В марте 1943 г. он прибегнул к излюбленному оружию советских партизан – провокации, – намеренно позволив узнать немцам о своих связях с украинскими полицейскими. Он рассчитывал, что немцы расстреляют подозреваемых, а остальные украинцы сбегут в лес, где присоединятся к его отряду. Время для акции было выбрано идеально: немцы только что увеличили квоту принудительной рабочей силы для Рейхскомиссариата Украина, и многие украинские полицейские считали охоту на принудительных рабочих отвратительным занятием. План Бринского удался наполовину. В середине марта 1943 г. немцы начали проводить карательные операции, а украинцы начали оставлять занимаемые посты в полиции. Однако ОУН(б), которая была значительно лучше организованной, чем об этом был осведомлен Бринский, удалось приспособиться к новым правилам игры⁵⁶. Члены ОУН(б), проникшие в ряды вспомогательной полиции, поднимали восстания в полицейских участках и уводили служащих в лес⁵⁷. Вместо того, чтобы присоединиться к советским пар-

⁵⁶ Впервые тезис о провокации Бринского выдвинул, на основании белорусских архивных документов, Г. Мотыка: *Motyka G. Lachów usunąć! // Gazeta Wyborcza. 13-14 kwietnia 2002 г. (С. 3 в электронной версии)*. Позже Мотыка более основательно разработал свой тезис: *Motyka G. Sowiesi a konflikt polsko-ukraiński // Tygiel narodów: stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939-1953 / Ed. K. Jasiewicz. Warszawa, 2002*. Я выражаю свою благодарность Г. Мотыке за то, что он позволил мне ознакомиться с рукописями его статей для этого сборника (цитируемые здесь и в сноске 67). См. также: Льюшин. Протистояння УПА і АК. С. 127. Читателям, которым кажется, что советские партизаны были не способны на подобные изощренные хитрости, следует обратиться к труду Дж. Армстронга: *Armstrong J. Soviet Partisans in World War II. Madison, 1964*.

⁵⁷ Позже сформировалось убеждение, будто ОУН(б) планировала создать УПА именно в это время, и ее люди просто ответили на призыв, тотчас же оставив отряды немецкой полиции. Однако документы ОУН(б) того времени больше соответствуют тезису про подготовку-

тизанам, недавние полицейские вливались в ряды тотчас провозглашенной УПА. Таким образом, благодаря провокации Бринского УПА получила свою первую существенную волну новобранцев.

Конечно, это была случайность, однако к ней украинские националисты были готовы. К 20-му марта Главнокомандующий Украинской повстанческой армией Роман Шухевич подготовил плакаты, объявлявшие о создании УПА и ее задании – борьбе против немецкого и русского империализма⁵⁸. Приток новобранцев в конце марта раззадорил националистов, которым захотелось привлечь и остальных полицейских. 4 апреля ОУН(б) пригрозила смертью («революционными трибуналами») всем украинцам, которые останутся на немецкой службе⁵⁹. По приблизительным подсчетам одного офицера УПА, «примерно половину» людей, которые присоединились к организации в первые дни, к этому принудили⁶⁰. В начале апреля к УПА примкнули еще сотни (вероятно, даже несколько тысяч) полицейских. В то время руководитель немецкой полиции сокрушался, что он теряет подразделение за подразделением⁶¹. Эти люди составляли костяк немецкой администрации, а их уход ослабил немецкую власть в сельской местности на Волыни. УПА также нападала на аванпосты немецкой полиции, чем ограничивала немецкую власть в городах⁶². Оружие, предоставленное немцами, обернулось против них. Немецкая полиция увязла в болотах на севере, немецкая армия была далеко на востоке (в марте СССР отбил Харьков), а гражданская администрация Коха в Ровно насчитывала лишь 252 человека. Как бы кто не оценивал действия УПА, это был редкий пример, когда повстанцы удачно воспользовались малочисленностью немецких оккупационных сил.

ОУН(б) не стремилась развернуть полномасштабную войну против немцев, поскольку после Сталинграда ее руководители полагали, что Красная армия вытеснит немцев с территории Украины. Украинские националисты рассматривали противостояние с немцами в качестве подготовки к более тяжелой грядущей со-

провокацию. Окружний Провід ОУН. У справі останніх подій на наших землях. Квітень 1943. ЦДАВО 3834/1/1; Новицький С. У змаганнях за волю волинської землі // Літопис УПА. Перша серія. Т. 5. Торонто, 1985. С. 169. См. также: Хвиля Г. У лавах УПА на Волині // В рядах УПА / Під. рід. П. Мірчука та В. Давиденка. N.Y., 1957. С. 30-32. Обширный корпус мемуаров и псевдо-мемуаров посвящен обсуждению происхождения УПА, напр.: Заведнюк В. На півночі, на Волині створилась армія УПА. Тернопіль, 1996.

⁵⁸ Польова команда Української Повстанчої Армії. 20 березня 1943. ЦДАВО, 3833/1/86/17.

⁵⁹ Кентій А. Стратегія і тактика українських націоналістів // Проблема ОУН-УПА / Під. ред. С. Кульчицького. К., 2000. С. 56.

⁶⁰ Макар. Північно-західні українські землі. С. 23.

⁶¹ Vändertätigkeit im Bereich des Befehlshabers d. SP u. d. SD Ukraine. 9 Apr. 1943, цит. по: Літопис УПА. Перша серія. Т. 21. Торонто, 1991. С. 169. Польские и украинские первоисточники и вторичная литература утверждают, что 5 тыс. случаев дезертирства было в марте, а в апреле – еще 5 тыс. Цифры, вероятно, преувеличены. Готовящаяся к публикации работа Рея Брэндона использует немецкие источники и должна внести ясность в этот запутанный вопрос.

⁶² Kosyk. L'Allemagne national-socialiste et l'Ukraine. P. 331-339, 358-362.

ветской оккупации⁶³. Местные военачальники на Волыни увидели хорошую возможность вытеснить поляков. Создание армии подразумевало, что немцы утратят власть на Волыни, однако по представлениям националистов украинские интересы требовали устранения поляков⁶⁴. Пока Красная армия все еще находилась на расстоянии сотен километров, а немцы уже не составляли серьезной угрозы, времени было предостаточно. По сути, командирам УПА – как всем руководителям партизанских отрядов – необходимо было чем-то занять свои войска, чтобы не потерять их. С приближением Красной армии поляков можно было представить в качестве союзником будущих оккупантов, а потому относиться к ним как к самой крупной группе «нежелательных элементов», от которой необходимо избавиться, пока есть время. Однако местную мотивацию руководителей ОУН(б) не следует сводить исключительно к стратегии или даже тактике. Они оказались в новой для себя ситуации – ситуации, полной угроз и возможностей.

Весьма вероятно, что Шухевич увидел возможность улучшить собственный статус в ОУН(б). Война выносит военных на передний план, поэтому в конце апреля 1943 г., на срочно созванном заседании Провода ОУН(б), Шухевич и его союзники сменили Лебеда⁶⁵. Схожим образом восстание на Волыни придало значимость роли местных активистов. До войны Ростислав Волошин был застенчивым студентом, ответственным за небольшую волынскую сеть ОУН. Весной 1943 г., когда начались этнические чистки, он стал заместителем Шухевича и контролировал местные отряды службы безопасности УПА. К лету 1943 г., после того, как его отряды произвели чистку поляков на Волыне, он достиг зенита политического влияния в ОУН(б)⁶⁶. Судя по всему, руководство ОУН(б) на Волыни начало этнические чистки поляков по собственной инициативе, без приказа сверху. Решение о создании партизанской армии было принято руководством ОУН(б) в феврале, первые бойцы появились в результате советской провокации в марте, но решение применить недавно созданную УПА против поляков было, вероятно,

⁶³ Постанови III-ї Конференції Організації Українських Націоналістів Самостійників Державників. 17-21 лютого 1943 р. // ОУН в світлі постанов Великих Зборів. Б.м., 1955. С. 82.; см. также: Чернетка постанов засідання проводу ОУН про відношення до російського народу і національних меншостей. ЦДАВО, 3833/1/38/2.

⁶⁴ Омелюсік М. УПА на Волині в 1943 році // Літопис УПА. Перша серія. Т. 1. Торонто, 1976. С. 23-26; Волошин Р. На шляхах збройної боротьби // Літопис УПА. Перша серія. Т. 2. Торонто, 1977. С. 19-24; Макар В. Північно-західні українські землі // Літопис УПА. Перша серія. Т. 5. Торонто, 1984. С. 15. См. также: Niemcy a UPA: dokumenty // Karta. 1997. XXIII. Проведенные позже советские допросы партизан УПА судя по всему подтверждают наличие приказа убивать поляков. См. напр.: Протокол допроса И. Яворского. 14 апреля, 1944. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. R-9478. О. 1. Д. 398. Копии файлов этого фонда были предоставлены Джеффри Бёрдсом.

⁶⁵ Мотука. Lachów usunąć! С. 2 в электронной версии; Панченко. Микола Лебедь. С. 69.

⁶⁶ О его роли в межвоенное время см.: Ministerstwo Spraw Wewnętrznych, Udział Bezpieczeństwa. O.U.N. – Sprawozdanie doraźne № 2. 16 listop. 1934: AAN, MSW, syg. 1152. Р. 43. О его роли в военное время см.: Torzecki. Polacy i ukraińcy. Р. 238, 240; Панченко. Микола Лебедь. С. 78.

инициативой снизу⁶⁷. ОУН(б) питала пристрастие к стратегии ставить всех перед свершившимися фактами. Стремительная чистка поляков была именно свершившимся фактом, перед которым волынские активисты поставили всю организацию.

Поляки на Волыни пребывали в чрезвычайно уязвимом, даже беззащитном, положении. На момент начала чисток соотношение поляков и украинцев на Волыни составляло, возможно, 1:5. Никто не был готов к неожиданному применению организованного насилия людьми, вышколенными Лебедем в службе безопасности, немецкой полицией, или же и теми, и другими. В первые дни налетов (конец марта – начало апреля 1943 г.) УПА убила около 7 тыс. безоружных мужчин, женщин и детей. Показания всех очевидцев относительно общей формы этих событий совпадают. Советские партизаны в замешательстве отступали, сообщая, что УПА предприняла попытку «полного уничтожения поляков в Украине»⁶⁸. Глава немецкой полиции отметил отступление советских партизан и приписал продолжающиеся налеты на польские поселения УПА⁶⁹. Наиболее ранний доступный доклад УПА описывает захват польского села: «две третьих всех зданий сожжено, бой длился несколько часов, поляки оценивают, что потеряли убитыми 500 человек»⁷⁰.

На протяжении апреля по всей Волыни бойцы УПА окружали поселения колонистов и села, сжигали дома, силой загоняли в них или расстреливали тех, кто пытался спастись⁷¹. В поселениях со смешанным населением служба безопасности УПА ночью извещала украинцев, что необходимо покинуть поселок, и убивала всех оставшихся на заре⁷². Это было координированное нападение вооруженных людей на неорганизованных представителей национального меньшинства. Советские депортации уничтожили светские элиты и католических священников, а молодежь была вывезена на принудительные работы в Германию. И

⁶⁷ Motyka G. *Ukraińscy a konflikt polsko-ukraiński // Tygiel narodów: stosunki społeczne i etniczne na dawnych ziemiach wschodnich Rzeczypospolitej 1939-1953 / Ed. K. Jasiewicz. Warszawa, 2002.* Восстание УПА на Волыни не столько заменило, как дополнило тактику ОУН(б). В 1943 г. активистам на Волыни (в первую очередь – Шухевичу) необходимо было привести убедительные доводы, что время уйти с немецкой службы для открытой борьбы с врагами во имя украинской нации уже действительно пришло.

⁶⁸ Строкач Мартынову: спецсообщение о деятельности украинских националистов // Білас. Репресивно-каральна система в Україні. С. 383. Другие доклады написаны в том же духе: Выписка из разведсводки штаба партизанских отрядов Житомирской области. 27 апреля 1943 г. // Сергійчук. ОУН-УПА в роки війни. С. 31. Выписка из разведсводки № 6 штаба партизанских отрядов Житомирской области. 25 мая 1943 г. // Там же. С. 55.

⁶⁹ *Vandentätigkeit im Bereich des Befehlshabers d. SP u. d. SD Ukraine. 9 Apr. 1943*, цит. по: Літопис УПА. Перша серія. Т. 21. Торонто, 1991. С. 170.

⁷⁰ Макар В. Північно-західні українські землі // Літопис УПА. Перша серія. Т. 5. Торонто, 1985. С. 20. Факт, что потери украинцев «невелики», свидетельствует, что это была именно этническая чистка, в ходе которой поляки оказали некое сопротивление, а не боевое столкновение двух вооруженных отрядов.

⁷¹ Польские воспоминания о этих первых нападениях см.: AW, *Memoirs II/36, II/2667, 1/594, II/1328/2k.*

⁷² Протокол допроса В. Ступака. 30 сентября 1944, ГАРФ R-9478/1/398.

тем не менее поляки, которым удалось выжить после первых налетов, находили возможности для самозащиты и мести. Один украинский писатель вспоминает дилемму, вставшую перед поляками: «они искали нечто нейтральное, но ничего нейтрального тогда не было»⁷³.

Сотрудничество ради мести, апрель-июль 1943

Поляки начали присоединяться к советским партизанам. Табу, порожденное опытом советского владычества 1939-1941 гг., было разрушено, ведь требования настоящего превозмогли обиды прошлого. ОУН(б) благодаря созданию УПА удалось удержать своих людей и не дать им присоединиться к советским партизанам, однако деятельность УПА подтолкнула поляков именно к этим коммунистическим формированиям. Около 5-7 тыс. поляков и еще 900-1,5 тыс. переживших «окончательное решение» евреев влились в ряды советских партизан на Волыни в 1943 г. По воспоминаниям одного выжившего еврея весной 1943 г. «к нам присоединилось пятнадцать поляков. Они оставались с нами четыре-пять месяцев, за это время мы четырежды вступали в бой с бандеровцами [УПА]. Каждый раз обе стороны несли потери». Неподалеку действовала еще одна небольшая партизанская группа, состоявшая преимущественно из поляков, однако там были также еврейки⁷⁴. Советское командование брало такие группы под свой контроль, оставляя, по-видимому, поляков и евреев в численном превосходстве в советских партизанских отрядах на Волыни. В одном номинально польском советском партизанском отряде (соединение «Еще Польша не погибла») еврейская пара, муж и жена, занимали пост командира и главы отдела прессы и пропаганды соответственно⁷⁵. Было бы ошибочным полагать, будто простые бойцы вливались в ряды советских партизан по идеологическим убеждениям. Местные евреи оказывались в лесах, чтобы «идти бороться с немцами», для этого они нуждались в оружии, а потому у них практически не было выбора, кроме как присоединиться к советским отрядам⁷⁶. Полякам участие в советских партизанских формированиях предоставляло возможность подавлять украинские села, где, по их мнению, находили убежище националисты⁷⁷. Это усложняло задачу УПА на

⁷³ Berdychowska, Hnatiuk. Bunt pokolenia. P. 36.

⁷⁴ ŽIH, Memoir 301/5980/B.

⁷⁵ Елисаветский С. Полвека забвения: Евреи в движении Сопротивления и партизанской борьбе в Украине (1941-1945). К., 1998. С. 86, 392; Spector. The Holocaust of Volhynian Jews. P. 323, 325; Motyka G., Wnuk R. Pany i rezuny: współpraca AK-WiN i UPA, 1945–1947. Warszawa, 1997. P. 58.

⁷⁶ FVA, Memoir T0927. См. также воспоминания Моше Гильденмана в: They Fought Back: The Story of Jewish Resistance in Nazi Europe / Ed. Yuri Suhl. N.Y., 1967. P. 261-274.

⁷⁷ AW, Memoirs II/1350/2k, II/1328/2k. Несомненно, все, кто присоединялись к советским партизанам, поддавались идеологической обработке. Напр. полякам внушали, что массовое убийство

Волыни, но с другой стороны и делало ее легче. Усложняло, поскольку теперь УПА необходимо было считаться с советско-польским сотрудничеством, которое УПА намеревалась предотвратить. Делало легче, ведь отныне чистка поляков приобрела оперативную и пропагандистскую значимость, став частью более важной борьбы УПА против советских сил⁷⁸.

Поляки также покидали сельскую местность и переезжали в города, где под немецкой защитой создавали отряды самообороны. Нападая одновременно на немецкую администрацию и польское население, УПА подтолкнула их друг к другу. К тому же, во время этнических чисток в сельской местности УПА убивала не только польских крестьян, но и евреев, переживших уничтожения гетто, таким образом принудив их спасаться бегством на территориях, подконтрольных немцам⁷⁹. (Около 98,5% волыньских евреев погибло⁸⁰. Такая необычайно высокая смертность объясняется двумя факторами. Во-первых, относительно мало волыньских евреев было депортировано советскими властями в 1939-1941 гг. в сравнительно безопасные Казахстан и Сибирь. Во-вторых, налеты УПА на польские села в 1943 г. уничтожили большую часть доступного убежища.) Однако некоторые евреи выжили в подконтрольных немцам городах и даже сражались в польских отрядах самообороны⁸¹. Эти отряды отваживались выходить из городов и мстить украинским националистам и украинским селам. Время от времени польские отряды самообороны сотрудничали с немецкой полицией или советскими партизанами, организовывая налеты на украинские села⁸². Полковник Бринский, руководитель советских партизан, с нежностью вспоминал, как ему довелось сражаться бок о бок с молодым польским священником, отцом Марьяном, состоявшим в отряде самообороны из Гуты Степаньской⁸³.

Поляки, которым удалось пережить первую волну налетов, неистовствовали в своем желании мести, ведь они видели, как горели их дома и как убивали их семьи – убивали ужасающими способами. Один польский историк подытожил их настроения следующим образом: «Убийство считалось добродетелью, молодые

польских офицеров в Катыни, о котором стало известно в апреле 1943 г., было совершенно не Советским Союзом, а немцами.

⁷⁸ Советские партизаны быстро оправались от неожиданности появления УПА. К лету 1943 г. они были осведомлены, что УПА рассматривает их – а не немцев – в качестве главного противника, и подготовили хитроумные мероприятия контрразведки. См.: Новиков М. Разведанные о националистах, посл. 10 сентября 1943 г. // Сергійчук В. Радянські партизани проти ОУН. К., 2000. С. 28.

⁷⁹ FVA, Memoirs T640, T1117. По меньшей мере один раз польский крестьянин, укрывавший еврея, был схвачен немцами после бегства в город: AW, Воспоминания Вероники Машевской, некаталогизированно. Иногда поляки и евреи вместе убегали в лес: ŻIH, Memoir 301/3178.

⁸⁰ Spector. The Holocaust of Volhynian Jews. P. 358.

⁸¹ О самозащите см.: AW, Memoirs II/1356/2kw, II/1350/2k, II/1363, II /737. О евреях в Паньской Долине летом 1943 г. см.: AW, Воспоминания Ольгерда Ковальского, некаталогизированно. О евреях в Пжебраже летом 1943 г. см.: Spector. The Holocaust of Volhynian Jews. P. 260.

⁸² Примеры двух типов сотрудничества см. в: AW, Memoirs II/1350/2k and II /737. Список представлен в: Льюшин. Протистояння УПА і АК. С. 156-157.

⁸³ Бринський. По той бік фронту. Т. 2. С. 136-137.

мужчины, потерявшие всех своих близких, делали зарубки на винтовках, отмечая количество своих жертв». Он продолжает: «В борьбе против УПА действовал принцип "пленных не брать". Не щадили даже невооруженных»⁸⁴.

Дела обстояли многим хуже: в апреле 1943 г. немцы призвали приблизительно 1200 поляков на службу в полицию, чтобы восполнить потерю украинских дезертиров. Мотивы поляков были личными и местными – они стремились защитить себя или отомстить⁸⁵. Однако после мобилизации путь назад был закрыт: шестьдесят человек, пытавшихся уйти со службы 10 апреля 1943 г., были впоследствии расстреляны. Впрочем, несмотря на все личностные мотивы, подобная реакция на налеты УПА приблизила роковую эскалацию. Теперь поляки помогали немецкой полиции, умиряя украинские села. К июлю 1943 г. батальон польской вспомогательной полиции был отправлен на Волынь для подавления украинских сел. Это был 202-й батальон шцуманшафта, единственное польское подразделение, укомплектованное галицкими поляками, до перевода на Волынь служившими в Беларуси. Его появление усилило впечатление украинцев, что на Волыни поляки сотрудничали с кровожадной немецкой полицией⁸⁶. Бойцы батальона утверждали, что несмотря на дезертирства в марте-апреле вспомогательная полиция была преимущественно украинской, и украинцы на немецкой службе умиряют села, дающие приют советским партизанам, – села, которые часто оказывались польскими. Итак, украинцы в рядах немецкой полиции подавляли польские села, а поляки в рядах немецкой полиции подавляли украинские села. Все служили в немецкой полиции, все были призваны восстановить порядок и противодействовать советскому вторжению, но лишь немногие не поддались искушению интерпретировать свой опыт в национальных терминах.

Спустя месяц после того, как в апреле 1943 г. УПА начала избиение поляков, польские отряды самообороны платили той же монетой, равно как и советские партизаны, и немецкие полицейские. Вероятно 10 тыс. украинцев были убиты польскими отрядами самообороны, советскими партизанами и немецкими полицейскими на протяжении 1943 г. Хотя людей не убивали во имя польской нации, а количество погибших украинцев было в пять раз меньше польских жертв, однако этого хватило для стойкого впечатления огромных бессмысленных страданий и жестокости⁸⁷. УПА получила новых новобранцев. Одна украинская женщина перед гибелью в Аушвице вспоминала: «Я ушла в лес, чтобы отомстить за свою семью»⁸⁸. Личные утраты создавали возможности для политической пропаганды. Памфлеты, плакаты, пресса ОУН(б) и УПА обвиняла поляков в пособни-

⁸⁴ Romanowski W. ZWZ-AK na Wołyniu 1939-1944. P. 181-182, 183. См. также: Літопис УПА. Перша серія. Т. 2. Торонто, 1977. С. 192-194.

⁸⁵ См.: АW, Memoirs II /737, II /996, II/1371/2k.

⁸⁶ Мотука. Так було в Bieszczadach. P. 118-123; Льюшин. ОУН-УПА і українське питання. С. 67-69.

⁸⁷ Обр. к: Нгусиук. Straty ludności na Wołyniu w latach 1941-1944. P. 272.

⁸⁸ Фроляк-Еляшевська О. Ганна з волинських лісів // В боротьбі за українську державу / Під ред. М. Марунчака. Вінніпег, 1990. С. 772.

честве одновременно нацистским и советским оккупантам. Для отстраненного наблюдателя подобное обвинение выглядит странным: в 1939 г. именно эти две силы поделили Польшу, а в 1943 г. польское Движение Сопротивления сражалось против немцев, с тревогой ожидая последствий советской победы. Однако для украинского крестьянина на Волыни, не особо искушенного в тонкостях международных отношений, однако претерпевшему от налетов поляков на немецкой или советской службе, связь между польской нацией и немецким и советским империализмом казалась обоснованной⁸⁹.

В решающий период с апреля по июнь 1943 г. как немецкая полиция, так и советские партизанские отряды на Волыни в значительной мере состояли из поляков. И те, и те совершили незабываемые зверства. В этой войне всех против всех националистическое послание УПА позволяло объяснить совершенно непостижимую ситуацию. Особенности условия на Волыни во время войны позволили убежденным националистам спровоцировать, обосновать и победить в этнической войне.

Этническая война, июль-декабрь 1943

К июлю 1943 г. УПА разрослась до 20 тыс. бойцов, взяв под свой контроль практически все крупнейшие населенные пункты на Волыни. Она поглотила другие националистические партизанские организации в регионе, развернула кампанию по мобилизации новобранцев и основала разведывательные ячейки по селам⁹⁰. УПА пребывала в положении, позволявшем осуществить обещание предать «ползорной смерти» всех поляков, которые оставались в Украине⁹¹. Весенние нападения сломали все запреты, вызвали жажду мести у выживших поляков и заложили фундамент успешной пропаганды. Устранение немецкого владычества стало хорошей услугой для крестьян, ведь по воспоминаниям одного еврея, в 1942 г. скрывавшегося от украинской полиции, а в 1943 г. – от УПА, «немцы

⁸⁹ Местная пропаганда: Головна Команда УПА. Українці. Червень 1943 р. ЦДАВО, 3833/1/86/19-20; Літопис УПА. Друга серія. Т. 2. Київ, Торонто, 1999. С. 283-289, 296-299. Общая пропаганда: Постанови III-го Надзвичайного Великого Збору Організації Українських Націоналістів 21-25 серпня 1943 р. Постанова № 13 // ОУН в світлі постанов Великих Зборів, Конференцій та інших документів з боротьби 1929-1955 р. Б.м. С. 117-118. См. также: Ilnyckyj R. Deutschland und die Ukraine, 1934-1945. 2 vols. München, 1958. Vol. 2. P. 400-406; Berdychowska, Hnatiuk. Bunt pokolenia. P. 36.

⁹⁰ УПА похитила, а затем убила жену Тараса Бульбы-Боровца (чешку по происхождению) в ходе провальной попытки заручиться его сотрудничеством. О локальном присутствии УПА смотри достойные доверия доклады советских партизан, собранные в: Сергійчук В. Радянські партизани проти ОУН. К., 2000, напр. Новиков М. Разведданные о националистических формированиях, посл. 10 августа 1943 г. С. 22-24.

⁹¹ За що бореться УПА // До зброї. Липень 1943. Цит. за: Літопис УПА. Друга серія. Т. 1. Київ, Торонто, 1995. С. 7-8.

также преследовали и украинцев»⁹². Когда в марте 1943 г. немцы стремились ежедневно вывозить из Рейхскомиссариата 3 тыс. украинцев на принудительные работы в Германию⁹³, УПА использовала ситуацию к собственной выгоде, кинув клич «лучше смерть за свою страну, чем рабство на чужбине»⁹⁴. УПА удалось усложнить охоту на принудительную рабочую силу на Волыни, иногда даже благодаря таким методам прямого действия, как остановка поездов⁹⁵. Другой выживший еврей, боровшийся против УПА партизан, считал это причиной популярности УПА, ведь немцы «забрали их скот, имущество, избивали, даже убивали их, из-за чего они [украинцы] уходили в лес»⁹⁶. УПА не только приостановила немецкие реквизиции, но и поставила украинских крестьян перед новыми соблазнами: она могла предложить крестьянам немецкие колхозы и польские земли⁹⁷. Зачастую эти категории пересекались, ведь поляки все еще управляли некоторой наиболее важной собственностью, которую захватили нацисты. В июне 1943 г. Рейхскомиссариат принял решение о земельной реприватизации. Крестьяне восприняли это как знак грядущего немецкого поражения, и начали раздумывать о послевоенном распределении имущества⁹⁸. Главнокомандующий УПА Шухевич приказал раздать все земли «бывших польских колонистов украинским крестьянам»⁹⁹.

По замечанию одного польского историка, «в идеи грабежа не было ничего нового, поскольку украинцы ежедневно подвергались грабежам»¹⁰⁰. Экономический упадок сопровождался моральной деградацией, и украинцы на Волыни по видимому верили, будто земля была именно тем, чего им не хватало. Они не были самыми бедными украинцами под немецкой властью, однако во время войны они потеряли больше других. Дальше на восток – в измученных голодом частях Рейхскомиссариата, ранее принадлежавших Советскому Союзу, – урожаи 1941-1942 гг. считались лучшими в истории¹⁰¹. Еще в 1933 г. Житомирская область, расположенная на востоке от польской Волыни, потеряла 15-20% населения из-за голода¹⁰². И хотя Волынь была одним из наименее развитых регионов Польши, в сравнении с советской Украиной она была зажиточной. Украинцев с Волыни из-за их хорошей одежды и обуви часто принимали за немцев, когда им приходи-

⁹² FVA, Memoir T640.

⁹³ Torzecki. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy 1933-1945*. P. 306.

⁹⁴ Головна Команда УПА. Українці. Червень 1943 р. ЦДАВО, 3833/1/86/21. См. также: Спогад 286 у Літопис нескореної України. Т. 2. С. 455.

⁹⁵ Спогад 288 у Літопис нескореної України. Т. 2. С. 457.

⁹⁶ FVA, Memoir T1801.

⁹⁷ Макар. Північно-західні українські землі. С. 23.

⁹⁸ Berkhoff. *Hitler's Clean Slate: Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine*. P. 138.

⁹⁹ Розпорядження в земельній справі. 15 серпня 1943 р.: ЦДАВО, 3833/1/48/2b.

¹⁰⁰ Torzecki. *Kwestia ukraińska w polityce III Rzeszy 1933-1945*. P. 291.

¹⁰¹ Berkhoff. *Hitler's Clean Slate: Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine*. P. 93-143, 315.

¹⁰² Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivisation and the Terror-Famine*. N.Y., 1986. P. 250.

лось посещать другие части Рейхскомиссариата¹⁰³. Следовательно, ожидания на Волыни были значительно выше, чем где-либо в Рейхскомиссариате. Для украинцев Волыни политика коллективизации 1939-1941 гг. была отклонением от нормы, и никто не желал ее продолжения. Попытки немцев сохранить эту систему вызвали возмущение в 1941 г., равно как и все возрастающие реквизиции – в 1942 г. И в то время как для всех украинцев Рейхскомиссариата 1943 г. сулил лишения, для украинцев Волыни он обещал быть наилучшим годом в жизни.

В отличие от других частей Рейхскомиссариата, до войны на Волыни существовал частный сектор экономики. Геноцид волыньских евреев уничтожил и его. В предвоенные времена разделение труда украинцев и евреев имело взаимодополняющий характер. Евреи составляли большинство в городах, а украинцы – в сельской местности, и хотя некоторые евреи занимались сельским хозяйством, а украинцы – торговлей, однако большинство крестьян было именно украинцами, а торговцев – евреями. Города на Волыни были преимущественно еврейскими, ведь поляки начали поселяться в новых кварталах в 1920-1930 гг. «Окончательное решение» (и советские депортации) сократили население Ровно и Луцка, двух крупнейших городов на Волыни, более чем вдвое. Численность населения Ровно упала с 41900 человек (советские подсчеты) до 17531 человека (немецкие подсчеты), Луцка – с 35600 до 16495 человек¹⁰⁴. До «окончательного решения» на Волыни «у каждого еврея был украинский товарищ-земледелец»¹⁰⁵, торговля продолжала осуществляться даже из гетто¹⁰⁶. Однако после того, как евреи были уничтожены, украинские крестьяне утратили средства торговли. К 1942 г. экономика Волыни осуществлялась посредством бартера: немцы обменивали водку на еду, а СС платила за еврейских беглецов солью¹⁰⁷. К 1943 г. даже бартерный обмен столкнулся с трудностями ввиду отсутствия предложения. Поскольку разделение труда больше не существовало, многим украинским крестьянам накопление земель должно было показаться наиболее безопасной стратегией на будущее.

В июле 1943 г. огромное искушение для украинских крестьян представлял богатый урожай созревающей на полях золотой пшеницы. Хотя настоящее было безрадостным, а будущее – неопределенным, средство спасения, казалось, было рядом. Традиция захвата польских земель в трудные времена имела на Волыни двухсотлетнюю историю, однако теперь у польских владельцев не только не было государства, способного их защитить, но и сами украинские крестьяне были хорошо организованы теми, кто стремился к созданию собственного государ-

¹⁰³ Berkhoff. *Hitler's Clean Slate: Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine*. P. 327-328.

¹⁰⁴ Демографические данные собраны Беркхоффом: Berkhoff. *Hitler's Clean Slate: Everyday Life in the Reichskommissariat Ukraine*. P. 511.

¹⁰⁵ FVA, Memoir T1740.

¹⁰⁶ FVA, Memoir T3283.

¹⁰⁷ Romanowski. *ZWZ-AK na Wołyniu 1939-1944*. P. 71-73, см. также: Armstrong. *Ukrainian Nationalism*. Глава 5.

ства¹⁰⁸. УПА предложила украинцам Волыни идеологию освобождения и защиту от польского возмездия, а ее офицеры были в достаточной мере оснащены оружием и моральными оправданиями. К июлю 1943 г. «вся молодежь примкнула к УПА»¹⁰⁹, и тысячи украинских крестьян принимали участие в ее налетах. Крестьяне косами убивали поляков, а затем косили пшеницу на польских полях. Один украинский историк выразил это с особой деликатностью: «поддержка украинского гражданского населения, вооруженного косами, вилами, топорами и ножами придавала событиям на Волыне особенно жестокий характер»¹¹⁰. Тем не менее, новые крестьянские кадры поспособствовали организации четко спланированных действий. Ночью с 11 на 12 июля 1943 г. УПА совершила нападение на 167 населенных пунктов, убив, вероятно, 10 тыс. поляков. Скоординированные налеты продолжались все лето, поскольку руководители УПА призывали уничтожить поляков, «прислужников немецкого и русского империализма в их гнездах»¹¹¹. Офицеры рапортовали главнокомандующему, что «польская операция» приближалась к завершению или что «польский вопрос практически решен»¹¹². Последняя волна нападений произошла 25 декабря 1943 г., когда поляков, отмечавших католическое рождество, массово сжигали в деревянных церквях.

Выводы

Чистки на Волыни 1943 г. привели к общегражданской войне на украинско-польском пограничье. Сообщения об этническом насилии, равно как и общие соображения о советской безопасности, подвигли Сталина разделить поляков и украинцев раз и навсегда. Вскоре после того, как Красная армия начала третью оккупацию Волыни, НКВД продолжило дело УПА, депортировав оставшихся поляков дальше на запад – в Польшу. Затем, после закрепления Красной армии в Польше, украинцев отправили на восток – в советскую Украину. Эти «репатриации» 1944-1946 гг. были «юридически» согласованы между польскими коммунистами и представителями советской Украины, территории которой вновь расширились на запад, включив Волынь и Галицию. В 1947 г. новый коммунистический режим в Польше силой рассредоточил украинцев, переселив их с юго-

¹⁰⁸ Между 1905 и 1907 гг. было зарегистрировано 703 случая, когда в тогдашней Волынской губернии Российской империи крестьяне насильственным путем – преимущественно за счет польских землевладельцев – удовлетворяли свое желание получить землю: Beauvois D. La bataille de la terre en Ukraine, 1863-1914: les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993. P. 137.

¹⁰⁹ Verdychowska, Hnatiuk. Bunt pokolenia. P. 36.

¹¹⁰ Ільющин. Протистояння УПА і АК. С. 129.

¹¹¹ Вісті з Волині. Серпень 1943 р.: ЦДАВО, 3833/1/87/7. Доклади УПА о убитых поляках см.: ЦДАВО, 3833/1/87/18.

¹¹² ЦДАВО, 3833/1/120/18; ЦДАВО, 3833/1/131/13-14.

востока на северо-запад страны. Между апрелем 1943 г. и августом 1947 г. 94% польского населения были вытеснены с территорий, впоследствии вошедших в состав Украинской Советской Социалистической Республики, а 95% украинского населения были насильно выселены с территории будущей коммунистической Польши. Около 106 тыс. гражданских лиц (поляков и украинцев) погибли, а 1,4 млн. лишились крова¹¹³.

Окончательное переселение 1947 г. уничтожило УПА в Польше, хотя она в любом случае была лишь малым театром действий ОУН(б). В советской Украине УПА мужественно, упорно и жестоко сражалась еще пять лет. Война УПА против Советского Союза, которая была главным призванием организации с момента ее создания весной 1943 г., была наиболее впечатляющим примером народного противостояния коммунистической власти в военной и послевоенной Европе. Главнокомандующий УПА Роман Шухевич погиб в бою в советской Украине в 1950 г., а ее основателя Николая Лебеда завербовала разведка США¹¹⁴. Когда в мире началась холодная война, этническую чистку предали забвению, ведь ни американское, ни британское правительства особо не интересовались прошлым тех украинцев, которых удалось завербовать для участия в сложных и рискованных антисоветских операциях. СССР уничтожил или выслал из страны бойцов УПА (и их семьи) за преступления против советской власти¹¹⁵. ОУН(б) и УПА представляли себя как антикоммунистические организации, что, конечно, было правдой, однако не всей. Коммунистический режим в Польше черпал легитимность в том, что смог уничтожить УПА и заложить основы этнической однородности. Ученые и учителя в Польше и СССР в один голос убеждали, что этнические группы всегда были там, где они находятся, и что существующие границы отображают древнюю историю. Это – как мы видим – откровенная ложь. Этой навязываемой точке зрения не верили, однако она угнетающе действовала на историческое изучение причин географического передвижения населения.

Даже историки, которые действительно преданы принципу *longue durée*, вряд ли смогут указать на знаки, предвещающие этническую чистку на Волыни. Естественно, можно попытаться приписать ее причины социальным расколам, которые разделяли украинцев и поляков. Польская Реформация и Ренессанс создали, а российская имперская политика укрепила особенную долговечную структуру волынского общества, где богатые и власть имущие были польскоязычными ка-

¹¹³ Snyder T. The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999. New Haven, 2003. Главы 7-9.

¹¹⁴ Зафиксировано Кристофером Симпсоном: Simpson C. Blowback: America's Recruitment of Nazis and its Effect on the Cold War. N.Y., 1988. P. 163-171. Документы воссозданы в: Burds J. The Early Cold War in Soviet West Ukraine, 1944-1948 // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 2001. № 1505. Естественно холодная война повлияла на то, как украинские националисты описывали свою деятельность во время войны. См., напр.: United American Ukrainian Organisations Committee of New York, The Ukrainian Insurgent Army in Fight for Freedom. N.Y., 1954; Книш З. Сьогодні й завтра: думки націоналіста. Вінніпег, 1950.

¹¹⁵ Воспоминания украинцев, возвратившихся из Сибири после смерти Сталина, собраны в: Літопис нескореної України. Т. 1. С. 423-640, Т.2 С. 420-559.

толиками, а крестьяне были украиноязычными православными. Последним всплеском энергии исконной православной знати на Волыни было сопротивление установлению григорианского летоисчисления в 1582 г.¹¹⁶ По иронии судьбы, именно разница двух церковных календарей позволила в 1943 г. украинцам, которые употребляли восточный обряд, спланировать нападения на поляков, использовавших западный обряд. Однако религия сама по себе едва ли предоставила обоснование организованному национализму, возникшему на Волыни в 1930-х годах, или служила чем-то большим, чем упомянутые практические ориентиры, во время этнических чисток в 1943 г. На Волыни – как, вероятно, повсеместно в Европе – интеллектуальное превосходство традиционной религии было подорвано национализмом, который сопутствует этнической чистке. Нечто подобное можно сказать и касательно социальной структуры. В XIX в., во времена Российской империи, кровавые крестьянские восстания происходили повсеместно. Однако их никогда не интерпретировали в национальных терминах, а независимая Польша приложила немало усилий в 1920-1930 гг. для того, чтобы реорганизовать традиционный социальный порядок на Волыни. Земли перераспределялись – пусть и неидеально, развитие украинской культуры поощрялось – пусть и в четких рамках, была основана автокефальная православная Церковь в Польше.¹¹⁷ Советская и нацистская оккупации уничтожили – не в последнюю очередь посредством убийств и депортации традиционных элит – то немногое, что оставалось от социальной иерархии на Волыни еще до 1943 г. Польские крестьяне, павшие жертвой этнических чисток на Волыни, обычно были так же бедны, как и проводившие эти чистки украинцы. Социальная история описывает некие элементы этнического определения поляков, которые использовали «чистильщики», но сама по себе она не выступала достаточным условием этнической чистки.

В любом случае, ситуация в Беларуси, расположенной как раз на север от Волыни, где традиционный социальный порядок был практически таким же, показывает: старые расколы необязательно проявляются в этнических чистках военного времени. Пока шла война, Беларусь пережила похожую череду событий –

¹¹⁶ Интересные черты были присущи Волыни даже в раннемодерную эпоху: в XVI в. городок Острог мог похвастаться наличием православной академии, униатской церкви и ешивы, а в XVII в. юристы владели латынью, польским и украинским языками. Обр. к: Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI-XVII ст. К., 2002, глава 1; Gudziak B. *Crisis and Reform: The Kyivan Metropolitanate, the Patriarchate of Constantinople, and the Genesis of the Union of Brest*. Cambridge, 2001. Глава 8.

¹¹⁷ Это было характерно для межвоенной польской политики на Волыни, но не в Галиции. Историография межвоенной западной Украины фокусируется на Галиции, но особо не уделяет внимание своеобразной стратегии, которой Варшава следовала на Волыни. Свежее исследование, которое содержит необходимые материалы о польских административных практиках: Benecke W. *Die Ostgebiete der Zweiten Polnischen Republik. Staatsmacht und öffentliche Ordnung in einer Minderheitenregion, 1918-1939*. Köln, 1999. Несмотря на то, что исследователи этих вопросов часто полагают, будто ситуация на Волыни по сути ничем не отличалась от ситуации в Галиции, те, кто правили или хотели править этим регионом – польские государственные чиновники, советские коммунисты, украинские националисты, легальные украинские партии, – осознавали наличие разных условий и потребность в разных стратегиях.

уничтожение польской государственности, советские депортации, укорененный внутри сообщества Холокост и столкновение партизан, представлявших различные стороны¹¹⁸. Однако этнической чистки поляков Беларуси не было. Разница, конечно, состояла в национализме. В то время как белорусский национализм в межвоенной Польше не имел особого политического значения, украинский национализм был организованным подпольным движением задолго до 1939 г. Он был расположен к войне, а война поспособствовала ему. И в то же время, наличие национализма в объяснении не означает, что национальное соперничество за некую территорию обязательно приведет к этнической чистке. Поляки и украинцы состязались за Галицию – а не за Волынь – добрые сто лет до начала Второй мировой войны¹¹⁹. Любой эксперт по польской политике, если бы его спросили в сентябре 1939 г. о вероятном месте украинско-польских столкновений, остановил бы свой выбор на Галиции.

Если мы задаемся вопросом, почему этническая чистка произошла в западной Украине, а не западной Беларуси, ответом должен быть довоенный национализм. Украинские националисты полагали, что поляки, как национальная группа, были препятствием на пути к созданию украинского государства. Поляки определялись не как расовая, а как политическая общность. Ожидалось, что они будут вести себе соответственно предсказуемой антиукраинской политической логике, и, следовательно, их необходимо было устранить для достижения политической цели – украинской государственности. Этот тип национализма открыто исповедовался в мирное время, когда не было ни единого шанса на политический успех, а в условиях войны этническая чистка стала продолжением национальной политики другими средствами. Однако если мы задаемся вопросом, почему этническая чистка началась именно в этой части западной Украины, а не где-либо – на Волыни, а не в Галиции – ответ следует искать в местных особенностях тройной

¹¹⁸ Случаев грабежей и убийств поляков, совершенных белорусами, было многим больше, чем это до недавнего времени признавали исследователи, однако эти имущественные интересы или социальную энергию никто не направлял в русло национального вопроса. См.: Wierzbicki M. *Polacy i Białorusini w zaborze sowieckim. Stosunki polsko-białoruskie na ziemiach północno-wschodnich II RP pod okupacją sowiecką (1939-1941)*. Warszawa, 2000, и Jasiewicz K. *Zagłada polskich Kresów. Ziemiaństwo polskie na Kresach Północno-wschodnich Rzeczypospolitej pod okupacją sowiecką 1939–1941*. Warszawa, 1998.

¹¹⁹ Между отъездом Юзевского в 1938 г. и советской оккупацией 1939 г. польский режим военных обратил прибол. 6225 волынских православных в католичество. В определенной мере подобные действия могли зародить в украинцах на Волыни желание мести, хоть масштаб свершенного не идет ни в какое сравнение с событиями военного времени. Программа принудительного обращения в католицизм воплощалась в первую очередь на Холмщине, в Люблинском воеводстве, находившемся на запад от Волыни. Приведенные цифры – это мои собственные подсчеты на основе квартальных табличных данных, которые местные власти сдавали польскому Министерству внутренних дел за 1938 и первую половину 1939 гг. (см. AAN, MSW, syg. 1746. P. 1-318.) О обращениях см.: *Konwersje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921-1939*. Wrocław, 1979. P. 226-234. В ответ на кампанию 1938-1939 гг. несколько сотен православных украинцев на Волыни обратились в протестантизм. Во время войны украинские протестанты были очень активными спасателями евреев в 1942 г., а в 1943 г. они выступали против убийств поляков.

оккупации. На Волыни особенности местности способствовали националистическому подполью меньше, чем в Галиции до 1939 г., и значительно больше – после. Волынь стала частью Рейхскомиссариата, а потому столкнулась с гораздо более жестким немецким оккупационным режимом. Она находилась дальше на север, вследствие чего на ее территорию раньше проникли советские партизаны. Она стала местом немецко-советского противостояния еще осенью 1942 г. – почти двумя годами ранее, чем Красная армия достигла Галиции. На Волыни, а не в Галиции, к 1942 г. экономика оказалась сведена к меновой торговле, а к 1943 г. полностью погрузилась в пучину хаоса. На Волыни ОУН(б) получила доступ к тысячам служащих во вспомогательной полиции, к тому же наделенным опытом убийств. Поскольку именно на Волыни проводилась политика местного «окончательного решения», тут эти служащие получили навыки, которые затем использовались по другой надобности. Холокост 1941-1942 гг. обычно рассматривают как завершающий этап. Но «окончательное решение» было не только следствием, но и причиной, оно не только положило конец еврейской истории на Волыни, но и послужило роковым звеном в цепи событий, которые в конечном итоге уничтожили историческую Волынь как таковую.

Возникновение этнически однородных «западной Украины» и «юго-восточной Польши» – регионов без евреев, регионов, где поляков и украинцев разделяет государственная граница, – было всего лишь одним эпизодом общеевропейского движения к национальной однородности. Последствия позволяют сопоставить его с другими насильственными переселениями, которые мы называем этнической чисткой. Но каковы его причины? Эта статья сделала особое ударение на непосредственном, местном и специфичном. Однако вполне вероятно, что особая механика одного случая способна приоткрыть механику многих других, а их сравнение даст толчок к пониманию общих принципов. События 1940-х годов, например, могут пролить свет на события 1990-х. Волынская чистка 1943 г. действительно имеет семь общих свойств с югославскими чистками 1990-х, а именно: (1) предшествующее крушение государственной власти; (2) бóльшая война, служащая покровом этнической чистке; (3) предвкушение формирования нового государства; (4) убежденные «чистильщики», прошедшие обучение в армии или полиции, а теперь действующие далеко от дома; (5) историческая пропаганда, которая одновременно находит благовидный предлог для чисток и оправдывает происходящие чистки; (6) намеренный толчок в сторону эскалации, исполненный убежденными элитами и пропагандистами, который позволяет трактовать индивидуальный опыт как национальную войну; (7) материальная заинтересованность, которая вовлекает широкие слои населения в чистки, после их непосредственного начала. И Югославия, и Волынь, были объектом эксперимента в национальной политике – сегодня мы бы назвали его «мультикультуральным», – который завершился за несколько лет до начала этнических чисток. И на Волыни, и в Югославии повсеместно заключались смешанные браки, за которыми во время войны последовала реидентификация. И на Волыни, и в Югославии боль-

шая часть населения была удивлена и сбита с толку, когда этнические чистки начались. Даже понятия «Волынь» и «Югославия» вышли из употребления схожим образом, когда топографии пришлось соответствовать демографии XX века в Европе.

Этнические чистки предоставляют достаточно личного опыта, болезненного или торжествующего, способного связать биографию и национальность. Весьма просто рассматривать их как высшую точку давней ненависти или же окончательный этап старых политических конфликтов. После них личные страдания и национальная память сливаются в неотразимой гармонии, в песни сирен, влекущих к ошибочному историческому прошлому, где неоспорима только смерть. Те, кто планируют этническую чистку, намерены уничтожить соперничающие нации и сложные множественности прошлого, а те, кто ее совершают, сами нуждаются в умышленном опровержении, когда все закончится. Сравнение Волыни и Югославии, пусть даже и приведенное в весьма черновом варианте, наводит на мысль, что причины этнических чисток далеко не так уникальны в каждом случае и совсем не так стары в своих истоках, как могло бы показаться. Уникальность и возраст – это две главных характеристики последовательных националистических изложений исторического развития. Их кажущееся правдоподобие намекает, что национализм умело обращается с историей – и отнюдь не наоборот. Этнические чистки приводят к современному наложению языка и территории не только потому, что они вытесняют людей, но и поскольку они изменяют взгляд людей на мир. Их интеллектуальное влияние проистекает не до такой степени из неистовства национального порыва, как из порыва к национальному неистовству. Эрнест Ренан полагал, что необходимым условием формирования наций является способность к забвению, и он имел в виду именно последствия целенаправленного насилия в научных терминах. События можно предать забвению – во всей их полноте или же в некоторых деталях. Эта статья стремилась объяснить истоки малоизвестной, но важной полноты – этнической чистки на Волыни – проливая свет на некоторые первостепенные детали войны и оккупации. Однако напоминание Ренана имеет более широкий европейский подтекст: предать забвению частности этнической чистки может быть необходимым для написания частных национальных историй. Предать забвению повсеместное существование этнических чисток может быть необходимым для написания европейских историй, в которых границы и нации – это категории, не вызывающие проблем. На протяжении всего XX века люди, совершавшие этнические чистки, знали: границы и нации необходимо создавать.

Перевод с английского: Ивана Гомза

Гжегож Мотыка

Как классифицировать Волынскую трагедию в историческом и сравнительном контекстах? «Война в войне», геноцид и сталинские этнические чистки*

В польско-украинском конфликте 1943–1947 годов отчетливо выделяются две фазы. Первая продолжалась с февраля 1943 года до весны 1945-го и была связана с действиями ОУН(б) и УПА по «устранению» всех поляков с земель, которые члены этих организаций считали этнически украинскими¹. Вторая фаза хронологически частично накладывается на первую и начинается осенью 1944 года вместе с первыми депортациями польского и украинского населения и заканчивается 1947 годом, когда была проведена операция «Висла» и последовавшее затем уничтожение подполья ОУН в Польше.

В первой фазе конфликта с украинцами воевали все польские подпольные организации. В этот период сам факт принадлежности к конкретному этническому сообществу часто означал поддержку одной из воюющих сторон. И людей нередко убивали только за то, что они были поляками или украинцами, что наиболее ярко проявилось на Волыни, где безжалостно убивали всех людей польского происхождения.

Вторая фаза конфликта имела другой характер. Против общего врага – коммунистов – АК-ВиН и ОУН(б) с УПА заключили несколько локальных соглашений о ненападении и ограниченном сотрудничестве. С этого момента против УПА выступают власти «новой Польши», а также националистическое подполье, которое, однако, ограничилось проведением нескольких пачификаций. В то время как первая фаза конфликта держалась в тени антипольских чисток, которые проводила ОУН(б), событиям второй фазы придавали динамику директивы советской и польской коммунистических партий, жестко реализующих установку на создание этнически однородной Польши и «очищенной» от поляков Западной Украины. Если в 1943–1944 годах украинские националисты убивали смешанные семьи, считая их «ненадежными», то польские коммунисты в 1947 году во время операции «Висла» по аналогичной причине их насильственно выселяли.

* Этот текст опирается на заключительную главу монографии *От волынской резни до операции «Висла»: польско-украинский конфликт 1943–1947* (М.: РОССПЭН, 2014).

¹ Одной из наиболее важных последних публикаций по этой теме является: McBride J. Peasants into Perpetrators: The OUN-UPA and the Ethnic Cleansing of Volhynia, 1943-1944 // *Slavic Review*. 2016. Vol. 75. № 3. P. 630-654.

Нелегко подсчитать число людей, которые пали жертвой всех этих событий. Здесь не место обсуждать литературу предмета и интересные дискуссии, которые сопутствуют спорам на эту тему. Важно отметить, что больше всего поляков погибло на Волыни. По данным Владислава и Евы Семашко в 1943 году в этом регионе погибло не менее 33 тысяч поляков, среди них нам известны фамилии примерно 19 тысяч человек². Общее число погибших от рук украинских националистов находится в диапазоне от 40 вплоть до 60 тысяч человек. В случае Восточной Галиции реалистичными представляются оценки, в которых говорится о 30-40 тысячах польских жертв, в то время как на землях современной Польши погибло 6-8 тысяч поляков.

В свете приведенных расчетов похоже, что в результате операций УПА польские потери составили, вероятно, около 100 тысяч человек (причем скорее несколько меньше, а не больше 100 тысяч). Все другие гипотезы, в которых допускается гибель 150 или даже 200 тысяч жертв, не находят никакого подтверждения в серьезных научных исследованиях, а их частое озвучивание в СМИ можно объяснить разве что только стремлением к сенсации. Следует обратить внимание, что подавляющее большинство польских жертв погибло до заключения весной 1945 года соглашения между АК-ВиН и УПА (от встречи в районе Руды Ружанецкой до конца 1947 года от рук украинского подполья в Польше погибло около 3 тысяч человек, в основном – бойцы Войска Польского, Пограничных войск и Корпуса внутренней безопасности). Это показывает, насколько важным для польской исторической памяти является первый этап конфликта.

Много разногласий вызывает оценка украинских потерь. Десять лет тому назад я был, возможно, первым польским историком, который пытался, хотя бы приблизительно, их подсчитать. На основании известных мне в то время источников я пришел к выводу, что в результате польских действий погибло 15-20 тысяч украинцев. Сегодня, в свете новейших данных, я был бы склонен несколько уменьшить число украинских жертв. На Волыни от рук поляков, вероятно, погибли (не считая убитых вспомогательной полицией) от 2 до 3 тысяч украинцев. В Восточной Галиции были убиты 1-2 тысячи украинцев. Совершенно иначе выглядела ситуация на землях современной Польши. В 1943–1947 годах там погибло украинцев больше, чем поляков, наиболее правдоподобной представляется цифра в 8-10 тысяч жертв (3-4 тысячи до лета 1944 года и 5-6 тысяч с 1944 по 1947 год). В целом – от 10-11 тысяч до 15 тысяч убитых. В этом случае более высокие оценки не подтверждаются научными исследованиями. Подчеркну еще раз: приводимые в украинских учебниках цифры – 30, 50 и даже 70 тысяч убитых украинцев – просто взяты «с потолка».

Однако выше сказанное не отменяет того факта, что большинство украинских жертв – как и с польской стороны – принадлежало к гражданскому населению, и

² Siemaszko Wł., Siemaszko E. Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939–1945. Warszawa, 2008. P. 1038, 1040, 1045, 1056.

нередко это были женщины и дети. Польские акции против украинского гражданского населения в нормальных обстоятельствах вызывали бы горькое недоумение, однако они меркнут в сопоставлении с утратами, понесенными польской стороной. Если сравнить жертвы Волыни, то разница просто поразительная: с польской стороны погибло, возможно, до 60 тысяч человек, а с украинской едва ли больше 2-3 тысяч.

Однако баланс страданий, которые принес польско-украинский конфликт 1943–1947 годов, не ограничивается числом погибших. Нельзя забывать о почти 1,1 миллиона поляков и 630 тысячах украинцев и лемков, которых заставили покинуть «малую родину» и имущество, нажитое их предками в течение веков. Все они оставляли свои дома с чувством незаслуженной обиды, испытывая в пути многочисленные унижения.

Приведенные цифры показывают, с каким важным фрагментом истории Польши и Украины нам приходится иметь дело. Для сравнения: во время польско-украинской войны 1918–1919 годов погибло около 10 тысяч поляков и 15 тысяч украинцев; кроме того, не было также и речи об изгнании людей из собственных домов. Поэтому не удивительно, что проблематика польско-украинских отношений в период Второй мировой войны и первых лет после ее окончания вызывает так много эмоций и регулярно становится темой общественных и политических дебатов.

Важная дискуссия среди историков идет вокруг языка, который используется для описания того, что произошло между поляками и украинцами в 1943–1947 годах. В этом языке фигурируют различные термины: «польско-украинский конфликт», «братоубийственная гражданская война», «антипольская акция ОУН(б) и УПА», наконец «этническая чистка» и «геноцид». Все они оказываются пригодными, когда мы пытаемся с их помощью описать и понять действительность того времени. «Конфликт», поскольку тогда мы имели дело с очевидным польско-украинским антагонизмом и борьбой за землю. «Гражданская война», потому что часть граждан Второй Речи Посполитой выступила против своих сограждан. «Антипольская акция», в свою очередь, является термином, который использовали украинские партизаны для названия операции против польского населения. В документах УПА этот термин часто фигурирует как эквивалент кодового названия, аналогичного такому понятию, как, скажем, «операция "Висла"». В то время как «этническая чистка» и «геноцид», как представляется, хорошо передают природу и правовую квалификацию событий того времени. Все эти определения, однако, обнаруживают свои слабые стороны, когда люди, которые к ним обращаются, пытаются не столько описать исследуемое явление, сколько ограничить его жесткими рамками дефиниций, чтобы таким способом оправдать преступление, или наоборот – так их представить, что всякая попытка размышлений и рефлексии о трагическом прошлом становится попыткой релятивизации зла, которому не может быть прощения.

Является ли резня на Волыни и в Галиции геноцидом?

Возможно, самые сильные эмоции вызывает вопрос, можно ли квалифицировать антипольские акции ОУН(б) и УПА как геноцид. Термин «геноцид» был введен в обиход в 1943 году польским юристом еврейского происхождения Рафаэлем Лемкиным, который еще до Второй мировой войны, под впечатлением информации об уничтожении более миллиона армян в 1915 году, заинтересовался проблематикой массовых преступлений против гражданского населения. Потрясенный зверствами, которые совершали нацисты, он предложил ввести в международное право понятие «геноцид», появившееся в результате сложения двух слов: греческого *genos* – «род», «племя» и *cide* – от латинского *caedere* – «убивать», для определения преступления, целью которого является истребление населения. Этот термин (в польском языке звучит как *ludobójstwo* – «убийство народа», «человеконенавистничество») получил международный правовой статус по решению Генеральной ассамблеи ООН в 1948 году. В принятой 9 декабря «Конвенции о предупреждении преступления геноцида наказания за него» геноцид был квалифицирован как «действие, совершаемое с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». К категории геноцида отнесены убийства; причинение тяжкого вреда физическому или психическому здоровью членов этой группы; намеренное создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы, ограничение деторождения или принудительная передача детей другой группе населения.

Сегодня большинство польских историков склонны считать, что совершенные ОУН(б) и УПА убийства имеют признаки геноцида. Более широко этот тезис развивает, приводя интересные, но спорные аргументы, профессор Рышард Шавловский³. Противоположную точку зрения по этому вопросу высказал только Константы Геберт («Давид Варшавский») – известный журналист, который часто обращается к проблематике нарушений прав человека. В интересной статье, опубликованной в еженедельнике *Polityka*, он пишет: «А как (...) в свете [дефиниции понятия «геноцид» – Г. М.] выглядит волынская резня? (...) И здесь факты не соответствуют критериям дефиниции. Целью украинских националистов не являлось убийство «полностью или частично» ни всех поляков, ни даже поляков на Волыни. Массовые убийства были инструментом реализации преступной политики, но не самоцелью. Их организаторы стремились изгнать поляков с территорий с этнически смешанным населением, их абсолютно не трогало, что какие-то поляки будут себе жить с другой стороны новой границы. Это была классическая этническая чистка. Это преступление также не отвечает другому

³ Szawłowski R. Trzy tematy z dziedziny «genocydologii» // Zbrodnie przeszłości: opracowania i materiały prokuratorów IPN / Ed. R. Ignatiew, A. Kura. Vol. 2. Warszawa, 2008. P. 23-33.

критерию дефиниции, а именно – намерению преступников истребить [поляков – *пер.*]. Это не было геноцидом»⁴.

«Этническая чистка», термин, который использует Геберт, часто противопоставляется «геноциду». Под понятием «этническая чистка» понимаются действия, целью которых является изгнание населения с данной территории и уничтожение материальных свидетельств их пребывания на этих землях. Такие «чистки» могут – хотя и не обязательно – сопровождаться преступлениями против гражданского населения. Одним из первых этническими чистками преступления УПА признал американский историк Тимоти Д. Снайдер в своей интересной книге *Реконструкция наций: Польша, Украина, Литва, Беларусь 1569–1999*⁵; при этом он не утверждает, что тем самым он одновременно исключает использование термина «геноцид». Такой подход был позитивно воспринят частью украинских историков, возможно потому, что позволяет избежать дискуссии о том, как юридически квалифицировать волынскую и галицийскую резню.

Следует обратить внимание на то, что критериям термина «этническая чистка» соответствуют не только события на Волыни и в Галиции, но и депортации 1944–1946 годов, а также операция «Висла». Однако вряд ли справедливо было бы ставить знак равенства между этими историческими явлениями, поскольку очевидно, что действия УПА изначально предполагали уничтожение гражданского населения, при том что во время выселений украинского и польского населения – при всей жестокости методов их проведения – убийства были скорее исключением, а не правилом.

Легко заметить, что граница между понятиями «этническая чистка» и «геноцид» достаточно размыта. И нет ясности, с какого момента убийства гражданского населения, которыми сопровождаются этнические чистки, можно считать геноцидом. По мнению части исследователей, решающее влияние на юридическую оценку должно иметь число жертв. Преступление против армян является геноцидом в силу огромного числа убитых – 1-1,5 миллиона человек. Однако если мы согласимся с этой точкой зрения, то столкнемся с проблемой морального и правового характера: кто и при помощи каких методов может установить, с какого именно числа жертв начинается геноцид? Именно к такой аргументации прибег один из югославских генералов, выдвинув его в качестве своего оправдания, когда его обвинили в том, что этнические чистки против мусульманского населения Боснии, которые проводили отряды под его командованием в 1991–1995 годах, имели характер геноцида. И хотя его подчиненные убили «только» тысячу босняков, суд признал его виновным в геноциде...

Возвращаясь к тексту Геберта, следует заметить, что в своей аргументации он исходит из ошибочных исторических предпосылок: он не прав, когда говорит об отсутствии планов физического истребления поляков. Анализ известных доку-

⁴ Warszawski D. [Gebert K.] Nazywanie nieszczęścia // Polityka. 2009. № 45. 7 listopada.

⁵ Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569-1999*. New Haven, 2002.

ментов украинских националистов не оставляет сомнений в том, что не позднее весны 1943 года на Волыни было принято решение убить всех живущих там поляков. Более того, каждый из более ранних планов устранения польского населения с территорий, считавшихся украинскими, предполагал убийство большей или меньшей части поляков. Кроме того, операции по выселению – под угрозой смерти – поляков из Восточной Галиции, а также из части территории Люблинщины и Прикарпатья также предполагали убийства гражданского населения.

Между тем можно сомневаться, действительно ли ОУН(б) и УПА стремились уничтожить поляков «как таковых» или же рассматривали их в качестве препятствия для включения Волыни и других территорий в состав будущей Украины. С точки зрения националистов, антипольская акция была направлена против «оккупантов» Украины. Убийства поляков, следовательно, были не целью, а средством для создания моноэтничного украинского государства. Однако разве это влияет на юридическую квалификацию деяния? Ведь для бандеровцев «польскими оккупантами» были не только бойцы польского подполья, но и все поляки, даже младенцы. Кроме того, если следовать юридической формуле, нельзя не заметить, что турки убивали армян, в том числе опасаясь, что они будут претендовать на земли, где проживает армянское население, с целью оторвать их от Османской империи. Аналогичным образом в Руанде племена тутси и хуту в 1994 году (когда за несколько месяцев было убито около 800 тысяч тутси) не смогли разделить между собой землю и власть в государстве.

Как признает сам Константы Геберт, серьезным аргументом в пользу признания Волынской резни все же геноцидом являются приговоры Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) и прежде всего – пример бойни в Сребренице, где сербы убили в 1995 году 8 тысяч мусульман (также в связи с территориальным спором), которую МТБЮ признал геноцидом. К приговорам МТБЮ и апеллирует следственный отдел Института национальной памяти, который расследует волынское преступление. В юридическом обосновании прокурора Петра Зайонца говорится: «Не имеет значения, (...) имел ли правонарушитель намерение дополнительно достичь еще одной цели (например, добиться этнической "чистоты" территории). Точнее говоря, уголовно-правовые последствия, связанные с преступным умыслом, могут коснуться преступника не только тогда, когда само это преступление является целью, но также и тогда, когда оно является средством достижения поставленной цели. В этом аспекте интересующее нас преступление на Волыни – убийство польского населения – не имело характера самостоятельной цели, а являлось средством добиться этнической однородности территорий, условием *sine qua non* создания независимой Украины. Подобное направление интерпретации критериев геноцида было присуще деятельности уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанды. В обвинениях против Радована Караджича и Ратко Младича, направленных в уголовный трибунал по бывшей Югославии, им, в частности, вменялось совершение геноцида (...). Для сербских лидеров, которые стремились создать великое

национальное государство, этнические чистки были лишь способом достижения поставленной цели. Однако прокурор не сомневался, что иницируя убийства хорватов, а в особенности мусульман, они совершили геноцид»⁶.

Выводы, к которым пришел Петр Зайонц, представляются правильными с одной только оговоркой: в случае волынской резни наиболее адекватными были бы ссылки на приговоры, в которых осуждались убийства тутси в Руанде. Поскольку можно найти много сходств между положением поляков на Волыни и тутси в «Стране тысячи холмов». Поляки/тутси, бывшие национальным меньшинством, в течение многих лет оставались привилегированной группой населения, а затем были жестоко убиты при помощи холодного оружия (топоры/мачете) живущими рядом с ними украинцами/хуту, которые боялись возвращения их к власти. И на Волыни, и в Руанде убивали всех, кто входил в группу, обреченную на истребление. Приговоры Международного трибунала по преступлениям, совершенным на территории бывшей Югославии, как представляется, в большей степени можно отнести к резне в Восточной Галиции, поскольку в этом случае речь шла об изгнании поляков под угрозой смерти. Так что пример геноцида в Сребренице, на который ссылается Геберт, следовало бы сравнить с преступлениями в Подкамне, Держове, Балигроде или Игровице.

По моему мнению, понятия «этническая чистка» и «геноцид» следует рассматривать не как взаимоисключающие, а как термины, которые могут взаимно дополняться либо перекрываться. Другими словами, я считаю, что хотя антипольская акция была этнической чисткой, в то же самое время она подпадает под определение геноцида. Можно сказать, что волынская и галицийская резня являются «геноцидными этническими чистками». Следует отметить, что в литературе предмета эти термины нередко используются как синонимы. Показательным примером является резолюция Генеральной ассамблеи Организации Объединенных Наций от 18 декабря 1992 года, осудившей проведение «отвратительной политики "этнических чисток", являющейся одной из форм геноцида»⁷.

Другим возможным способом дифференцировать эти явления было бы признание этнической чисткой такие случаи изгнания населения, которые не сопровождаются действиями, имеющими целью его физическую ликвидацию. Тогда волынская и галицийская резня были бы геноцидом, а насильственные переселения 1944–1946 годов – «только» этническими чистками. В пользу признания антипольской акции соответствующей критериям Конвенции ООН о преступлении геноцида свидетельствует практика приговоров международных уголовных судов, в соответствии с которой актом геноцида, или политики, направленной на истребление этнической группы, признаются все преступления, в которых наме-

⁶ Zając P. *Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945: ocena karnoprawna zdarzeń w oparciu o ustalenia śledztwa OKŚZPNP w Lublinie // Zbrodnie przeszłości. Opracowania i materiały prokuratorów IPN. Vol. 2: Ludobójstwo. Warszawa, 2008. P. 44.*

⁷ Цит. по: Резолюция 47/121 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1992 года («ситуация в Боснии и Герцеговине»).

рением их исполнителей было прекращение – в результате их действий – существования определенной национальной, этнической или религиозной группы на данной территории, при этом неважно, шла ли речь обо всей стране, регионе или только о конкретном населенном пункте.

В то же время представляется сомнительным предложение профессора Рышарда Шавловского признать действия УПА геноцидом, превосходящим по своей жестокости немецкий или советский⁸. Однако не потому, что он не имел варварского характера. Речь о том, что, формулируя проблему таким образом, мы молчаливо признали бы, что убийство голодом украинских крестьян во время Голодомора 1932–1933 годов или изгнание немцами чернокожих гереро в пустыню, обреченных там на смерть без еды и питья, в Намибии в 1904 году было более гуманно. Между тем убийство польского населения топорами и пиками было действительно жестоким геноцидом, но также, а возможно, прежде всего, примитивным. Может быть, именно эта примитивность способов убийства отличает резню на Волыни и в Галиции (а также убийства тутси) от «современных» геноцидов, инициаторы и организаторы которых в заботе о самочувствии непосредственных исполнителей используют циклон «Б» или создают такие условия труда и жизни, чтобы «проблема» разрешилась сама собой.

Как оценивать польские ответные акции и операцию «Висла»?

Практика, согласно которой принято считать преступлением, имеющим признаки геноцида, каждое убийство, совершенное с целью прекратить существование на данной территории нежелательной национальной или этнической группы, представляется в наивысшей степени обоснованной. Однако это имеет свои правовые последствия также и при оценке польских ответных акций. В результате операций польского подполья часто погибали мирные жители, в том числе женщины и дети. И хотя число украинских потерь составляет 10-15% польских, многие ответные акции нельзя оправдать, поскольку они были направлены против невинных и незащищенных людей, причем некоторые из них даже могут иметь признаки геноцида.

Именно таким выводом заканчивается *Информация об окончательных результатах следствия S 28/02/Zi по делу об убийствах 79 человек – жителей уезда Бельск Подляский, в том числе 30 человек т.н. фурманов в лесу около Пухалов Старых, совершенных в период с 29 января 1946 года до 2 февраля 1946 г.*, подготовленная следственным отделом Института национальной памяти. Жертвами указанного преступления стали несколько десятков православных белорусов. Они были убиты из-за своей национальной и религиозной принадлежности от-

⁸ Szawłowski. Trzy tematy z dziedziny «genocydologii».

рядом польского националистического подполья. На основании анализа доступной базы юристы ИНП доказали, что «убийства фурманов и пацификацию села (...) нельзя отождествлять с борьбой за независимое государственное существование, поскольку они имеют все признаки геноцида. (...) Поэтому никакое обстоятельство не позволяет признать справедливости того, что произошло».

Трагические события в уезде Бельск Подляский в определенном смысле аналогичны пацификациям, которые происходили в отдельных украинских селах, например, в Верховинах, где бойцы Национальных вооруженных сил (НВС) в июне 1945 года убили почти двести украинцев. Точно так же и здесь в намерения исполнителей (правда, не высказанные открыто) входило избавиться от православного населения (хотя в этом случае – этнических украинцев) на территории Люблинского воеводства. Эту операцию невозможно объяснить действиями УПА, поскольку ее отрядов в Верховинах не было. Да, действительно, жители села с симпатией относились к коммунистам, однако бойцы НВС убивал не только членов ППР – как в тех поселениях, где жили поляки, – а всех, кого считали украинцами. Внимательный анализ этой карательной операции может привести к выводу, что совершенное в ходе ее проведения преступление носит такой же характер. Признаки геноцида, как представляется, имеют также убийства, совершенные отрядом «Волыняка» в Лежайске и Пискоровичах.

Однако сразу же заметим, что каждая польская ответная операция требует отдельного и тщательного расследования, поскольку они отличались как характером, так и причинами. Юридическая квалификация (хотя, конечно, не этическая) убийств отдельных случайных украинцев, которые имели место в 1944 году во Львовском воеводстве (например, в Блыщиводах или Сороках около Старого Села), представляется совершенно иной. Непосредственной причиной этих преступлений было стремление кровно отомстить за предыдущие нападения на поляков. И хотя эти действия также заслуживают морального осуждения, все же они скорее являются «только» военными преступлениями.

Однако подчеркнем: однозначная критическая оценка польских действий по отношению к украинскому гражданскому населению ни в коем случае не означает, что возможно ставить знак равенства между запланированным истреблением поляков на Волыни и в Восточной Галиции и локальными ответными операциями. Как показало расследование, командование АК старалось ограничить акции возмездия до абсолютного минимума – хотя бы опасаясь негативной реакции мирового сообщества. Иначе действовало руководство ОУН(б) и УПА, которое стремилось к полному устранению поляков со всех территорий, считавшихся украинскими, а массовые убийства незащитного населения с самого начала входили в их планы. Поэтому с украинской стороны мы имели дело с организованной «сверху» операцией «чистки» территории от нежелательных национальных групп, в то время как с польской – с инициативами полевых командиров, которые руководствовались различными мотивами (часто просто слепым стремлением к

мести). Другими словами, с украинской стороны геноцидный характер имела антипольская акция в целом, с польской – некоторые пачификации.

Отдельной проблемой является оценка операции «Висла». Вопреки распространенному в Польше мнению массовое выселение населения не являлось необходимым условием уничтожения подполья. Коль скоро удалось ликвидировать польские партизанские отряды в Белостокском воеводстве, в Мазовии или на Люблинщине, не прибегая к этому средству, это было возможно и в случае партизанского движения ОУН и УПА. Насильственные выселения проводили не потому, что они были единственным способом борьбы с УПА, а потому, что эта мера представлялась самой простой и легкой в осуществлении. Тот факт, что в ходе выселений пострадали тысячи невинных людей, для сталинской власти, которая регулярно прибегала к террору и репрессиям против собственного народа, не имел никакого значения. Отношение ко всем выселенцам как к потенциальным сторонникам подполья означало применение принципа коллективной ответственности к целому народу. И дело даже не в том, что у людей отбирали все их имущество, ибо власти старались тем или иным способом компенсировать им материальные потери на западных и северных землях (в связи с этим выдвигаемые сегодня требования вернуть прежним владельцам отобранные у них когда-то хозяйства представляются не только нереальными, но и спорными – за исключением, конечно, тех людей, которые отказались от помощи государства), речь идет об ограничении основного права людей на свободу выбора места жительства и о сопутствующей переселениям атмосфере террора и запугиваний. Тот факт, что решение о проведении насильственных депортаций было принято на основании постановления Политбюро ППР, дает полное право признать операцию «Висла», по меньшей мере, типичным преступлением коммунистического режима (согласно Закону об Институте национальной памяти).

Возможно, однако, что мы имеем дело с еще более серьезной проблемой. До сих пор нет ответа на вопрос, чего в действительности хотели коммунисты, выселяя украинцев на западные земли: предотвратить возрождение подполья или намеревались подвергнуть их таким способом денационализации? Весьма правдоподобным представляется утверждение, что в 1947–1952 годах правящие в Польше круги, стремясь к созданию этнически гомогенного государства, приняли решение о принудительной полонизации в том числе и украинского национального меньшинства. Хотя для уничтожения УПА выселения не являлись необходимыми, деятельность украинского подполья убедила деятелей ППР в том, что без перемещения населения в Польше останется определенная группа людей, считающих себя украинцами или лемками. Расселяя их по всей стране, власти хотели добиться, чтобы они отказались – рано или поздно – от своей этнической идентичности. Только согласившись с этим допущением, можно признать целесообразность столь масштабных, охвативших десятки тысяч человек выселений людей, часто никак не связанных с партизанским движением, а нередко и просто сторонников режима. Власть позорным образом «маскировали» операцию по

ассимиляции украинцев и лемков под борьбу с украинским националистическим подпольем для того, чтобы получить общественное одобрение своим действиям. Эта задача облегчалась тем, что о необходимости проведения политики ассимиляции национальных меньшинств давно и открыто говорили деятели эндеции. Если эта гипотеза верна, то мы имеем дело с предпринятой членами ППР попыткой так называемого этноцида. Этот термин относится к случаям, «когда какая-то группа исчезает – культурно и языково – не в результате массового уничтожения, а лишь вследствие "цивилизационного варварства"»⁹.

Независимо от того, признаем ли мы операцию «Висла» преступлением коммунистов или попыткой этноцида, она, бесспорно, была проведена по решению коммунистического Политбюро и состоялась в период прогрессирующей сталинизации Польши. Поэтому удивляет, что и сегодня у нее находятся сторонники, которые не только ее защищают и целиком оправдывают, но и считают ее проведение «этническим императивом». Тем самым эти люди совершенно безосновательно ставят знак равенства между ОУН(б) и УПА, деятельность которых власти действительно должны были прекратить, и всеми польскими гражданами украинской национальности, исходя из их априорной нелояльности. При этом они не замечают, что оправдывая подобным образом насильственные депортации 1947 года, они опасно приближаются к границе, которая отделяет нас от оправдания преступлений коммунистических режимов.

Польско-украинский конфликт памяти

События 1943–1947 годов серьезно отягощают польско-украинские отношения. Анализ работ, посвященных этой проблематике, внушает пессимизм. В большинстве украинских публикаций, написанных никак не националистами, рисуется образ, достаточно далекий от того, который представлен в трудах польских исследователей. Украинские авторы охотно говорят о причинах резни, которые, по их мнению, объясняются ошибочной национальной политикой Второй Речи Посполитой, а также нежеланием польского подполья признать справедливость стремления украинцев к независимости. Оценивая польско-украинский конфликт во время войны, они считают, что в 1943–1944 годах на Волыни и в Восточной Галиции между поляками и украинцами шла кровавая, беспощадная война, от которой пострадало гражданское население – как украинцы, так и поляки, причем число жертв не имеет значения. Таким образом, в 1943 году имела место война, в которой обе воюющие стороны совершили многочисленные и, по сути, равнозначные преступления.

⁹ Zajac. Prześladowania ludności narodowości polskiej na terenie Wołynia w latach 1939–1945. P. 22.

Яркой иллюстрацией подобного подхода служат слова далекого от симпатий к УПА Михаила Коваля – сотрудника Национальной академии наук Украины (НАНУ), известного исследователя истории Второй мировой войны. Его книгу, посвященную судьбе Украины в этот период, опубликованную в популярной серии «Украина сквозь века», можно рассматривать как выражение неофициальной позиции НАНУ. В ней говорится: «Одним из главных объектов атак со стороны УПА стали партизанские отряды Армии Крайовой (...). Оуновцы предприняли попытку принудительного выселения поляков с западно-украинских территорий (...). Во взаимных террористических акциях погибло не менее 40 тыс. поляков – детей, женщин, стариков – и приблизительно столько же украинского населения, некоторые авторы говорят о 60-80 тыс. тех и других»¹⁰. Такой подход к польско-украинским отношениям во время войны преобладает среди украинских ученых, более того, думаю, он также неофициально определяет курс государственной политики в области истории.

С растущей радикализацией взглядов на общее прошлое мы сталкиваемся и в Польше, где все большую поддержку в обществе получает трактовка конфликта, которая формируется в так называемых националистическо-кресовых кругах, которые пользуются поддержкой среди части историков и журналистов. Согласно этой версии, практически единственной причиной действий ОУН(б) и УПА следует считать идеологию интегрального национализма, в основе которой лежала идея создания этнически однородного украинского государства. Следовательно, антипольские акции на Волыни и в Восточной Галиции были обусловлены стремлением фанатичных сторонников этой идеи, представляющих социально чуждую, маргинальную часть украинского общества, реализовать ее на практике. Конец геноциду положила только операция «Висла» – полностью обоснованная и оправданная, так же, как и предыдущие, отнюдь не систематические случаи польских ответных акций. Сторонники такой интерпретации не учитывают влияние политики Второй Речи Посполитой на формирование взглядов украинцев, поскольку считают, что даже «если существовали» факты дискриминации украинцев, то они «были чем-то маргинальным». По их мнению, антипольские действия УПА на Волыни и в Восточной Галиции следует приравнять к преступлениям, совершенным нацистской Германией и Советским Союзом. Они представляют собой «третий геноцид», превосходящий по своей жестокости действия нацистов и коммунистов. В связи с этим каждый случай использования таких понятий как «конфликт» или «антипольская акция» является релятивизацией преступлений, совершенных украинскими партизанами, поэтому единственно допустимым термином, который должен и может присутствовать в научном и общественном дискурсе, является геноцид.

¹⁰ Коваль М.В. Україна в другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939–1945 рр.). К., 1999. С. 153.

Представляется очевидным, что в своей оценке событий того времени поляки и украинцы стоят на разных, совершенно противоположных позициях. Причем, как одна, так и другая сторона отличается упрощенным подходом к действительности. Легко заметить, что украинская трактовка событий, о которых идет речь, сконструирована таким образом, чтобы избежать однозначной оценки бандеровских инициатив. Фокусируя внимание на борьбе против АК, украинские исследователи создают впечатление, что на Волыни и в Восточной Галиции шла партизанская война, в которой в равной степени участвовали обе стороны, а карательные операции – пачификации – проводились только против тех сел, которые находились под защитой вооруженных формирований. И хотя они признают, что в результате действий УПА пострадало невинное польское население, сразу же эта информация уравнивается словами об убийствах невинных украинцах. Кроме того, раз польские власти были столь неуступчивы по отношению к украинцам, значит поляки лишь дорого заплатили за собственную политику. Таким образом, они не только ставят на одну доску действия АК и УПА, но и, что существенно важнее, искажают суть того, что происходило на Волыни и в Восточной Галиции. Из таким образом сконструированной версии событий украинский читатель никогда не поймет, что УПА проводила масштабную и необычайно кровавую геноцидную этническую чистку.

К сожалению, украинская сторона нередко априори считает польские оценки антипольских акций УПА проявлением предубежденности. Поэтому вместо дискуссий по вопросу юридической квалификации резни на Волыни и в Восточной Галиции мы можем столкнуться с утверждением, что каждый, кто согласен с тем, что это был геноцид, является противником Украины и взаимного диалога, заражен антиукраинскими стереотипами или просто поддался шантажу со стороны польских националистическо-кресовых кругов.

Однако подобные упрощения характерны и для картины событий, которую рисуют кресовые круги. Ставя знак равенства между членами ОУН и УПА, с одной стороны, и нацистами и советской властью – с другой, они пытаются создать впечатление, что мы имеем дело с чем-то вроде внешней экспансии и украинской оккупации восточных кресов. Между тем, как бы ни оценивать действия ОУН и УПА, их деятели были гражданами Второй Речи Посполитой, выступившими против польских сограждан, а не жестокими захватчиками-агрессорами. Третий рейх и СССР были субъектами международного права, а ОУН – подпольной террористической организацией. Целью беспощадной оккупационной политики Германии и СССР было завоевание всей Польши. В то время как поляков и украинцев разделил спор о будущей границе. И, наконец, для украинских националистов поляки были ненавистными оккупантами, а для нацистов – стоящими на самом низком расовом уровне недочеловеками, которых они намеревались превратить – после уничтожения интеллигенции – в нацию рабов. В свою очередь, для советской власти они были «польскими панами». Которых следовало уничтожить или «перевоспитать».

Сосредоточение внимания на идеологии интегрального национализма, в свою очередь, освобождает польских участников дискуссии от необходимости отвечать за ошибки национальной политики Второй Речи Посполитой. Противопоставление термина «геноцид» всем другим определениям, посредством которых описываются события того времени, не позволяет заметить, что всех поляков и украинцев, живших на территории Волыни и Восточной Галиции, разделил в то время глубокий конфликт, связанный с будущей государственной принадлежностью, условно говоря, Львова и Дрогобыча. Кроме того, тезис о социальной чужеродности националистов используется польскими авторами для создания нарратива, в котором полностью отрицается факт, что они были выразителями надежды и боли тысяч западных украинцев (особенно во время сталинских репрессий в СССР в 1944–1953 годах), мечтавших о создании собственного государства. Иногда даже создается впечатление, что цель этих авторов состоит в том, чтобы поставить на одну доску преступления против поляков и украинские устремления к независимости.

Если мы и вправду хотим – в соответствии с действительностью – описать то, что произошло во время Второй мировой войны между поляками и украинцами, необходимо использовать в равной степени как термин «геноцид», так и «вооруженный конфликт». В 1943–1945 годах шла «война в войне» – война между поляками и западными украинцами в рамках Второй мировой войны. Ее можно рассматривать как попытку украинцев «исправить» последствия вооруженного конфликта 1918–1919 годов, в котором они потерпели поражение, а начало этой войны положила организованная ОУН(б) и УПА резня на Волыни. Украинские националисты, понимая собственную слабость и одновременно считая террор и насилие неотъемлемой частью политики, решили разрубить гордиев узел на Волыни и в Восточной Галиции при помощи геноцидной антипольской акции. Открытый конфликт между польским и украинским подпольем со всей очевидностью привел к многочисленным вооруженным столкновениям, а на Люблинщине – к возникновению еще одной, неформальной линии фронта. Однако это не должно заслонять собой факта, что главной жертвой этой войны было незащищенное гражданское население, не представлявшее никакой угрозы для украинских партизан. В фразе «мы имели дело с польско-украинским конфликтом, в ходе которого была проведена геноцидная антипольская акция», в равной степени важны как первая, так и вторая ее часть. Заметим, что подобная постановка проблемы не имеет ничего общего с релятивизмом – даже в случае геноцида тутси одновременно шла война Руандийского Патриотического Фронта против правительства, большинство которого составляли тутси.

Если искать аналогии деятельности УПА, то следует присмотреться не к действиям немцев и советской власти, а к отношениям между хорватами и сербами в годы Второй мировой войны. Без сомнения, хорватские усташа много чем походили на членов ОУН. Более того, методы, которые применяла к сербам правящая

в Хорватии команда Анте Павелича, очень напоминают проекты политики в отношении поляков, подготовленные для правительства Ярослава Стецко.

Вторая фаза конфликта осталась в тени сталинских этнических чисток. В 1944–1946 годах они затронули как поляков, которых изгоняли из Волыни и Восточной Галиции, так и украинцев с лемками, насильственно выселенных с территории современной Польши. В 1947 году следующая этническая чистка охватила остававшиеся еще в Польше национальные меньшинства украинцев и лемков, которых депортировали на западные и северные земли. Выселения, происходившие по воле Сталина (во время операции «Висла» также Берута и Гомулки), были элементом великого переустройства Центральной Европы по советскому образцу. Оно произошло бы независимо от действий бандеровцев, хотя, возможно, не имело бы столь масштабного характера.

В современных польско-украинских спорах о прошлом полякам так же, как и украинцам, предстоит усвоить еще немало уроков. Законным правом украинцев является уважение памяти тех, кто сражался за свободу своей родины. Однако сегодня украинцам следовало бы взять на себя труд ответить на вопрос: в сражении за независимость все ли средства борьбы можно считать оправданными? Может быть, был прав митрополит Андрей Шептицкий, который в проповеди, произнесенной после одного из покушений, сказал: «Преступлениями народу не служат»? А поляки имеют право – и даже моральную обязанность – чтить память жертв волынской и галицийской резни. Этот трагический этап польской истории и один из наиболее кровавых эпизодов Второй мировой войны также должен найти свое место в школьных учебниках. Однако при этом нельзя забывать и о том зле, которое причинили поляки.

Перевод с польского: В. Т. Веденева

Элеонора Нарвселиус

Волынь 1943-1944: украинские дискуссии о националистическом повстанчестве, поликультурных «вселенных» пограничья и польском региональном наследии*

В последнее время годовщины нескольких трагических событий стали предметом острых дискуссий в украинском публичном дискурсе. Среди них были и события, очевидные различия в интерпретации которых провоцируют международную полемику и бросают тень на двусторонние отношения Украины и Польши. Речь идет прежде всего о массовых убийствах польского населения Волыни и Восточной Галиции в 1943-1944 гг. Для национально ориентированных украинских политиков и интеллигенции Волынь является особенно щекотливой темой, учитывая, что основная ответственность за идеологическую подготовку и осуществление «антипольской акции» возлагается на Организацию украинских националистов (ОУН) и подконтрольные ей вооруженные отряды Украинской повстанческой армии (УПА). Обе являлись ключевыми силами антисоветского националистического движения, символический – а до недавнего времени и юридический – статус которых был предметом острой полемики. Тем не менее, провозглашение украинского государства деятелями ОУН в 1941 г. считается в Украине одной из вех в борьбе за национальное освобождение и государственную независимость, а массовые убийства на Волыни стали одной из центральных тем в дискуссии об оценке украинского националистического подполья¹.

Статья рассматривает основные интеллектуальные стратегии, используемые в диспутах о межэтническом насилии на Волыни и в Галичине. Речь пойдет прежде всего об аргументах, которые предложила (западно)украинская сторона. Польские дискуссии о Волыни затронуты лишь в общих чертах, так как эта широкая тема заслуживает отдельного исследования². Главный тезис статьи заклю-

* Расширенный вариант статьи был ранее опубликован на английском языке в серии *The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies* (2015. № 2403).

¹ Маймурек Я. Андрій Портнов: Зачароване коло національних історій // Історична Правда. 28 июля 2013. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/07/18/130915/>. Последнее посещение 14 сентября 2016.

² См., в частности, обширные библиографии в: Wnuk R. Recent Polish Historiography on Polish-Ukrainian Relations during World War II and its Aftermath. <http://ece.columbia.edu/files/ece/images/wnuk-1.pdf>. Последнее посещение 13 сентября 2015; Rossoliński-Liebe G. Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs über den polnisch-ukrainischen Konflikt 1943–1947 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2009. Vol. 57. № 1. P. 56. См. также: *Historycy polscy i ukraińscy wobec problemów XX wieku: Forum Europy Środkowo-Wschodniej* / Ed. P. Kosiewski, G. Motyka. Kraków, 2000; Stobiecki R. *Historians Facing Politics of History: The Case of Poland* // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989* / Ed. M.

чается в том, что определенные искажения, непоследовательности и пробелы в интерпретациях Волынской трагедии объяснимы в контексте более широкого интеллектуального процесса вписывания локального – и одновременно транснационального – прошлого в связный национальный нарратив. Выясняется, что разнообразие польско-украинских исторических связей невозможно просто и беспроблемно приспособить под украиноцентричное видение прошлого из-за неразрешенных конфликтов памяти, берущих начало в событиях Второй мировой войны и послевоенного периода. Поэтому, рассматривая аргументы украинской стороны в дискуссии о Волыни, стоит сосредоточиться не только на тенденциях официальной политики памяти, но и на идеях, сформулированных в академических контекстах, медиа-полемике и публичных дискурсах.

Усугубляющаяся полярность оценок массовых убийств на Волыни и в Галичине в 1943-1944 гг.

История польско-украинского противостояния насчитывает не одно столетие. Коллективные воспоминания и исторические нарративы фиксируют две наиболее значительные вспышки насилия в двадцатом веке, обоснованием которых служило различие политических интересов польской и украинской сторон. Первой является польско-украинская война 1918-1919 гг., кульминацией которой стала памятная битва за Львов, закончившаяся поражением Украинской Галицкой армии и включением Галичины в состав Второй Польской республики. Пик межэтнической напряженности пришелся, однако, на последние годы Второй мировой войны, когда на оккупированной нацистами территории польско-украинского пограничья произошли массовые убийства польского гражданского населения, на фоне которых развернулось антиукраинское насилие и вынужденные послевоенные миграции как поляков, так и украинцев. Начиная с 2000-х годов межэтнический конфликт и его кровавые последствия на Волыни и в Восточной Галиции стали одной из самых политизированных исторических тем, поскольку консенсус относительно количества жертв, мотивации убийств, концептуализации событий и приписывания ответственности за них так и не был достигнут.

В общих чертах суть произошедшего можно представить следующим образом. Массовые убийства польского населения захлестнули восточные окраины оккупированной и разделенной Польши во время критической фазы Второй мировой войны. На протяжении веков Волынь и Восточная Галиция как этнически неоднородные земли, которые ныне включены в понятие «западная Украина», имели разную историю, что привело к различию политических пристрастий и культур-

Копецек. Budapest, N.Y., 2008. P. 179-196; Motyka G. Cień Kłyma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci. Gdańsk, 2013.

ных ориентаций их населения. В начале XX века значительное влияние на этнические отношения в этих двух регионах оказали изменения политических границ. Восточная Галичина и большая часть Волыни были включены в состав Второй Польской республики, в то время как восточная Волынь отошла к Советскому Союзу. Хотя демографически поляки составляли меньшинство населения восточных окраин (называемых «kresy»), их территориальные требования основывались на численном и культурном преобладании в нескольких городах, особенно в Львове/Лемберге, бывшей столице габсбургской провинции Галиция и Лодомерия³.

Межэтнические отношения в межвоенной Польше (в частности, между поляками и украинцами) заострились в результате ассимиляционной политики польского правительства. В то же время, после десятилетия экспериментов с так называемыми национальными районами на западном пограничье СССР, советское правительство спешно изменило курс в отношении национальных меньшинств. В середине 1930-х польское население этих земель подверглось репрессиям и депортациям⁴. Во время советской оккупации восточной Галичины и Волыни в 1939-1941 гг. сотни тысяч поляков, украинцев и евреев были подвергнуты насильственной советизации, арестам и выселениям, что, в свою очередь, усугубило межнациональное напряжение и жажду мести реальным или воображаемым врагам.

Примечательно, что в период нацистской оккупации опыт поляков и украинцев существенно отличался в Рейхскомиссариате Украина, в состав которого была включена Волынь, и в Генерал-губернаторстве, под юрисдикцией которого оказалась Галичина. Положение украинского населения Галичины в целом выгодно отличалось от других национальных групп. В частности, в городах многие украинцы были приняты на работу в оккупационной администрации⁵. Что же касается Рейхскомиссариата Украина, то здесь нормой стало неприкрытое насилие⁶. Тысячи украинских полицейских были использованы для истребления местных евреев и таким образом усвоили приемы проведения массовых экзекуций⁷. Что касается поляков, то на Волыни они играли важную роль в немецкой администрации⁸. Помимо этого, одной из предпосылок различной динамики украинско-польского столкновения в двух регионах стала демография. На Волыни доля польского населения была меньше. Погибло же поляков больше всего

³ Как отмечает Тимоти Снайдер, «Lwów символизировал древнее польское присутствие и недавний политический триумф». Snyder T. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, L., 2004. P. 134.

⁴ Об автономных польских округах на западном пограничье СССР см.: Brown K. *A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland*. Cambridge, Mass., 2004.

⁵ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 174.

⁶ Berkhoff K.C. *Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule*. Cambridge, Mass., 2004. P. 10, 45-47.

⁷ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 162, 174.

⁸ Ibid. P. 157.

именно на Волыни, где были сконцентрированы основные силы УПА. Здесь начавшийся в 1943 г. террор принял самые жестокие формы. В 1944 г. он распространился на Галичину.

Во время войны численность населения Волыни резко сократилась в связи с уничтожением 98,5 процента евреев⁹. Что же касается потерь польского населения региона, то, по некоторым оценкам, к 1943 г. от довоенных 400 000 осталось примерно 200 000 человек. Такой резкий спад был обусловлен советскими депортациями в 1939-1941 гг., советскими и немецкими экзекуциями, принудительным вывозом на работы в Германию, смертями от болезней и гибелью в вооруженных налетах¹⁰. На этом фоне не так-то просто оценить точное количество гражданских лиц, погибших в результате межэтнического насилия. Тем не менее, речь, несомненно, идет о десятках тысяч. Подсчеты потерь польского населения на Волыни и в Галичине во время Второй мировой войны дают цифры от 40 000 до явно преувеличенных 200 000¹¹. Согласно последним подсчетам, известны имена около 42 000 жертв насилия отрядов УПА¹². Число украинских жертв польских вооруженных формирований во время Второй мировой войны составляет примерно 30 000¹³.

Массовые убийства поляков в условиях продолжающейся немецкой оккупации были спровоцированы стремлением украинских националистических сил *de facto* установить контроль над территорией, которая могла стать предметом территориальных претензий послевоенной Польши. В отличие от соседней Галичины, в предвоенной Волыни как украинское большинство, так и около шестнадцати процентов тех, кого классифицировали как поляков¹⁴, не были склонны к массовым выступлениям под националистическими лозунгами. Однако во время войны Волынь стала основной ареной массового насилия, подкрепленного националистической риторикой. В начале 1943 г. радикальная фракция ОУН, «бандеровцы», выступила с призывом очистить Волынь, которая к тому времени находилась под контролем УПА, от поляков.

Массовая поддержка «антипольской акции» может быть объяснена ожесточением местного украинского населения, которое в течение короткого периода времени испытало радикализацию национальной политики, беспрецедентный террор советского и нацистского правления и уничтожение местных элит¹⁵. Она также была частично обусловлена возможностью получить польские земельные

⁹ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 160.

¹⁰ *Ibid.* P. 169, 325.

¹¹ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»: konflikt polsko-ukraiński 1943-1947.* Kraków, 2011. P. 447.

¹² Siemaszko E. *Bilans zbrodni: komentarze historyczne // Biuletyn Instytutu Pamięci Narodowej.* 2010. № 7-8(116-117). P. 94.

¹³ Motyka. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»...* P. 448.

¹⁴ Snyder. *The Reconstruction of Nations...* P. 145.

¹⁵ *Ibid.* P. 155-156, 163; Льюшин І. Українська повстанська армія і Армія Крайова: протистояння в Західній Україні (1939-1945 pp). К., 2009. С. 248; Motyka. *Od rzezi wołyńskiej...* P. 446-448.

наделы, обещанные специальным указом УПА¹⁶. В свою очередь, антиукраинское насилие было организовано поляками, воевавшими в формированиях самообороны, в отрядах советских партизан, немецких полицейских и подразделениях польской Армии Крайовой¹⁷.

И в Польше, и в Украине главным объектом недавних политических и академических дебатов о Волыни стали роль, мотивации и идеологический профиль ОУН и УПА¹⁸. ОУН была подпольной организацией, которая практиковала террористические методы в борьбе за независимое украинское государство и стала значимой политической силой только к 1939 году. Так как во время Второй мировой войны, она оказалась, по сути, единственной активно действующей украинской политической организацией, ее влияние стремительно возросло¹⁹. После 1991 г. в западной Украине, особенно в Галичине, агиографическое повествование об ОУН и УПА как бескомпромиссных борцах за независимое государство укоренилось в основном под влиянием националистической историографии, поддерживаемой группами украинских эмигрантов на Западе. Энергичную поддержку этого героического нарратива в Украине можно в какой-то мере объяснить тем, что ОУН и УПА стали частью местной памятной культуры в контексте нарратива о бескомпромиссном движении сопротивления двум деспотическим режимам: советскому и нацистскому.

Тем не менее, сомнения в правомерности этой героической формулы возникают, если принять во внимание хотя бы несколько документально подтвержденных деталей. Еще до начала войны ОУН активно сотрудничала с Абвером²⁰. Также и после раскола ОУН в феврале 1940 г. обе конкурирующие фракции, «бандеровцы» и «мельниковцы», несмотря на различия в подходах и практике, получали поддержку из нацистской Германии, видели в ней главного союзника в борьбе за независимое украинское государство, и к тому же основывали свою идеологию на принципах так называемого интегрального национализма, который был сродни межвоенными фашистским доктринам других европейских наций²¹. ОУН(б) провозгласила украинское государство 30 июня 1941 г., после вступления во Львов батальона Вермахта «Нахтигаль», сформированного в основном из

¹⁶ Льюшин. Українська повстанська армія... С. 273.

¹⁷ Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 172-173.

¹⁸ См. обзор наиболее значимых академических исследований, посвященных ОУН и УПА как в Украине, так и за ее пределами в: Marples D. *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest, N.Y., 2007; Rossoliński-Liebe G. *Stepan Bandera – The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist: Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart, 2014.

¹⁹ Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 152, 164.

²⁰ Проблема ОУН-УПА. Національна академія наук, Інститут історії України. Звіт робочої групи істориків при Урядовій комісії з вивчення діяльності ОУН і УПА: основні тези з проблеми ОУН-УПА (історичний висновок). К., 2004. С. 18.

²¹ Marples. *Heroes and Villains*... P. 112-161; Snyder. *The Reconstruction of Nations*... P. 143; Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920-ті – 1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії*. К., 2013; Rudling P.A. *Historical Representation of the Wartime Accounts of the Activities of the OUN-UPA (Organization of Ukrainian Nationalists- Ukrainian Insurgent Army)* // *East European Jewish Affairs*. 2006. Vol. 36. № 2. P. 163-189.

украинцев, и, как следовало из его полного названия «батальйон Нахтигаль [т.е. Соловей] імені Степана Бандери», при активном участии бандеровской фракции ОУН. Новое государство просуществовало очень недолго, так как немецкие власти сразу же репрессировали его деятелей. Поскольку идеология и практика недолговечного украинского правительства имели много общего с нацистскими моделями, последствия украинского правления, судя по всему, были бы губительны для национальных меньшинств. Различные документы бандеровского крыла ОУН содержат довольно противоречивые указания относительно национальной политики. Тем не менее, они свидетельствуют, что по крайней мере в начале 1940-х гг. ОУН(б) рассматривала евреев, поляков и «москалей» как враждебные меньшинства²². В более конкретном измерении, существовал план репрессий в отношении нескольких национальных групп, в частности евреев и поляков. Последние должны были быть принудительно ассимилированы, а их интеллигенция уничтожена²³.

Истребление гражданского населения на Волыни и в Галиции запустило цепную реакцию ответных акций и послевоенных радикальных решений польско-украинского конфликта, которые безвозвратно изменили этнический состав пограничья. После повторной аннексии СССР бывших восточно-польских территорий в 1944 г. Сталин и марионеточное коммунистическое правительство Польши провели широкомасштабные «обмены населением» с целью установления контроля над землями, истощенными жестокостью нацистского режима и польско-украинского конфликта. В общей сложности около 790 000 поляков были «репатрированы» из Западной Украины в 1940-х гг., 124 000 из одного только Львова²⁴. Одновременно с окончанием нацистской оккупации с восточных польских территорий было выселено в СССР около полумиллиона украинцев²⁵, а еще 140 000 были расселены в самой Польше в ходе операции «Висла»²⁶. В результате истребления еврейского населения, массовых убийств польских и украинских гражданских лиц и последующих «эвакуаций» и «переселений» послевоенное польско-украинское пограничье превратилось в зону «искалеченной мультиэтничности»²⁷.

²² См. список публикаций, затрагивающих данную тему, в: Качановський І. ОУН(б) та нацистські масові вбивства влітку 1941 року на історичній Волині // Україна Модерна. 2013. № 30: Фашизм і правий радикалізм на сході Європи. С. 215-244. Собрание документов: Матеріали та документи Служби безпеки ОУН(б) у 1940-х рр. / Упоряд. О. Лисенко, І. Патриляк. К., 2003. С. 50-51.

²³ Мотука. *Od rzezi wołyńskiej...* P. 67; ОУН в 1941 році: документи. В 2-х частинах / Упоряд. О. Веселова, О. Лисенко, І. Патриляк, В. Сергійчук. К., 2006. С. 103-104.

²⁴ Czerniakiewicz J. *Repatriacja ludności polskiej z ZSSR 1944-1948*. Warszawa, 1987. P. 134; Ther Ph. *War Versus Peace: Interethnic Relations in Lviv during the First Half of the Twentieth Century // Lviv: A City in the Crosscurrents of Culture / Ed. J. Czaplicka*. Cambridge, Mass., 2000. P. 271.

²⁵ Snyder T. «To Resolve the Ukrainian Question Once and for All»: The Ethnic Cleansing of Ukrainians in Poland, 1943–1947 // *Journal of Cold War Studies*. 1999. Vol. 1. № 2. P. 108; Snyder T. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past & Present*. 2003. Vol. 179. P. 187.

²⁶ Snyder. *To Resolve the Ukrainian Question...* P. 113.

²⁷ Follis K. *Building Fortress Europe: The Polish-Ukrainian Frontier*. Philadelphia, 2012. P. 181.

С окончанием Второй мировой войны и установлением просоветских режимов в Центральной Европе замалчивание межэтнического насилия на Волыни и в восточной Галиции стало официальной линией по обе стороны польско-украинской границы. Одной из основных причин такой политики было стремление представить послевоенный социалистический блок как содружество братских народов, в едином порыве прокладывающих путь в коммунистическое будущее и свободных от наследия конфликтов, подстрекаемых классом эксплуататоров. Кроме того, «польско-украинский антагонизм не вписывался в советскую концепцию Великой Отечественной войны»²⁸. Официальный советский нарратив, закодированный на разных уровнях (от школьных учебников до многотомных официальных историографий) сосредоточился на монументальной битве СССР с нацистской Германией. Об объяснении маневров менее крупных политических игроков и национальных сил в Центральной Европе, которые могли бы вскрыть экспансивную советскую политику, не могло быть и речи. В результате, «[и] коммунистическая педагогика, и наука в Польше и Советском Союзе настаивали на том, что этнические группы всегда были там, где они сейчас, и что современные границы отражают древнюю историю. ... Этой догме не верили, но именно она заглушила исторические исследования причин перемещения населения»²⁹. Несмотря на то, что польская историография была гораздо более открытой по сравнению с советской³⁰, изучение проблематичных польско-украинских отношений первой половины двадцатого века стало частью академических дискуссий и полемики в медиа только после 1989 года.

Несмотря на общую практику цензуры исторических нарративов и представления массовых послевоенных перемещений населения как добровольной репатриации, «чистки памяти»³¹ от кровавого межэтнического конфликта военного времени не были вполне успешными. Последствия цензуры в советской Украине и Польской Народной Республике оказались разными. В советской Украине данная тематика десятилетиями блокировалась практически на всех уровнях; упоминания об убийствах поляков стали просачиваться в публикации западноукраинских газет лишь в конце 1970-х и начале 1980-х благодаря отчетам о судебных процессах над бывшими членами украинского националистического подполья. Что же касается послевоенной Польши, то здесь упоминания о резне на Волыни и в Галичине вошли в обыденное сознание обходными путями. В художественной литературе периода «реального социализма» в качестве символически значимой территории активности УПА были представлены не Волынь и восточная

²⁸ Осипян А. Этнические чистки и чистка памяти: украинско-польское пограничье 1939–1947 годов в современной политике и историографии // *Ab Imperio*. 2004. Вып 2. С. 312.

²⁹ Snyder. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing*. P. 229-230.

³⁰ Górny M. *From the Splendid Past to the Unknown Future: Historical Studies in Poland after 1989* // *Narratives Unbound: Historical Studies in Post-Communist Eastern Europe* / Ed. A. Sorin, B. Trencsényi, P. Apor. Budapest, N.Y., 2007. P. 101-141.

³¹ Осипян. Этнические чистки... С. 237-268.

Галиция, а Бескиды и Люблинщина послевоенного периода³². В то же время, в польских учебниках этого периода УПА называли преступными бандами, движимыми закоренелой враждой к полякам³³. В результате польские власти могли без труда представлять выселения украинцев в ходе операции «Висла» как единственно эффективный способ ликвидации сети УПА³⁴.

Хотя коммунистическая пропаганда замалчивала обстоятельства и масштабы межэтнического насилия времен войны, польские эмигрантские круги на Западе продолжали обращаться к этим темам. Осознание устрашающих последствий польско-украинского конфликта дало толчок серьезным дискуссиям о перспективах восточной политики Польши в объединенной Европе. В частности, литературно-политический журнал *Kultura*, издаваемый в изгнании известным польским интеллектуалом Ежи Гедройцем, стал эпицентром обсуждения того, как можно в будущем построить взаимовыгодные политические отношения с украинцами, белорусами и литовцами несмотря на бремя исторических конфликтов. Журнал Гедройца регулярно попадал к своим читателям за «железным занавесом» несмотря на официальную цензуру³⁵. Прагматический по своей направленности дискурс примирения, пропагандируемый журналом *Kultura* и польской интеллигенцией, которая принимала активное участие в «Солидарности», создал предпосылки для продолжения дискуссий о польско-украинских отношениях уже после распада социалистического блока. Кроме того, шаги, предпринятые римско-католической церковью³⁶ для привлечения к диалогу греко-католической церкви в изгнании, а также протестантского духовенства, сыграли свою роль в создании интеллектуальной платформы для переосмысления исторических отношений Польши и с соседними государствами, и с собственными национальными меньшинствами. Таким образом, благодаря начавшейся ранее дискуссии, после краха коммунистической системы польские интеллектуалы оказались лучше подготовлены к пересмотру сложного польско-украинского прошлого.

³² Wnuk. Recent Polish Historiography. См. также: Грицак Я. Страсті за націоналізмом: історичні есеї. К., 2004. С. 149.

³³ Зашкільняк Л. Українсько-польські стосунки ХХ ст. у спільній свідомості українців і поляків // Вісник Львівського університету: серія історична. 2008. № 2. С. 130; см. также: Трухан М. Негативний стереотип українця в польській післявоєнній літературі. Мюнхен, Львів, 1992.

³⁴ Wnuk. Recent Polish Historiography; Lehmann R. From Ethnic Cleansing to Affirmative Action: Exploring Poland's Struggle with its Ukrainian Minority (1944–89) // Nations and Nationalism. 2010. Vol. 16. № 2. P. 285-307; Jasiak M. Overcoming Ukrainian Resistance: The Deportation of Ukrainians within Poland in 1947 // Redrawing Nations: Ethnic Cleansing in East-Central Europe, 1944–1948 / Ed. Ph. Ther, A. Siljak. Lanham, 2001.

³⁵ Lane Th., Wolański M. Poland and European Integration: The Ideas and Movements of Polish Exiles in the West, 1939–91. N.Y., 2009. P. 203-207, 226-229; см. также: Попович М. Культура с украинской точки зрения // Исторична Правда. 18 октября 2010. <http://www.istpravda.com.ua/digest/2010/10/18/580>. Последнее посещение 14 сентября 2016.

³⁶ Особенно с избранием Папой Римским Кароля Войтылы, известного защитника прав национальностей; см. Prizel I. National Identity and Foreign Policy: Nationalism and Leadership in Poland, Russia and Ukraine. Cambridge, 1998. P. 100.

В начале 1990-х значительная часть польской политической элиты осознала, что признание исторических ошибок немаловажно для демонстрации нового демократического курса Польши в международном контексте, а также для улучшения отношений с собственными меньшинствами. Коллективная память не только стала «якорем суверенитета»³⁷, но и превратилась в значимый фактор польской геополитики. Наряду с этим, в соответствии с европейскими моделями памяти, официальная риторика сосредоточилась на жертвах злодеяний прошлого и на моральной трансформации национальных общин, обремененных наследием исторических конфликтов. Еще в 1990 г., несмотря на протесты бескомпромиссных националистических деятелей, польский сенат принял резолюцию об осуждении операции «Висла», а также пообещал компенсацию ущерба украинцам, ставшим жертвами принудительных переселений. Резолюция положила начало дальнейшим инициативам польско-украинского примирения, улучшила международный имидж страны и дала импульс научным дискуссиям об истории XX столетия. И все же проблемные аспекты этой инициативы не прошли незамеченными. Критики обратили внимание на то, что этот шаг польских политиков был по сути полумерой, поскольку ответственность за операцию была однозначно возложена на коммунистический режим, а начавшаяся дискуссия о поддержке выселений польским обществом была приостановлена. Не менее проблематичным было и то, что от украинской стороны ожидали ответных действий и официального признания убийств на Волыни в формате, востребованном польскими политическими игроками.

Нужно отметить, что хотя в 1990-х и польская, и украинская стороны демонстрировали готовность наладить сбалансированный диалог о трагических страницах совместной истории, тем не менее «игры памяти» продолжились – причем не только из-за присущей «грамматике примирения» противоречивости³⁸ или асимметрии польских и украинских политических интересов, но также из-за недостатка убедительного и доходчивого интеллектуального дискурса, который бы озвучила украинская сторона. В Украине противоречивые реакции³⁹ на предложения польских деятелей обратиться к трагическому прошлому можно отчасти объяснить столкновением нескольких – иногда взаимодействующих, а иногда взаимоисключающих – тенденций официальной украинской политики памяти⁴⁰. Кроме того, когда речь заходит о волынской проблематике, следует учитывать

³⁷ См. von Geldern J. *Memory as the Anchor of Sovereignty: Katyn and the Charge of Genocide // Public Commemoration in Russia and Eastern Europe / Ed. J. Buckler, E. D. Johnson. Chicago, 2013. P. 263-284.*

³⁸ Zhurzhenko T. *Memory Wars and Reconciliation in the Ukrainian-Polish Borderlands: Geopolitics of Memory from a Local Perspective // History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe: Memory Games / Ed. G. Mink, L. Neumayer. Basingstoke, 2013. P. 174.*

³⁹ См.: Berdychowska B. *Ukraińcy wobec Wołynia // Zeszyty historyczne. 2003. № 146. P. 100-104.*

⁴⁰ См.: Narvselius E. «Bandera Debate»: Contentious Legacy of World War II and Liberalization of Collective Memory in Western Ukraine // *Canadian Slavonic Papers. 2012. Vol. 54. № 3-4. P. 469-490.*

ощутимый разрыв между мнемоническими дискурсами, разворачивающимися на местном уровне, и историческим знанием, доступном в общеукраинском масштабе. В течение многих десятилетий польско-украинский конфликт смутно сохранялся в памяти волынян и галичан⁴¹, но оставался неизвестным в остальных регионах Украины⁴². С обретением Украиной независимости ситуация практически не изменилась.

Несмотря на все различия, и официальный советский нарратив, и украиноцентричная историография 1990-х не обращались к теме довоенного этнического разнообразия польско-украинского пограничья и радикального изменения демографии края в результате «антипольской акции» 1943-1944 гг. и последующих переселений. Американские историки украинского происхождения Роман Шпорлюк и Франк Сысин нарушили табу в 1989⁴³. Массовая украинская аудитория впервые узнала об этой главе национальной истории в трактовке другого диаспорного исследователя, Ореста Субтельного, чья популярная книга *Украина: история* была издана в украинском переводе в 1991 г. Историк указал на взаимный характер резни: «...и украинские, и польские вооруженные отряды приняли участие в поголовной бойне, ставшей кровавым апогеем ненависти между двумя народами, которая усугублялась из поколения в поколение»⁴⁴. Тем не менее, учебники истории, опубликованные в Украине на пятом году независимости, содержали лишь эпизодичное и эвфемистическое упоминание о польско-украинском «политическом антагонизме», а само слово Волынь там даже не упоминалось⁴⁵. В то время внимание украинской публики было сосредоточено на таких исторических событиях, как операция «Висла» и выселения украинцев⁴⁶, то есть темах, которые, подобно Голодомору 1932-1933 гг. и Чернобыльской катастрофе, намного лучше вписывались в институционализированный после 1991 г. нарратив об украинцах как нации жертв⁴⁷.

⁴¹ Как выяснилось в ходе социологического опроса, организованного в 2003 году в Луцке Центром Разумкова (Киев), большинство респондентов (41,3 %) полагали, что в ходе Волынского конфликта наиболее массовыми были жертвы среди украинцев. Кроме того, большинство (38,7 %) были уверены, что конфликт начали поляки (Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 70).

⁴² Осипян. Этнические чистки... С. 321; Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 69-70.

⁴³ Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 102.

⁴⁴ Субтельный О. *Україна: історія*. К., 1993. С. 583.

⁴⁵ Портнов А. *Українські інтерпретації Волинської різанини* // *І*. 2013. № 74. http://www.ji.lviv.ua/n74texts/Portnov_Ukrainiski_interpretacii.htm. Последнее посещение 14 сентября 2016. Примечательно, что и популярный учебник польской истории XX века Антония Чубинского, изданный в 2000 году, представляет лишь очень общую информацию по теме: «Во время войны происходили национально мотивированные убийства и бои на польско-украинской и польско-литовской границе. Они привели к большому количеству жертв с обеих сторон» (Antoni Czubiński. *Historia Polski XX wieku*. Poznań, 2000. P. 248.)

⁴⁶ См., например, трехтомный сборник, посвященный этой теме. Первый том был опубликован в 1996 году: *Депортації: Західні землі кінця 30-х – початку 50-х рр. Документи, матеріали, спогади* / Ред. Ю. Сливка. Т. 1-3. Львів, 1996-2000.

⁴⁷ Jilge W. *Competing Victimhoods: Post-Soviet Ukrainian Narratives on World War II* // *Shared History – Divided Memory: Jews and Others in Soviet-Occupied Poland, 1939-1941* / Ed. E. Barkan et al. Göttingen, 2007. P. 108.

В начале 1990-х привычная советская практика подчинения идеологической указке сверху была прервана⁴⁸. Украинские историки получили возможность «самостоятельно влиять на конъюнктуру идеологического рынка»⁴⁹. Несмотря на разные подходы и приоритеты, в середине 1990-х польские и украинские исследователи начали обсуждать ранее замалчиваемые аспекты польско-украинских исторических отношений. На протяжении 1990-х годов несколько авторитетных украинских историков приняли участие в дискуссии о волынских событиях на страницах популярного польского ежедневника *Gazeta Wyborcza*⁵⁰. Был также организован ряд международных научных конференций и семинаров, посвященные этой теме⁵¹. Наиболее продуктивными и резонансными стали тринадцать международных исторических семинаров «Польша-Украина: трудные вопросы», состоявшихся в 1996-2008 гг.⁵² Этот двусторонний форум был инициирован центром «Karta» – польской общественной организацией, занимающейся освещением недавней истории Польши и Центрально-восточной Европы. Среди его организаторов числились Объединение ветеранов Армии Крайовой⁵³ и Союз украинцев в Польше. Участвовать в обсуждении исследовательских проблем пригласили лишь ограниченное число авторитетных профессиональных историков. Тем не менее, дискуссии между польскими и украинскими экспертами были довольно эмоциональными и не всегда беспристрастными⁵⁴. Дальнейшие семинары также подтвердили, что польские историки были лучше подготовлены к обсуждению комплексной тематики польско-украинского конфликта на Волыни и в восточной Галиции благодаря поддержке на государственном уровне, доступу к архивам и знакомству с новейшими методологическими подходами – то есть тому, чего зачастую сильно не хватало их украинским коллегам. Тем не менее, благодаря эффективной организации и поддержке со стороны частных спонсоров и государственных учреждений было обсуждено 35 научно-исследовательских

⁴⁸ Касьянов Г. Современное состояние украинской историографии: методологические и институциональные аспекты // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 509.

⁴⁹ Kasianov G. Revisiting the Great Famine of 1932-1933: Politics of Memory and Public Consciousness (Ukraine after 1991) // *Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe after 1989* / Ed. M. Kopeček. Budapest, N.Y., 2008. P. 200.

⁵⁰ Ключевые материалы дискуссии в *Gazecie Wyborczej* были позднее воспроизведены в сборнике *Волинь: дві пам'яті* (Київ, Варшава, 2008), изданном Объединением украинцев в Польше.

⁵¹ См. Грицак Я. Украинская историография 1991-2001: десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 433; Осипян. Этнические чистки... С. 318-319.

⁵² Подробнее о работе этих семинаров см.: Rezmer W. Ethnic Changes in Volhynia and Eastern Galicia during the Second World War in the Light of the Work of the «Poland-Ukraine: Difficult Questions» International Historical Seminar // *Divided Eastern Europe: Borders and Population Transfer, 1938-1947* / Ed. A. Dyukov, O. Orlenko. Newcastle upon Tyne, 2012. P. 121-131, а также: Пачковський А. Польща і Україна, складні відповіді // *Європа та її болісні минувшини* / Ред. Ж. Мінк, Л. Неймайер. Пер. з фр. Є. Марічева. К., 2009. С. 142-153.

⁵³ Армия Крайова (Armija Krajowa) – вооруженные отряды польского подполья, воевавшие на оккупированных польских территориях – была одной из главных сторон межэтнического конфликта на Волыни и в Галичине.

⁵⁴ Пачковський. Польща і Україна... С. 148-153; В'ятрович В. Друга польсько-українська війна 1942-1947. К., 2012. С. 306.

проблем, связанных с польско-украинскими конфликтами 1940-х, опубликованы 14 томов научных работ на двух языках и собрана обширная фактография событий⁵⁵.

Примечательно, что уже на ранних стадиях сотрудничества польские и украинские историки осознавали необходимость определения аспектов, в которых намечались наиболее острые разногласия⁵⁶. В спорах о Волыни принципиальными моментами полемики стали определение количества погибших, выяснение отправной точки событий, а также степень планирования и координации вооруженных нападений. Неудивительно, что яблоком раздора в этом контексте стала оценка ОУН и УПА. В зависимости от того, какие ответы давались на основные вопросы, трактовки массового уничтожения польского населения резко отличались. Наибольшую поддержку в кругах профессиональных историков, а затем в широких кругах населения Польши получило толкование событий либо как геноцида (*ludobójstwo*), либо же как этнической чистки польского населения, произошедших при непосредственном участии и подстрекательстве украинских националистических формирований. Что же касается украинской стороны, то тут широко распространенной стала точка зрения на кровопролитие как на побочное следствие борьбы за национальное освобождение, основными силами которого выступали именно ОУН и УПА. Учитывая позитивистский характер дискуссии о Волыни⁵⁷, редко поднимались вопросы комплексного исследования социально-культурной среды, в которой произошли массовые убийства, а также необходимости больше узнать о жертвах и их отношениях с преступниками и свидетелями преступлений⁵⁸. Сосредоточенность на объяснении политических причин насилия и на выяснении точного количества жертв отвлекла внимание и от объяснения не таких уж редких случаев взаимной помощи и спасения⁵⁹, которые могли бы пролить дополнительный свет на контекст ужасных событий. Тем не менее, несмотря на трудности диалога, академические круги проявили стремление к беспристрастному анализу кровавых польско-украинских конфликтов XX столетия и попытались обосновать свои интерпретации, опираясь на доступный материал.

⁵⁵ Rezmer. *Ethnic changes...* P. 128; Пачковський. *Польща і Україна...* С. 142-153.

⁵⁶ Протокол розбіжностей. Фрагмент «Польсько-українського комюніке», який стосується «кривавого конфлікту обох народів у роках 1941-1944» після чергової історичної сесії з циклу «Важкі питання» // Волинь: дві пам'яті. Київ, Варшава, 2009. С. 96-98.

⁵⁷ Rossoliński-Liebe. *Der polnisch-ukrainische Historikerdiskurs...* P. 56.

⁵⁸ Портнов. Українські інтерпретації. В Україні одним из немногих исключений из правила остается опубликованная более десяти лет назад статья Андрея Заярнюка: Виконавці етнічної чистки поляків на Волині як інтелектуальна проблема // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 2003. Т. 10. Волинь і Холмщина 1938–1947: польсько-українське протистояння та його відлуння. С. 261-286.

⁵⁹ Этот пробел был впоследствии заполнен публикацией польского Института национальной памяти: *Księga sprawiedliwych, 1939-1945: o Ukraińcach ratujących Polaków poddanych eksterminacji przez OUN i UPA* / Opracował R. Niedzielko. Warszawa, 2007.

С изменением политического климата 2000-х гг. начавшееся в предыдущем десятилетии сближение между польскими и украинскими историками приостановилось. Польское общество избавлялось от симптомов социалистического прошлого и готовилось к предстоящему вступлению в ЕС. В то время перспектива европейской интеграции стимулировала пересмотр новейшей истории Польши в свете «европейских» морально-политических оценок и практик осмысления трудного прошлого. Начало 2000-х было глубоко отмечено «болезненным польским самодопросом»⁶⁰ об истреблении евреев их польскими соседями в Едвабном. В то же время различные политические силы, пытавшиеся оказать давление на ЕС, вновь заговорили о «предательстве» в Ялте в 1945 г. и других исторических травмах Польши⁶¹. Что же касается Украины, то ее европейские перспективы выглядели все более неопределенными. Международная репутация государства была серьезно дискредитирована в результате ряда скандалов, которые продемонстрировали коррупцию и кризис власти в верхах.

В этих условиях стали очевидными две тенденции. С одной стороны, исторические притеснения и страдания украинского народа получили новый политический резонанс. В этом плане особенно показательными были усилия украинского руководства законодательно закрепить трактовку Великого голода 1932-1933 гг. (Голодомора) как геноцида⁶². Однако, с другой стороны, стала очевидной определенная либерализация культуры памяти. С обретением Украиной независимости прошлое страны стало «открытой территорией», где множество интерпретаций становится предпосылкой различных подходов к инструментализации исторических нарративов.

Обращение к нескольким памятным датам польско-украинской истории – 60-й годовщине изгнания украинцев из Польши и поляков из СССР (2004 г.), событиям на Волыни (2003 и 2004 гг.) и годовщине операции Висла (2007 г.) – показало, что «терапия примирения и прощения», начатая в 1990-х, стала все чаще принимать форму «открытия "ран" в целях подтверждения своего отличия»⁶³. В частности, тема Волыни стала предметом осмысления украинскими историками, «агентами памяти» и политиками. Большинство интерпретаций, тем не менее, имели одну общую черту: они так или иначе настаивали на том, что ответственность за истребление польского гражданского населения не лежит всецело на

⁶⁰ Müller J.-W. On «European Memory»: Some Conceptual and Normative Remarks // *A European Memory? Contemporary Histories and Politics of Remembrance* / Ed. M. Pakier, B. Strâth. N.Y., 2010. P. 32.

⁶¹ Осипян. Этнические чистки... С. 234-235; Wolczuk K. Poland, Belarus & Ukraine Report: March 4, 2003 // *Radio Free Europe, Radio Liberty*. 19 декабря 2012. <http://www.rferl.org/content/article/1344019.html>. Последнее посещение 14 сентября 2016; Mink G., Neumayer L. Introduction // *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe...* P. 12.

⁶² См., напр.: Kasianov G. Revisiting the Great Famine of 1932-1933. P. 197-219; Касьянов Г. Разрытая могила: голод 1932-1933 годов в украинской историографии, политике и массовом сознании // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 237-269; Касьянов Г. Danse macabre. Голод 1932-1933 років у політиці, масовій свідомості та історіографії (1980-ті – початок 1990-х). К., 2010.

⁶³ Mink, Neumayer. Introduction. P. 11.

украинском националистическом движении⁶⁴. Оборонительный характер и полифония аргументов, предложенных украинскими деятелями, с одной стороны, и стремление польских кругов преимущественно консервативной ориентации обеспечить «принудительное извинение»⁶⁵ с другой, сделали официальные жесты примирения довольно болезненным процессом⁶⁶.

В связи с 60-летием волинских событий польская и украинская стороны публично заявили о стремлении к примирению. Официальные мероприятия по увековечению жертв были организованы в местах массовых захоронений на высоком политическом уровне⁶⁷. В 2002 г. президент Квасьневский официально осудил операцию «Висла», организованную коммунистическим правительством в 1947 г. Сразу же после этого распространились слухи о том, что украинский президент принесет официальное извинение за антипольские акции УПА на Волини и в Галичине. Тем не менее, несмотря на демонстрацию символических жестов примирения во время совместных поминовений волинских жертв, в своих речах и декларациях польские и украинские политики явно избегали давать четкие определения случившемуся и просить о прощении. Декларация о примирении по случаю 60-й годовщины волинских событий, подписанная президентами Кучмой и Квасьневским во время церемонии увековечения памяти польских жертв в Павловке (Порицке), содержала формулировки, явно навеянные «европейской» морально-политической риторикой, но в целом документ был слишком двусмысленным и эвфемистичным. Декларация упоминала как трагедию, так и преступление; и поляки, и украинцы были названы жертвами, но при этом не поднимался вопрос о преступниках⁶⁸. Определения волинских массовых убийств, на которых изначально настаивала польская сторона (т.е. этнические чистки или геноцид), также, как и четкая формула извинения, в тексте не упоминались. Именно эти обтекаемые формулировки, которые по большому счету выражали уважение к жертвам и апеллировали к христианской ценности прощения, и стали причиной

⁶⁴ См.: Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 99-100.

⁶⁵ Wolczuk. *Poland, Belarus & Ukraine Report*.

⁶⁶ Показательным примером того, что даже символические жесты примирения отнюдь не являются легко достижимыми, стали разногласия в связи с официальным открытием в 2005 году восстановленного польского Пантеона защитников Львова. Согласие на его открытие было дано официальными представителями Польши и Украины еще в 1999 году, но само торжество неоднократно откладывали из-за сопротивления львовских политиков давлению как польской, так и украинской высших властей. Когда настало время почтить другой трагический эпизод польской истории XX века, а именно расстрел львовских профессоров нацистами в 1941 году, событие было организовано на местном уровне совместными усилиями муниципальных властей Львова и Вроцлава и прошло в целом в более нейтральной атмосфере. См.: Narvselius E. *Polishness as a Site of Memory and Arena for Construction of a Multicultural Heritage in L'viv // Whose Memory? What Future? Remembering Ethnic Cleansing and Lost Cultural Diversity in Central and Eastern European Cities / Ed. B. Törnquist-Plewa. Oxford, N.Y., 2016. P. 87-92.*

⁶⁷ См. об этом: Zhurzhenko. *Memory Wars and Reconciliation...* P. 173-192.

⁶⁸ Спільна заява Президента України і Президента Республіки Польща «Про примирення – в 60-ту річницю трагічних подій на Волині» // Поступ. 16 июня 2003. <http://postup.brama.com/usual.php?what=11890>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

резкой критики обоих президентов. В то время как польские публицисты упрекнули Квасьневского в «умиротворении»⁶⁹ и неспособности добиться явного извинения от Кучмы, у себя дома украинский президент был обвинен в отсутствии патриотизма и потакании польской политической элите. К тому же попытка непопулярного президента говорить от имени всей нации не вызывала доверия многих западных украинцев и, по сути, ее легитимность подвергли сомнению⁷⁰. Тем не менее, ультраправые политические силы, в частности, ВО «Свобода»⁷¹, выразили свою поддержку Кучме за то, что он не уступил полякам⁷².

Можно утверждать, что 60-я годовщина Волыни стала поворотным пунктом для выразителей общественного мнения в Украине, поскольку она подтвердила, насколько важно было в сложившейся ситуации принимать во внимание особенности европейской символической политики и создавать условия для широкой общественной дискуссии о ранее замалчиваемых исторических событиях. В отличие от 1990-х, к теме Волыни в начале 2000-х обратились не только узкие круги профессиональных историков и организаций, объединяющих переживших убийства и переселения жителей приграничных территорий и их родственников. Напротив, она перестала быть объектом сугубо экспертного и регионального интереса, поскольку привлекла внимание более широких кругов интеллигенции и интеллектуалов и, более того, довольно широко освещалась в средствах массовой информации национального значения. Несмотря на противоречивые итоги официальных церемоний, 60-я годовщина Волыни продемонстрировала, что категорическое отрицание массовых убийств польского населения Волыни и Галичины отнюдь не является позицией, характерной для украинской стороны⁷³. В то же время круги либеральной и либерально-националистической интеллигенции осознали, что вместо отрывочных ответных заявлений необходимо сформулировать аргументы, которые бы давали более четкое представление о позиции украинской стороны в польско-украинском диалоге о трагичном прошлом. Западно-украинский интеллектуал Тарас Возняк сформулировал эту задачу как «установ-

⁶⁹ Wolczuk. Poland, Belarus & Ukraine Report.

⁷⁰ Copsey N. Remembrance of Things Past: The Lingering Impact of History on Contemporary Polish-Ukrainian Relations // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. № 4. P. 531-560; Zhurzhenko. Memory Wars and Reconciliation...

⁷¹ Всеукраинская объединение «Свобода» – новое название, принятое в 2004 г. Социально-национальной партией Украины (СНПУ). Идеологическим прототипом «Свободы» является ОУН и, соответственно, партия концентрирует свои усилия на искоренении коммунистической идеологии в Украине и на защите украинского народа как общности крови и духа. В 2004 году партия поддержала Виктора Ющенко, но после антисемитских высказываний своего лидера Олега Тягнибока, она лишилась членства в блоке Ющенко «Наша Украина». С 2006 г. «Свобода» принимала участие в выборах в качестве независимой партии и с 2009 г. ее популярность резко возросла. Хотя в связи с Евромайданом и последующим политическим кризисом в Украине «Свобода» потеряла часть электоральной поддержки, она по-прежнему занимает прочную позицию в ряде западно-украинских областей.

⁷² Коментарі // Поступ. 15 июня 2003. <http://postup.brama.com/usual.php?what=11848>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁷³ Berdychowska. Ukraińcy wobec Wołynia. P. 101.

ление иного дискурса дискуссии для двух обществ, польского и украинского»⁷⁴. В итоге, можно констатировать, что Волынь постепенно превратилась из исторической темы в проблему памяти⁷⁵, а беспристрастный профессиональный подход историков уступил место заангажированности политических игроков и «антрепренеров памяти»⁷⁶, поддерживающих интерес к данной теме по ряду причин не только познавательного характера.

Всплеск интереса к исторической проблематике стал особенно заметным в украинской общественной сфере с приходом к власти в 2005 г. «оранжевых» политиков. В годы правления Виктора Ющенко заметно оживились дискуссии вокруг таких резонансных тем, как советский тоталитаризм, наследие ОУН и УПА, Голодомор, Холокост и Волынь. Их обсуждение способствовало дальнейшему формированию несоветских, последовательно националистических нарративов о прошлом, но вместе с тем закрепило риторику европейской «политики сожаления»⁷⁷ в дискурсах медиа и официальных учреждений. На этом фоне все четче стала проявляться тенденция инструментализации исторических нарративов в политических целях⁷⁸. Во многих случаях официальные интерпретации украинского прошлого не смогли выйти за пределы повествования о нации-жертве и использовать европейские модели политики памяти, которые выдвигают на передний план моральный выбор и поиск универсальных ценностей посредством обращения к прошлому⁷⁹. Противоречия и крайности украинской политики памяти в этот период (2005-2010 гг.) стали особенно очевидными в связи с официальным курсом на героизацию ОУН и УПА.

Дискуссии в связи с 70-й годовщиной Волыни отличались от предыдущих этапов полемики в нескольких важных аспектах. В общем и целом, в 2013 г. не было недостатка в примирительной риторике и заявлениях о солидарности со стороны политиков, общественных организаций, активистов, представителей интеллигенции и церкви. Однако, в отличие от 1990-х и начала 2000-х, польско-

⁷⁴ Засідання Галицького дискусійного клубу «Митуса» 1 серпня 2012 року. // Youtube. http://www.youtube.com/watch?v=iPCy_up8yE. Последнее посещение 18 сентября 2014.

⁷⁵ О дискуссии относительно различных позиций профессиональных историков и активистов в сфере памяти см., напр.: Pakier M., Stråth B. Introduction // *A European Memory? P.* 5-8; Lee Klein K. *On the Emergence of Memory in Historical Discourse // Representations.* 2000. № 69. P. 127-150.

⁷⁶ Подробнее об этом термине см.: Mink G. *Geopolitics, Reconciliation, and Memory Games: For a New Social Memory Explanatory Paradigm.* 2009.

<http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/Mink%202009.pdf>. Последнее посещение 8 сентября 2016. См. также главы, написанные Сесиль Жуано (Cécile Jouhanneau), Сарой Фатнберг (Sarah Fatnberg) и Татьяной Журженко в книге: *History, Memory and Politics in Central and Eastern Europe...*

⁷⁷ Olick J. K. *The Politics of Regret: On Collective Memory and Historical Responsibility.* N.Y., L., 2007.

⁷⁸ Osipian Ararat L., Osipian Alexander L. *Regional Diversity and Divided Memories in Ukraine: Contested Past as Electoral Resource, 2004-2010 // East European Politics and Societies.* 2012. Vol. 26. P. 616-642.

⁷⁹ Karlsson K.-G. *The Holocaust as a Problem of Historical Culture: Theoretical and Analytical Challenges // Echoes of the Holocaust: Historical Cultures in Contemporary Europe / Ed. K.-G. Karlsson, U. Zander.* Lund, 2003. P. 18-20.

украинский диалог о трудном прошлом прошел в атмосфере возрастающего «мнемонического» противостояния. Призывы к взаимным уступкам ради исторического примирения явно контрастировали с очевидным – и на национальном уровне, и на местах – нежеланием идти на реальный компромисс. Неудивительно, что публичные заявления интеллектуалов и интеллигенции в этой ситуации способствовали скорее укреплению, а не ослаблению полярности оценок.

Одно из самых радикальных мнений о том, что произошло во время войны в Волыни и Восточной Галиции, представил польский историк Рышард Шавловски, который в 2003 г. пустил в обиход термин «genocidium atroх», т.е. особенно жестокая, варварская форма геноцида⁸⁰. Хотя эта радикальная дефиниция не получила широкого признания, тем не менее, определение Волыни как геноцида (*ludobójstwa*) распространилось в польском общественном дискурсе, а в июле 2016 г. было закреплено законодательством. Перед этим, в 2009 г., польский парламент принял резолюцию, в которой украинский-польский конфликт на Волыни был определен как «массовое убийство, характеризующееся этнической чисткой и чертами геноцида»⁸¹ – компромиссная, но тем не менее выразительная формулировка, подсказанная авторитетными польскими историками. Отчасти эта мера была реакцией на посмертное присвоение звания Героя Украины главнокомандующему УПА Роману Шухевичу президентом Виктором Ющенко 12 октября 2007 г. Следующий шаг был предпринят в апреле 2013 г., когда Сейм Республики Польша порекомендовал принять резолюцию, в которой ОУН и УПА определялись как преступные организации, несущие ответственность за геноцид польского населения⁸². В июне 2013 г., после рассмотрения шести проектов резолюции, приуроченной к 70-й годовщине Волынской резни (в одном из них понятие геноцида не фигурировало вообще)⁸³, Сенат в конечном итоге проголосовал за резолюцию, содержащую формулировку «этническая чистка с элементами геноцида»⁸⁴.

Равно как и провозглашение в Украине Голодомора 1932-1933 гг. геноцидом, совершенным сталинским режимом (примечательно, что эту формулировку в 2006 г. опровергла Дума, но поддержал польский Сейм, а через четыре года ее отменил президент Украины Виктор Янукович), определение Волыни с использованием международной юридической терминологии имеет политическую

⁸⁰ Szawłowski R. *Ludobójstwo* // *Encyklopedia Białych Plam*. Т. XI. Radom, 2003. P. 174.

⁸¹ Bronisław Komorowski, Marszałek Sejmu. «Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 lipca 2009 r. w sprawie tragicznego losu Polaków na Kresach Wschodnich» // Website of the Sejm of the Republic of Poland. [http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/\\$file/2183_u.pdf](http://orka.sejm.gov.pl/opinie6.nsf/nazwa/2183_u/$file/2183_u.pdf). Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸² См. текст: Польский Сейм готовится засудить УПА за геноцид // *Исторична Правда*. 18 апреля 2013. <http://www.istpravda.com.ua/short/2013/04/19/121271>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸³ Это был проект резолюции, предложенный правящей партией «Гражданская платформа».

⁸⁴ *Правляча партія Польщі відмовилася від слова «геноцид» у резолюції Сейму* // *Исторична Правда*. 6 июня 2013. <http://www.istpravda.com.ua/short/2013/06/6/125575>. Последнее посещение 4 ноября 2013.

подоплеку. Приверженцы польско-украинского примирения сразу же предположили, что подобная стратегия историзации⁸⁵ будет иметь негативные последствия для диалога польских и украинских либерально-демократических сил⁸⁶. Тем не менее, однозначные определения польско-украинского противостояния к тому времени прочно вошли в риторику актеров разного толка, стремящихся заработать политические дивиденды. Усилия сравнять счет в играх памяти вокруг «двух геноцидов», Волыни и Голодомора, смогли продолжиться на фоне изменяющихся политических обстоятельств.

В ответ на консолидацию польского общественного мнения украинская сторона в последние десять лет стала более настойчиво предлагать свои собственные стратегии интерпретации Волыни. В настоящее время толкования, совместимые с польскими официальными формулировками, последовательно поддерживает лишь довольно узкий круг либерально настроенных украинских историков⁸⁷. Определение массовых убийств поляков в 1943-1944 гг. как этнической чистки близко подходит к понятию геноцида как тягчайшего международного преступления, но, тем не менее, оно ставит под сомнение идею тотального уничтожения определенных групп населения как главной цели насилия⁸⁸. В отличие от интерпретаций Волыни как геноцида или этнической чистки, сторонники новых украиноцентричных версий истории двадцатого века часто сигнализируют отличие

⁸⁵ «...Историзирующие стратегии ставят целью заполучить две награды для своих приверженцев: статусное положение на международной арене и более сильную легитимность как патриотов в своей стране». Mink. *Geopolitics, Reconciliation, and Memory Games*. P. 6.

⁸⁶ См.: Кабачій Р. Виклик Волині // Тиждень. 4 марта 2013. <http://tyzhden.ua/Columns/50/73848>. Последнее посещение 4 декабря 2014; Шептицький А. Чи Варто засуджувати волинський злочин? // Тиждень. 27 апреля 2013. <http://tyzhden.ua/Columns/50/78533>. Последнее посещение 24 сентября 2013; У рішенні польського сейму зацікавлена Росія – історик // *Gazeta.ua*. 21 июня 2013. http://gazeta.ua/articles/history/_u-rishenni-polskogo-sejmu-zacikavlena-rosiya-istorik/503573. Последнее посещение 4 сентября 2013; Историк Богдан Гудь: «Суперечки про “геноцид” вигідні Росії» // *Історична Правда*. 19 июня 2013. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2013/06/19/126446/>. Последнее посещение 4 сентября 2013; Портнов: тема Волині не є небезпечною для україно-польських відносин // *Обозреватель*. 12 июля 2013. <http://obozrevatel.com/interview/34865-portnov-tema-volini-ne-e-nebezpechnoyu-dlya-ukraino-polskih-vidnosin.htm>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸⁷ См., напр.: Jarosław Hrycak: «To było ludobójstwo». Z prof. Jarosławem Hrycakiem rozmawiał Wojciech Jankowski (Radio Wnet) // *Kurier Galicyjski*. 16 июля – 15 августа 2013. http://www.kuriergalicyjski.com/images/archiwum/kg/2013_13-14_185-186.pdf. Последнее посещение 4 сентября 2013; Грицак Я. Чому Волинські акції 1943 року таки були геноцидом, і що з цього випливає // *Волинь 1943. Сімдесята річниця злочину*. К., 2013. С. 14-20. <http://historians.in.ua/docs/monografiyi/39-wolyn.pdf>. Последнее посещение 4 сентября 2015; Зарянюк. Виконавці етнічної чистки поляків на Волині... С. 261-286; Портнов А. Відповідь польському другу // *Historians*. 6 сентября 2013. <http://historians.in.ua/index.php/en/zabuti-zertvy-viyny/838-slavomir-dembskyi-andrii-portnovpro-henotsyd-i-volyn-andrii-portnovvidpovid-polskomu-druhovi>. Последнее посещение 4 сентября 2013.

⁸⁸ Аргумент о том, что УПА не предполагала тотального уничтожения польского населения на территории Волыни, был недавно повторен Владимиром Вятровичем с привлечением архивных данных: В'ятрович В. Чи був геноцид? Документ із Волині 1943-го // *Історична Правда*. 29 августа 2016. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2016/08/29/149183/>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

своего подхода с помощью таких терминов, как «антипольская акция», «волынские события» или «волынская трагедия»⁸⁹ и избегают формулировок «волынская резня» или «волынского-галицкая резня»⁹⁰. Различные формулировки отражают различное видение объекта, представляющегося как взаимное кровопролитие в ходе масштабного межэтнического конфликта 1940-х гг., или же, альтернативно, как потери в ходе «второй польско-украинской войны»⁹¹, разразившейся на фоне нацистской оккупации и ставшей своеобразным реваншем за поражение украинцев в польско-украинской войне 1918-1919 гг.

Подобные объяснения в стиле «эффекта домино»⁹² не отрицают массовых убийств польских мирных жителей, но предполагают, по сути, вину обеих сторон конфликта и признание значительных жертв среди украинцев в ходе акций возмездия. «Анти-геноцидная» логика подобных интерпретаций становится очевидной, если сравнить ее с ключевым аргументом, озвученным противниками определения Голодомора как геноцида, а именно: Голодомор не был украинским случаем геноцида, поскольку особая этническая принадлежность жертв не играла существенной роли⁹³. В обоих случаях фокус смещается с этничности жертв на преимущественно социально-политические причины как механизм, запускающий маховик массового насилия⁹⁴. Бойню на Волыни и в Галичине, таким образом, возможно представить не как внезапную атаку против иноэтничного мирного населения, но как эпизод в длинной исторической цепи колониального угнетения и сопротивления, значительная часть ответственности за которые возлагается на польскую политическую элиту⁹⁵.

В 2013 г., когда в Польше полным ходом шла подготовка к 70-й годовщине Волыни, украинские политики высокого ранга обошли молчанием наболевшую те-

⁸⁹ Среди них авторитетные украинские историки и исследователи польско-украинских взаимоотношений Игорь Ильющин, Владимир Сергийчук и Ярослав Исаевич.

⁹⁰ Согласно веб-сайту, связанному с польским Институтом национальной памяти, формулировка «волынская» (или же волыньско-галицкая) резня» (*rzeź wołyńska, wołyńsko-galiczyjska*) является определением убийств поляков, общепринятым в польской историографии (*Polsko-ukraińskie spory historyczne o Zbrodnię Wołyńską*. <http://www.zbrodniawolynska.pl/spory-o-wolyn>. Последнее посещение 30 сентября 2015). Авторитетный польский историк Гжегож Мотыка также указывает на то, что толкование *Wołyńia* как геноцида ныне является широко распространенным в польском общественном дискурсе. См.: Мотыка G. *Cień Kłuma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci*. Gdańsk, 2013. P. 6-7.

⁹¹ В'ятрович. Друга польсько-українська війна... См. дискуссию вокруг этой книги в: *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 351-433.

⁹² Rudling P. *Warfare or War Criminality?* // *Ab Imperio*. 2012. № 1. С. 362.

⁹³ См. об этом главу «Голодомор 1932-1933 годов как вызов для теории геноцида: Интеллектуальные генеалогии современных дебатов» в книге: Портнов А. *Упражнения с историей по-украински*. М., 2010. С. 205-209.

⁹⁴ Rudling P.A. *Memories of «Holodomor» and National Socialism in Ukrainian Political Culture // Rekonstruktion des Nationalmythos? Frankreich, Deutschland und die Ukraine im Vergleich* / Ed. Y. Bizeul. Göttingen, 2013. P. 234-235.

⁹⁵ Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołyńia*. P. 71-89; Rezmer. *Ethnic Changes in Volhynia...* P. 124.

му⁹⁶. Более того, президент Янукович, сославшись на «объективные обстоятельства», не принял участия в межправительственной официальной церемонии в Луцке, которую 14 июля посетил президент Коморовский⁹⁷. Летом 2014 г. в связи с начавшейся войной в Донбассе и все более напряженными отношениями с Россией увековечение жертв Волыни отошло на второй план и в Украине, и в Польше. На фоне временного затишья в полемике вокруг Волыни интерпретация этого кровавого конфликта как второй польско-украинской войны укоренилась в Западной Украине. К примеру, выставка, организованная в 2013 г. в Музее освободительной борьбы⁹⁸ (филиале исторического музея Львова, который находится в государственном подчинении), представила события на Волыни как «трагедию» и «вооруженный конфликт». Экспонированные на ней документы были сосредоточены на притеснениях украинского меньшинства в межвоенном польском государстве и, таким образом, подтверждали «эффект домино». Более того, в фокусе выставки оказались недавние увековечения памяти украинских жертв «польского террора» на территории Польши.

Еще одним примером такого рода институциональной поддержки упомянутой трактовки событий стал круглый стол «Польско-украинский конфликт 1942-1947 как война», организованный Львовским областным советом в мае 2013 г. Ключевая лекция была прочитана Владимиром Вятровичем, последовательным сторонником концептуализации Волыни как «второй польско-украинской войны», основными силами которой выступали военизированные структуры польского подполья (в частности, Армия Крайова) и украинское националистическое движение и УПА. С выходом нескольких широко анонсированных книг Вятровича и с назначением их автора директором Украинского института национальной памяти в марте 2014 г. эта интерпретация стала если не общепринятой, то по крайней мере популярной и обсуждаемой⁹⁹. Способствует ее укоренению в Украине и

⁹⁶ Впрочем, нужно упомянуть о скандале, вызванном посланием 148 депутатов украинского парламентского большинства депутатам Сейма. Представители Партии регионов и коммунисты выступили с призывом признать Волынь геноцидом, совершенным украинскими националистами: http://tvi.ua/new/2013/07/05/komunisty_ta_rehionaly_prosyat_vyznaty_volynsku_trahediyu_henosydom_polyakiv. Последнее посещение 15 сентября 2016.

⁹⁷ Коморовський без Януковича вшанує у Луцьку пам'ять жертв трагедії на Волині // iPress. http://ipress.ua/news/komorovskyu_vshanuie_pamyat_zhertv_volynskoi_tragedii_bez_yanukovycha_22733.html

⁹⁸ «У Музеї визвольної боротьби відкрили виставку, присвячену Волинській трагедії» // Новини Львівської міської ради. 12 июля 2013. <http://city-adm.lviv.ua/portal-news/society/public-sector/212364-u-m...oi-borotby-ukrainy-vidkryly-vystavku-prysviachenu-volynskii-trahedii>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

⁹⁹ Тем не менее, в одном интервью, датированном концом 2014 года, Вятрович предложил обновленный вариант видения украинского-польских отношений во время Второй мировой войны. На фоне нынешнего противостояния с Россией он напомнил, что несмотря на взаимную вражду польские и украинские комбатанты иногда объединяли свои усилия в борьбе против советского режима. См.: W. Wiatrowycz: «Dla Ukrainy pamięć historyczna to podstawa do formowania tożsamości narodowej» // Polukrnet. 3 ноября 2014. <http://www.polukr.net/2014/11/w-wiatrowycz-dla-ukrainy-pamiec-historyczna-to-podstawa-do-formowania-tozsamosci-narodowej>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

принятый в 2015 году пакет так называемых «декоммунизационных» законов, который закрепляет за ОУН и УПА статус борцов за независимость украинского государства в XX столетии и объявляет противоправным отрицание правомерности их борьбы¹⁰⁰.

В Польше такой поворот в затяжной «войне памяти», как и более позитивное отношение украинцев к ОУН и УПА на волне Евромайдана, были восприняты болезненно. Однако, радикальные политические меры последовали не сразу. Принятию резолюции о Волыни как геноциде 22 июня 2016 г. предшествовало несколько попыток повторного сближения, примирения и возобновления диалога. В частности, с принятием декоммунизационных законов польские и украинские историки, занимающиеся темой Волыни, получили возможность доступа к архивам Службы безопасности Украины. В связи с этим руководство польского и украинского институтов национальной памяти объявило о создании Польско-украинского форума исторического диалога, совместной исторической комиссии, одним из заданий которой было возобновление дискуссии о Волыни. Тем не менее, несмотря на возобновление академического сотрудничества и последовавшие символические жесты примирения (открытое письмо двенадцати украинских политиков и представителей интеллигенции, коленопреклонение президента Порошенко перед памятником жертвам Волыни в Варшаве), последовала вполне предсказуемая развязка. Социально-консервативная партия «Право и справедливость», еще будучи в оппозиции, настаивала на объявлении Волыни геноцидом. Приход партии к власти в 2015 г. ознаменовался довольно радикальным поворотом во многих важных вопросах политики памяти, в частности, в дискуссии о Едвабне и причастности польского населения к геноциду евреев во времена Второй мировой войны.

Долгосрочные последствия принятия польским Сеймом резолюции о Волыни как геноциде предугадать довольно сложно. Тем не менее, очевидно, что, расставив четкие морально-юридические акценты, в краткосрочной перспективе этот шаг нарушил шаткий баланс польско-украинской символической политики и стал сигналом для дальнейших радикальных ходов в польско-украинско-российском «треугольнике памяти»¹⁰¹. Одним из них стал незамедлительный «ответный удар» украинской стороны в форме регистрации проекта постановления «О чествовании памяти жертв геноцида, совершенного Польским государ-

¹⁰⁰ Закон України Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті // Голос України. 20 мая 2015. <http://www.golos.com.ua/article/254977>. Последнее посещение 1 сентября 2016.

¹⁰¹ Портнов А. Історії для домашнього вжитку: есеї про польсько-українсько-російський трикутник пам'яті. К., 2013.

ством по отношению к украинцам в 1919-1951 годах»¹⁰² и резонансного заявления Верховной Рады от 8 сентября 2016 г.¹⁰³

Следует отметить, что «мнемоническое сопротивление»¹⁰⁴ значительной части украинской публики определению Волыни как геноцида возникло не случайно. Объяснения в ключе «эффекта домино» имеет много общего с марксистско-ленинским положением о межэтнических конфликтах как скрытой классовой борьбе, а также с самооправданием, озвученным лидерами украинских националистических сил – в частности, последним командиром УПА Василем Куком¹⁰⁵. Живучесть этого аргумента, который делает акцент на симметричности жертв и таким образом преуменьшает ответственность украинской стороны, можно также списать на наследие советской «культуры безответственности»¹⁰⁶. В поисках объяснений масс-медиа время от времени прибегают к риторике антиколониализма (надо сказать, отнюдь не в ее академически и философски рафинированных вариантах) и пытаются представить Волынь как оправданный ответный удар колонизированного украинского народа в ответ на притеснения колониальной польской власти. Тем не менее, если искать объяснения в особенностях современной социально-политической ситуации в Украине, то, пожалуй, стоит обратиться к идеям Майкла Биллига о том, что в отличие от «банального национализма» конфронтативная риторика в стиле «right or wrong, my country» (правильно или нет – моя страна [права]) преобладает в таких исторических обстоятельствах, когда нет уверенности в непрерывности и выживании нации¹⁰⁷. Поскольку в современной Украине национальное строительство, безусловно, не является «банальным» вопросом, то напоминания о том, что историческое прошлое нации содержит одиозные эпизоды, могут быть легко истолкованы как сознательная (и щедро оплаченная) попытка дестабилизации и поэтому сталкиваются с реакцией явного или завуалированного неприятия.

Подобный способ мышления препятствует более гибкому и свободному формулированию современной коллективной идентичности, которая позволила бы интегрировать укорененность в традициях и истории с возможностью выбора в соответствии с запросами нынешнего дня. В дискуссии о Волыни большинство украинских участников настаивают на виктимизации и позиционировании украинцев как постоянно угнетаемого объекта колониальных сил. В то же время практически остается незамеченным, что если абстрагироваться от чисто пропа-

¹⁰² У Раді запропонували визнати геноцид українців у Польщі в 1919-1951 роках // ZN.UA. 3 августа 2016. <http://dt.ua/POLITICS/u-radi-zaproponovali-viznati-genocid-ukrayinciv-u-polschi-v-1919-1951-rokah-215308>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

¹⁰³ Верховна Рада прийняла заяву-відповідь на ухвалу своїх польських колег щодо геноциду на Волині // Zbruc. 8 сентября 2016. <http://zbruc.eu/node/55902>. Последнее посещение 15 сентября 2016.

¹⁰⁴ Olick. The Politics of Regret. P. 139.

¹⁰⁵ Мотыка Г. Неудачная книга // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 391.

¹⁰⁶ Попович М. «Волинь»: наше і не наше горе // Критика. 2003. № 5.

¹⁰⁷ Billig M. Banal Nationalism. L., 1995. P. 8-9.

гандистского употребления антиколониального дискурса в Восточной Европе, то современные постколониальные исследования предлагают концепции, которые ставят под вопрос привилегированное моральное положение, как правило приписываемое угнетенному колониальному субъекту. В частности, понятие «субалтерного геноцида» (*subaltern genocide*) оспаривает распространенное мнение о том, что только «угнетатели» и колонизаторы могут нести принципиальную ответственность за всплески массового насилия против населения определенных категорий, причем не только этнических¹⁰⁸. Если бы признание Волыни примером субалтерного геноцида удалось популяризовать, то эта компромиссная формулировка позволила бы и украинской, и польской стороне предотвратить «игры памяти» вокруг Волыни как антагонистическое действие с нулевой суммой. Академически нейтральная подоплека этой интерпретации, возможно, могла бы стать действенным аргументом против обвинений в отсутствии патриотизма для ее возможных сторонников в Украине. Преимущество этой интерпретации в том, что она предлагает более четкое юридическое определение, от которого будет больше пользы, чем от эмоционально окрашенного метафорического языка (см. следующую главу) или же от прямолинейной политической риторики, представляющей всех без исключения участников национального движения «рыцарями без страха и упрека».

Вместе с тем следует обратить внимание на еще один – не настолько очевидный, но все же важный – подтекст рассмотрения Волыни в отрыве от сугубо этнической проблематики, на чем настаивают некоторые западноукраинские участники дискуссии. Вполне очевидные усилия патриотически ориентированных интеллектуалов и политических активистов¹⁰⁹ приуменьшить значение именно этничности жертв и преступников в объяснении истоков насилия в значительной мере связаны с пониманием украинского наследия как символического выражения достижений нации. При этом нация рассматривается в первую очередь как этнокультурный феномен. Акцент на этнической подоплеке массовых убийств ставит под удар попытки сегодняшних западноукраинских элит сформировать из выборочно представленного довоенного прошлого такое куль-

¹⁰⁸ Адам Джонс и Николас А. Робинс сформулировали это понятие таким образом: «... "субалтерный геноцид": случаи, в которых подчиненные субъекты – те, кто объективно являются угнетенными и бесправными, – перенимают геноцидные стратегии, чтобы одолеть своих угнетателей. Под "геноцидными стратегиями" мы имеем в виду такие стратегии, в которых объектом уничтожения является все население, определяемое реальной или приписанной коллективной идентичностью. Эта идентичность может быть национальной, расовой, этнической или религиозной, если апеллировать к четырем критериям, упомянутым в Конвенции ООН о геноциде 1948 года; или же она может быть основанной на политической принадлежности, социальному классу или гендерной идентичности, если перечислять три следующих критерия, которые прочно укоренились в литературе компаративных исследований геноцида». Jones A., Robins N.A. Introduction: Subaltern Genocide in Theory and Practice // *Subaltern Genocide in Theory and Practice* / Ed. N.A. Robins, A. Jones. Bloomington, Indianapolis, 2009. P. 3.

¹⁰⁹ См., например, аргумент Владимира Вятровича, упомянутый в: Berdychowska. *Ukraińcy wobec Wołynia*. P. 92.

турное наследие, которое бы стало важным ресурсом для региональных инвестиций, брендинга городских пространств, туризма и создания собственного имиджа как «толерантного общества европейского типа». Свидетельства того, что всего-навсего семьдесят лет назад незначительная часть украинского общества смогла мобилизовать своих земляков на истребление поляков на огромной территории, могут привести к прямолинейному выводу о том, что этнический антагонизм между поляками и украинцами актуален на всех уровнях, чрезвычайно интенсивен и по сути неискореним. Подобное заключение может легко дестабилизировать начатые (западно)украинскими элитами проекты создания привлекательного поликультурного наследия («багатокультурної спадщини»). Наряду с уже упомянутыми антагонистическими позициями возможно выделить еще одну – возможно, более гибкую и более морально оправданную – интеллектуальную стратегию обращения к «польской теме» в Украине. В следующей главе будет рассмотрен интересный пример того, как либеральные и либерально-националистические интеллектуальные круги Западной Украины пытаются осмыслить комплексность польской темы в более широком контексте и подойти к теме разрушенной полиэтничности с позиции преемников, усвоивших моральный урок Волини.

Уроки разрушенного культурного разнообразия: расцвет и трагический конец «польской вселенной» пограничья на страницах журнала *Ї*

В полной ли мере признают в современной Западной Украине важность исторического наследия неукраинского населения – вопрос дискуссионный. И в политических, и в интеллектуально-академических дискурсах Западной Украины можно найти достаточно примеров того, как и нынешнее этническое разнообразие, и историческая полиэтничность не принимаются во внимание вообще или же трактуются весьма поверхностно. Хотя праворадикальная партия ВО «Свобода» – политическая сила, которая сыграла важную роль в радикализации коммеморативного ландшафта Украины и набрала 10,44% голосов на парламентских выборах 2012 г. – утратила свое политическое влияние после событий Евромайдана, ее конфронтационная риторика стала неотъемлемой частью публичного дискурса. Тем не менее, в интеллектуальных центрах Западной Украины отношение к этнокультурному разнообразию обычно более осмысленное и многостороннее, чем у политиков. Если после 1991 г. резонансные политические дискуссии, затрагивавшие эту тему, прежде всего касались физических трансформаций городского пространства и споров о владении теми или иными объектами, то интеллектуальные дискуссии вокруг поликультурного наследия сосредоточились на

проблемах его признания, роли для коллективной идентичности и возможности его культурного возрождения.

В начавшихся с обретением Украиной независимости оживленных интеллектуальных дискуссиях поликультурность и полиэтничность трактовали прежде всего как «дела давно минувших дней». Тем не менее, даже будучи «загнанным» в прошлое, этнокультурное разнообразие оставалось деликатной темой. Некоторые галицкие интеллектуалы, обсуждая проблему исторического этнокультурного разнообразия, указывали, что внешне мирное, а на самом деле глубоко конфликтное сосуществование разных народов вряд ли может стать отправной точкой оптимистического нарратива о польско-украинском пограничье как органической части Европы¹¹⁰. Такое настойчивое «вписывание» исторического разнообразия в нарратив об исторических травмах и конфликтах в свою очередь проецируется на современные этнические группы региона. Как следствие, польские сообщества Западной Украины, которые принимают участие в политических дискуссиях о правах этнических меньшинств, практически не вовлечены в формирование региональной и национальной культур памяти. Польскоязычные медиа региона (например, газета *Kurier Galicyjski*) отслеживают польско-украинские обсуждения истории, чествования и культурные события, но оценивать и комментировать их обычно предоставляют полякам из Польши и украинцам. Поскольку редко слышен голос тех, кто смог бы быть медиаторами двух национальных сообществ, западноукраинские интеллектуальные дискуссии вокруг польского наследия обычно выглядят довольно фрагментарно.

В 2000-х гг. львовские интеллектуальные форумы задавали тон дискуссии о польском Львове, польском культурном наследии и, шире, о полифонии культурных влияний в Украине. Одним из наиболее заметных является *Незалежний культурологічний часопис «І»*, который начиная с 1990-х гг. издают во Львове при финансовой поддержке немецких и польских культурных фондов. Либеральный (а в некоторых вопросах либерально-националистический) по своей ориентации, *І* положил начало по крайней мере двум резонансным дискуссиям вокруг идентичности, а именно о Галичине и Украине как части Центральной Европы, а также о галицкой автономии. Галицкое этническое и культурное разнообразие, вписываемое в более широкие цивилизационные контексты, остается концептуальной осью публикаций и деятельности *І*.

В 2003 году *І* подготовил специальный выпуск, целью которого было привлечь внимание украинской аудитории к 60-й годовщине событий на Волыни, а, следовательно, и сделать эту тему частью более широкого публичного дискурса. 28-й, «волынский» выпуск *І* был задуман не просто как информативная подборка материалов и индивидуальных свидетельств об антипольском насилии, которое

¹¹⁰ Андрухович Ю. Дезорієнтація на місцевості: спроби. Івано-Франківськ, 1999. С. 29; Грицак. Страсті за націоналізмом. С. 273-274; Расевич В. Галичина: мультикультурна чи ксенофобська? // Zaxid. 16 мая 2011. http://zaxid.net/blogs/showBlog.do?galichina_multikulturalna_chi_ksenofobska_diysniy_stan_i_perspektiva&objectId=1129233. Последнее посещение 15 сентября 2016.

имело катастрофические последствия для этнического разнообразия пограничья. *Ї* стремился дополнить польскую дискуссию мнением авторитетных украинских культурных деятелей и впоследствии создать интеллектуальную платформу для польско-украинского примирения. Не случайно выпуск открывался двумя польско-украинскими интеллектуальными манифестами: открытым письмом по случаю 60-й годовщины вооруженного украинского-польского конфликта на Волыни, подписанным группой ведущих украинских исследователей, журналистов и писателей, а также письмом известного польского политика Яцека Куроня украинскому коллеге, бывшему диссиденту и религиозному философу Мирославу Мариновичу.

Общей темой обоих писем стал призыв к примирению на основе общечеловеческих ценностей и христианской этики, разделяемых обоими народами – то есть как раз на той основе, о которой «забыли» уничтожавшие друг друга во время Второй мировой войны украинцы и поляки. Оба документа развивают идею о необходимости поиска консенсуса на основе христианских ценностей и уважения к умершим. Тем не менее, наряду с призывом к взаимному прощению, подкрепленному обращением к религиозной риторике и универсальным этическим принципам, открытое письмо украинских интеллектуалов и редакционное предисловие содержали ряд аргументов этико-партикуляристского характера.

Политики предстают в контексте этих документов как те, кто поощряет «манипулирование исторической памятью ради краткосрочной политической выгоды», а украинские интеллектуалы, чье коллективное мнение сформулировано в открытом письме, фигурируют как беспристрастные участники дискуссии, гарантирующие «честный и откровенный диалог относительно упомянутых событий»¹¹¹. Интеллектуалы, объединенные вокруг журнала *Ї*, заявили о своем неприятии принципа коллективной ответственности и в противовес ему указали двух главных виновников¹¹². С одной стороны, непосредственной причиной «братоубийственного польско-украинского вооруженного конфликта 1943 года на Волыни» были названы силовые амбиции украинских и польских политических игроков и их вооруженных отрядов. С другой же, главными исполнителями массовых убийств были представлены крестьяне: «за землю крестьянин зачастую готов вести войну с ближним и порой, к сожалению, дойти до крайностей»¹¹³. В качестве контраста и противовеса националистическим боевым отрядам и взбунтовавшимся крестьянам представлена фигура легендарного греко-католического митрополита Андрея Шептицкого. Письма, в которых он строго осуждает проявления этнической ненависти, открывают и завершают «волынский» выпуск журнала. Тем не менее, открытые письма представителей культурных элит и предид-

¹¹¹ Волинь 1943. Боротьба за землю // *Ї*. 2003. № 28. С. 1.

¹¹² Там же. С. 2.

¹¹³ Там же. С. 10. Интересно, что аргумент о крестьянской жакерии – хотя в другой, утвердительной, модальности – был ранее озвучен командирами УПА. См.: Мотыка. Неудачная книга... С. 391.

словие редакции *Ї* не упоминают о противоречивой роли интеллектуалов как идеологов конфликта. Деморализация и физическое уничтожение польских и украинских элит в ходе советской и нацистской оккупации тоже не были названы как одна из причин эскалации этнической ненависти¹¹⁴. Похоже, авторы *Ї* не обратили внимания и на то, что презентация крестьян как главных преступников так или иначе означает приписывание коллективной ответственности целой социальной категории.

Подзаголовок выпуска *Волинь 1943: борьба за землю* можно толковать по-разному. В первую очередь возникает предположение, что речь идет о государственности, ведь территориальные диспуты были неотъемлемой частью процессов формирования государства в Польше и Украине. Заглавие также может быть истолковано как намек на осмысление Волини в понятиях этнической чистки. Однако предисловие редакции подсказывает, что как наиболее вероятную интерпретацию антипольского насилия следует принять неконтролируемый бунт угнетенных украинских крестьян, жаждущих получить землю¹¹⁵. Как уже было упомянуто, этот аргумент служил самооправданием, отстаиваемым руководителями УПА.

Примечательно, что предисловие *Ї* и открытое письмо, подписанное украинскими интеллектуалами, по-разному квалифицируют массовые убийства. В предисловии редакции речь идет об «этнической чистке» и «преступлении»¹¹⁶. Что же касается открытого письма интеллектуальной элиты, то в нем констатируется, что «слепая месть всегда умаляет рыцарство», убийства названы «трагической ошибкой», «грехом», а также упомянуты непредсказуемые последствия борьбы за землю и украинскую независимость. В данном случае авторы прибегли к дискурсивной стратегии «пребывания над схваткой», особенностью которой, как пишет Ричард Познер, является то, что «сторонник одной позиции в ожесточенной дискуссии уверяет, что на самом деле ищет срединный путь между крайними точками зрения, которые он не воспринимает именно из-за их экстремальности, но на самом деле приводит все убедительные аргументы в пользу собственной (нераскрытой) позиции»¹¹⁷. И в самом деле, на первый взгляд, представители интеллигенции, подписавшие открытое письмо, осуждают такие групповые предубеждения, как этноцентризм и политический радикализм представителей украинской и польской сторон, которые спровоцировали конфликт в прошлом, как и тех, кто сейчас продолжает его на дискурсивном уровне. В противовес этому подписанты представили себя лишенными групповых предубеждений сторонниками примирения и индивидуальной ответственности.

¹¹⁴ Об этом факторе упоминает, в частности, Тимоти Снайдер: Snyder. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing...* P. 233.

¹¹⁵ Волинь 1943: борьба за землю // *Ї*. 2003. № 28. С. 10.

¹¹⁶ Там же. С. 11.

¹¹⁷ Posner R. A. *Public Intellectuals: A Study of Decline*. Cambridge, Mass., 2001. P. 91.

Тем не менее, позиция группы интеллектуалов довольно амбивалентна. Они настаивают на индивидуальности вины, но при этом избегают прямых упоминаний о преступлениях и одновременно напоминают об обязанности представителей культурных элит взять на себя моральную ответственность за поступки своих земляков. Фразеология их примирительной риторики и частое использование религиозных метафор подсказывает, что подписанты предлагают рассматривать волинские события прежде всего с точки зрения эмоционально окрашенной групповой принадлежности (как христиан и верующих), а не с позиции индивидуальной ответственности и секулярной рациональности. В конечном счете предлагается возможность раскаяния за грех, а не безоговорочное осуждение преступления всем обществом.

В итоге, интеллектуальная позиция, артикулированная в 28-м выпуске журнала, пытается найти баланс между поддержкой универсальных моральных принципов, озвучиванием «европейской» риторики памяти и солидарностью с западноукраинской аудиторией *Ї*. Хотя читатель имеет возможность ознакомиться с аналитическими текстами профессиональных историков, тем не менее сам тематический номер является примером противоречивого «мнемонического» подхода, который перемешивает исторические свидетельства и нравственные комментарии с позиции сегодняшней ситуации. Примечательно, что универсалистская риторика примирения, поддерживаемая *Ї*, в этом контексте не связана напрямую с европейским «комплексом памяти»¹¹⁸. Узким интересам конфликтующих социальных групп и национальных сообществ противопоставлены не взаимное признание, морально обоснованные политические решения или принципы транзитного правосудия, но в первую очередь христианская этика и религиозный символизм.

Дискурсы и стратегии аргументации, наметившиеся в первом «волинском» выпуске, были использованы и во втором выпуске, посвященном той же теме: *Волинь/Wołyń 1943*. Десять лет спустя *Ї* (2013. № 74) представил материалы, которые четко вписывают историческую дискуссию об осмыслении Волини в систему координат, где геноциду противопоставлен двусторонний конфликт. Выпуск содержит статьи нескольких авторитетных польских и украинских историков, специализирующихся по этой теме. Тем не менее, показательно, что в выпуск не вошли тексты сторонника концепции «второй польско-украинской войны» Владимира Вятровича. Можно заметить, что подборка материалов выпуска в целом соответствует современной тенденции осмысления противоречивых исторических тем с точки зрения так называемой «переплетенной истории» (*entangled history*), которая пытается преодолеть ограничения националистического подхода. В свою очередь, использование «мнемонической» риторики – очевидное в текстах главного редактора *Ї* Тараса Возняка и политолога Антона Борковского – обеспечило преемственность между первым и вторым волинскими вы-

¹¹⁸ Macdonald Sh. *Memorylands: Heritage and Identity in Europe Today*. L., N.Y., 2013. P. 20.

пусками журнала, лейтмотивом которых стали мотивы примирения, долг памяти и христианское прощение. Примечательно, что и в этот раз журнал *Ї* сосредоточился на моральных авторитетах, которые служили связующим звеном между противоборствующими сторонами и отстаивали универсальные моральные принципы. Если первый «волынский» выпуск отметил вклад украинского этнарха Андрея Шептицкого, то второй привлек внимание к наследию русского писателя Льва Толстого и польского политического активиста Адама Михника.

В промежутке между двумя «волынскими» выпусками *Ї* обратился к теме польско-украинских отношений в других контекстах. Выпуски № 52 (*Польская вселенная Галичины*) и № 57 (*Усадьбы рода Фредро-Шептицких*), частично финансируемые специальной программой Польского министерства иностранных дел, были задуманы как взаимоприемлемое представление польского культурного наследия в Западной Украине. Отчасти обе темы были логическим продолжением «волынских» выпусков, поскольку привлекали внимание общественности к богатому культурному миру, безвозвратно «потерянному» вследствие воынской резни и дальнейших переселений и «репатриаций». Выпуск № 52 назван частью серии «интеллектуальных путеводителей в местную историю». Согласно традиции *Ї*, в выпуск были включены тексты авторов разных национальностей и разных жанров. Большинство материалов, впрочем, принадлежало польским авторам и было написано в жанре мемуаров. В основном они содержали описания довоенной жизни и воспоминания об известных деятелях культуры. В предисловии отмечалось, что читателям следует воздерживаться как от ностальгических идеализаций, типичных для польской мемуарной литературы, так и от «псевдопатриотических» амбиций, заметных в украинском обществе. В противовес этому интеллектуальные усилия следует направить на спасение от «сплошного забвения того, что было сделано поляками для этой земли», и использовать «оставленное себе, украинству на пользу»¹¹⁹.

Ретроспективный характер выпуска не позволил разместить материалы о польском быте советского периода и о современных реалиях польских общин в Галичине. Поэтому «истинная» польская культура – также, как и другие элементы галицкой поликультурной вселенной, в частности, ее еврейская и немецкая составляющие – снова была классифицирована как «потерянный» довоенный мир, мало связанный с нынешним украинским обществом; слово «вселенная» (*всесвіт, усе-світ*), использованное для его описания, указывает не только на всеохватность и насыщенность, но и на отдаленный, закрытый характер этого культурного слоя. В связи с этим напрашивается вопрос: а какие же варианты многокультурного наследия реально доступны нынешним (восточным) галичанам? По мнению некоторых львовских интеллектуалов¹²⁰, следы «потерянных галицких

¹¹⁹ Магдиш І. Чому треба писати спогади // *Ї*. 2008. № 52. Польський усе-світ Галичини. С. 3.

¹²⁰ У Львові дискутували про багато культурність міста // *ZIK*. 30 марта 2010. http://zaxid.net/home/showSingleNews.do?u_lvovi_diskutuvali_pro_bagatokulturnist_mista&objectId=1099435. Последнее посещение 15 мая 2016.

вселенных» можно найти только в архитектурном пространстве, которое сейчас заселено и обжито «не тем» типом людей. Богатство исторических архитектурных памятников контрастирует с послевоенной повседневностью, представленной как нечто «серое» и «банальное». Согласно этой логике, в еще одном выпуске *Ї* (2009. № 58) нынешняя ситуация была определена как «монокультурность» или даже «малокультурность», то есть как историческое невежество послевоенных галичан и их сосредоточенность исключительно на бытовых проблемах. В предисловии к этому выпуску, озаглавленному «Многокультурный Львов?», читаем следующее: «Так в чем же тогда мультикультурность Львова? Львова современного, а не бывшего, о котором уже не первый год пишем и мы, и многие другие авторы издания? Что же Львов может предложить *Urbi et Orbi*? К сожалению – а может, и не к сожалению, а просто де-факто – пока предлагает монокультуру не слишком еще высокого уровня, которая не дотягивает ни до культурной политики Вроцлава, ни до благородной, хотя и все более провинциальной культуры Кракова. Но мы учимся, как бывает, перенимая для начала простые и поэтому не лучшие образцы»¹²¹.

В качестве противодействия *Ї* предлагает обратиться к «современной украинской культуре Львова с органично вплетенными элементами культур всех народов, которые сделали этот город таким, каким он есть сейчас»¹²². Показательно, что «монокультурной» ситуации Львова противопоставлен благоприятный культурный климат современных Кракова и Вроцлава, то есть городов, куда после Второй мировой войны выехала значительная часть уцелевшей польской культурной и академической элиты. Вполне закономерно, что образы этих городов могут пробуждать и ностальгию, и ресентимент. Лишенный своих ярких представителей, Львов представлен как город, который не только утратил свое довоенное этническое разнообразие, но и отчасти передал рафинированность своей урбанистической культуры польским соседям и соперникам.

Как было отмечено в предисловии к тематическому выпуску *Польская вселенная Галичины*, важным уроком «потерянных вселенных» является потребность исторического свидетельства и передачи коллективных воспоминаний потомкам. Однако в ситуации «монокультурной» и даже «малокультурной» реальности эта идея в первую очередь адресована небольшим оазисам интеллигенции, заинтересованной в формировании определенного видения прошлого. Это как раз та категория горожан, которая способна ценить художественное слово, чувствовать моральную ответственность за свои национальные сообщества и формировать интерпретации исторических событий для младшего поколения.

Аудитория и авторы *Ї* являются эпистемным сообществом, которое стремится сочетать историческую компетентность, политическую ангажированность и обращение к теме памяти – в частности, к теме довоенного «диссонантного насле-

¹²¹ Магдиш І. Моно-мало-культурний Львів // *Ї*. 2009. № 58. Багатокультурний Львів? С. 3.

¹²² Там же.

дия»¹²³. Тем не менее, если сравнивать подход к этническому и культурному разнообразию, предлагаемый интеллектуальными кругами, в частности журналом *Ї*, с недавними попытками львовских политиков обратиться к поликультурному прошлому города и региона, то можно заметить интересную тенденцию. Одной из успешных политических стратегий озвучивания темы культурного многообразия Львова стал дискурс «многокультурного наследия» как сочетания региональной специфики и цивилизационной европейскости. Предложенный в связи с празднованием 750-летия города (2006 г.) лозунг «Львов открытый для мира» и логотип с изображением колоколен храмов различных конфессий были адресованы широкой аудитории. Это означало, что поликультурное наследие города мыслилось как весомый демократический ресурс. Что же касается нарратива о «вселенных» Галичины, предлагаемых *Ї*, то он подчеркнул важность многокультурного наследия, но в то же время однозначно спроецировал его в прошлое и представил его как ресурс, нужный прежде всего достаточно узкому кругу интеллектуально ориентированных людей, которые к тому же испытывают моральную ответственность за культурное достояние – то есть прежде всего интеллектуалам и интеллигенции. Неосведомленной публике и тем, кто руководствуется прагматичными интересами (будь то политики, местные этнические сообщества или обычные горожане), следуя этой логике, не следует притязать на этот ценный актив.

Другим спорным аспектом подхода к историческому разнообразию, который замечен в рассматриваемом материале, является нейтрализация болезненной темы этнических конфликтов. В результате на первый план выходят обобщенные презентации этнического разнообразия пограничья и попытки «сделать из этого что-то хорошее». Такая беспроблемная гармонизация не позволяет увидеть сложность культурного наследия как понятия, который делает упор не только на эстетическом удовольствии, подтверждении групповой солидарности или нахождении точек стабильности в изменяющемся мире, но и на удовлетворении познавательных и этических потребностей. Ценность такого конструкта как наследия состоит не только в отображении определенных желаемых качеств, но и в том, насколько адекватно он позволяет подчеркнуть своеобразие исторических периодов и процессов. Таким образом, «... за внешне довольно невинным использованием наследия для культурного интегрирования и социальной стабильности может скрываться ряд довольно обманчивых, а может даже и вредных постулатов. ... Прошлое и наследие, которое мы из него делаем, не обязательно являются согласованными и гармоничными»¹²⁴.

¹²³ Tunbridge J. E., Ashworth G. J. *Dissonant Heritage: The Management of the Past as a Resource in Conflict*. Chichester, 1996.

¹²⁴ Ashworth G. J., Graham B. J., Tunbridge J. E. *Pluralising Pasts: Heritage, Identity and Place in Multicultural Societies*. L., 2007. P. 53.

Заключение

С распадом СССР западноукраинские интеллектуальные круги столкнулись с проблемой оценки ранее замалчиваемых или же покрытых толстым слоем советских идеологических клише эпизодов истории. Налаживание диалога с польской стороной постепенно привело к потребности переосмысления исторического разнообразия польско-украинского пограничья. Если в 1990-х культурное и этническое многообразие этих земель представлялось прежде всего как оставшееся в прошлом и не оказывающее заметного влияния на идентичность и запросы нынешнего населения, то в начале 2000-х в нем постепенно начали видеть ценное и в символическом, и в практическом аспектах достояние. Определение этого достояния как «многокультурного наследия» свидетельствовало о попытках украинских интеллектуалов интегрировать локальное и одновременно транснациональное прошлое в постсоветский национальный нарратив.

Однако, по ходу дела выяснилось, что «вписать» многокультурные «вселенные» – в частности, польскую – в украиноцентричный исторический нарратив непросто. Одним из главных препятствий этому стали нерешенные конфликты памяти, в частности, различие в интерпретации событий Второй мировой войны, и, в особенности, роли националистического подполья. Начавшаяся более двух десятилетий назад польско-украинская дискуссия относительно интерпретации межэтнического насилия на оккупированных нацистами Волыни и Галичине превратилась в арену резонансных «игр памяти». Перипетии этой дискуссии показали, в частности, что жесты исторического примирения могут превратиться в пустую формальность, если обе стороны не могут предложить такие интерпретации событий, которые бы скорее дополняли, а не взаимоисключали друг друга. Тем не менее, снятие табу с темы польско-украинского межэтнического насилия позволило западноукраинским интеллектуалам начать разговор о поликультурном наследии как публичном благе, которое заслуживает внимания общественности, а также представить уничтожение довоенного этнического и культурного разнообразия как непоправимое зло. Либеральные и либерально-националистические западноукраинские интеллектуалы (в частности, круг журнала *Ї*) попытались представить поликультурное наследие как трансформативный ресурс, который способствует созданию более комплексной украинской идентичности и одновременно открывает регион Европе и миру.

События последних лет дают многочисленные подтверждения того, что в ближайшем будущем нарративы о «вселенных» польско-украинского пограничья останутся интеллектуальным ресурсом для достаточно узкого круга образованной публики и вряд ли станут частью культурного багажа широкой аудитории. Можно, однако, заметить, что введенная в популярный оборот тема культурного многообразия «отрикошетила» в популярном воображении довольно неожиданным образом. На ее фоне стало возможным и даже вполне понятным настойчи-

вое вписывание УПА в более нейтральный контекст и представление ее как неотъемлемой части украинского культурно-исторического колорита. Многочисленные примеры такого переосмысления можно найти в «пост-майданной» популярной культуре, которая все настойчивее представляет бандеровцев и повстанцев не только как борцов против двух тоталитарных режимов и героев антиколониального сопротивления, но и как реализацию «архетипа» украинского воина-патриота. Как однажды заметил украинский историк Андрей Портнов, «Украина ищет язык повествования о темных страницах своей истории и постепенно приближается к пониманию, что история УПА не ограничивается Волынской резней, но без нее она была бы неполной»¹²⁵. Тактики же ухода от публичного признания ответственности участников украинского националистического движения за преступления на Волыни и в Галиции делают задачу налаживания диалога с польской стороной, однозначно указавшей ОУН и УПА виновными в тягчайшем преступлении, геноциде польского населения, «игрой памяти» с наперед известным – нулевым – результатом.

¹²⁵ Портнов А. Волынь-1943: польские дискуссии последних месяцев и попытки украинских ответов на них // Уроки истории: XX век. 31 июля 2013. <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/51806>. Последнее посещение 15 мая 2016.

Юлия Юрчук

Прошлое под прицелом амнезии: память об ОУН и УПА в Волынском регионе на примере памятника Климу Савуру*

В этой статье я подхожу к вопросу памяти об Организации Украинских Националистов и Украинской Повстанческой Армии (ОУН и УПА соответственно) в региональной перспективе. На примере одного конкретного случая построения памятника одному из командиров УПА – Климу Савуру – прослеживается, как героическая память об ОУН и УПА устанавливалась в Ровенской области. Эта область входит в один исторический регион – Волынь. Именно здесь сформировались первые группы УПА в 1942 году, а также именно на Волыни произошли самые трагические события в истории УПА – убийства польского населения в 1943 году, которые потом перенесли на Галичину. Я не рассматриваю историю самого украинско-польского конфликта (заинтересованный читатель может обратиться к цитированной ниже литературе), а то, как история ОУН и УПА входила в культуру памяти региона, начиная с 1991 года.

Памятник Климу Савуру – пример того, как место и форма памяти могут быть основаны больше на амнезии, чем на воспоминании. Как мы увидим, через процесс мифологизации его биографии почти все исторические факты о личности командира УПА исчезли. Единственная характеристика, на которой основывается коммеморация – это архетип, который выражает ценности и интересы деятелей, которые занимались строительством памятника и продвижением героической формы памяти об ОУН и УПА. Такая мифологизация позволила проводить политику памяти через призывы к исторической справедливости, забывая при этом о тех несправедливостях, которые произошли под командованием этой исторической личности.

Кто такой Клим Савур?

Прежде чем начать дискуссию о том, как помнят ОУН и УПА на примере одного конкретного случая, несколько слов о том, кем же был Клим Савур. «Клим

* Часть статьи ранее публиковалась на английском языке в моей диссертации *Reordering the Meaningful Worlds: Memory of the Organization of Ukrainian Nationalists and Ukrainian Insurgent Army in Post-Soviet Ukraine* (Stockholm, 2014).

Савур» – это псевдоним Дмитрия Клячківського, командира Украинской Повстанческой Армии. Он родился в 1911 г. в городе Збараж, сейчас Тернопольская обл. Украины. Польский историк Гжегож Мотыка писал о нем, что он типичный представитель поколения, которое поддержало Степана Бандеру и ОУН¹. В период Второй Польской Республики он был вовлечен в националистическое подполье. Во время Советской оккупации (1939-1941) Савур был лидером националистической молодежной организации в Станиславском воеводстве. В 1941 г. его арестовали советские власти и приговорили к смертной казни. Позже приговор изменили, Савур был приговорен к десяти годам лишения свободы. В июле 1941 г. он сбежал. В этом же году его повысили в рангах ОУН(б). В 1943 году он стал командиром УПА-Север на Волыни. 12 февраля 1945 он погиб в результате схватки с НКВД в селе Суськ недалеко от города Ровно.

Гжегож Мотыка, ссылаясь на архивные документы, указывает, что Клим Савур несет ответственность за трагическую участь польского населения на Волыни в 1943 году². Именно он был тем командиром УПА, который давал указания солдатам, которые принимали участия в убийствах поляков³. Весной и летом группы ОУН(б) на Волыни, которые находились под командованием Савура, убили примерно 30 000 поляков⁴. Однако в дискуссиях о памяти про эти страшные события на Волыни в 1943 году не упоминают, их либо игнорируют, или даже отрицают. Это больше всего очевидно на примере дискуссий о памятнике Савуру, который был построен в Ровно в 2002 году.

Начало формирования памяти в постсоветской Украине

Коммеморации, связанные с Климом Савуром в Украине, начались с приходом украинской независимости. 16 февраля 1992, через три месяца после референдума о независимости, первая коммеморация прошла в с. Суськ, где погиб Савур. Она была приурочена к дате его смерти (12 февраля). Церемония включала литургию в церкви, выступления локальных активистов (политиков, депутатов сельсоветов, Ровенского горсовета, участников патриотических организаций) и закончилась воздвижением деревянного креста. Церемонию инициировали реги-

¹ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła*. Kraków, 2011. P. 88.

² Ibid. P. 127. Также: Motyka G., Libionka D. *Antypolska Akcja OUN-UPA 1943–1944: fakty i interpretacje*. Warszawa, 2002; Motyka G. *Cień Kłyma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci*. Gdańsk, 2013. Ільющин І. *Українська Повстанська Армія та Армія Крайова: протистояння на Західній Україні (1939-45 pp)*. К., 2009. С. 243.

³ Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji Wisła*. Kraków, 2011.

⁴ Марплз Д. *Степан Бандера: герой України // Страсті за Бандерою / Упор. Т. Амар, І. Білінський, Я. Грицак*. Київ, 2010. P.129-139, 134.

ональный комитет национально-демократической партии «Рух», ветераны УПА, молодежь из скаутской организации «Пласт»⁵.

Первый же памятник Савуру был открыт в июле 1995 году в г. Збараж, где он родился. Следует заметить, что прошло около десяти лет, прежде чем памятники ОУН и УПА начали появляться в больших городах. До этого все памятники и коммеморации проходили в большей степени в маленьких городах и селах, которые непосредственно связаны с деятельностью УПА. Но уже в начале 2000-х памятники начали появляться и в больших городах. Так, памятник Климу Савуру в Ровно был построен в 2002, а Степану Бандере во Львове в 2007 г.

На первый взгляд, открытие памятника Савуру в Ровно, в регионе, который стал эпицентром убийства поляков, может показаться странным, особенно если принять во внимание время открытия – 2002 год. Как раз в это время Украина и Польша готовились официально отмечать трагические события 60-летней давности. Очевидно, что дискуссии о памятнике Савуру в регионе велись параллельно с международными дискуссиями о Волынской трагедии.

Следует помнить, что продвижение героической памяти ОУН и УПА в форме «славного прошлого» вызывает вопросы не только в украинско-польских отношениях, но и в Украине. Это поднимает вопрос о том, как же все-таки удалось протолкнуть идею с памятником в Ровно. Что сделало это открытие возможным? Как такое темное прошлое можно помнить как славное прошлое? Какие механизмы и стратегии разрешили амнезию и стирание памяти? Чтобы ответить на эти вопросы, следует обратить внимание на первую в Украине церемонию, связанную с памятью о Савуре. Это воздвижения креста в память о Климе Савуре в 1992 году в с. Суськ, о котором упоминалось раньше.

Патриотизм как оправдание и литургия как форма памяти

В местной прессе людей, которые пришли на церемонию в с. Суськ, называли «украинские патриоты». Крест освятили священники Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). Части ново сформированной украинской армии также были на открытии места памяти и отметили событие торжественным залпом. Митинг открыл глава Ровенского Комитета Народного Руху Украины Владимир Омельчук: «Дорогое сообщество! Мы пришли сегодня на то место, где зимой 1945 года в неравном бою вместе с двумя своими побратимами пал *отданный сын своего народа, непобедимый боец за независимость и свободу Украины*, командир УПА-Север Дмитро Клячківський [т.е. Савур]. Мы пришли сюда с чувством глубочайшей скорби за те *нескончаемые жертвы, которые положил украинский народ на алтарь за свою свободу в битве с угнетателями*. Мы при-

⁵ «Пласт» был организован 1911. Многие лидеры ОУН и УПА, в том числе Бандера и Шухевич, были членами «Пласта» в юности.

шли сюда с чувством большого уважения к этим рыцарям, чувствуя большую благодарность за их *жертву, за то, что они не преклонились перед угнетателями и заплатили своими жизнями за идею Независимости и Соборности Украины*»⁶.

Таким образом не только визуальная часть поминовения была пропитана религиозными символами. Речь напоминает литургию, которую произносят с церковных кафедр. Такие особенности сопровождают много коммемораций ОУН и УПА. Это помогает создать героический коммеморативный нарратив, в котором утрачиваются трудные аспекты прошлого. Помнят только утрату, причем помнят ее в четко религиозной форме, так как религия дает тот инструментарий, к которому приходят в моменты горя. Кроме того, индивидуальная утрата приравнивается к утрате, которую понес весь народ. Оплакивается жертва за народ.

Такая литургическая форма коммеморации усложняет способы выражения несогласия, так как личность того, кого помнят, представляется не только как герой, но также как жертва и мученик, либо даже святой на церемонии памяти. Как считает Вердери: «Если о погибшем можно сказать как о Христе, который страдал за веру, народ, дело, тогда его тело приобретает статус святого и дает основу для эмпатичной идентификации»⁷. Более того, способ коммеморации создает атмосферу, где человека приглашают принять участие в ритуалах, которые предполагают полную поддержку и исключают сомнения или дискуссии. Присутствие священников на всех открытиях подобных памятников для ОУН и УПА связывает эти коммеморации не только с христианством, но и с идеей освобождения. В основном, на таких церемониях присутствуют священники либо Украинской Православной Автокефальной Церкви, которая была запрещена в СССР, либо священники Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата, которая была сформирована только в независимой Украине. Таким образом, для церквей поддержка памяти, которая была запрещена в СССР, становится полем деятельности и установления своей символической значимости (ввиду того, что такие коммеморации привлекают много людей).

Уже на примере церемонии в 1992 году можно увидеть, что стало основой для продвижения памяти об ОУН и УПА в независимой Украине. В первую очередь это чувство патриотизма и создание некоего сообщества памяти – людей, которых объединяет набор конкретных ценностей – свобода и независимость Украины. Вера в эти ценности делает представленных как тех, кто положили свои жизни за свободу и независимость, героями, мучениками или даже святыми⁸.

Как проходило установление героического нарратива и формирования славной памяти ОУН и УПА после 1991 года? Примером может послужить дискуссия,

⁶ Цитировано в: Омельчук В. Волинь. 24 февраля 1992. С. 2. Курсив мой.

⁷ Verdery K. The Political Lives of Dead Bodies: Reburial and Postsocialist Change. N.Y., 1999. P. 114.

⁸ О мартирологии и агиографии как формах памяти ОУН и УПА см.: Yurchuk. Reordering the Meaningful Worlds.

которая привела к открытию памятника Савуру в Ровно и которая иллюстрирует, как конкретный вид памяти формируется на уровне большого города и региона – в этом случае Ровно как областного центра.

ДОЛГ ПОМНИТЬ

В дискуссиях о памятнике Савуру не упоминаются Волыньские события 1943 года. Эта часть истории полностью упускается теми, кто выступал за строительство памятника в Ровно. Основным аргументом в дискуссиях был долг помнить воина, который боролся за независимость, память о котором была запрещена в советские времена, которого нельзя было ни похоронить, ни оплакать. Вот пример того, как о Савуре говорилось на выступлении в Городском Совете: «[Клим Савур] славный воин, который боролся за свободу страны, которую мы сейчас с вами пытаемся строить – независимую, демократическую Украину. К тому же мы предлагаем поставить памятник на месте, где согласно историческим данным покоятся его кости. [...] Увековечивание таких людей сыграет только позитивную роль для нашего общества памяти. [Дань памяти должна проходить] в атмосфере уважения, а также в атмосфере ответственности перед собственной страной, страной, в которой мы живем, страной, которую мы все вместе строим»⁹.

Таким образом, борьба УПА напрямую связывается с независимостью Украины сейчас. Смерть и жертвенность прошлых поколений накладывают ответственность на сегодняшнее поколение за увековечивание мертвых через память. К тому же, выступавшие в Городском Совете упоминают тот факт, что люди должны отметить место, где покоится тело погибшего¹⁰. Так как Савур представляется как тот, кто положил свою жизнь за страну, другие факты его жизни остаются несказанными¹¹. Они попросту упускаются.

Героический нарратив работает в диапазоне «черное или белое», и не допускает других оттенков. Депутат Василий Червоний в своих аргументах зашел еще дальше и потребовал от последующего поколения установить справедливость по отношению к предыдущим поколениям¹². Неготовность или нежелание принять такую точку зрения означало бы для депутата исключение из рядов народа: «Вся территория около бывшей тюрьмы НКВД набита десятками тысяч украинцев... Поэтому памятник Климу Савуру – это памятник целой эпохе украинцев, которые из-за оккупации украинской земли взяли оружие в руки. Поэтому те, кто

⁹ Вовк. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання. 2 листопада 2001. С. 2.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. См. также: Рішення Рівненської Міської Ради № 539 від 2 листопада 2001.

¹² Василий Червоний начал свою политическую деятельность в конце 1980-х в рядах народно-демократического РУХа, в 2003-2005 году активно поддерживал Ющенко, был депутатом Верховной Рады.

не питают к ним уважения, *просто не могут называться украинцами*. [...] Давайте отдадим дань памяти людям, которые с оружием в руках боролись за независимость и приблизили ее к нам. [...] именно мы [те, кто построили памятник] *войдем в историю как те, кто посвятил себя восстановлению исторической справедливости*»¹³.

Как мы видим, в дискурсе о памяти УПА главные темы – это самопожертвование и жертвенность целого украинского народа. Национальная независимость представляется как высшая ценность, которая оправдывает все. Приверженность героическому нарративу УПА часто приравнивается к «настоящей украинскости». Как выразился депутат Червоний: *«Неуважение памяти УПА просто означает не быть украинцем. Наша история такая как есть, мы должны гордиться ею»*¹⁴.

Такой взгляд на историю показывает, что история связывается с определенным видом идентичности. При этом нет места для других проектов и других проявлений национальной идентичности. Период, в котором жил Савур, представляется как «целая эпоха украинцев» и история УПА проектируется на историю всего украинского народа. Таким образом глорификация УПА становится маркером национальной идентичности. В своих дискуссиях, играя на противопоставлении «нас» против «них», общественные деятели, которые обсуждали память, проводили линию между своими и чужими, как будто бы война все еще продолжалась и надо было принять только одну сторону. Вместо того, чтобы смотреть на прошлое как на «чужую страну»¹⁵, с дистанции, слушатели вовлекаются в настоящее. Они должны делать выбор, за кого они в настоящем. В таком случае прошлое не воспринимается как что-то прошедшее. Оно представляется как что-то, что происходит сейчас. Такая заикленность именно на прошлом может быть рассмотрена как «избранная травма»¹⁶, которая реактивирует историю националистического прошлого у настоящих поколений и вписывает ее в культурную память таким образом, что настоящее поколение втягивается в события семидесятилетней давности.

Психолог Вамик Волкан пишет, что передача «избранной травмы» связана с невозможностью предыдущих поколений оплакать утраты людей, и указывает на невозможность большой группы пережить обиды и унижения, нанесенные другой большой группой в прошлом¹⁷. В украинском случае идет такой процесс передачи избранной травмы, сформировавшейся от «обид и унижения», которые чувствовали по отношению к себе украинцы из-за того, что у них не было государственной независимости и не было права помянуть те жертвы, о которых ста-

¹³ Червоний В. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання, 2 листопада 2001. С. 4. Курсив мой.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Lowenthal D. *The Past Is a Foreign Country*. Cambridge, 1985.

¹⁶ Volkan V. *Transgenerational Transmissions and Chosen Traumas: An Aspect of Large-Group Identity // Group Analysis*. 2001. Vol. 34. P. 79-97.

¹⁷ *Ibid.* P. 87.

ло возможным говорить только после 1991 года. Эта передача «избранной травмы» затрудняет построение связного нарратива истории, где украинцы были бы не только жертвами, но и деятелями – в том числе и преступниками. «Избранная травма» основана исключительно на унижениях, нанесенных группой, которую представляют только как «угнетателей». В этой картине мира «угнетенный» не может быть преступником и преследовать «угнетателя».

Из дискуссий о памятнике Савуру (а также о памяти об ОУН и УПА в целом), видно, что политика памяти находится под влиянием чувства экзистенциальной незащищенности. Оно прослеживается в аргументах деятелей памяти, которые выражают беспокойство по поводу будущего нации, особенно когда оно воспринимается как то, что находится под угрозой со стороны других наций, которые ранее правили Украиной. Экзистенциальная неуверенность явно выражает опасение того, что Украина может быть превращена в будущем в колонию. В результате, все повествование структурировано в качестве защитного механизма против предполагаемых угроз.

В контраргументах против героизации Савура также присутствовало утверждение о необходимости установления исторической справедливости – но в обратном направлении. Справедливость должна быть восстановлена в пользу тех групп населения, которые стали жертвами УПА: «если мы должны установить историческую справедливость, скажите, мало ли есть людей, убитых национал-патриотами? Этот факт следует также признать, и только тогда мы можем говорить об исторической справедливости»¹⁸. Однако, таких голосов было очень мало. В результате дискуссий, большинство депутатов проголосовало за строительство памятника и приняли соответствующее решение¹⁹.

Когда 14 октября 2002, на празднование 60-ой годовщины УПА, памятник был торжественно открыт, церемонию представляли в прессе как шаг к восстановлению справедливости и установлению исторической правды. Ведущая городская газета писала: «правда ... не потерялась в потоке времени, она нашла последующие поколения вопреки цензуре и запретам»²⁰. Таким образом, возможность рассказать «свою правду», которая была запрещена в СССР, представлялась как победа над несправедливостью и вынужденным молчанием.

¹⁸ Машкова. Витяг протоколу №. 25 другого засідання 25^{ої} сесії Рівненської Міської Ради Другого скликання, 2 листопада 2001. С. 4.

¹⁹ Рішення Рівненської Міської Ради № 539 від 2 листопада 2001.

²⁰ Сніжко Т. Із повагою до минулого // Вісті Рівненщини. 16 жовтня 2002. С. 2.

Памятник Климу Савуру. Ровно. Построен в 2002 году. Скульптор В. Шолудько, архитекторы Т. Мельник и В. Ковальчук. Фото: Юлия Юрчук, октябрь 2011.

Внешний вид имеет значение

Задуман как символ антисоветского образа войны, памятник Савуру своим внешним видом имитирует советскую традицию. Вид памятника напоминает хорошо известные формы советских памятников и барельефов, посвященных Второй мировой войны, где воспевается солдатское мужество и храбрость, как, например, и в известных барельефах возле статуи Родины-Мать в Киеве. Хотя памятник Климу Савуру посвящен одному человеку, он не только воплощает героизм одного человека, он также символизирует коллективные усилия многих других воинов, которые боролись за ту же идею, которая воплощается в памятнике.

Фрагмент памятника Климу Савуру в Ровно. Фото: Юрчук.

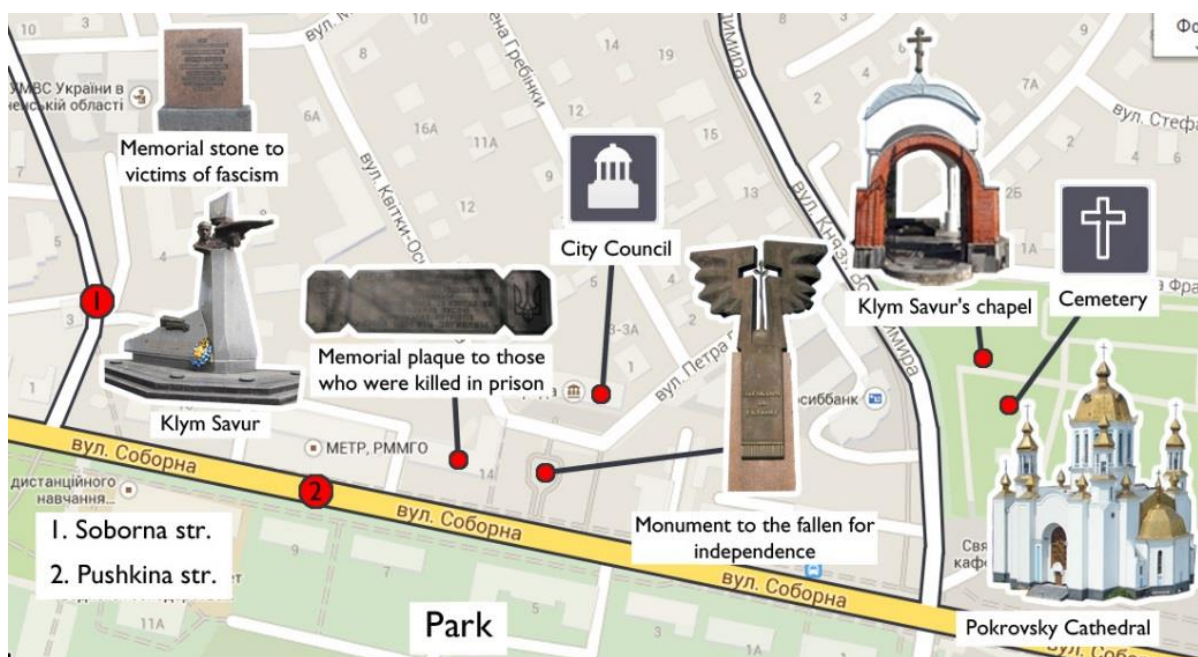
Главной особенностью памятника, которая отличает его от подобных советских, являются отсылки к христианской традиции – крест возле имени на камне и надпись: «Построен в память 60-ой годовщины Украинской Повстанческой Армии и командира Клим Савура (Дмитрия Клячківського) и тысячи украинских патриотов, которые покоятся на этом месте. Слава Украине! Героям слава! 14 октября 2002 года Божьего».

Венки, которые лежат у пьедестала, напоминают те, которые традиционно возлагают на могилы так как Савур-Клячківський погиб на этом месте, в тюрьме, после того, как был ранен в бою с НКВД недалеко от Ровно. Тесная связь между смертью и невозможностью захоронения придает особые нюансы значению этого памятника. Наиболее осязаемое противостояние советской традиции, однако, происходит за счет новых ритуальных практик. В то время как 9 мая остается днем празднования победы в советском стиле, появляются новые дни и ритуалы, связанные с военной памятью, но не связанные с советской традицией. На 9 мая празднования проходят вблизи памятников, построенных в советское время. В Ровно такое место находится на Дубенском кладбище у могилы неизвестному солдату и у памятника советскому разведчику Николаю Кузнецову. Памятник Савуру привлекает общественность в дни, установленные новым национальным календарем – День независимости (24 августа) и День основания УПА (14 октября). Таким образом, новый памятник становится центром притяжения для

общественности в конкретные дни, которые ассоциируются с независимостью и новыми антисоветскими формами памяти.

Топографическая матрица памятника Климу Савуру

Рассуждая о связи между зрителями, памятником и пространством, Джеймс Янг заметил: «Памятник становится точкой отчета среди других элементов пейзажа, одним местом между другими местами в топографической матрице, которая ориентирует того, кто помнит. Он создает значение и для местности, и в наших воспоминаниях. Так же как нарратив, который сразу же выстраивает элементы в линейную последовательность, памятник приводит события в некий когнитивный порядок... Он все еще воспринимается внутри географии, по отношению к другим элементам местности»²¹.

*Памятник Савуру по отношению к другим памятникам и местам в городе.
Коллаж: Дарья Анфалова.*

Итак, какова топографическая матрица в случае памятника Савуру? С точки зрения его расположения, памятник находится в хорошо выбранном месте. Практически невозможно посетить город и не увидеть этот памятник, так как он находится на одной из центральных улиц – Соборная, – в переулке, который обращен на главное здание крупнейшего университета в городе, возле которого находится большой парк. Он расположен на той же оси улицы, что и памятник Тарасу Шев-

²¹ Young J. *The Texture of Memory. Holocaust Memorials and Meaning*. New Haven, L., 1993. P. 7.

ченко, который является несомненным украинским героем. Само расположение превращает памятник Савуру в мощный символ, особенно во время демонстраций, где люди собираются у памятника Савуру, а затем маршируют по улице к памятнику Шевченко. Это символически подчеркивает продолжительность старых и новых мест памяти.

За памятником Климу Савуру расположена монументальная плита в память «жертв фашизма». Надпись гласит: «Здесь во времена фашистской оккупации гитлеровцы замучили до смерти пятьсот советских граждан. Вечная память тем, кто отдал свои жизни за счастье будущих поколений». На здании, которое служило тюрьмой во время войны, есть другая мемориальная доска: «тысячам украинских патриотов, которые были заключены здесь и которых тут пытали во время нацистской оккупации».

Ни на плите, ни на доске не упоминается о еврейских жертвах, которые также связаны с этой тюрьмой. По всей вероятности, именно о них упоминается на плите «пятьсот советских граждан». Но даже отсутствие упоминаний говорит о многом. Наверное, упоминание других жертв рассматривается как риск уменьшить собственные национальные утраты и жертвы.

Как видно на коллаже, недалеко от памятника находятся Городской Совет и самый большой в городе собор – Святопокровский Собор Божьей Матери. В 2001 году возле собора на территории кладбища была освящена небольшая часовня в память о «Климе Савуре и героях национально-освободительной борьбы 1918-1950». Таким образом, топографическая матрица превращает пространство памяти Савура и других «героев национально-освободительной борьбы» в священное пространство, которое предполагает не только помнить жертвы нацизма, но и поклоняться перед ними как перед мучениками или святыми. Во время войны территория кладбища примыкала к главной тюрьме города, где были убиты тысячи евреев и политических заключенных. Таким образом, место кладбища связано не только с гибелью одного человека, но и с гибелью других жертв. Тем не менее, памятник построен только один. Гибель же других упоминается на мемориальной доске и памятной плите без указания каких-либо имен. Все жертвы сведены к единой категории, которую предполагает новый коммеморативный нарратив – «герои национально-освободительной борьбы 1918-1950».

Таким образом, места памяти, появившиеся после падения СССР, как-бы «переворачивают процесс, (ре)сакрализируя тех, кого не замечали до этого»²². Они «сигнализируют изменения во вселенной значений, которые преобладали до этого»²³. В этом смысле новые памятники становятся маркерами измененных смыслов, они отмечают новые начинания, изменения и трансфигурации, которые возникают при попытках написать новую историю. Действительно, строительство памятника в 2002 году обозначило границы между старыми и новыми режимами

²² Verdery. *The Political Lives of Dead Bodies*. P. 6.

²³ *Ibid.*

смыслов. В таком символическом виде памятник ознаменовал конец трансформации в регионе, который был запущен в 1990-е годы, когда обсуждение памятника в Ровно только началось.

Памятник Савуру слишком нов, чтобы говорить об изменении его значения с течением времени. Но то, что можно проследить в течение почти пятнадцати лет истории памятника, это его использование и институционализацию в календаре и церемониях. С момента своего освящения памятник стал местом встречи для националистических и национально-демократических партий и катализатором для мобилизации людей на митингах. Так, когда проходили митинги в поддержку Виктора Ющенко в ходе его президентской компании в 2003 и 2004 гг., люди собирались именно у памятника Савуру и шли к памятнику Шевченко.

Параллели никогда не встречаются? Память о польских жертвах

Памятник Савуру не был открыт в изоляции. Важное событие произошло в памяти региона через год после того, как был открыт памятник Савуру. 6 ноября 2003 года жена тогдашнего польского президента Иоланта Квасьневская посетила этот регион. Она приехала посетить одну конкретную памятную церемонию – открытие памятника в деревне Борщивка, примерно в 30 километрах от Ровно.

Согласно сообщениям о событии в местной прессе, в 1942/43 г. в этой деревне были советские партизаны. В конце 1942 года партизаны разрушили Антопольский спиртзавод, что привело к массовым карательным акциям жителей деревни немцами. Вся деревня Борщивка была сожжена дотла 3 марта 1943 г. Большинство погибших были поляками. Среди жертв были родственники жены польского президента²⁴. На церемонии открытия памятника этим жертвам присутствовали высокопоставленные политики с украинской и польской сторон. Также планировалось участие президентов Польши и Украины, но они отменили свои визиты. Памятник был освящен римско-католическим епископом из Луцка²⁵.

Следует отметить, что первый памятник в память о погибших жителях деревни Борщивка был построен ещё в 1978 году по инициативе местных жителей. К 2000-м он был в довольно плохом состоянии. Польское правительство заинтересовалось в восстановлении этого места. Польские представители начали с восстановления старых могил на польском кладбище. Новый памятник был произведен в Польше. Главной особенностью мемориала является большой крест с надписью на польском и украинском языках, которая гласит: «В память о почти 250 польских жителей Борщивки, жестоко замученных фашистами. 3 марта 1943

²⁴ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

²⁵ Шиманський О. Знову Волинь // Україна Молода. 8 листопада 2003.

года было сожжено село. Покойтесь с миром. От бывших жителей села, их семей и Правительства Республики Польша 2003».

Польские историки нашли имена всех убитых. На памятнике восстановлены имена и поляков, и украинцев – почти 250 поляков и 16 украинцев. Но основная надпись не упоминает украинцев. Это был польский проект по сохранению памяти польского народа. Опять мы видим, как «национальное» измерение берет верх в общественных представлениях о прошлом и как оно включает в себя умолчания и пропуски. Примечательно, что советское обозначение нацистской Германии как «фашистской» сохраняется и на этом памятнике: и на польском и на украинском языках.

На церемонии открытия некоторые пожилые жители поделились своими воспоминаниями о тех временах, когда поляки и украинцы жили бок о бок. Они подчеркнули добровольный характер послевоенного переселения поляков на территории Польши: «многие поляки предпочли жить в Польше», как сказал один из присутствующих²⁶. Ни слова не было упомянуто о польско-украинском конфликте. «Украинцы и поляки жили друг с другом мирно на протяжении десятилетий, без упрека за их национальность», повторяли присутствующие²⁷. Тем не менее, Анджей Пшевожник, историк из польского Совета по защите памяти битв и мученичества (Rada Ochrony Pamięci Walk i Męczeństwa), намекнул на довольно сложные отношения между поляками и украинцами в прошлом, и даже в настоящее время: «Несколько дней назад свечи памяти сверкали над могилами во всей Польше. Но на многих кладбищах свечей не было. Потому что далеко за пределами польской земли есть могилы наших людей, которые до сих пор ждут, что их навещат, особенно здесь, на Волини, где история была особенно жестоко по отношению к людям. Почти каждый участок земли здесь пропитан кровью невинных жертв тоталитаризма и национализма»²⁸.

В то время как польский историк выразил свое беспокойство из-за отсутствия сотрудничества, украинский спикер, глава Ровенской областной администрации Николай Сорока, подчеркнул важность такого сотрудничества: «Мы благодарны польской стороне за их финансирование памятника. Также была произведена хорошая работа наших дорожных строителей. Такое взаимное сотрудничество является гарантией братства наших народов»²⁹.

Иоланта Квасьневская подчеркнула необходимость помнить о потерях в прошлом для того, чтобы иметь возможность продолжать жить как добрые соседи: «Мой отец родился здесь. Здесь, в семейной могиле, похоронены моя тетька, ее муж и ее ребенок. Важно, что у нас теперь есть возможность молиться за умер-

²⁶ Василий Ковальчук, житель соседней деревни, цит. в: Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

²⁷ Омелянчук І. Пам'ять без кордонів і національностей // Вісті Рівненщини. 14 листопада 2003. С. 1.

²⁸ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 5.

²⁹ Там же.

ших, есть где зажечь свечи. Теперь это будет проще для нас. А наши страны будут жить мирно, как соседи. И это самое важное, что мы можем сделать для наших детей»³⁰.

Таким образом, две параллельные церемонии, которые относят нас к событиям почти 70-летней давности – одна, связанная с Климом Савуром, а другая с польскими и украинскими жителями небольшого поселка – состоялись в том же регионе с разницей в год. Каждая из церемоний регулируется стратегическим забыванием, что наполняет память о межэтническом конфликте молчанием. Примечательно, что в беседе с журналистами Анджей Пшевожник вспомнил о конфликте и сказал, что памятник полякам, погибшим в Волинском конфликте, планировалось построить в последующем году в селе Лидавка недалеко от Борщивки. Такой памятник действительно был построен. С началом 2000-х начала намечаться другая тенденция – строительство памятников и обустройство памятных мест, посвященных польским жертвам Волинского конфликта в селах Волыни. Все эти памятники связаны с местами гибели поляков и в большинстве случаев они финансируются польской стороной.

Выводы

Какие механизмы и стратегии позволили умолчания в формировании памяти УПА в регионе? Селективная форма памяти стала возможной, потому что потребность в героической памяти УПА представлялась в рамках проекта возрождения собственной истории после развала СССР. Новая история рассматривалась как необходимое условие для символической победы общества, которому было отказано в написании своей собственной истории в прошлом. То, о чем было запрещено говорить в СССР, начали рассматривать как что-то позитивное, что необходимо донести обществу.

Более того, необходимость помнить ОУН и УПА представлялась как моральный долг перед павшими, которых нельзя было оплакать и помянуть раньше. Следовательно, требования помнить были сформулированы в качестве морального долга общества. Как было показано, большинство требований построить памятник Климу Савуру были сформулированы как требования восстановления исторической справедливости.

Кроме того, героическая память об ОУН и УПА представлялась как маркер национальной идентичности. Она приравнивалась к патриотизму и таким ценностям, как государственная независимость и свобода. Явные религиозные символы на всех местах, посвященных памяти Савура, определили его местонахождение

³⁰ Борщівка – попіл, пам'ять // Рідний Край. 15 листопада 2003. С. 4.

ние в пределах священного пространства жертвенности и еще больше укрепили героический миф УПА.

В этой статье я ограничилась кратким изложением формирования памяти в одном регионе и в одном случае. Но многие тенденции, которые видны в этом региональном измерении и на этом примере, можно также проследить в других регионах и частично на национальном уровне. За двадцать пять лет независимости Украины сформировался образ ОУН и УПА как национальных героев, патриотов, жертв тоталитарных режимов. Так как тяжелые страницы прошлого не упоминались в дискуссиях о памяти и в коммеморативных церемониях, а также из-за отсутствия сильной оппозиции такому героическому нарративу в регионе, стало возможным формирование именно такой героической памяти.

Лукаш Адамский

Волынский негационизм как фактор, отягощающий польско-украинские отношения: анализ дискуссии 2016 года

Польско-украинская дискуссия о совершенных в 1943-1944 годах массовых убийствах поляков, проживавших на Волыни и в Галиции, все больше и больше отягощает современные отношения Польши и Украины. Неким парадоксом является тот факт, что несмотря на огромное количество совместных интересов, культурную близость обеих наций, обусловленную многовековой принадлежностью земель современной Украины к Польше, и взаимным культурным влиянием, а также несмотря на волю элит обоих государств тесно сотрудничать друг с другом, история – а вернее конфликт памяти поляков и украинцев, а также историческая политика, проводимая в обоих государствах – приводит к нарастающим напряжениям. В 2016 году, на фоне принятия Сеймом резолюции, провозглашавшей этническую чистку польского населения юго-западных воеводств довоенной Польши преступлением геноцида, а также премьеры художественного фильма *Волынь 1943*, рассказывающего об этих событиях, страсти стали еще сильнее кипеть.

Целью настоящей статьи является не реконструкция событий 1943-1944 годов, а ознакомление читателя с современными польско-украинскими дебатами о прошлом, в совокупности с анализом причин и последствий украинского отрицания ответственности Украинской Повстанческой Армии за массовые убийства поляков. Как буду доказывать, за «волынский негационизм», осложняющего отношения с Польшей, отвечают не только частично объективно сложившиеся в Украине, а отчасти и целенаправленно продвигаемые в украинском государстве представления об истории ОУН и УПА, но и естественные психологические защитные механизмы, равно как и запоздание украинских нациотворческих процессов, особенности постсоветской украинской политической, интеллектуальной и научной культуры, в том числе распространенное в Украине представление о необходимости существования некоего «суверенитета по отношению к истории» и необходимости его защиты. При реконструкции хода дискуссии буду – учитывая большое количество материалов – ссылаться прежде всего на мнения людей, чьи высказывания и взгляды имеют особенно заметный общественный резонанс. Мои суждения, обобщающие настроения и климат дискуссий, являются субъективными и отражают личные впечатления активного участника этих дискуссий с украинской общественностью.

Генезис проблемы

Подходы мейнстримов польской и украинской историографии сильно отличаются касательно того, как характеризовать многочисленные события, явления и персонажей из прошлого обеих наций. Ввиду этого несогласия часто проявляется фундаментальный спор о том, насколько оправданы попытки описания прошлого украинских земель как истории отдельного украинского сообщества или даже украинской нации, а также о том, какие ценности должны лечь в основу исторических оценок. Нигде эта разница не проявляется больше, чем при описывании событий на Волыни и в Галиции (ранее официально: Восточной Малопольше) 1943-1944 годов¹.

В Польше в течении двадцатипятилетия, прошедшего с момента приобретения вновь суверенитета, а заодно и возможности ведения свободных исторических исследований, сложился двойной консенсус – как историографии, так и общественного мнения² – по поводу того, что волынско-галицийские события были спланированной и организованной Украинской Повстанческой Армией этнической чисткой польского населения³, причем проведенной в жесточайшей форме⁴,

¹ Для сравнения – о методологических и аксиологических проблемах диалога с украинцами и русскими см.: Adamski Ł. Dialog historyczny z Rosją i Ukrainą: podejście endoskopiczne // Arcana. 2014. № 1.

² Опрос польского Центра исследований общественного мнения от 5 июня 2013 года показывает, что около половины поляков не имеет базовых знаний об этом преступлении, 30% идентифицирует его как преступление украинцев против поляков, и только 2% склонны поддержать точку зрения о взаимных убийствах. Можно ожидать, что появление в прокате фильма Войцеха Смажовского *Волынь 1943* существенно увеличит процент людей, которые слышали о самом преступлении и придерживаются мнения об этнической чистке, совершенной отрядами УПА. См.: Herrmann M. Trudna pamięć. Wołyń 1943 // Centrum Badań Opinii Społecznej. 2013. № 4851. http://www.cbos.pl/SPISKOM.POL/2013/K_093_13.PDF. Последнее посещение: 29 декабря 2016 г. Другой опрос от 2016 года на эту тему с вопросом «Дошло ли на Волыни до геноцида?» показывает 73% сторонников и 7% противников этого тезиса, но эти данные стоит интерпретировать с большой осторожностью, поскольку исполнитель опроса не обнаружил методологических подробностей проведения этого опроса, в частности, сколько опрошенных понимало, что такое «геноцид». См.: Szaniawski P. Wołyń: czy rzeź to ludobójstwo? // Newsweek Polska. 11 lipca 2016. <http://www.newsweek.pl/polska/wolyn-czy-rzez-to-ludobojstwo-sondaz-,artykuly,388776,1.html>. Последнее посещение: 29 декабря 2016 г.

³ Среди главных работ, посвященных этой теме, стоит упомянуть: Motyka G. *Ukraińska partyzantka 1942-1960*. Warszawa, 2006; idem. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»: konflikt polsko-ukraiński 1943–1947*. Kraków, 2011 (русское издание: Мотыка Г. *От Волынской резни до операции «Висла»: польско-украинский конфликт 1943–1947 гг.* М., 2014); idem. *Cień Kłyma Sawura: polsko-ukraiński konflikt pamięci*. Gdańsk, 2013; idem. *Wołyń '43*. Kraków, 2016; Siemaszko W., Siemaszko E. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich na ludności polskiej Wołynia 1939-1945*. Warszawa, 2000; Hryciuk G. *Przemiany narodowościowe i ludnościowe w Galicji Wschodniej i na Wołyniu w latach 1931-1948*. Toruń, 2005; Zajączkowski M. *Ukraińskie podziemie na Lubelszczyźnie w okresie okupacji niemieckiej 1939-1944*. Lublin, Warszawa, 2015; *Wołyń 1943 – rozliczenie: materiały przeglądowej konferencji naukowej «W 65. rocznicę eksterminacji ludności polskiej na Kresach Wschodnich dokonanej przez nacjonalistów ukraińskich»* / Ed. R. Niedzielko. Warszawa, 2010; *Kresowa Księga Sprawiedliwych 1939–1945: o Ukraińcach ratujących Polaków poddanych eksterminacji przez OUN i UPA* / Ed. R. Niedzielko. Warszawa, 2007 (также на англий-

жертвой которой стало около ста тысячи гражданского населения. Вне зависимости от того, как определить первоначальную цель действий УПА – как политическую, то есть желание «очистить» Волынь и Галицию от поляков путем убийства части населения и склонения остальных к бегству, создав, таким образом, совершившиеся факты, или же военную – стремление к ликвидации польского и советского подполья, требовавшие для авторов этого плана уничтожения польских сел – одно остается неоспоримым: волынская акция несомненно исчерпывает все критерии для применения термина «геноцид», которые были определены в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой в 1948 году, то есть уже после войны, но кодифицирующей обычное международное право. Поэтому Сейм в своих резолюциях, посвященных этому массовому преступлению, неоднократно определял акцию УПА, совершенную еще до вступления в силу конвенции, этим правовым понятием, хотя парламент Польши его использовал в разной стилистической форме: в 2009 году это были «массовые убийства, имеющие характер этнической чистки и геноцидные признаки», в 2013 – «характер этнической чистки с признаками геноцида», и, наконец, в 2016 году – «геноцид, совершенный украинскими националистами»⁵. В каждой из резолюций Сейм благодарил тех украинцев, которые помогали своим польским соседям спасти свою жизнь⁶.

Использование Сеймом в 2016 году термина «геноцид» для классификации Волынской резни, таким образом, не имело юридической новизны. Однако оно было сильным политическим сигналом о польском желании стигматизации волыньско-галицийского преступления, выраженном на наивысшем уровне, а также о

ском: *The Book of the Righteous of the Eastern Borderlands 1939-1945: About the Ukrainians Who Rescued Poles Subjected to Extermination by the Organization of Ukrainian Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army* / Ed. R. Niedzielko. Warsaw, 2016. <http://www.pamiec.pl/download/49/33323/KresowaksiegasprawiedliwychANG.pdf>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.). Краткое изложение проблемы по-английски см.: Snyder T. *The Causes of Ukrainian-Polish Ethnic Cleansing 1943 // Past and Present*. 2003. № 179. Документы в сборнике: *Polacy i Ukraińcy pomiędzy dwoma systemami totalitarnymi 1942-1945* / Ed. G. Motyka, J. Szapował. 2 Vols. Warszawa, Kijów, 2005.

⁴ Из-за жестокости, сопровождающей убийства поляков, появилось предложение, выдвинутое Рышардом Шавловским, создать новый правовой термин – «genocidium atrox» – то есть особо жестокий геноцид. См. вступление к книге: Siemaszko W., Siemaszko E. *Ludobójstwo dokonane przez nacjonalistów ukraińskich...*; Szawłowski R. *Trzy tematy z dziedziny «genocydologii» // Zbrodnie przeszłości: opracowania i materiały prokuratorów IPN* / Ed. R. Ignatiew, A. Kura. Vol. 2. Warszawa, 2008. P. 23-33. http://arch.ipn.gov.pl/ftp/pamiec_ebooki/Zbrodnie_Przeslosci_2.pdf. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵ См.: Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 15 lipca 2009 r. w sprawie tragicznego losu Polaków na Kresach Wschodnich // *Monitor Polski*. 2009. № 47. Poz. 684; Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 lipca 2013 r. w sprawie uczczenia 70. Rocznicy Zbrodni Wołyńskiej i oddania hołdu jej ofiarom // *Monitor Polski*. 2013. Poz. 606; Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 lipca 2016 r. w sprawie oddania hołdu ofiarom ludobójstwa dokonanego przez nacjonalistów ukraińskich na obywatelach II Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1943–1945 // *Monitor Polski*. 2016. Poz. 726.

⁶ Ibid.

невозможности воздержания от такой стигматизации и такого осуждения из-за каких-либо политических соображений, прежде всего, предполагаемой неготовности украинского общественного мнения признать ответственность УПА за это преступление. Для оценки общей ситуации стоит дополнительно отметить, что геноцидом Сейм назвал раньше убийства армян⁷, Голодомор⁸, Польскую операцию НКВД 1937-1938 гг.⁹, а также преступления «Исламского государства» против христиан, езидов, курдов и других религиозных либо этнических меньшинств в Ираке и Сирии¹⁰. Кроме того, нижняя палата парламента определила наличие признаков геноцида в советских репрессиях против поляков, в частности, в Катынском преступлении¹¹, назвав его «геноцидным убийством»¹². Также Сенат признал геноцидом немецкую и советскую политику по отношению к польским гражданам во время Второй мировой войны¹³ и преступления, совершенные в Освенциме¹⁴. Катынское преступление, которое еще в 2000 году верхняя палата парламента квалифицировала как военное преступление и преступление против человечества¹⁵, через 5 лет она же признала геноцидом, а также призвала власти Российской Федерации именно так квалифицировать это убийство¹⁶. Наряду с парламентом об ответственности ОУН и УПА за преступления говорили польские президенты – Александр Квасьневский¹⁷, Лех Качиньский¹⁸ и Бронислав Коморовский¹⁹.

⁷ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 19 kwietnia 2005 r. w 90. rocznicę ludobójstwa popełnionego na ludności ormiańskiej w Turcji podczas I Wojny Światowej. http://orka.sejm.gov.pl/proc4.nsf/uchwaly/3918_u.htm. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁸ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 6 grudnia 2006 r. w sprawie uczczenia ofiar Wielkiego Głodu na Ukrainie // Monitor Polski. 2006. № 89. Poz. 916.

⁹ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 14 lipca 2009, upamiętniająca ofiary zbrodni dokonanych w latach 1937-1939 na Polakach zamieszkałych w ZSRR // Monitor Polski. 2009. № 46. Poz. 675.

¹⁰ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 26 września 2014 r. w sprawie ludobójstwa dokonywanego na chrześcijanach, jazydach, Kurdach oraz przedstawicielach innych mniejszości religijnych i etnicznych przez organizację terrorystyczną Państwo Islamskie na obszarze północnego Iraku i Syrii // Monitor Polski. 2014. Poz. 891.

¹¹ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 23 września 2009 upamiętniająca agresję Związku Radzieckiego na Polskę 17 września 1939 r. // Monitor Polski. 2009. № 63. Poz. 831.

¹² Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 22 marca 2005 upamiętniająca 65. rocznicę zbrodni kатыńskiej // Monitor Polski. 2005. № 18. Poz. 293.

¹³ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 23 września 2009 w 70. Rocznicę wybuchu drugiej wojny światowej // Monitor Polski. 2009. № 63. Poz. 832.

¹⁴ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 3 lutego 2005 r. w sześćdziesiątą rocznicę oswobodzenia obozu koncentracyjnego Auschwitz-Birkenau // Monitor Polski. 2005. № 9. Poz. 155.

¹⁵ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 12 kwietnia 2000 r. w 60. rocznicę Zbrodni Kатыńskiej // Monitor Polski. 2000. № 12. Poz. 241.

¹⁶ Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 1 kwietnia 2005 r. w 65. rocznicę zbrodni kатыńskiej // Monitor Polski. 2005. № 22. Poz. 333. О геноциде говорит и другая, принятая в то время резолюция Сената: Uchwała Senatu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 28 kwietnia 2005 r. w 60. rocznicę zakończenia II wojny światowej // Monitor Polski. 2005. № 27. Poz. 372.

¹⁷ Пресс-релиз Канцелярии Президента Республики Польша от 11 июля 2003 г. Uroczystości upamiętniające 60. rocznicę tragedii wołyńskiej // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 11 lipca 2003. <http://www.prezydent.pl/archiwalne-aktualnosci/rok->

В Украине ситуация в отношении волинских убийств сильно отличается от польских представлений. Большинство авторов как научной литературы, либо претендующей на научную, так и публицистической, считает массовые убийства 1943-1944 гг. на Волыни и в Галиции частью взаимной акции²⁰, вызванной в большей мере стремлением польского подполья восстановить польский контроль над восточными территориями довоенной Польши. Такая позиция отражается даже в распространенном на Украине названии конфликта «Волинская трагедия», которое, ввиду своей семантики, прямо намекает на то, что ужасные события не имели автора, виновника и что происходящее было чем-то независимым от воли автора, неким «допуском божьим». Историки, которые придерживаются иной оценки событий нежели украинский «мейнстрим», безусловно существуют и нередко составляют элиту украинских интеллектуалов. Из исследователей собственно этой проблемы можно назвать Игоря Ильюшина, а из других влиятель-

2003/art,430,uroczystosci-upamietniajace-60-rocznice-tragedii-wolynskiej.html. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

¹⁸ Качиньский назвал геноцидом события на Волыни в письме к бывшим жителям этих земель от 5 июля 2009, см.: List Prezydenta na Zjeździe Kresowian // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 5 lipca 2009. <http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/aktualnosci/rok-2009/art,17,558,list-prezydenta-na-zjezdzie-kresowian.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г. Там же и само письмо, в котором есть такой фрагмент: «Ocena działalności Organizacji Ukraińskich Nacjonalistów oraz Ukraińskiej Powstańczej Armii są w Polsce jednoznacznie negatywne. Organizacje te dokonywały masowych mordów polskiej ludności na wschodnich terenach II RP, w których zginęło ponad 100 tys. Polaków tylko z tego powodu, iż byli Polakami. Mordy te budzą jednoznaczny sprzeciw społeczeństwa polskiego». Лех Качинский также осудил присуждение Степану Бандере звания героя Украины, см.: Oświadczenie ws. nadania Stepanowi Banderze tytułu Bohatera Ukrainy // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 4 lutego 2009. <http://www.prezydent.pl/archiwum-lecha-kaczynskiego/aktualnosci/rok-2010/art,9,1173,oswiadczenie-ws-nadania-stepanowi-banderze-tytulu-bohatera-ukrainy.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г. При других случаях Качиньский предпочитал не упоминать УПА.

¹⁹ Пресс-релиз Канцелярии Президента Республики Польша от 11 июля 2003 г. Wystąpienie prezydenta z okazji odsłonięcia pomnika poświęconego Ofiarom Zbrodni Wołyńskiej // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 11 lipca 2013. <http://www.prezydent.pl/archiwum-bronislawa-komorowskiego/aktualnosci/wypowiedzi-prezydenta/wystapienia/art,176,wystapienie-prezydenta-z-okazji-odslonienia-pomnika-poswieconego-ofiarom-zbrodni-wolynskiej.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г..

²⁰ Так пишут в своих книгах и статьях, например, Владимир Вятрович (см., напр.: Вятрович В. Друга польсько-українська війна 1942-1947. К., 2011), Иван Патриляк, автор большой агиографичной монографии УПА (см.: Патриляк І. «Перемога або смерть»: український визвольний рух у 1939–1960-х рр. Львів, 2012) или – методологично слабейший из них, а во взглядах – крайний – Владимир Сергийчук (см., напр.: Сергийчук В. Трагедія Волині: причини й перебіг польсько-українського конфлікту в роки Другої Світової Війни. К., 2009). Другой позиции придерживается Игорь Ильюшин, который считает, что на Волыни и в Галиции дошло до этнической чистки, совершенной УПА. См.: Ильюшин І. Волинська трагедія 1943–1944 рр. К., 2003. Такие взгляды отражены также в статье об этом преступлении, опубликованной в академической *Енциклопедія історії України* (Т. 1: А-В / Ред. В.А. Смолій та ін. НАН України. Інститут історії України. К., 2003), и в работах исследователя политики памяти современной Украины Андрея Портнова.

ных ученых Александра Зайцева²¹, Василия Расевича или Андрея Портнова²². Однако не они задают тон, а историки – защитники патриотизма, нередко идентифицирующиеся на ментальном уровне с деятелями ОУН и УПА, в частности с их антисоветской деятельностью.

Что касается официальных актов, то в совместном заявлении Рады и Сейма от 2003 года были сознательно помещены нечеткие формулировки, и документ читается скорее как проявление тезиса о симметрии провинностей²³. 11 июля 2003 года, в 70-ю годовщину кульминации резни, Леонид Кучма на совместном польско-украинском торжестве выразил мнение, которое можно интерпретировать как утверждение симметрии провинностей и сожаление, что дошло до «трагедии»²⁴. Такой позиции придерживался также Виктор Ющенко, в том числе во время совместного мероприятия с тогдашним польским президентом Лехом Качиньским в Гуте Пеняцкой в 65-ю годовщину этих убийств в 2009 году²⁵.

Польско-украинский конфликт памяти развивался постепенно вместе с углублением исследований и распространением знания об этом преступлении. Первая бурная дискуссия произошла в 2003 году. Тогда ее ходом по разным причинам остались не удовлетворены многочисленные представители украинских и польских элит, но все-таки удалось достигнуть политических договоренностей как о совместной декларации Сейма и Рады, так и о совместном отмечании 60-й годовщины резни²⁶. Однако, если польские политики согласились одобрить компромиссные формулирования и их включить в совместную декларацию в надежде на то, что они станут началом диалога, ведущего, в перспективе следующих лет, к дальнейшему, уже прямому осуждению деятелей УПА как лиц, отвечаю-

²¹ Зайцев О. Три правды про Волинську трагедію // Zaxid.net. 13 червня 2013. http://zaxid.net/news/showNews.do?tri_pravdi_pro_volinsku_tragediyu&objectId=1287244. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

²² Portnov A. Clash of Victimhoods: The Volhynia Massacre in Polish and Ukrainian Memory // openDemocracy. 16 November 2016. <https://www.opendemocracy.net/od-russia/andrii-portnov/clash-of-victimhood-1943-volhynian-massacre-in-polish-and-ukrainian-culture>. Последнее посещение 13 января 2017 г.; Dębski S., Portnow A. Wołyń. Jeszcze rzeź czy już ludobójstwo // Gazeta Wyborcza. 9 sierpnia 2013 r. http://wyborcza.pl/magazyn/1,124059,14411291,Wolyn__Jeszcze_rzez_czy_juz_ludobojstwo.html. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

²³ Oświadczenie Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 10 lipca 2003 r. w związku z 60. rocznicą tragedii wołyńskiej // Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. 10 lipca 2003. http://orka.sejm.gov.pl/proc4.nsf/uchwaly/1669_u.htm; Постанова Верховної Ради України «Про схвалення українсько-польської парламентської заяви у зв'язку з 60-ю річницею волинської трагедії» // Відомості Верховної Ради. 2004. № 7. Ст. 61. <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1085-15>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

²⁴ Пресс-релиз Канцелярии Президента Республики Польша от 11 июля 2003 г.

²⁵ Справжня дружба вимагає справжньої правди про страшні події – Качинський // Радіо Свобода. 28 лютого 2009. <http://www.radiosvoboda.org/a/1500996.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

²⁶ О ходе тогдашних дискуссии см.: Berdychowska B. Ukraińcy wobec Wołynia // Zeszyty Historyczne. 2003. Vol. 146. P. 65-104; idem. Polacy wobec Wołynia // Przegląd Polityczny. 2013. № 121-122; Portnov A. Ukraińskie interpretacje rzezi wołyńskiej // Więź. 2013. № 2(652); Motyka G. Wołyń '43. Kraków, 2016.

щих за преступление, – то украинские политические элиты приняли вышеупомянутые формулировки, наоборот, как максимальный возможный компромисс, со своей стороны. Таким образом, уже спустя несколько лет для наблюдателей вопроса было очевидным, что Польша и Украина в шаге от очередной дискуссии по поводу Волынского преступления, а надежда польских политиков на перелом – признание ответственности УПА за геноцид – становится все слабее²⁷. Окончательно она исчезла 20 января 2010 года, когда президент Ющенко, уже после проигрыша в первом туре президентских выборов, но занимая еще пост главы государства, издал указ, присуждающий Степану Бандере – лидеру радикальной фракции ОУН и символу отрядов, именующихся Украинской повстанческой армией – звание «Героя Украины»²⁸. Этот акт, в последствии аннулированный судом уже при правлении нового президента, Виктора Януковича, был принят в Польше с огромным разочарованием и опротестован президентом Качиньским²⁹. Кроме того, Европейский Парламент прислушался к предложениям польских евродепутатов и принял резолюцию, сожалеющую о присвоении этого звания человеку, сотрудничавшему с нацистами, как акту, не совместимому с европейскими ценностями.

В 2013 году спор стал особо интенсивным на фоне 70-ой годовщины резни и дискуссии о том, каким образом события 1943-1944 гг. должны быть охарактеризованы в очередной резолюции Сейма. Большинство депутатов, поощренных выступлением министра иностранных дел Радослава Сикорского, согласилось использовать юридический эвфемизм «преступление с признаками геноцида», который в правовом смысле означал то же самое, что и геноцид, но мог «продаваться» как нечто другое, смягченное. За «преступление с признаками геноцида» проголосовало 222 депутатов, а за геноцид – 212³⁰. Такое содержание резолюции критиковала тогдашняя оппозиция, прежде всего партия «Право и справедливость», которая с 2015 года формирует польское правительство. Единственным фактором, который сдержал депутатов от прямого использования термина «геноцид», были опасения о потенциально деструктивном влиянии резолюции с таким содержанием на польско-украинские отношения.

²⁷ Adamski Ł. Zmiana wrażliwości // Nowa Europa Wschodnia. 2010. № 1.

²⁸ Указ Президента України № 46/2010 «Про присвоєння С. Бандері звання Герой України. За незламність духу у відстоюванні національної ідеї, виявлені героїзм і самопожертву у боротьбі за незалежну Українську державу» // Офіційний портал Верховної Ради України <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/46/2010>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

²⁹ Пресс-релиз Канцелярии Президента Республики Польша от 4 февраля 2010 года, Oświadczenie ws. nadania Stepanowi Banderze tytułu Bohatera Ukrainy // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 4 lutego 2010. <http://www.prezydent.pl/archiwum-bronislawa-komorowskiego/aktualnosci/wydarzenia/art,1173,oswiadczenie-ws-nadania-stepanowi-banderze-tytułu-bohatera-ukrainy.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

³⁰ Sprawozdanie Stenograficzne z 45. posiedzenia Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej w dniu 12 lipca 2013. P. 283-287. http://orka2.sejm.gov.pl/StenoInter7.nsf/0/9113CD34F0EE4376C1257BA6006E5CD5/%24File/45_c_ksiazka.pdf. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

Однако спор начал помалу угасать и казалось, что события Революции Достоинства, массово поддержанной многими поляками, в том числе политическим мейнстримом, оставит в будущем в тени польско-украинские дебаты по поводу Волыни, довольно сильные в юбилейном 2013 году. Однако, 9 апреля 2015 года начался очередной конфликт. В этот день президент Польши Бронислав Коморовский, стремившийся быть переизбранным на второй срок, прибыл с визитом на Украину и выступил перед депутатами в Верховной Раде со специальной речью. Спустя несколько часов депутаты приняли пакет так называемых декоммунизационных законов, разработанных сотрудниками Украинского института национальной памяти и принятых в окончательном варианте в версии, предложенной депутатом Радикальной партии Юрием Шухевичем, сыном главного командира УПА.

Общей целью четырех правовых актов было ускорение декоммунизации Украины и рассекречивания советских архивных материалов. Однако, в законе «О правовом статусе и памяти борцов за независимость Украины в XX веке» среди организаций, борющихся за независимое украинское государство, была перечислена и УПА. Кроме того, тот же правовой акт напрямую говорил, что не только граждане Украины, но и иностранцы, публично проявляющие пренебрежительное отношение к участникам борьбы за независимость Украины в XX веке, будут привлекаться к юридической ответственности, а публичное отрицание факта правомерности борьбы за независимость Украины в XX веке будет признаваться надругательством над памятью борцов за независимость Украины, равно как и унижением достоинства украинского народа, и будет являться противоправным действием³¹.

Положения этого закона были приняты крайне критично в Польше, а также вновь вызвали дискуссию об украинской политике памяти, зачастую сведенной к вопросу «бандеризации» украинской национальной идентичности и желательной реакции польского государства на нее. Некоторые комментаторы, в том числе историк Гжегож Мотыка – пожалуй, не только лучший специалист по истории Волынской Резни, но и влиятельный участник польско-украинского исторического диалога – заявляли даже о влиянии инцидента 9 апреля 2015 года на проигрыш Коморовского в президентских выборах³². Даже если – как автор данных строчек – считать такое утверждение преувеличением значения голосования Рады, то остается фактом, что после этого инцидента, а также неисполнения последующих политических деклараций украинской стороны об изменении этого положения, то есть депенализации критики УПА, любое ангажирование польских политиков в украинские дела, в том числе в лоббирование украинских интересов и помощь стране в защите от России, чревато риском утраты части электората в

³¹ Закон України «Про правовий статус та вшанування пам'яті борців за незалежність України у XX столітті» // Офіційний портал Верховної Ради України. <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/314-viii>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

³² Motyka. Wołyń '43. P. 233.

самой Польше. Поэтому завершение процесса присуждения Волынскому преступлению статуса геноцида, что произошло 22 июля 2016 года на уровне декларации Сейма, было весьма предсказуемо.

Украинские дебаты 2016 года

Сам факт рассмотрения признания волынского преступления геноцидом уже спровоцировал волну эмоций со стороны украинской общественности. Главную разницу в прозвучавших аргументах можно свести, с одной стороны, к тем, которые полемизируют с «польским» видением истории и последующей из него правовой интерпретацией убийств, и, с другой стороны, тем, которые сосредотачиваются на политических аспектах решения польского Сейма – иногда действительно имеющих место, но гораздо чаще – мнимых. Ниже я упомяну главным образом те, которые прозвучали от авторитетных людей или учреждений.

Здесь не рассматриваются распространенный псевдо-аргумент «какнасчетизма»/«аувасничество» («whataboutism») или же оправдания исполнителей массовых преступлений тем, что они боролись за свою землю, а поляки, мол, были «оккупантами». К более серьёзным историческим и заодно историографическим аргументам относились высказывания о том, что «геноцида на Волыни» (о событиях в Галиции почти никто из украинских участников не упоминал) не было, а была взаимная борьба польского и украинского подполья, вследствие которой, к сожалению, пострадало гражданское население. Почти все комментарии ссылались на труд Владимира Вятровича *Вторая польско-украинская война*³³ или на взгляды этого историка, даже если его фамилия не была упомянута. Сама же концепция «взаимности» была разработана еще раньше – можно ее найти, например, в томе, посвященном Второй мировой войне, изданном как часть многотомной истории Украины, подготовленной в Институте истории Украины Национальной академии наук Украины³⁴, а также в высказываниях украинских участников цикла семинаров «Польша – Украина – сложные вопросы»³⁵.

Историческим аргументом был также тезис, что резня была «антиколониальным восстанием». Его также озвучивал Вятрович³⁶, но еще более ярко Иван Патриляк – декан исторического факультета Киевского Национального Университета им. Шевченко – в своих работах и в публичном интервью. Там Патриляк высказал мнение, что события на Волыни не были геноцидом, потому что имели ха-

³³ В'ятрович. Друга польсько-українська війна...

³⁴ Коваль М. Україна в Другій світовій і Великій Вітчизняній війнах (1939-1945 pp.). К., 1999.

³⁵ Polska-Ukraina: trudne pytania. Vols. 1-11. Warszawa, 1998-2009.

³⁶ У Польщі історію хочуть закріпити політичними рішеннями, – В'ятрович // Інформаційний сайт Zik.ua. 14 листопада 2017. http://zik.ua/news/2016/11/14/u_polshchi_istoriyu_hochut_zakripytu_politychnomu_rishennyamy_vyatrovych_990909. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

ракти «антиколониальной войны», и потому что «геноцид предусматривает поголовное уничтожение [населения]». При том он озвучил концепцию, равно нелепую, как и позорную, что критерием оценки волынских событий должен быть фактор «автохтонизма» данной этнической группы: «Польское население, которое жило здесь на территории Украины, оно тоже в свое время сюда пришло. Оно не было автохтонным населением, т.е. населением, которое сформировалось именно этнически на этой территории. Да, иногда эти люди жили здесь 400-500-600 лет, но все равно они по существу были пришлым населением»³⁷.

Если процитированное определение «автохтонизма» вызвало у многих недоумение, то тезис о том, что зависимость части земель современной Украины от Польши являлась «колониализмом», не вызвал дискуссии, равно как и представленная Патриляком теория геноцида, несовпадающая с юридическим значением этого термина. Такие или иные очевидно ошибочные для любого юриста правовые аргументы играли также немаловажную роль в украинских дебатах. В качестве примера можно сослаться на статью, опубликованную председателем Украинского института национальной памяти с тезисом о том, что «В основе геноцидной концепции лежит убеждение, что целью было уничтожение всех поляков, находившихся в зоне досягаемости украинских повстанцев. Об обратном читаем в отчете из одного района Волыни за тот же страшный и трагический июль 1943»³⁸. Однако анализ этого же документа, совершенный Вятровичем явно доказывает, что этот украинский историк, так же как и упомянутый Патриляк, ошибочно воспринимает геноцид как преступление, предполагающее осуществление цели, какой является «поголовное» истребление какой-то этнической, национальной, расовой или религиозной группы, в то время как Конвенция говорит не о цели, а о намерении убить ради осуществления какой-то цели – например, увеличения шансов на успех наступления – и не только «всю» группу, но и часть этой группы³⁹.

Специальный анализ был подготовлен сотрудниками Института истории Национальной Академии Наук Украины и представлен как нечто в роде официальной позиции Института⁴⁰. Авторы документа оспаривали правильность решения польского Сейма аргументом, что геноцид «может осуществлять только гос-

³⁷ Интервью, опубликованное *Федеральным Агентством Новостей* 30 июня 2016 г. // Youtube. <https://www.youtube.com/watch?v=pBYnlqbLZsE>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

³⁸ В'ятрович В. Чи був геноцид? Документ із Волині 1943-го // *Історична правда*. 29 серпня 2016. <http://www.istpravda.com.ua/articles/2016/08/29/149183/>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

³⁹ International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of the Former Yugoslavia since 1991 Case No.: IT-94-1-A Date: 15 July 1999; Ambos K. What does 'intent to destroy' in genocide mean? // *International Review of the Red Cross*. 2009. Vol. 91. № 876. <https://www.icrc.org/en/international-review/article/what-does-intent-destroy-genocide-mean>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁴⁰ Боряк Г., Лисенко О. Волинська трагедія 1943 р.: історичний, правовий та політичний виміри в контексті рішення Польського Сейму // *History.org.ua* http://history.org.ua/News/20161427400300/20161427400300_1.doc. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

ударство или его отдельные структуры. Не было в прошлом и нет сейчас государства, которому можно было бы предъявить обвинение в геноциде. Если же принять факт прекращения существования Второй Речи Посполитой не в 1939, а в 1945 г., как считает большинство польских историков, то преступления совершали одни граждане этого государства против других граждан этого самого государства. То есть, Волынская трагедия может квалифицироваться как гражданский конфликт или гражданская война».

В данном абзаце можно встретить целых три неверных утверждения. Как уже говорилось, нет в конвенции нигде оговорки, что только государство и его структуры могут совершать геноцид. Нет также спора о «прекращении существования» государства под названием Вторая Речь Посполитая в 1939 либо в 1945, потому что в правовом смысле Польская Республика (*Rzeczpospolita Polska*) существует непрерывно с 1918 по настоящее время и именно как таковая пользуется международным признанием. Наконец же, термины геноцид и гражданская война абсолютно друг другу противоречат, ибо первый относится к уголовному праву как правовая квалификация преступления, а второй является спорным описанием характера конфликта, во время которого были совершены преступления.

Такой же – ошибочной – концепцией о том, чем есть геноцид, поделился Станислав Кульчицкий, «Нестор» украинских исследователей советских репрессий. «Геноцид не может быть делом какой-то партии, какой-то политической силы, какой-то армии, в данном случае Украинской повстанческой армии. Даже по своим масштабам (...)». Далее он заявил, что события на Волыни были этнической чисткой, где жертвами были поляки, но одновременно добавил, не уточняя, что имел в виду, что «до этого на протяжении нескольких лет погибло столько же украинцев, не меньше». Это в свою очередь намекает на «симметрию вин» не только во время Второй мировой войны, когда на самом деле случаи гибели украинцев по причине национальности от рук солдат польского подполья, вопреки приказам польского правительства, происходили в десятки раз реже, да и общее количество всех смертей украинцев на этой территории тоже в несколько раз меньше чем поляков⁴¹.

Примечательно, что даже историки, у которых взгляд на события 1943-44 годов не сильно отличается от их польских коллег, дистанцировались от использования понятия «геноцид». Характерно в этом контексте интервью Игоря Ильюшина – пожалуй, лучшего украинского исследователя этого вопроса, во многом занимающего позицию, близкую Гжегожу Мотике – о том, что действия УПА были спланированной этнической чисткой УПА, отнюдь не являвшейся «реакци-

⁴¹ Геноцид или нет: Кульчицкий оценил решение польского Сената по Волынской трагедии // *Обозреватель*. 9 июля 2016. <http://obozrevatel.com/politics/78341-genotsid-ili-net-kulchitskij-otsenil-reshenie-polskogo-sejma-po-volyinskoj-tragedii.htm>. Последнее посещение: 13 января 2017 г. Новейшие, детальные монографии темы убийств украинцев поляками см.: Zajaczkowski M. *Ukraińskie podziemie na Lubelszczyźnie w okresie okupacji niemieckiej 1939-1944*. Warszawa, Lublin, 2015; idem. *Pod znakiem króla Daniela: OUN-B i UPA na Lubelszczyźnie 1944-1950*. Warszawa, Lublin 2016.

ей» на действия польского подполя за Бугом: «Уничтожение польского населения не было для руководства УПА самоцелью, а только средством для получения однородной территории, условием *sine qua non* создания независимой Украины. Поэтому говорить о геноциде не стоит»⁴². Видно, что даже серьезный историк, 20 лет занимающийся данной проблемой, может иметь неполное представление о сути термина «геноцид». Стоит также процитировать голос известного историка и «публичного интеллектуала» Ярослава Грицака, который утверждает, что Волынь был «взаимным польско-украинским геноцидом». С одной стороны этот взгляд, в сущности, единственный из перечисленных, который может быть предметом серьезной дискуссии юристов и историков – о характере акций возмездия, совершенных некоторыми польскими подразделениями, можно ли их квалифицировать как преступления геноцида или нет. С другой стороны, если даже бы признать правоту мнения Грицака, что, впрочем, весьма спорно, и согласиться с мнением, что и польский ответ имел характер геноцида, то есть, что был взаимный польско-украинский геноцид, то при таком подходе исчезает разница между авторами преступления и жертвами, которые при защите могли нарушать пределы необходимой обороны.

Если реакции профессиональных историков не нарушали культуры эристики, вне зависимости от того, поддерживали или отрицали они теорию «симметрии», и как понимали они понятие «геноцид» – как правовую квалификацию определенного преступления либо как определение ужаснейшего по своим масштабам преступления, – то реакции украинской общественности весьма выразительны. Еще до принятия Сеймом резолюции группа влиятельных представителей украинской общественности, в том числе бывшие президенты Леонид Кравчук, Виктор Ющенко, патриарх киевский и всея Руси-Украины Филарет и глава Украинской Греко-Католической Церкви Святослав Шевчук, отправила письмо с воззванием к формуле примирения «Прощаем и просим прощения» и с едва завуалированной просьбой не принимать резолюции о геноциде. Письмо также напоминало, что Москва ведет войну против Украины, которая является наступлением против свободного мира⁴³.

Новость о принятии сначала Сенатом, а потом Сеймом резолюции, осуждающей убийства УПА как геноцид, была одной из главных новостей украинских СМИ. В подавляющем большинстве комментариев проявлялись – кроме констатации или непонимания «волынского вопроса», склоняющего к необходимости содержания нейтральных оценок – преимущественно две интерпретации:

⁴² Скороход О. Волинська трагедія-1943. Український погляд: етнічна чистка чи польсько-українська війна? // Цензор. 6 липня 2016. http://censor.net.ua/resonance/396030/volinska_tragediya_1943_ukrainskiyi_poglyad_etchna_chistka_chi_polskoukranska_vyina. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁴³ List Ukraińców do Polaków: «Przebaczamy i prosimy o przebaczenie» // Gazeta Wyborcza. 4 czerwca 2016. <http://wyborcza.pl/1,75968,20181590,list-ukraincow-do-polakow-przebaczamy-i-prosimy-o-przebaczenie.html#ixzz4TNKYii8t>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

(а) *Внутриполитическая борьба*: Довольно распространено было мнение о том, что польские элиты по внутриполитическим и не вполне понятным причинам решили «прекратить» «естественную» политику, базирующуюся на аксиоме – первый раз выраженной польскими епископами в письме немецким епископам от 1965 года – «прощаем и просим прощения». Часто этот взгляд сопровождало убеждение, что в Польше усиливается национализм, поощренный правящей партией – то ли из-за фактической близости этой идеологии к программе польской правящей партии, то ли в силу политического цинизма и неких политических выгод, на получение которых рассчитывали польские элиты взамен за «удар в спину».

(б) *Исторический империализм*: Этот аргумент звучит более-менее так: Польша, используя трудное положение Украины и некую зависимость Киева от Варшавы, пытается лишить своего соседа «суверенитета относительно истории» – права выбирать героев, в данном случае ОУН и УПА – и накинуть ей свое собственное видение истории. Большинство комментаторов при том считало эту альтернативную «польскую» историю чем-то предвзятым или даже империалистической.

Наряду с таким объяснением причин вольнской резолюции Сейма, комментаторы разделились также на два лагеря в отношении того, как следует Украине реагировать на польскую резолюцию – «ястребы» склонялись к симметричному ответу, «голуби» – к асимметричному. В то же время публичных комментариев, призывающих к одобрению резолюции такой как она есть и восприятия ее как дела не требующего ответа, почти не было. Приведем несколько характерных в этом отношении высказываний уважаемых людей, которые бывают в Польше частыми гостями и хотя бы поэтому должны быть более-менее ознакомлены с «вольнским вопросом».

Известный украинский писатель Юрий Андрухович не только повторял тезис о том, что геноцида не было, потому что отсутствовал организованный государственный аппарат, но и предложил украинцам отмечать 14 или 16 сентября «день памяти украинских жертв массовых и brutальных репрессий оккупационной власти на западноукраинских землях – так называемой пацификации», которую назвал «кровавым преступлением против человечества». Таким образом писатель не только выступил за симметрию, но и применил нелепый с точки зрения международного права термин «оккупация» к положению восточных земель польского государства межвоенного периода, названных довольно анахронистически «западноукраинскими»⁴⁴.

Другая известная украинская писательница – Оксана Забужко – предложила вообще усилить культ Романа Шухевича, главного командира УПА и одного из главных ответственных за проведение убийств поляков: «История XX-го века

⁴⁴ Андрухович Ю. Шляхом демонізації? // Збруч. 15 липня 2016. <http://zbruc.eu/node/53832>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

оставила нам немного гениев – тех, которые успели осуществить свою миссию. Роман Шухевич – как раз один из тех немногих: из тех, кто самостоятельно изменил ход истории. И не только украинской ... Когда мы его поймем – мы научимся побеждать»⁴⁵.

Андрей Павлишин, львовский интеллектуал, известный также как респектабельный переводчик с польского языка, заявил, что резолюция Сейма является территориальным ревизионизмом, подготовкой акции отнятия у Украины Львова. «В Польше образовалась однопартийная диктатура, личная диктатура Ярослава Качиньского. (...) Политики в парламенте говорят об этом завуалировано, а политики вне его пишут это на плакатах. Политики из партии внесли это в свою предвыборную программу – возвращение Львова Польше. То есть, происходит на полную голову создание своеобразного путинизма в польской версии. Основной 'скрепой', как это называют в России, для польских националистов стало требование назвать события на Волыни геноцидом»⁴⁶. В своем посте на фейсбуке Павлишин добавил, что следующий раз Сейм примет резолюцию про существование *Протоколов Сионских мудрецов*⁴⁷.

Роман Кабачий – историк, журналист и популярный комментатор польско-украинских отношений, окончивший, впрочем, аспирантуру в Польше – прокомментировал интервью с тезисом, что героизация Бандеры после 2014 была импульсом, склонившим польские элиты отказаться от юридических эвфемизмов – вопросом «может нам стоит еще спрашивать у поляков, когда в сортир ходить»⁴⁸, в чем – несмотря на вульгарную форму – отражалось убеждение о присутствующем у поляков «империализме по отношению к истории».

Наконец, стоит упомянуть принятое через месяц после резолюции Сейма обращение 90 известных украинских «публичных лиц» с предложением отмечать 23 сентября как день польских репрессии против украинцев – автохтонов Галиции. Письмо с поддержкой этой инициативы подписали, между прочим, первый президент Леонид Кравчук, директор Национального института стратегических исследований Владимир Горбулин, диссидент Левко Лукьяненко, писатели Дмитрий Павличко, Иван Драч, Иван Дзюба, историки Юрий Шаповал, Влади-

⁴⁵ Забужко О. Коли зрозуміємо Шухевича – навчимося перемагати // Акцент. 7 березня 2016. http://www.akcent.org.ua/oksana-zabuzhko-koly-zrozumiyemo-shuhevy-cha-navchy-mosya-peremagaty/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=facebook#. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁴⁶ Сучасна польська еліта сповідує комплекс жертви, – історик // Zik.ua. 25 липня 2016. http://zik.ua/news/2016/07/25/suchasna_polska_elita_spoviduie_kompleks_zhertvy_istoryk_720332. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁴⁷ Пост на портале Facebook Андрія Павлишина от 22 июля 2016 г. <https://www.facebook.com/andrij.pavlysyn/posts/10210657200649535>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁴⁸ Ukraiński historyk o dialogu ws. Wołynia: może mamy jeszcze pytać Polaków, kiedy iść do wychodka? // Kresy.pl. 14 lipca 2016. <http://www.kresy.pl/wydarzenia,spoleczenstwo?zobacz/ukraiński-historyk-o-dialogu-ws-wołynia-może-mamy-jeszcze-pytac-polakow-kiedy-isc-do-wychodka>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

мир Сергейчук, Станислав Кульчицкий, бывшие министры иностранных дел Борис Тарасюк, Владимир Огрызко⁴⁹.

Как пример реакции сторонников асимметричного ответа можно привести заявление группы украинских интеллектуалов, вовлеченных в большинстве в диалог с Польшей. В их открытом письме – людей несомненно доброй воли – оказался заметный абзац: «Мы искренне благодарны тем польским парламентариям, которые отказались голосовать за эту резолюцию – голос разума раздался под куполом Сейма тихо, но прозвучал»⁵⁰. Из-за утверждения об отсутствии «разума» в Сейме текст мог восприниматься, вопреки намерениям авторов, скорее как обида, чем воззвание к продолжению диалога.

Против «симметрии» выступал также Владимир Вятрович. Правда, он голословно утверждал, что «польский парламент совершил политическую, юридическую и историческую ошибку, назвав антипольскую акцию УПА геноцидом», но заодно говорил, что «полной симметрией на глупость есть только новая глупость». Вятрович верно предупреждал при том, что уникальность Голодомора и Холокоста может быть под угрозой, если начнется инфляция этого понятия⁵¹.

В результате, резолюция Верховной Рады, принятая в ответ на резолюцию польского Сейма, была весьма взвешенной – украинские депутаты отнесли не к звучанию самой резолюции, а к политическому контексту, в котором она была принята и к ее возможным политическим последствиям. Обширные фрагменты этого документа звучат при том весьма умеренно. «Парламент Украины считает установление Сеймом Республики Польша "Национального дня памяти жертв геноцида, совершенного украинскими националистами против граждан II Речи Посполитой в 1943-1945 годах" проявлением политизации трагических страниц украинско-польской истории. Верховная Рада Украины отмечает, что принятие постановления Сената и Сейма Республики Польша происходило в сопровождении антиукраинской акции с уничтожением украинских памятников на территории Польши, атаками на участников религиозных торжеств, запретом проведения культурных мероприятий и шовинистической риторикой.

Верховная Рада Украины обращает внимание польских депутатов, польских властей и общества на то, что антиукраинские действия и разжигание антиукраинских настроений разворачивается в момент наибольшей уязвимости Украинского государства, которое находится в состоянии войны с Российской Федерацией. В этой войне агрессор использует исторические вопросы – в частности со-

⁴⁹ Відомі українці запропонували встановити дні пам'яті жертв польських // Левый берег. 30 серпня 2016. http://ukr.lb.ua/news/2016/08/30/343928_vidomi_ukraintsi_zaproponovali.html. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵⁰ Возняк Т. Звернення щодо резолюції Сейму Республіки Польща // Українська правда. Блоги. 22 липня 2016. <http://blogs.pravda.com.ua/authors/voznjak/57baa0d36cb4f/>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵¹ В'ятрович В. Волинська трагедія: про симетричну відповідь польському Сейму // Радіо Свобода. 1 вересня 2016. <http://www.radiosvoboda.org/a/27959493.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

бытия сороковых гг. XX ст. – как один из элементов войны против нашего государства. (...)

Верховная Рада Украины, поэтому, осуждает односторонние действия Сената и Сейма Республики Польша, направленные на пересмотр положительных результатов сотрудничества, достигнутых во время конструктивного украинско-польского диалога за последние десятилетия. Парламент Украины считает, что односторонние политические оценки исторических событий повышают риск возникновения конфликтов между нашими обществами и государствами и способствуют дальнейшей радикализации как украинского, так и польского обществ, ослабляет консолидацию усилий наших граждан, направленную на развитие Украины и Польши»⁵².

Снизить волну эмоций старались также политики обеих стран – президент Порошенко во время саммита НАТО в Варшаве, который он посетил, стал на колени перед памятником жертв Волинской резни, сложил цветы и зажег свечку⁵³. Формой симметрического, положительного ответа в государственный праздник 15 августа, напоминающий о победе под Варшавой в 1920 году над Красной Армией, было сложение министром обороны Польши, Антони Мацеревичем, венка цветов на могиле украинского генерала Марка Безручко, который защищал с войском Украинской народной республики Замостье во время польско-советской войны⁵⁴. Девять дней спустя президенты Польши и Украины приняли совместную декларацию по поводу 25 годовщины украинской независимости, в которой, между прочим, заявили о необходимости продолжения интенсивного исторического диалога⁵⁵. Кроме того, Рада и Сейм приняли совместное заявление, осуждающее российскую агрессию против Украины, а также пакт Молотова – Риббентропа и оккупацию обеих стран Советским Союзом⁵⁶.

⁵² Заява Верховної Ради України «У зв'язку з ухваленням Сенатом і Сеймом Республіки Польща постанов від 7 липня 2016 року та 22 липня 2016 року щодо Волинської трагедії» // Офіційний портал Верховної Ради України. 8 вересня 2016. <http://portal.rada.gov.ua/news/Novyny/134295.html>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵³ Президент у Варшаві вшанував пам'ять жертв Волинської трагедії // Офіційне інтернет-представництво Президента України. 8 липня 2016. <http://www.president.gov.ua/news/prezident-u-varshavi-vshanuvav-pamyat-zhertv-volinskoyi-trag-37595>. Последнее посещение: 13 января 2017 г. Стояние на коленях было показано в многочисленных телесюжетах, снятых по этому случаю.

⁵⁴ Пресс-релиз Министерства Национальной Обороны Республики Польша от 15 августа 2016 г.: Uroczystości Święta Wojska Polskiego // Portal internetowy Ministerstwa Obrony Narodowej. 15 sierpnia 2016. http://www.mon.gov.pl/aktualnosci/arttykul/najnowsze/uroczystosci-swietna-wojska-polskiego_-s2016-08-15/. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵⁵ Wspólna deklaracja Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej i Prezydenta Ukrainy przyjęta w Kijowie. 24 sierpnia 2016 r. w dniu obchodów 25. rocznicy Niepodległości Ukrainy // Oficjalna strona Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej. 24 sierpnia 2016. http://www.prezydent.pl/gfx/prezydent/userfiles3/files/2016_rozne/dokumenty_deklaracje/deklaracja_pol_ukr.pdf. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵⁶ Uchwała Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 20 października 2016 r. Deklaracja Pamięci i Solidarności Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej oraz Rady Najwyższej Ukrainy // Monitor Polski. 2016. Poz. 1016.

Градус эмоций мог бы уменьшиться, но вскоре после этой эмоциональной дискуссии вышел в прокат в польских кинотеатрах фильм известного режиссера Войцеха Смажовского *Волынь 1943*. Будучи эпической историей жизни польского сообщества на Волыни в годы Второй мировой, фильм понравился подавляющему большинству польских критиков, интеллектуальных элит, но, за редкими исключениями, встретился с неприязнью и даже возмущением многих украинцев за то, что представляет «избирательное» видение истории и подкрепляет существующие стереотипы о украинцах либо «колониальное мышление». Известный львовский интеллектуал, притом – также, как и Павлишин – вовлеченный в диалог с поляками, Тарас Возняк, даже сравнил Войцеха Смажовского с Лени Рифеншталь и назвал его человеком «абсолютно аморальным»⁵⁷. Также бывший министр иностранных дел Украины и влиятельный политик Борис Тарасюк, который в июле после Сеймовой резолюции отказался от поста председателя группы Верховной Рады по межпарламентским связям с Польшей в знак протеста, в октябре угрожал публично режиссеру запретом въезда на Украину⁵⁸. В результате фильм не был до момента написания этих строк показан в Украине, а сильное давление украинских властей на польское посольство принудило подчиненный последнему Польский институт в Киеве отказаться от планов даже закрытого сеанса фильма для украинских политических элит.

Как справедливо заметил Андрей Портнов: «В украинской политике, очевидно, просто нет людей, которые глубже разбирались бы в польской ситуации, понимали внутренний польский контекст и умели аргументированно, тактично и спокойно представлять Украину... Украина как государство катастрофически потеряла подходящий момент для любого вдумчивого воздействия на польскую дискуссию о Волыни»⁵⁹.

⁵⁷ Антиукраїнська політика для Польщі самовбивча // Незалежний культурологічний часопис «І». 29 жовтня 2016. http://www.ji-magazine.lviv.ua/2016/Voznyak_Antyukr_dlya_Polschy_samovbyvcha.htm. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

⁵⁸ Пресс-релиз Польского Пресс-агентства (PAP) от 11 октября 2016 года, цит. в: Były szef MSZ Ukrainy: «historiocentryzm» zagrożeniem dla stosunków polsko-ukraińskich / PAP. 11 października 2016. <http://dzieje.pl/aktualnosci/byly-szef-msz-ukrainy-historiocentryzm-zagrozeniem-dla-stosunkow-polsko-ukrainskich>. Последнее посещение: 13 января 2017 г. Информация подтверждена автору также участниками встречи с Тарасюком.

⁵⁹ Пост на портале Facebook Андрія Портнова от 11 октября 2016 г. <https://www.facebook.com/andrii.portnov/posts/10154052300027615>. Последнее посещение: 13 января 2017 г.

Польская контр-реакция

Здесь нет места детально анализировать все польские отклики на резолюцию Сейма и на украинские реакции, но можно их подытожить следующим образом: Среди польских исследователей и комментаторов существует почти абсолютный консенсус по поводу того, что убийства на Волыни и в Галиции 1943-1944 гг. были спланированной УПА этнической чисткой польского населения – геноцидом. Единственная существенная разница между их взглядами состояла в том, что часть польских элит продолжала утверждать, что политической ошибкой было принятие резолюции именно в 2016 году, в то время как другие защищали это решение, указывая на скудный результат длящегося более 20 лет диалога с Украиной по этому вопросу и на необходимость реакции на украинскую политику памяти, хотя и понимали, что реакцией будет временное осложнение отношений, нежелательное для Польши и Украины.

При этом защитники резолюции выражали надежду, что резолюция будет полезна для очищения атмосферы во взаимных отношениях и демонстрации украинцам, как важен этот вопрос для поляков. По этому поводу так в своем интервью говорил президент Анджей Дуда: «Текущие политические интересы не должны заслонять необходимости оказания глубочайшего уважения жертвам Волынской резни и осуждения убийств как политического метода. Невозможно говорить о польско-украинском примирении без громкого представления правды о тех событиях. Мы назвали зло по имени. И теперь мы должны сделать следующий шаг и назвать по имени добро. Поэтому и моя инициатива, поддерживаемая президентом Порошенко, почтить память людей, которые в те времена защищали своих соседей – поляки украинцев, украинцы поляков, не взирая на последствия, а часто рискуя своей собственной жизнью»⁶⁰.

Наконец, некая группа комментаторов и многие депутаты, которые придерживаются националистических взглядов, особенно из политического движения «Кукиз 2015», имеющего парламентскую репрезентацию, призывали к ревизии политики по отношению к Украине. Они предлагали, чтобы польскую поддержку сделать зависимой от украинского отношения к Волынской резне.

Стоит отметить, что все эти польско-украинские дискуссии сопровождались инцидентами в Польше, связанными либо с hate speech по отношению к украинцам, либо с вандализацией украинских захоронений, либо с проявлениями высокомерного отношения к украинцам. Конечно, можно утверждать, что при волне украинской иммиграции в Польшу, превышающей миллион людей, такие инциденты неминуемы, и что украинские СМИ делали поспешные обобщения, а результаты опросов общественного мнения расходятся по вопросу роста либо падения симпатии поляков к украинцам. Все это верно, однако в течение 2016 года возникло много признаков того, что часть населения Польши подвергается анти-

⁶⁰ Интервью с Анджеем Дудой // *Polski Przegląd Dyplomatyczny*. 2016. № 1(67). Р. 21.

украинским настроениям. В СМИ часто доминировал абсолютный образ всех украинцев, мол поддерживающих УПА, а очень мало было попыток объяснения, особенно адресованных к нетребовательному, массовому зрителю или читателю, что культ УПА является результатом прежде всего антироссийских настроений в стране, роста патриотизма, невежества по отношению к истории, низкого уровня интеллектуальной дискуссии, а отнюдь он не означает одобрения убийств поляков.

Истоки кризиса и урок из него

На момент написания этих слов дискуссии продолжаются. Уже можно констатировать, что спор об интерпретации антипольской акции УПА превратился в настоящий конфликт памяти между поляками и украинцами и как таковой он сильно влияет на политические отношения между Польшей и Украиной. Видно, какие сильные эмоции пробуждает история. Видно также, какая может быть цена беспечности по отношению к истории и неспособности своевременно ее критически переосмыслить, характерной для украинских элит – напряжение на фоне прошлого с соседом в самое неподходящее время и уменьшение, таким образом, политических возможностей последнего оказывать нужную помощь.

Для трезвого наблюдателя событий является ясным, что «Волынская резолюция» польского Сейма была производной радикализации польского общественного мнения, вызванной с одной стороны нарастающей героизацией ОУН и УПА в Украине, проводимой украинским государством официальной политикой релятивизации характера волынских убийств и результатом недовольства в Польше ранней формулировкой резолюции 2013 года с эвфемизмом: «преступление, имеющее признаки геноцида».

Польская парламентская декларация 2016 года была также результатом разочарования итогами длящегося 20 лет диалога с украинскими историками по этому вопросу и упрямым отказом принять обоснованные результаты проведенных польскими и другими западными историками исследований, в том числе собранными свидетельствами живущих жертв этого преступления. Наложилась на эту ситуацию и недоразумения, возникшие на почве слабого знания международного права участников польско-украинских дебатов, прежде всего на украинской стороне, проявляющиеся в частности в распространенном, но очевидно неправильным понимании значения и употребления термина «геноцид» в Украине. Еще раз напомним, что действия, которых называют «геноцидом», не обязательно должны преследовать цели полного уничтожения всей этнической группы (как это было и в случае с Голодомором). Причиной геноцида может быть и желание достижения других целей, а массовое убийство невинных людей определенного

этнического происхождения либо национальности является только – как бы это ужасно не звучало – «средством» для достижения этих целей.

Ход волынской дискуссии указывает также на другие проблемы. Объективно более слабая позиция Украины – не только меньшие достижения украинских ученых в деле разработки темы, но и общее положение страны и нации, финансовый упадок и скудная материальная ситуация большинства украинцев, агрессия России, оккупация Крыма, война в Донбассе, экзистенциальный страх перед потерей своей страны и идентичности – все это склоняет, сознательно, а чаще несознательно, к реализации политики памяти, лишенной особых тонкостей, рассуждения моральных дилемм, стремящейся к построению черно-белой модели: патриот-изменник, защита-нападение, преступник-жертва, друг-враг и т.д. В этой ситуации Польша, демонстрирующая украинцам, что часть их национально-освободительного движения совершала тяжелейшие преступления, а украинцы были не только жертвами, но и «палачами», пробудила широкий слой разных resentiments, обид и комплексов. То что Польша в украинском историческом сознании – во многом неверно – представляется историческим гегемоном и силой, лишившей украинцев государственности, было добавочной подоплекой, из-за которой эмоции были особо бурными.

Волынская дискуссия 2016 года показала также, как трудно теми эмоциями овладеть даже людям доброй воли или профессиональным историкам. Это, в свою очередь, свидетельствует о том, что частый лозунг «Пусть историей займутся историки» не только не подходит к применению к настоящей проблеме. Это утверждение доказывает поверхностное понимание роли и важности вопросов, связанных с исторической памятью в современной политике.

В дискуссии 2016 года сработали хорошо знакомые социальной психологии механизмы психологической защиты. Речь идет об известных процессах вытеснения и отрицания – в данном случае конкретного видения истории. Суть этих механизмов сводится к одному – к уходу от мыслей, которые могли бы вызвать болезненную реакцию или же угрожать прежней целостности и идентичности личности или группы. Переосмысление Волынского преступления и роли в нём ООН могут поставить под сомнение не только образ Второй мировой войны и роли украинского националистического движения, но и интерпретацию других эпизодов украинской истории, в частности, сложившиеся представления о роли Польши в развитии украинской земель. Ее негативная оценка исторически играла ключевую роль для формирования современной украинской национальной идентичности.

Наконец, стоит вспомнить и о сугубо политических проблемах. Последние дебаты показали, что сеть контактов польских сегодня правящих консерваторов в Украине гораздо слабее развита, чем у сегодняшней польской оппозиции. К тому же, украинские комментаторы в силу преобладания в польской общественной жизни журналистов и интеллектуалов либерально-левого толка не только поддерживали контакты преимущественно с такими людьми, но и до сих пор пред-

почитают общаться прежде всего с ними, а не с людьми иных взглядов. В этих обстоятельствах неудивительно, что украинский медиальный и интеллектуальный мейнстрим принял взгляды либеральных польских элит – как на диалог с Украиной, так и на польскую идентичность – как некое проявление сложившегося в Польше устойчивого и неоспоримого консенсуса. Когда же оказалось, что в действительности единомыслия нет, украинский мейнстрим перестал понимать логику польских политических процессов и частично начал их интерпретировать в категориях конспирологии.

Таким образом, Волынская дискуссия 2016 года – это также всеобщий урок о том, как вести исторический диалог: он должен опираться на скалу, а не строиться на песке. Очевидно тоже, что диалог стоит интенсифицировать, добавить дискуссию о методологии и аксиологических вопросах, о ценностях, которые должны лечь в основу исторических оценок. Стоит также вовлечь в него интеллектуальные круги, до сих пор мало активные. В итоге, волынские дискуссии можно рассматривать как своего рода диагностику последствий польско-украинского диалога, обнаружившую предрассудки, страхи и фобии по обе стороны Буга. В Украине они возникли в основном среди элиты, особенно из Галиции, а в Польше – в частности среди широких слоев населения, в том числе политически неопытной молодежи. Они показали также живучесть предрассудков и непонимания даже среди тех украинских интеллектуалов, которые ранее работали в сфере интеллектуального посредничества между Польшей и Украиной. В меньшей степени эта проблема относится к полякам, занимающихся Украиной. Положительным сигналом на этом фоне была реакция официальных органов украинского государства в форме декларации Верховной Рады – на фоне эмоций общественного мнения она была весьма умеренна и обоснованно обращала внимание на контекст, в частности, на сложное для Украины время, когда была принята польская декларация.

Last but not least, весь вопрос глорификации ООН только на основе того, что члены этой организации хотели независимой Украины, без рассуждения о методах достижения этой цели, иллюстрирует запоздание украинских националистических процессов, вследствие чего доминируют представления о роли исторической науки и историка для общества, признаваемые в западных странах устаревшими либо националистическими. Дополнительную роль играют особенности постсоветской украинской политической, интеллектуальной и научной культуры, в том числе распространенное в Украине представление о необходимости существования некоего «суверенитета по отношению к истории» и необходимости его защиты.

Суверенитета по отношению к истории, однако, не существует. Фильм Войцеха Смажовского может быть в этом контексте неким «game changer» (т.е. фактором, меняющий всю игру). Этот фильм – выдающееся произведение искусства и, пожалуй, еще лучше, чем фильм Вайды о Катыни. Он говорит об огромной силе влияния художественных произведений на политику. *Волынь 1943* в конечном

счёте, наверно, и внесет свой вклад в трансформацию волынских дискуссий во внутриукраинском обсуждении государственной политики памяти и тех ценностей, которые она – либо сознательно, либо непроизвольно – возвеличивает. Фильм, может быть, даже повлияет на отношения Украины с Польшей и, в какой-то мере, с Западом.

Уже сегодня можно констатировать, что резолюция Сейма 2016 года и бурная дискуссия, которая ее сопровождала в Польше и Украине, а также фильм Смажовского *Волынь 1943* увеличили осознание украинской общественностью того, что с деятельностью ОУН и УПА есть, мягко говоря, проблемы. Поэтому можно надеяться на то, что после напряженных дебатов 2016 года дальнейшие украинские дискуссии станут более взвешенными. Они должны усилить понимание того, что готовность к безоговорочному осуждению, полному исследованию и адекватному освещению таких массовых преступлений, как Волынская резня, являются фундаментом политической культуры европейских наций, а также индикатором морального состояния каждого общества.

I.2. Формирование и содержание идеологии ОУН

Александр Зайцев

Идеология и политическая стратегия ОУН до 1939 года: возникновение и эволюция украинского интегрального национализма в межвоенное время*

В последние годы Организация украинских националистов, а особенно ее деятельность в годы Второй мировой войны, вновь оказалась в центре историографических и публичных дискуссий¹. Один из ключевых вопросов в них можно сформулировать так: в какой мере практическая деятельность ОУН (как бы ее не оценивали) была следствием ее идеологии? В исторической литературе, рассматривавшей связь между идеологией ОУН и ее практикой во время Второй мировой войны, отчетливо прослеживаются две тенденции, которые можно условно назвать «обличительной» и «оборонительной». Часть историков сосредоточивается на разоблачении «преступного», «фашистского» и «ксенофобского» характера идеологии ОУН, выводя из нее как логические следствия коллаборационизм с нацистской Германией, участие в уничтожении евреев, массовые убийства поляков на Волыни и другие действия, которые однозначно признаются преступными². Другая группа исследователей пытается защитить ОУН от этих обвине-

* В основу этой статьи положена переработанная и дополненная глава из книги *Український інтегральний націоналізм (1920-1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії* (Київ: Критика, 2013. С. 261-281). Журнальная украинская версия ранее выходила в издании *Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність* (2012. Вип. 22. С. 47-65). (Ряд положений статьи не соответствует мнению редакции – прим. ред.)

¹ Критические обзоры более ранних дискуссий см. в изданиях: Marples D.R. *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest, N.Y., 2007; Rudling P.A. *The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths*. Pittsburgh, 2011.

² См., например: Масловський В. *З ким і проти кого воювали українські націоналісти в роки Другої світової війни*. М., 1999; Poliszczuk W. *Źródła zbrodni OUN i UPA (= Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. I)*. Toronto, 2003; idem. *Dowody zbrodni OUN i UPA (= Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. II)*. Toronto, 2000; Дюков А. *Второстепенный враг: ОУН, УПА и решение «еврейского вопроса»*. М., 2008; Kulińska L. *Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922-1939*. Kraków, 2009; Rossoliński-Liebe G. *Stepan Bandera: The Life and Afterlife of a Ukrainian Nationalist. Fascism, Genocide, and Cult*. Stuttgart, 2014. В книге Гжегожа Россолинского-Лиебе содержится наиболее основательная аргументация тезиса о фашистской природе ОУН. См. также мою рецензию на эту книгу: Зайцев А. *Споры о Бандере: размышления над книгой Гже-*

ний, подчеркивая освободительные и антитоталитарные цели организации, ее стремление к соглашению с национальными меньшинствами и соседями и т.д.³ Отдельные историки стараются избегать как обличительной, так и апологетической тенденций, ставя задачу непредвзято объяснить мотивацию и логику действий участников националистического подполья, в том числе и их идеологическую обусловленность⁴. Такой подход представляется наиболее продуктивным, но, к сожалению, сегодня он еще не стал господствующим. Общее слабое место многих публикаций на эту тему – недостаточный учет идеологической эволюции ОУН, в частности, важных изменений, имевших место между 1933 и 1939 годами.

Эта статья не претендует на исчерпывающий и систематический анализ доведенной идеологии «организованного» украинского национализма⁵. Ее цель скромнее: дать краткий очерк идейных основ и политической стратегии ОУН до 1939 г., уделив особое внимание тем аспектам, которые в какой-то степени могут объяснить практическую деятельность обеих ОУН (Степана Бандеры и Андрея Мельника) во время Второй мировой войны. За рамками статьи останутся такие важные аспекты, как сакрализация нации (попытки превращения национализма в политическую религию), стратегия и тактика ОУН в отношении других украинских политических сил, а также проблема влияния фашизма⁶.

Предварительные замечания

Под идеологией в этой статье я понимаю «форму социальной и политической философии, в которой практические элементы столь же важны, как теоретические; она представляет собой систему идей, стремящуюся и объяснить мир, и

гожа Россолинского-Либе *Жизнь и посмертная жизнь украинского националиста* // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2015. № 2. С. 276-285.

³ См., например: Деревинський В. Ставлення ОУН(Б) і УПА до сусідніх народів та національних меншин. К., 2006; В'ятрович В. Ставлення ОУН до євреїв: формування позиції на тлі катастрофи. Львів, 2006; idem. Друга польсько-українська війна. 1942-1947. 2-е вид. К., 2012; Посівнич М. Воєнно-політична діяльність ОУН у 1929-1939 роках. Львів, 2010; Посівнич М. Степан Бандера. Харків, 2015.

⁴ Касьянов Г. Идеология Організації українських націоналістів // Організація українських націоналістів і Українська повстанська армія: історичні нариси. К., 2005. С. 445-478; Грицак Я. Тези до дискусії про УПА // idem. Страсті за націоналізмом: стара історія на новий лад. 2-ге вид. К., 2011. С. 65-93; Motyka G. *Od rzezi wołyńskiej do akcji «Wisła»: konflikt polsko-ukraiński 1943–1947*. Kraków, 2011.

⁵ Более подробный, но тоже далеко не исчерпывающий анализ в книге: Wyciński R. *Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939: geneza, struktura, program, ideologia*. Lublin, 2003. P. 160-199.

⁶ Об этих аспектах см.: Зайцев. Український інтегральний націоналізм. С. 281-326.

изменить его»⁷. Под политической стратегией подразумевается план деятельности, направленной на достижение долгосрочных политических целей путем оптимального использования имеющихся ресурсов. Иными словами, политическая стратегия – это конкретизация идеологии в части, направленной на изменение политической реальности.

ОУН была создана в 1929 г. в результате объединения нескольких националистических групп, действовавших в Западной Украине (в составе Польши) и в эмиграции с подпольной Украинской военной организацией (УВО). Она провозгласила своей целью борьбу со всеми оккупантами Украины, но на практике до 1939 г. боролась главным образом против Польши, используя все доступные средства, включая индивидуальный террор⁸.

Приступая к рассмотрению идеологии ОУН, следует сделать две принципиальные оговорки. Во-первых, как справедливо заметил Георгий Касьянов, и сама ОУН никогда не была монолитно единой, и ее идеология никогда не существовала как мировоззренческий монолит. Вне относительно согласованного комплекса базовых постулатов и принципов бытовало разнообразие интерпретаций, хотя и ограниченное определенными рамками⁹.

Во-вторых, было бы ошибкой считать, что все члены ОУН руководствовались в своей деятельности ее идеологией или хотя бы знали ее. Для многих из них национализм означал бескомпромиссную борьбу за украинское государство, а идеологические тонкости их не интересовали. Не случайно член Провода (руководства) украинских националистов (ПУН) Николай Сциборский в письме к председателю Провода Евгению Коновальцу 15 ноября 1931 г. сетовал, что идеологические проблемы в ОУН – это «вопрос, от которого сразу некоторые из нас начинают зевать, другие чувствуют желудочные спазмы, а третьи саркастически усмеваются»¹⁰. Еще показательнее признание секретаря председателя ПУН Михаила Селешко в письме к Михаилу Колодзинскому 24 мая 1937 г.: «... Я не имею желания пускаться в идеологическую болтовню. Я знаю, чего я хочу, и этого мне достаточно без всего. Я хочу украинского государства, хочу создать украинскую армию, сильную, чтобы врага била, а там пускай политики делают, что хотят. Если будут слишком чудить, тогда надо их брать за чуб и возвращать к порядку или, еще лучше, вылить ведро холодной воды на голову»¹¹.

⁷ Cranston M. Ideology // The New Encyclopaedia Britannica. 15th ed. Chicago, 1998. Vol. 20. P. 768.

⁸ Об истории ОУН до 1939 г. см.: Мірчук П. Нарис історії ОУН, 1920-1939 роки. 3-тє вид. К., 2007; Wysocki R. Organizacja Ukraińskich Nacjonalistów w Polsce w latach 1929–1939; Кентій А. Збройний чин українських націоналістів. 1920-1956: історико-архівні нариси. Т. 1: Від Української Військової Організації до Організації Українських Націоналістів. 1920-1942. К., 2005; Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. М., 2012. С. 8-37.

⁹ Касьянов. Идеология Організації українських націоналістів. С. 445-446.

¹⁰ Архів ОУН у Києві. Ф. 2 (Євген Коновалець). Спр. 5. Арк. 13.

¹¹ Там же. Ф. 1 (Організація Українських Націоналістів). Оп. 1. Спр. 93. Арк. 114.

Но как бы ни насмеялись некоторые члены ОУН над «идеологической болтовней», организация не могла существовать без идеологии. Ее формирование началось еще до создания ОУН и в основном завершилось в 1935-1939 гг. – в период от публикации книги Н. Сциборского *Нациократия* до принятия новой политической программы Вторым Большим сбором ОУН.

Среди источников идеологии ОУН главное место, бесспорно, принадлежало «деятельному [укр.: чинному] национализму» Дмитрия Донцова¹², однако степень его влияния на членов организации не стоит преувеличивать. В эмиграционной части ОУН произведения Донцова рассматривали как важные для националистической пропаганды, но никогда их не «канонизировали». Евгений Коновалец в письмах к соратникам скептически называл Донцова «т. н. идеологом национализма»¹³, однако ценил его роль в воспитании националистической молодежи и решительно возражал тем членам ОУН (например, Владимиру Мартынку и Евгению Онацкому), которые в силу «своей слепой ненависти к Зевесу» (прозвище Донцова в переписке оуновцев) пытались начать против него критическую кампанию¹⁴.

Сам Донцов никогда не признавал ОУН воплощением своих идей и в переписке с ПУН подчеркивал «психологическую пропасть», отделявшую его от Провода¹⁵, давая понять, что национализм ОУН не полностью соответствует начерченному им идеалу. Он старательно избегал всего, что могло вызвать впечатление его близости к ОУН. Когда в мае 1932 перемышльский *Украинский голос* (неофициальный орган ОУН) объявил о намерении торжественно отметить десятилетний юбилей восстановленного *Литературно-научного вестника*, Донцов в письме в редакцию газеты решительно отмежевался от этой акции, дескать, это может «вызвать среди непосвященной общественности впечатление какой-то особой идейной (а может и организационной) интимности, близости обоих издательств, что не соответствует действительности»¹⁶.

Среди других источников идеологии ОУН, освоенных ее теоретиками чаще всего через Донцова, важное значение имели иррациональные, волюнтаристские и виталистические теории Фридриха Ницше, Анри Бергсона, Жоржа Сореля, Гюстава Лебона, Освальда Шпенглера и других западноевропейских мыслителей¹⁷. ОУН испытала заметное влияние итальянского фашизма и в значительно меньшей степени – немецкого национал-социализма, который воспринимали до-

¹² О доктрине Д. Донцова см.: Зайцев А. Доктрина Дмитрия Донцова // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры – Русское издание. 2014. № 2. С. 175-194. <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss22.html>.

¹³ Онацкий Є. У вічному місті: Записки українського журналіста. Т. 4. 1934 рік. Торонто, 1989. С. 85.

¹⁴ Архів ОУН у Києві. Ф. 2. Спр. 3. Арк. 142-143.

¹⁵ Biblioteka Narodowa w Warszawie. Kolekcja: Towarzystwo Naukowe im. T. Szewczenki. Podzespół: Archiwum Dmitra Doncowa. Teka VI. K. 104.

¹⁶ Ibid. Teka V. K. 120.

¹⁷ Лисяк-Рудницький І. Історичні есе. Т. 2. К., 1994. С. 249.

вольно критически из-за его теории расовой неполноценности славян¹⁸. Что касается украинской политической мысли, то ОУН подчеркивала радикальный разрыв с ее традицией, за исключением произведений Николая Михновского и, в определенной степени, Вячеслава Липинского, чье учение об элите повлияло на ее концепции.

Интегральный национализм

Главные принципы идеологии ОУН утвердил ее учредительный Конгресс в Вене в 1929 г.: украинскую нацию признавали высшей ценностью, определявшей всю деятельность националистов, а главной целью нации в состоянии ее политического порабощения считали самостоятельное соборное (объединенное) государство, которое надлежало создать путем национальной революции. Судя по документам Конгресса и подготовительным материалам к нему, главными создателями идеологии и политической стратегии ОУН на этом этапе были Юлиан Вассиян, Дмитрий Андриевский, Владимир Мартынец, Николай Сциборский, Макар Кушнир и Зенон Пеленский¹⁹.

Ядром идеологии ОУН с самого начала был интегральный национализм²⁰. Этот термин, а особенно правомерность его применения к украинскому националистическому движению, порой вызывает возражения со стороны некоторых исследователей как иностранный и искусственный²¹ или же как слишком мягкий, не соответствующий «фашистской» природе ОУН²². На самом деле он вполне отвечал самоопределению некоторых идеологов организации. Ю. Вассиян, которому ПУН в 1928 г. поручил сформулировать главные идеологические принципы будущей организации, писал: «Ни политическая партия, ни общественный класс, ни сословие не годятся как позиция, с которой можно было бы охватить, понять и управлять жизнью нации [...]. Поэтому ни одна из этих форм не подходит для целей национализма, становящегося тем, чем он является, как раз путем подав-

¹⁸ Подробнее см.: Зайцев О. Ю. ОУН і авторитарно-націоналістичні рухи міжвоєнної Європи // Український історичний журнал. 2012. № 1. С. 89-101.

¹⁹ См.: Конгрес Українських Націоналістів 1929 р.: документи і матеріали / Упор. В. Муравський. Львів, 2006.

²⁰ О понятии интегрального национализма см.: Армстронг Дж. Украинский национализм: факты и исследования / Пер. с англ. П. В. Бехтина. М., 2008. С. 21-22; Зайцев. Доктрина Дмитрия Донцова. С. 176-177.

²¹ См., например: Дашкевич Я. Дмитро Донцов і боротьба довкола його спадщини // Донцов Д. Твори. Т. 1. Львів, 2001. С. 9.

²² Rossoliński-Liebe. Stepan Bandera. P. 24-25. Некоторые исследователи неточно утверждают, что сами украинские националисты не употребляли этого названия. См.: Мандрик М. Український націоналізм: становлення в міжвоєнну добу. К., 2006. С. 327; Rudling P. A. The OUN, the UPA and the Holocaust: A Study in the Manufacturing of Historical Myths. Pittsburgh, 2011. P. 3; Rossoliński-Liebe. Stepan Bandera. P. 25.

ления в себе духа партийности, классовости, сословности. Главным предметом его стремления является слияние различного при помощи дополнения и синтеза, а не упрощение его путем исключения и отрицания. Ввиду этого, можно было бы назвать его интегральным национализмом». Итак, Вассиян понимал под интегральностью национализма стремление к интеграции (слиянию) различных политических и общественных групп в «нацию как живую собирательную единицу»²³. При этом он не считал нацию абсолютной ценностью, в отношении которой личность является лишь средством: «Для единицы нация не является идеалом, абсолютной ценностью, но идеей, формой творческого бытия, которая, несмотря на богатую разнородность своих идеалов, удерживает их в отношении определенного родства, сопричастности. Единица считается в отношении нации средством, только исходя из положения сознания, что идея нации выходит за пределы ее [единицы – А. З.] существования, – то есть только в силу своего временно ограниченного участия в идее нации, тогда как она является целью, исходя из того, что актуальность самой идеи обусловлена непрерывным присутствием единиц, которые дают ей содержание и совершенствуют его»²⁴. Вассиян предостерегал от отождествления общественного интегрализма «с коллективизмом, который признанием исключительной правоты идеи коллективного интереса устанавливает абсолютным принципом общность, которая полностью подчиняет единицу»²⁵.

Однако сложные и написанные тяжеловатым стилем теоретические статьи Вассияна на самом деле не имели большого влияния на взгляды большинства членов ОУН. Среди молодых националистов «в крае» (то есть в Западной Украине) утвердилось более упрощенное и прямолинейное понимание интегрального национализма. В 1933 г. оуновский публицист, подписывавшийся криптонимом С. О. (возможно, Ярослав Стецько, тогда – идеологический референт Краевой экзекутивы [КЭ] ОУН) противопоставлял этот тип национализма «национализму» в кавычках либеральных оппонентов ОУН, которые, дескать, хотят свободной Украины, чтобы «под прикрытием "возвышенных" идей о гуманности использовать свои "права" человека и гражданина в ущерб нации во имя свободы мысли и слова [...]. Но кроме такого "национализма" есть и другой национализм. Есть еще последователи и носители национализма, который некоторые называют интегральным. Национализма, ставящего нацию превыше всего. Он борется революционным путем за самостоятельность нации не для того, чтобы такой себе высокопоставленный Грыцько во имя права на "свободу мысли" делал выкрутасы, как причудливая танцовщица, или спокойно жевал хлеб, а для того, чтобы этот Грыцько даже тогда, когда "в поте лица" потребляет хлеб, потреблял его в пользу общенациональных интересов». Этот революционный национализм «ста-

²³ Вассиян Ю. До головних засад націоналізму // Націоналізм: антологія. К., 2000. С. 205-206.

²⁴ Там же. С. 208.

²⁵ Вассиян Ю. Ідеологічні основи українського націоналізму // Конгрес Українських Націоналістів 1929 р. С. 193.

вит определенно вопрос не об отдельных "обидах и правах", а о полном уничтожении в первую очередь паразитических наций», эксплуатирующих поработенные народы²⁶. Как видим, автор расставлял акценты несколько иначе, чем Вассиян, и довольно точно, хотя и не без вульгаризации, указывал на главное требование интегрального национализма – подчинение личного национальным интересам. Еще категоричнее высказался другой видный оуновский публицист – Дмитрий Штыкало, прямо называвший национализм новейшей религией: «... Для националиста, то есть последователя националистической религии – цель и счастье человеческой жизни состоит в том, чтобы отдать всего себя своей нации»²⁷.

Итак, идеологи ОУН понимали под интегральным национализмом, во-первых, представление о нации как об органическом целом, собирательной личности или даже едином организме²⁸, во-вторых, признание высшей ценности собственной нации и ее интересов (нация превыше всего). Во взглядах на соотношение общенационального и личного полного единства не было: Вассиян стремился их гармонизировать в концепции «индивидуального универсализма»²⁹, тогда как другие теоретики ОУН однозначно требовали полного подчинения личности своей нации. Вторая точка зрения в середине 1930-х гг. стала господствующей, особенно среди молодых «краевиков» (членов ОУН в Западной Украине). Заметим, что термин «интегральный национализм» оуновцы употребляли редко – чаще использовали определения «организованный», «революционный», позднее также «авторитарный» и «тоталитарный» национализм.

Философским основанием национализма ОУН признавали идеализм и волюнтаризм. «Обобщая, можно утверждать, что наша эпоха, наше поколение, имеет систему ценностей, построенную не на материализме и детерминизме, как это было у наших предшественников, а на идеализме и волюнтаризме», – писал член ПУН Д. Андриевский³⁰. Идеалистическое мировоззрение воспринималось как антитезис не только к марксистскому материализму, но и к позитивизму, сторонниками которого были корифеи украинской демократической мысли от Владимира Антоновича до Михаила Грушевского³¹.

²⁶ С. О. Союзники большевизму // Наш Клич. 1933. 14 трав. С. 3.

²⁷ Штыкало Д. Над світом сяє хрест меча. Львів, 1936. С. 20.

²⁸ См., напр.: Документи і матеріали з історії Організації Українських Націоналістів / Ред. колегія: В. Верига та ін. (далее – Документи і матеріали з історії ОУН). Т. 1: 1927-1930 / Упоряд. Ю. Черченко, О. Кучерук. К., 2005. С. 97; Штыкало. Над світом сяє хрест меча. С. 19.

²⁹ Вассиян. Идеологічні основи українського націоналізму. С. 193-194.

³⁰ Андриєвський Д. До ідеологічно-статутарної підготовки організації українських націоналістів // Конгрес Українських Націоналістів 1929 р. С. 37.

³¹ Лисяк-Рудницький. Історичні есе. Т. 2. С. 249.

Тоталитарное государство

Впрочем, гораздо больше, чем философские и мировоззренческие проблемы, членов ОУН интересовали конкретные вопросы путей достижения независимого украинского государства и его будущего развития. К середине 1930-х гг. ОУН не имела четкой концепции будущего государственного устройства Украины. В общем, все соглашались, что после национальной революции должен наступить период национальной диктатуры, но не было ясности, каким будет постоянный государственный строй, когда диктатура выполнит свои задачи.

Андриевский, выступавший с основным докладом по этому вопросу на Конгрессе 1929 г., решительно отвергал либерально-демократическую концепцию суверенного волеизъявления народа через плебисциты и выборы со свободным соревнованием политических партий: «Ведь в основе всеобщее избирательное право, или опрос каждого члена нации в отдельности, является крупнейшим недоразумением нашей причудливой эпохи. В нем нет подтверждения личности нации, а только отрицание последней. Действительно, общее, непосредственное, равное индивидуальное голосование разбивает единство общественного организма на его атомы и тем уничтожает целостность собирательной личности». Поэтому и после выполнения национальной диктатурой своих задач Андриевский считал нужным сохранить безраздельную власть в руках одного лица – Гетмана, или Вождя Нации, избранного пожизненно не всенародным голосованием, а учредительным собранием представителей «Деятельных Борцов за самостоятельность». Партии и партийная борьба должны были навсегда исчезнуть: «Место стаи вечно враждующих партий и их вечно меняющихся блоков должен занять органический монолитный правящий слой». Единственным носителем государственной идеологии правящего слоя должна была стать ОУН³².

Другой член ОУН, М. Кушнир (Я. Дуб), хотя и не вступал в открытую полемику с Андриевским, но на страницах идеологического органа ОУН *Строительство нации* высказал существенно отличные взгляды на будущее государственное устройство. Признавая необходимость диктатуры на первом этапе государственного строительства, он в то же время предостерегал: «Однако затягивать национальную диктатуру на долгое время, как это сделали российские большевики или итальянские фашисты, было бы тоже нецелесообразным и довольно опасным экспериментом, ибо нация, надолго лишенная действительной свободы и скованная по рукам и ногам монопольным господством одной партии или группы, не в состоянии должным образом развить свои творческие силы, лишена возможности проявить свою энергию и размах на всех участках хозяйственного или культурного развития. [...] Короче говоря, мы, националисты, против диктатуры как формы государственного строя при нормальных условиях жизни

³² Документи і матеріали з історії ОУН. Т. 1. С. 104-106, 109.

нации»³³. Кушнир видел будущий государственный строй как народовластие с разделением власти между главой государства, законодательным органом и высшим судом. Приемлемым образцом для Украины автор считал США.

Учредительный Конгресс ОУН четко не высказался по этой проблеме. Это было сделано сознательно: среди его участников были республиканцы и монархисты, сторонники демократии и авторитаризма, и объединить их можно было только вокруг самых общих принципов. Все же в основу раздела «Государственное устройство» политической программы ОУН были положены идеи Андриевского, но сформулированные гораздо короче и туманнее, чем в его докладе³⁴.

Однако с течением времени все острее ощущалась потребность выработки более четких идеологических и программных основ. Уже в ноябре 1931 г. Сциборский писал Коновальцу, что нельзя прийти на следующий конгресс ОУН, который тогда планировался, «с той идеологической бурдой, которая имела место в Вене»³⁵. Именно Сциборский взялся за разработку концепции будущего государственного устройства, которую он изложил в книге *Нацюркратия*, а также ряде брошюр и статей, опубликованных во второй половине 1930-х гг. Эти работы выдвинули бывшего организационного референта ОУН на позицию ведущего идеолога организации. Наряду с ним наибольший вклад в развитие идеологии и политической стратегии ОУН в то время сделали Орест Чемеринский (Ярослав Оршан), Владимир Мартынец, Ярослав Стецько, Дмитрий Штыкало и Михаил Колодзинский.

Идеологическая эволюция ОУН происходила на фоне драматических изменений, охвативших Европу в 1930-х гг.: усиления и кульминации массового террора в СССР, прихода к власти национал-социалистов в Германии, утверждения тоталитарных систем в обеих этих странах и авторитарного режима в Польше, углубления общего кризиса демократии в Европе, формирования коалиции государств во главе с Германией с целью разрушения Версальской системы, явного назревания новой мировой войны. Все это наложило отпечаток на идеологию и политическую стратегию ОУН.

Успехи тоталитарных политических движений и режимов порождали убеждение, что украинский национализм тоже должен идти подобным путем, если хочешь выжить и победить. *Нацюркратия* Сциборского, которая развивала и радикализировала идеи Андриевского, сформулированные еще в 1928 г., собственно и была попыткой создать украинскую модель тоталитаризма с однопартийной системой, идеологической монополией ОУН и практически неограниченной властью «вождя нации»³⁶.

³³ Дуб Я. Сучасна криза державного ладу та майбутній устрій України // Розбудова Нації. 1929. Ч. 8-9. С. 256.

³⁴ Ср.: Устрій Організації Українських Націоналістів // Конгрес Українських Націоналістів 1929 р. С. 286-287.

³⁵ Архів ОУН у Києві. Ф. 2. Спр. 5. Арк. 13.

³⁶ Сциборський М. Нацюркратія. Париж, 1935 (особенно раздел VI).

«Нациократией» Сциборский называл «режим господства нации в собственном государстве, осуществляемый властью всех социально-полезных слоев, объединенных – в соответствии с их общественно-производительной функцией – в представительных органах государственного управления». Во главе государства должен был стоять избранный Национальным Собранием «Вождь Нации, лучший из лучших ее сыновей, который силой общего доверия нации и правом своих внутренних свойств будет держать в своих руках власть Государства». Предусматривалось создание выборных органов местного самоуправления, избрание законодательного учреждения – Государственного Совета, кандидатов в который должны были определять контролируемые государством синдикаты. Однако о политическом плюрализме речи не было: «Как в период национальной диктатуры, так и в условиях постоянного государственного строя – партии не будут существовать»³⁷.

Логично возникал вопрос: «какое место в этом государстве займет организованный национализм? Не превратится ли он – отменив все партии – сам в партию, которая "захватит все должности"»? «Нет – не превратится! – отвечал Сциборский, – ... Вырастая из глубин народа, покрывая своим генерализирующим содержанием всю его жизнь – национализм станет стражем и строителем нации, ее ведущим авангардом...»³⁸. Бросается в глаза сходство этой риторики с коммунистической: большевики тоже утверждали, что партия как авангард рабочего класса и советского народа не может претерпеть бюрократического перерождения.

В конце 1930-х гг. члены ОУН стали открыто называть свой национализм тоталитарным и авторитарным. К примеру, в идеологическом альманахе ОУН *На службе нации* (1938 г.) «антинациональным концепциям» демолиберализма и марксизма противопоставлен «современный революционный, тоталитарный и авторитарный национализм»³⁹. Позаимствовав у итальянских фашистов термин «тоталитарный», оуновцы, как и фашисты, вкладывали в него положительный смысл: тотальный контроль националистического государства над всеми сферами общественной жизни представлялся как конструктивный и необходимый для создания нового строя и нового человека.

Именно так понимал логику тоталитаризма Сциборский: «Тоталитарная миссия национализма зовет его не к возвращению и углублению разъяренных антагонизмов, а к укреплению внутренней связи и сотрудничества всех здоровых составных частей нации. [...] Анархическая и эксплуататорская капиталистическая демократия, несмотря на свой "индивидуализм", создает в государстве и народном хозяйстве деструктивные явления. Тоталитарный и этический строй нациократического Украинского государства сможет вместо этого направить все без

³⁷ Сциборський М. Націократія. Париж, 1935. С. 84, 114-116.

³⁸ Там же. С. 117.

³⁹ Подоляк М. Суспільний зміст націоналізму // На службі нації. Альманах. Париж, 1938. С. 32.

исключения производственные группы общества на путь здорового (индивидуального и коллективного) развития и поставить их всех на службу нации»⁴⁰.

Тоталитарная нациократическая концепция была положена в основу раздела «Государственный строй» политической программы, принятой II Большим сбором ОУН (август 1939 г.)⁴¹, и написанного Сциборским проекта конституции Украины (осень 1939 г.), первая статья которого гласила: «Украина есть суверенное, авторитарное, тоталитарное, профессионально-сословное государство, носящее название Украинское Государство»⁴².

Провозглашая своей целью тоталитарное государство, оуновцы не отбрасывали понятия демократии, но, подобно Бенито Муссолини⁴³, противопоставляли либеральному пониманию демократии ее «истинное» понимание, основанное не на «снижении» элиты до уровня большинства и на конкуренции политических и общественных сил, а на иерархии, дисциплине, централизации и солидарном сотрудничестве различных общественных групп под руководством единого правящего слоя: «Устройство, к которому стремится украинский национализм, отличается не только дисциплиной, творчеством и иерархией. Его основной чертой является также демократия в истинном смысле этого слова, как политическое и социальное равноправие всех социальных групп и как дух солидаризма и товарищества между членами различных сословий, являющихся составными частями одной национальной общности и созидателями величия и силы общей Родины»⁴⁴.

Социально-экономическая платформа ОУН предлагала «третий путь» между либеральным капитализмом и марксистским социализмом. Признавая основы частной собственности и рыночной экономики, ОУН отвергала идею, что свободный рынок – единственный регулятор экономического развития. Националисты предусматривали национализацию тяжелой промышленности, участие рабочих в собственности на предприятия через акционирование, государственное регулирование экономики, протекционизм⁴⁵. Борьбу классов должно было заме-

⁴⁰ Сциборський М. Земельне питання. Париж, 1939. С. 22, 93.

⁴¹ Українська суспільно-політична думка в 20 столітті / Упор. Т. Гунчак і Р. Сольчаник. [Б. м.] 1983. Т. II. С. 401-402.

⁴² Документи і матеріали з історії ОУН. Т. 7: Документи Комісії Державного Планування ОУН (КДП ОУН) / Упоряд. О. Кучерук, Ю. Черченко. К., 2002. С. 8-23.

⁴³ Ср.: «...Фашизм против демократии, приравняющей народ к большинству, и снижающей его до уровня многих. Но он сам является настоящей формой демократии, если народ понимает, как должно, качественно, а не количественно, т. е. как наиболее мощную, моральную, истинную и последовательную идею. Эта идея осуществляется в народе через сознание и волю немногих, даже одного, и, как идеал, стремится осуществить в сознании и воле всех. Именно тех, кто сообразно этнической природе и истории, образует нацию, будучи направляемы единым сознанием и волей по одной линии развития и духовного склада». Муссолини Б. Доктрина фашизма. Гл. 1.9. // Современный русский национализм <http://www.nationalism.org/vvv/library/mussolini-doctrina.htm>.

⁴⁴ Подоляк. Суспільний зміст націоналізму. С. 44.

⁴⁵ См.: Панченко В. Формування економічної платформи українського націоналістичного руху у 1920-1950-х роках. Дніпропетровськ, 2010. С. 101-165, 242-245.

нить их сотрудничество на принципах национального солидаризма. Согласование интересов различных групп производителей и работодателей и их представительство в государственных органах планировали осуществлять с помощью контролируемого государством корпоративизма и синдикализма, принимая за модель для подражания прежде всего опыт «корпоративного государства» итальянского фашизма. По мнению Сциборского, именно тоталитарные (националистические) государственные устройства Италии и Германии «нашли полезное и соответствующее основным тенденциям нашей эпохи разрешение спорных вопросов хозяйственной собственности», преодолев ограниченность и демолиберального капитализма, и социализма⁴⁶. Социально-экономическая платформа ОУН была, по сути, проектом альтернативной, нелиберальной и некоммунистической, модернизации общества путем установления националистической развивающей диктатуры, образцом которой служила для ОУН та же фашистская Италия⁴⁷.

Концепцию тоталитарного и корпоративного государства идеологи ОУН позаимствовали из идейного арсенала итальянского фашизма. Во второй половине 1930-х гг. интерес украинских националистов к фашизму достиг апогея, что видно, в частности, из плана издательской деятельности культурной референтуры ОУН на 1937 г., составленного ее руководителем Олегом Ольжичем (Кандыбой). План предусматривал издание *Доктрины фашизма* Муссолини, книги *Национальная фашистская партия* в переводе с итальянского, *Истории Италии*, *Очерков о новой (фашист[ской]) идеалистической философии*, а также подготовку специального критического исследования о фашизме⁴⁸. Правда, из-за финансовых и других трудностей из этого плана удалось осуществить только первый пункт: в 1937 г. появился украинский перевод *Доктрины фашизма* со вступительной статьей Богдана Кравцова⁴⁹.

Империализм

Еще одним важным понятием, утвердившимся в идеологическом дискурсе ОУН в 1930-х гг., был «империализм». Впрочем, понимали его по-разному: одни – как

⁴⁶ Сциборський М. Проблеми господарської власності // На службі нації. С. 16.

⁴⁷ О фашизме как развивающей, или модернизирующей, диктатуре см.: Gregor A.J. Fascism and Modernization: Some Addenda // World Politics. Vol. 26. 1974. No 3. P. 370-384 (в сокращении также в сборнике: International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus / Ed. by R. Griffin. L., 1988. P. 127-137); idem. Italian Fascism and Developmental Dictatorship. Princeton, NJ, 1979; idem. The Faces of Janus: Marxism and Fascism in the Twentieth Century. New Haven, L., 2000.

⁴⁸ Архів ОУН у Києві. Ф. 2. Оп. 1. Спр. 3. Арк. 91; ср.: Там же. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 109 («Завдання Культреферату» – листи не пронумеровані).

⁴⁹ Мусоліні Б. Доктрина фашизму / Перекл. М. Островерха. Львів, 1937.

территориальную экспансию и подчинение соседних народов, другие – как создание «духовной империи» в духе высказываний Муссолини (до захвата Италией Эфиопии).

Наиболее последовательно империалистическая программа первого типа изложена в *Военной доктрине украинского национализма* М. Колодзинского (1938 г.). Автор предостерегал, что освобожденное украинское государство ни в коем случае не должно ограничиваться этническими границами: «Если политика украинского национализма стремится установить восточные границы Украины на Волге и распространить свое влияние в центральную Азию, то военная доктрина украинских националистов не может принимать во внимание только этнографические украинские земли...»⁵⁰. По Колодзинскому, будущие государственные границы должны были охватывать не только украинские территории, но и Молдову, значительные части Румынии, Польши, Беларуси, России (до средней Волги и Каспийского моря), Северный Кавказ, а также Баку и нефтяные месторождения Апшеронского полуострова⁵¹.

Но это была только программа-минимум, после осуществления которой следовало перейти к настоящей империалистической экспансии: «Украина имеет великую и славную миссию. После овладения Украиной мы должны встать на восточноевропейском пространстве, вооружившись на четыре стороны, и начать второй этап нашей работы, то есть овладение Центральной Азией, чтобы включить ее в круг нашей культуры и цивилизации. [...] Кто уже раз отважится владеть Киевом, тот должен не только встать крепко ногой над нижней Волгой, но также перейти Урал и взять под свое военное и политическое влияние всю ту часть Западной Азии, которая теперь гнет спину под Москвой»⁵². Итак, освободив из-под московского господства узбеков, таджиков и туркмен, Украина должна была распространить на них свое политическое влияние. Другую судьбу Колодзинский готовил Казахстану, который должен был стать доминионом, где верховную власть имело бы украинское население, а казахи со временем должны были «сгинуть или редуцироваться к той роли, которую имеют индейцы в Америке. [...] Казахстан есть наша азиатская Украина – империя Украины, о которой мечтают молодые укр[аинские] националисты»⁵³.

Несколько иначе понимал «империальность Украины» Сциборский. В письме к Я. Стецько 15 марта 1938 г., полемизируя со взглядами последнего (близкими к взглядам Колодзинского), Сциборский писал: «Демолиберальный империализм реализовывался путем насильственного (административного) инкорпорирования чужих территорий и ассимиляции. Эпоха национализма уже сама по себе является отрицанием таких методов. [...] Стою на том, что в сознания угнетенных народов Украина должна выступать не как империалист (в упомянутом понимании),

⁵⁰ Архів ОУН в Києві. Оп. 2. Спр. 466. Арк. 80.

⁵¹ Там же. Арк. 49-72.

⁵² Там же. Арк. 78-79.

⁵³ Там же. Арк. 167.

но как протектор их независимого существования и развития. [...] Украина станет на востоке решающим фактором, по отношению к которому все остальные народы будут только сателлитами. Нашу имперскую миссию я вижу в осуществлении такой политики, которая, не нарушая оснований развития отдельных народов, более того – способствуя этому развитию, одновременно обеспечила бы украинскому государству решающую роль лидера восточноевропейского государственного блока (Украина – Беларусь – Кавказские государства и т. д.), который, имея соответствующие организационно-договорные формы, стал бы платформой осуществления исторической миссии Украины»⁵⁴.

Свои взгляды Сциборский развил в книге *Земельный вопрос* (1939 г.): «Могучий организм нашей нации [...] скоро начнет распирать свои рамки, которые станут для него слишком тесными. Имея на Западе государства с развитой технической цивилизацией и отгородившись от исторических врагов, – он неизбежно направит свою энергию в направлении, продолжающем его демо- и геополитическое положение: на Восток и Юго-Восток..., где закончится наша вековая историческая борьба с московским империализмом, который, в свою очередь, упорно движется в эту сторону». Вместе с тем, он подчеркивал, что украинская колониальная деятельность «не будет копировать террористические методы московского империализма, который каждый след своей кровавой стопы отмечает разрушением». Наоборот, Украина возьмет под свою опеку «малые народы» Востока, «покрывая их омофором своей силы», и таким образом «найдет в них самих опору для осуществления совместных задач»⁵⁵. Таким образом Сциборский пытался согласовать две противоречивые концепции идеологии ОУН – империализм и солидарность с освободительными движениями поработенных Москвой народов.

Было бы ошибкой интерпретировать идеологию ОУН исключительно как систему логически связанных и рационально обоснованных тезисов. Не меньшую роль в ней играли мифы, символы и догмы, которые не доказывались, а просто принимались на веру. Стержнем социальной мифологии ОУН был миф национального возрождения, связанный с не менее мифологическим представлением о нации как о живом организме, который может рождаться, болеть, выздоравливать и умирать. Этот миф включал такие основные мотивы: украинская нация, некогда великая и могучая, в современную эпоху пришла к крайней деградации и разложению, приблизившись к грани национальной смерти. Признаками всеобщего упадка не только в Украине, но и во всей Европе, являются распространение «желудочных теорий» материалистического мировоззрения, забвение героизма и идеализма давних времен и, наконец, наступление коммунизма. Но из войны и крови героев рождается новый мир, начинается новая героическая эпоха. Только героическим, сверхчеловеческим усилием можно предотвратить окон-

⁵⁴ Архів ОУН в Києві. Ф. 2. Спр. 3. Арк. 297.

⁵⁵ Сциборський. Земельне питання. С. 90-91.

чательную гибель нации, и именно молодое поколение националистов призвано осуществить этот героический акт. Националистическая революция не только уничтожит внешних врагов нации, но и очистит ее от чуждых, враждебных элементов, разлагающих нацию изнутри, и возродит ее к новой жизни⁵⁶.

Перманентная революция

Политическая стратегия ОУН основывалась на ее идеологии и была направлена в первую очередь на подготовку национальной революции. Сначала организация ориентировалась на сочетание легальной и подпольной деятельности, но после «пацификации» 1930 г.⁵⁷ возобладали сторонники исключительно подпольной революционной борьбы. Члены ОУН и УВО в крае в 1930 г. сформулировали концепцию «перманентной революции», согласно которой следовало непрерывными боевыми акциями вызвать постоянное революционное брожение, втягивая в него широкие массы населения. «Только массовыми выступлениями, которые будут повторяться, можно поддержать и укрепить постоянный дух протеста против оккупанта, поддерживать ненависть к врагу и желание окончательной с ним расправы. Народ не смеет привыкнуть к узам, не смеет чувствовать себя во вражеском государстве хорошо». Такая позиция была несовместима с легальной деятельностью, направленной на улучшение положения украинцев в пределах чужих государств, на мирное сосуществование с господствующими нациями, поэтому «легальщину» и «реальную политику» клеймили как вредную для порабощенного народа. «Мы не можем позволить, чтобы нация, когда придет подходящий момент для борьбы, для последней расправы с врагом, оказалась неспособной к борьбе. [...] Поэтому мы не дадим на порабощенных украинских землях воцариться миру»⁵⁸.

Авторы концепции «перманентной революции» сознавали, что боевые выступления спровоцируют репрессии против украинского населения и будут стоить ему многочисленных жертв, но считали их оправданными. «Никакие жертвы не слишком велики, если речь идет о жизни и чести нации»⁵⁹. В брошюре *Наша позиция* КЭ ОУН провозглашала: если для будущего блага нации нужно, чтобы даже половина одного поколения погибла – она должна погибнуть, но в борьбе за свободу, а не в цепях и неволе⁶⁰. Еще резче этот императив сформулировал Ко-

⁵⁶ См., например: Брут Р. Культ героїзму. Львів, 1937.

⁵⁷ «Пацификация» (польск. расуфікація – умиротворение) – карательная операция польской армии и полиции против украинских крестьян Галиции, проведенная осенью 1930 г. под предлогом борьбы с террористами.

⁵⁸ Перманентна революція // Український націоналізм: антологія. Т. 1. Вид. друге / Упор. В. Рог. К., 2010. С. 110, 112.

⁵⁹ Там же. С. 111.

⁶⁰ Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Spraw Zewnętrznych, sygn. 2347. P. 28.

лодзинский: «Великий и здоровый народ должен завоевать себе свободу или погибнуть геройски в борьбе».

Вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах настанет «подходящий момент» для освобождения, оставался открытым. Официально ОУН провозглашала концепцию опоры на собственные силы, согласно которой организованное националистическое движение без внешней помощи, собственными силами должно было подготовить и осуществить национальную революцию. Однако руководители организации хорошо понимали, что одних только собственных сил не хватит, если не вмешается мощный внешний фактор. Фундаментом, на котором они строили свою стратегию, был опыт Первой мировой войны и Украинской революции, который для многих из них был собственным опытом. Надеялись, что Вторая мировая война, которую считали неизбежной, будет развиваться по сценарию Первой: государства, поделившие между собой украинские земли, будут обессилены войной, что даст Украине шанс для возрождения⁶¹. Поэтому стратегию национальной революции националисты строили в расчете на будущую войну.

«С кем нам идти?»

В связи с расчетами на войну возникала проблема возможных союзников. В 1928 г., рассматривая возможность интервенции против СССР с участием Польши, Коновалец не исключал возможности выступить на стороне большевиков с целью достижения соборности, т.е. объединения Украины, пусть даже под большевистским руководством, если интервенты заранее не гарантируют ее независимости⁶². По мере развертывания коммунистического террора в советской Украине отношение к большевикам становилось все более враждебным, но еще даже в марте 1931 г. в ОУН обсуждали вопрос, не послать ли в Москву члена Провода Рика Ярого договариваться с большевиками о поддержке борьбы ОУН против Польши⁶³.

После прихода к власти национал-социалистов ОУН рассчитывала на сотрудничество и союз с новой Германией, однако временное польско-германское сближение в 1934 г. помешало этим планам. 1934-1935 годы были для организации временем колебаний и поиска внешних ориентаций. Одно время Провод ОУН пытался наладить отношения с британскими политиками. В 1935 г. на страницах парижского еженедельника *Украинское слово* (органа ОУН) развернулась интересная дискуссия под названием «С кем нам идти?». Это был редкий случай, когда ОУН вынесла вопрос внешнеполитической ориентации на откры-

⁶¹ Грицак. Страсті за націоналізмом. С. 72-74.

⁶² Документи і матеріали з історії ОУН. Т. 1. С. 73.

⁶³ Там же. Т. 2. Ч. 1: 1931–1934 / Упор. Ю. Черченко. К., 2010. С. 33.

тое обсуждение (не для того ли, чтобы послать сигнал заинтересованным государствам?). Представитель ОУН в Великобритании Евгений Ляхович призывал отбросить надежды на Германию, потому что, «связавшись с немецкой политикой, мы, украинцы, снова можем проиграть. [...] Германия... будет швырять нас под ноги то Москве, то Варшаве, то снова Москве, не обращая ни малейшего внимания не только на наши интересы, но даже на наши настроения и чувства. [...] Опять же, оставаясь в сфере влияния немецкой внешней политики, мы не вызовем симпатий в другом лагере, лагере, который значительно сильнее Германии... Главным лидером этого другого лагеря является Англия...». На Англию и предлагал ориентироваться Ляхович⁶⁴. Его оценку немецкой политики поддержал представитель ОУН в Италии Евгений Онацкий, который, однако, скептически отнесся к идее союза с Англией, поскольку последняя ничем не обнаружила своей готовности поддержать украинское освободительное стремление⁶⁵. Последним в дискуссии высказался Лев Морозевич: «Проездка на дрессированном английском пони безопасна, спокойна – но не слишком ли медленна? Не скорее ли донесет нас до цели дикий немецкий мустанг? Донесет или разнесет – вот в чем вопрос, и ответ на него зависит в первую очередь от нашей силы и зрелости. Риск есть – но следует ли его бояться, если речь идет о цели столь важной, как независимость?»⁶⁶.

В конце концов, Провод ОУН решил рискнуть и поставить на «дикого немецкого мустанга», тем более, что британские и американские политики довольно прохладно воспринимали попытки украинцев добиться их поддержки. В связи с углублением итало-германского сближения (осень 1935 г.), которое ОУН правильно расценила как направленное против СССР, она все больше ориентировалась на государства «Оси». Тем временем гитлеровцы вновь начали разыгрывать «украинскую карту», особенно после оформления военно-политического союза Германии, Италии и Японии (1936-1937 гг.). Свидетельством нового сближения стало участие представителей ОУН в съезде «зарубежных национал-социалистов» в сентябре 1937 г.⁶⁷ В том же году Коновалец как глава ОУН нап्रा-

⁶⁴ Ляхович Е. З ким нам іти? // Українське слово. 1935. 18 серпня.

⁶⁵ Онацкий Е. До питання: З ким нам іти? // Там же. 1 вересня.

⁶⁶ Морозевич Л. Між двома великодержавами (дискусійна стаття). До питання: З ким нам іти? // Там же. 29 вересня.

⁶⁷ Sprawozdanie z posiedzenia «Zjazdu zagranicznych narodowych socjalistów» w Stuttgardzie z 6.IX.1937 r. z udziałem przedstawicieli OUN // Poliszczuk W. Nacjonalizm ukraiński w dokumentach. Cz. 1: Dokumenty z zakresu zasad ideologicznych i założeń programowych nacjonalizmu ukraińskiego (= Integralny nacjonalizm ukraiński jako odmiana faszyzmu. T. 3). Toronto, 2002. Dok. nr 24. P. 73-75. Публикуя этот документ, В. Полищук объявил, что найдено доказательство членства ОУН в «фашистском интернационале». На самом деле такого интернационала не было, а в документе говорится об участии посланцев ОУН в качестве гостей на съезде Зарубежной организации НСДАП (NSDAP/Auslands-Organisation), объединявшей немецких граждан – членов нацистской партии, проживающих за пределами Третьего Рейха (см.: Зарубежная организация НСДАП // Wikipedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Зарубежная_организация_НСДАП). Тем не менее, выдумку о членстве ОУН в «фашистском интернационале» стали по-

вил поздравительную телеграмму лидерам трех государств, подписавших Антикоминтерновский пакт⁶⁸. Выбор был сделан.

При этом ведущие деятели ОУН хорошо отдавали себе отчет и в том, как гитлеровцы относились к славянам, и в агрессивных намерениях Гитлера завоевать «жизненное пространство» для немцев на востоке⁶⁹. К примеру, Колодзинский в *Военной доктрине украинских националистов* возмущался экспансионистскими планами Гитлера и называл немцев «международными бандитами»⁷⁰. Однако оуновцы не видели другого выхода для украинцев, кроме сотрудничества с Германией – единственной державой, способной разрушить статус-кво в Европе. Тот же Колодзинский связывал будущее националистическое восстание с войной блока фашистских государств против СССР⁷¹. Члены ОУН знали, что гитлеровцы уважают только силу и надеялись, что если украинское националистическое движение продемонстрирует свою силу и решимость, то заставит и Гитлера считаться с собой. Вероятно, именно такой была логика действий ОУН (бандеровцев) в 1941 г., когда они попытались поставить немцев перед свершившимся фактом, провозгласив Акт восстановления Украинского Государства.

Ориентация на государства Антикоминтерновского пакта, которые вели захватническую и колониальную политику, поставила украинских националистов перед непростой дилеммой: с одной стороны, как представители поработенной нации они симпатизировали народам, боровшимся против захватчиков и колонизаторов (часто при поддержке СССР), а с другой – надеялись на помощь государств-агрессоров в собственной борьбе против советского империализма. О. Чемеринский (Оршан) решительно отвергал популярную в некоторых националистических кругах идею «интернационала угнетенных»: «Утверждаем, что идея такого интернационала как орудия нашей освободительной борьбы сегодня неактуальна. И поэтому политические фантомы вроде безусловной солидарности угнетенных против угнетателей вредны и опасны. [...] Фронт поработенных наций должен совпадать с фронтом антимосковских наций. И если возможно у нас сотрудничество с другими поработенными нациями, то только на почве опоры на мировой националистический фронт и на антимосковские позиции»⁷².

вторять и другие историки (напр.: Kulińska. *Działalność terrorystyczna i sabotażowa nacjonalistycznych organizacji ukraińskich w Polsce w latach 1922-1939*. P. 16, 25).

⁶⁸ Архів ОУН у Києві. Ф. 2. Спр. 3. Арк. 127.

⁶⁹ Borejsza J.W. *Antyślawizm Adolfa Hitlera*. Warszawa, 1988; Connelly J. *Nazis and Slavs: From Racial Theory to Racist Practice // Central European History*. 1999. Vol. 32. № 1. P. 1-33.

⁷⁰ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Спр. 466. Арк. 26 (ср.: там же. Спр. 465. Арк. 25). Этот фрагмент был опущен в циклопольном издании первой части работы Колодзинского в 1940 г. в оккупированном немцами Кракове (см.: Колодзинський М. *Українська воєнна доктрина*. Ч. 1. [Б. м., б. д.]; 2-ге вид. Торонто, 1957).

⁷¹ Колодзинський М. *Націоналістичне повстання: розділ із праці «Воєнна доктрина українських націоналістів» // Україна модерна*. 2013. Вип. 20. С. 286.

⁷² Оршан Я. *Де стоїмо?* Париж, 1938. С. 17-18.

Национальное восстание

Планы ОУН предусматривали развертывание общенационального восстания сразу после начала войны. Подробную стратегию такого восстания разработал Колодзинский. Она предусматривала последовательное осуществление следующих задач: (1) поднять восстание на всех украинских землях; (2) ввести его в организованную форму и организовать из повстанческих масс украинскую националистическую армию; (3) распространить и закрепить свою власть на украинских землях; (4) уничтожить живые силы врагов и перенести войну на вражеские земли⁷³. Колодзинский со свойственным ему максимализмом настаивал на том, что, независимо от международной конъюнктуры, восстание следует поднимать одновременно и против СССР, и против Польши, утверждая этим единство Украины, даже если Польша будет воевать на стороне фашистских государств против СССР (в 1938 г. такое развитие событий еще считали возможным): «Мы должны вечно повторять..., что мы боремся за Украину Соборную и что ни на какую другую концепцию мы не согласимся, даже если бы нам пришлось и на этот раз проиграть. Такой героический проигрыш не будет проигрышем, потому что из его традиции вырастут новые борцы, также как нынешние националисты выросли из традиции освободительной войны»⁷⁴.

По мнению Колодзинского, окончательное освобождение украинцев из-под власти врагов наступит тогда, когда восстание завершится парадом украинских войск во вражеских столицах – Варшаве и Москве: «Такой парад показывает символически, что враг лежит раздавленный, а победивший народ имеет неисчерпанный источник веры в собственные силы и нестигаемую боевую гордость. Особенно в наших отношениях это вопрос жизни или смерти – завершить наше освобождение взятием вражеских столиц. [...] Освобождение Украины заключается не только в освобождении украинских земель из-под власти врагов, но еще более в освобождении нашего рабского духа от чувства неполноценности. А чувство превосходства нашей нации только тогда будет возможно, когда наше освобождение завершится славной эпопеей, то есть походом на вражеские земли. Провозглашение соборного украинского государства должно состояться на развалинах Москвы и Варшавы»⁷⁵.

Реальные события Второй мировой войны показали утопичность планов Колодзинского и его единомышленников. Ни в 1939, ни в 1941, ни в последующие годы ОУН не имела достаточной силы и влияния, чтобы поднять общенациональное восстание, не говоря уже о походе на Москву. Но в конце 1930-х гг. подобные планы, или лучше сказать – мечты, вдохновляли многих молодых украинских националистов.

⁷³ Колодзінський. Націоналістичне повстання. С. 257.

⁷⁴ Там же. С. 287.

⁷⁵ Там же. С. 293.

Враждебные нации

Важное место в политической стратегии ОУН занимала проблема национальных меньшинств Украины в условиях подготовки и осуществления национальной революции и в будущем независимом государстве. Взгляд на нацию как на коллективную личность логично приводил к убеждению, что врагами украинского народа являются не только правительства и господствующие классы государств-оккупантов, но и целые «враждебные нации». Осип Бойдунык в изданной от имени КЭ ОУН брошюре *Наша борьба: ее цели, пути и методы* (1931) отмечал, что национальными врагами украинцев, которые их уничтожают и не позволяют им создать независимое государство, являются не только правительства, но и народы, по воле которых эти правительства существуют и властвуют – поляки, русские и т.д. Русская и польская нации являются такими же врагами украинцев, как русское и польское правительства⁷⁶. В. Мартынец предостерегал соратников от распространения «опасной» мысли, что украинские, польские и русские народные массы одинаково страдают от эксплуатации власть имущих. Власть эксплуататоров, утверждал он, «это эманация народов польского и русского [...]». Как раз в отличие от социалистов, проповедующих солидарность в борьбе против "власти эксплуататоров", мы проповедуем борьбу с нациями враждебными, всеми ее членами на всех участках»⁷⁷.

Разделяя взгляд на поляков как на враждебную нацию, члены ОУН по-разному видели цели и средства борьбы с ней. Андриевский считал, что революционная деятельность УВО и ОУН способна «перевоспитывать» поляков, приучая их считать украинцев равными себе противниками, с которыми нужно считаться. В конце концов, надеялся он, поляки убедятся, что попытки сохранить господство над Западной Украиной обходятся Польше слишком дорого: «Надо стремиться к тому, чтобы владение этими землями для поляков стало более дорогостоящим, как материально, так и морально, более тяжелым и несносным, чем отказ от этих земель». Андриевский считал возможным упорной борьбой подтолкнуть поляков к выводу, что Польше выгоднее согласиться с потерей западноукраинских земель, получив в лице соборной Украины противовес российской опасности, чем удерживать их любой ценой, рискуя «отравить весь организм польского государства и развалить его, как это уже было в прошлом...»⁷⁸.

В отличие от эмигранта из приднепровской Украины Андриевского, большинство «краевиков», непосредственно боровшихся с польскими властями, не верило в возможность «перевоспитания» поляков. В конце 1930-х гг. часть членов ОУН начала предлагать радикальный метод борьбы с враждебными нациями –

⁷⁶ Archiwum Akt Nowych w Warszawie, Ministerstwo Spraw Zewnętrznych, sygn. 2347. P. 72.

⁷⁷ Центральний державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 3833 (Краєвий провід Організації Українських Націоналістів на Західних Українських землях). Оп. 3. Спр. 1. Арк. 78.

⁷⁸ Архів ОУН у Києві. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 66. Арк. 51, 63.

этническую чистку. Колодзинский в своей *Военной доктрине* призвал использовать во время предстоящего восстания возможность «выместить буквально до последней ноги польский элемент» с западноукраинских земель. Поляков, которые окажут сопротивление, надлежало уничтожить, а остальных подвергнуть террору и принудить к бегству за Вислу. Необходимость этнической чистки Колодзинский объяснял тем, что эти земли имеют особое значение для будущего украинского государства, а потому должны быть национально чистыми, чтобы впоследствии не тратить время и силы на борьбу с поляками, если бы они уцелели во время восстания. «Нужно помнить, что чем больше пропадет во время восстания враждебного элемента, тем легче будет происходить строительство Украинского Государства, и тем сильнее оно будет», – считал Колодзинский⁷⁹.

Евреев сначала не считали «враждебным элементом». Хотя отдельные члены ОУН не скрывали отрицательного отношения к евреям, все же господствующей была примирительная позиция. В 1930 г. *Строительство нации* поместила программную статью Сциборского, который призвал украинцев и евреев к соглашению и утверждал, что задачей будущей украинской власти «будет дать евреям равноправное положение и возможность проявлять себя во всех областях общественной, культурной и другой деятельности». Такая политика, надеялся автор, будет способствовать воспитанию в еврейских массах государственного патриотизма в отношении Украины⁸⁰.

Однако призыв Сциборского остался без ответа. Ни ОУН, ни еврейские политические организации так и не сделали никаких реальных шагов к взаимному согласию. Более того, очень скоро (особенно с 1933 г.) евреи в стратегии ОУН заняли место среди «враждебных наций» рядом с русскими и поляками.

Чем провинились евреи в глазах ОУН? Следует помнить, что 1930-е гг. – время наибольшего размаха коммунистического террора в советской Украине. Значительный процент евреев в большевистской партии и, особенно, в карательных органах СССР способствовал убеждению в исключительной роли евреев в преступлениях большевистского режима. Другой фактор, содействовавший усилению антисемитизма в ОУН – победа нацистов в Германии. Как мы уже упоминали, украинские националисты возлагали большие надежды (как впоследствии оказалось – напрасные) на помощь Германии в борьбе за независимость Украины. Чтобы добиться доверия и поддержки гитлеровцев, часть оуновцев взяла на вооружение антисемитскую риторику, во многом заимствованную из писаний немецких идеологов антисемитизма.

К концу 1930-х гг. отношение ОУН к евреям претерпело кардинальные изменения по сравнению с тезисами Сциборского 1930 года⁸¹. Новая концепция

⁷⁹ Колодзінський. Націоналістичне повстання. С. 266-267.

⁸⁰ Сциборський М. Український націоналізм і жидівство // Розбудова Нації. 1930. Ч. 11-12. С. 266-272.

⁸¹ Carynnyk M. Foes of Our Rebirth: Ukrainian Nationalist Discussions about Jews, 1929–1947 // Nationalities Papers. Vol. 39. 2011. № 3. P. 315-352; Kurylo T. The «Jewish Question» in the Ukrainian

национальной политики ОУН предусматривала создание в будущем моноэтнического украинского государства путем ассимиляции национальных меньшинств. Исключение делали только для евреев. Я. Стецько, которому Коновалец поручил координацию идеологической подготовки второго Конгресса ОУН, писал: «Все меньшинства, кроме евреев, для которых будут гетто, будут денационализированы и ассимилированы всеми целесообразными средствами, как привлекательностью идеи, моральной демобилизацией (и высылками к границам их "ойчизн"), так и физическими средствами, когда это последнее будет нужно и целесообразно. [...] Важной является проблема евреев, но мы ничего утешительного им сказать не можем (помимо того разве, что в упорядоченном Укр[аинском] Государстве не будет физических антиеврейских погромов...)»⁸².

Впрочем, чтобы дожить до «упорядоченного Украинского Государства», евреям нужно было еще пережить националистическое восстание, которое некоторые оуновцы рассматривали как возможность избавиться от «враждебного элемента». Колодзинский прогнозировал, что гнев украинского народа в отношении евреев будет особенно страшен, но ОУН не должна его сдерживать, а наоборот – разжигать, «потому что чем больше погибнет евреев во время восстания, тем будет лучше для украинского государства, так как евреи будут единственным меньшинством, которое мы не можем охватить нашей денационализующей политикой»⁸³.

Почему евреи не подлежали денационализации (украинизации), объяснил Мартынец. Рассмотрев общественную роль евреев в Украине и признав ее исключительно отрицательной, он доказывал, что «с расовой точки зрения это элемент непригодный к смешиванию и ассимиляции». По его мнению, смешивание с евреями привело бы к психологическому «ожидовлению украинцев», следствием которого была бы потеря последними государственного инстинкта, якобы совершенно несвойственного «бездомно-безгосударственному» еврейскому народу. Чтобы уберечь украинцев от такой опасности, Мартынец считал необходимым не только запретить смешанные браки, но и полностью изолировать евреев от любых – экономических, политических и культурных – контактов с украинцами. Фактически речь шла о том, чтобы в будущем украинском государстве запереть всех евреев в гетто, что должно было побудить их к массовой эмиграции⁸⁴.

Тем не менее, готовясь к восстанию на случай германо-польской войны, КЭ ОУН в 1939 запретила членам организации совершать репрессивные действия в отношении евреев, аргументируя это тем, что в странах западных демократий

Nationalist Discourse of the Inter-War Period // Polin: Studies in Polish Jewry. 2013. Vol. 26. P. 233-258.

⁸² Архів ОУН у Києві. Ф. 1. Оп. 1. Спр. 108, 118 («Українська національна революція або Україна на шляху віднови й творення нових внутрішніх вартостей і встановлювання своєї великодержавної рації в Європі й світі» – листи не пронумеровані).

⁸³ Колодзінський. Націоналістичне повстання. С. 290.

⁸⁴ Мартинець В. Жидівська проблема в Україні // Ідея в наступі. Альманах. Лондон, 1938. С. 24-47.

(Англии, Франции, США) евреи якобы имели решающее влияние на формирование внешней политики⁸⁵. Это может свидетельствовать о том, что крайне анти-семитская позиция единомышленников покойного уже тогда Колодзинского⁸⁶ на тот момент не была господствующей, хотя политическая конъюнктура здесь играла большую роль, чем принципиальные соображения.

С таким противоречивым подходом к «еврейскому вопросу» ОУН вступила во Вторую мировую войну. Отношение ОУН к Холокосту – отдельная дискуссионная тема, требующая специального рассмотрения. Здесь выскажу только одно предположение. Большинство руководителей обеих фракций ОУН не были воинствующими антисемитами, они скорее безразлично относились к судьбе евреев, которых считали чужаками на украинской земле. Оуновцы имели великую цель – независимую Украину, и когда нацисты давали понять, что ценой независимости является соучастие в уничтожении евреев, многие националисты готовы были заплатить такую цену. Конфликт ОУН с оккупационными немецкими властями в 1941 г. избавил организацию от необходимости участвовать в «окончательном решении еврейского вопроса»⁸⁷.

Опыт войны принес, по словам полковника Украинской повстанческой армии и одного из инициаторов ревизии идеологии ОУН Иосифа Позычанюка, «кровавое отрезвление». Отвечая Дмитрию Донцову, который, критикуя новую программу ОУН(б), продолжал требовать борьбы со «всемирным еврейством», Позычанюк писал: «Надо быть сегодня политическим младенцем, чтобы не понимать, что, несмотря ни на какие наши традиции в еврейском вопросе, теперь по ряду причин нужно любой ценой отреститься от антисемитизма. И именно поэтому, почему нужно отрещиваться от малейшей тени гитлеризма. Потому что собственный наш народ распнет или выбросит вон тех, кто встанет на эту линию»⁸⁸.

Выводы

Если попытаться вписать идеологию ОУН 1929-1939 гг. в определенные типологические рамки, то лучше всего ее можно описать в терминах, иногда употреблявшихся самими оуновцами – революционный интегральный национализм негосударственного народа. Ее важнейшими элементами были понимание украинской нации как органической целостности (собирающей личности), признание ее интересов стоящими выше интересов любой социальной группы, других

⁸⁵ Посівнич. Воєнно-політична діяльність ОУН у 1929-1939 роках. С. 229.

⁸⁶ 15 марта 1939 г. Михаил Колодзинский (полковник Гузар) был назначен командующим вооруженными силами Карпатской Украины, сражавшимися с венгерской армией, которая в ходе раздела Чехословакии захватила Закарпатье. 19 марта 1939 г. он был расстрелян венграми.

⁸⁷ (Ряд знатоков ОУН придерживается в этих вопросах иного мнения – прим. ред.)

⁸⁸ Цит. по: В'ятрович. Ставлення ОУН до євреїв. С. 84-85.

наций и человечества в целом, а также (в радикальном варианте этой идеологии) требование полного подчинения личности национальным интересам. Ключевой идеей ОУН была национальная революция, целью которой было не только завоевание независимости, но и создание нового общественного строя, отличного и от капитализма, и от социализма, духовное перерождение нации и формирование нового человека. Возникнув как радикальная идеология национального освобождения с авторитарными тенденциями, в течение 1930-х гг. интегральный национализм ОУН принял форму (опять же в терминологии самих оуновцев) революционного тоталитарного национализма, который стремился охватить собой все украинское общество, мобилизовать его на национальную революцию и построить новое украинское государство на принципах нациократии.

Политическая стратегия ОУН основывалась на ее идеологии и была направлена на мобилизацию масс под ее руководством с целью использования будущей мировой войны для революции и создания независимого государства. В конце 1930-х гг. ОУН связала свою стратегию с государствами фашистского блока и их союзниками, рассчитывая с их помощью разрушить СССР и Польшу и построить самостоятельное соборное украинское государство. Радикальное крыло организации считало необходимым в ходе национальной революции не только свергнуть господство чужих государств над украинскими землями, но и силой очистить Украину от представителей «враждебных наций» – поляков, евреев и русских.

ОУН испытала заметное влияние фашизма и имела немало общего с фашистскими движениями, поэтому интерпретация ее идеологии и практики разновидности фашизма не лишена оснований. Однако, игнорируя существенные отличия между ультранационалистическими движениями в государственных и негосударственных нациях, она порождает больше проблем в изучении ОУН, чем помогает решить. ОУН целесообразнее относить не к фашизму – разновидности революционного ультранационализма в нациях-государствах, а к революционным интегрально-националистическим (ультранационалистическим) движениям, еще только боровшимся за создание собственного национального государства. В этом смысле ближайшим типологическим «родственником» ОУН были хорватские усташи⁸⁹ до создания Независимого Государства Хорватия в 1941 году⁹⁰.

⁸⁹ (Отличался ли «усташизм» качественно от фашизма – спорный вопрос. В своей классической монографии, посвященной фашистским движениям в Европе, Эрнст Нольте посвящает хорватскому «фашизму» целую главу. См.: Nolte E. Die faschistischen Bewegungen: Die Krise des liberalen Systems und die Entwicklung der Faschismen. München, 1979. P. 200-203 – *прим. ред.*)

⁹⁰ В некоторых работах я условно называл этот тип национализма «усташизмом». См., напр.: Zaitsev O. Fascism or Ustashism? Ukrainian Integral Nationalism in Comparative Perspective, 1920s – 1930s // Communist and Post-Communist Studies. 2015. Vol. 48. №№ 2-3. P. 183-193. Впрочем, некоторые историки находят аналогии ОУН не только с усташиским движением до 1941 года, но и с режимом усташей 1941-1945 гг. См., особенно: Motyka G. Wołyń'43: ludobójcza czystka – fakty, analogie, polityka historyczna. Kraków, 2016. P. 155-198.

Опыт Второй мировой войны побудил украинское националистическое движение пересмотреть свою идеологию и политическую стратегию, наполнив их более демократическим содержанием, а также, уже в конце войны, изменить свое отношение к национальным меньшинствам, которые были признаны равноправными гражданами будущего украинского государства⁹¹. Неизменной оставалась главная цель – освобождение и возрождение нации в независимом государстве.

⁹¹ Подробнее о ревизии идеологии и организационной перестройке националистического движения в 1943-1944 гг. в монографии: Патриляк І. «Встань і борись, слухай і вір...»: українське націоналістичне підпілля та повстанський рух (1939-1960 рр.). Львів, 2012. С. 359-383. О дальнейшей идеологической эволюции ОУН: Касьянов. Идеологія Організації українських націоналістів. С. 460-475.

Иван Гомза

Каталитическая мобилизация радикальных украинских националистов во Второй Речи Посполитой: роль структуры политических возможностей*

На данном этапе развития социальных наук – к которым следует причислять и историю – наблюдается конвергенция исследовательских стратегий. Объяснить эту тенденцию можно потребностью, испытываемой историками, социологами и политологами выйти за узкие рамки профессиональной деятельности для более полного и релевантного описания социально-политических процессов. Среди прочего, взаимодействие и взаимное дополнение исторической и политической наук, их кросс-фертилизация, является важнейшей предпосылкой формирования более реалистичных моделей объяснения исторического процесса, которые могут способствовать постижению прошлого.

Ввиду сказанного, использование политологических и социологических моделей для объяснения такого исторического вопроса, как распространение радикального национализма среди украинцев, проживавших во Второй Речи Посполитой, сулит расширение эвристического горизонта. Данная статья изучает причины и механизмы провала проекта мирного сосуществования украинцев и поляков Второй Речи Посполитой в 1918-1939 гг., провала, проявившегося в экспонентном росте приспешников украинского радикального национализма. Особый интерес вызывает несоответствие между подтвержденными документами и политической практикой стремления польских властей урегулировать «украинский вопрос» и привлечь украинцев к конструктивному участию в социально-политических процессах Второй Речи Посполитой с одной стороны, и распро-

* Эта статья является дополненным и расширенным вариантом украиноязычной статьи, ранее опубликованной в журнале *Україна Модерна* (2013. № 20). Хотя моя общая аргументация, доказывающая, что именно структура политических возможностей способствовала масштабной мобилизации украинских националистов, осталась неизменной, я решил воспользоваться предоставленной мне редакцией *Форума* возможностью и существенно расширил теоретические обоснования своих аргументов, пояснив, среди прочего, что такое состязательная политика, как между собой связаны состязательная политика и структура политических возможностей, каковыми есть индикаторы открытости структуры политических возможностей и что такое «эффект противоположного крыла». В эмпирической части я учел появление новых публикаций по теме, важнейшей из которых, несомненно, является украинская монография Александра Зайцева *Украинский интегральный национализм* (Киев, 2013), и более развернуто показал, каким образом происходило влияние разнонаправленных селективных стимулов украинских националистов во Второй Речи Посполитой.

странением радикальных националистических убеждений среди украинцев – с другой. В конечном итоге эти разнонаправленные стремления привели к обоюдному отрицанию наименьшей возможности взаимопонимания, а потому – и вероятности мирного сосуществования двух наций в границах одного государства. По моему мнению, оптимальным теоретическим подходом для интерпретации указанного несоответствия между государственной политикой и реакцией населения выступает теория состязательной политики и ее составная часть, известная как модель структуры политических возможностей.

Статья состоит из двух частей: в первой я рассматриваю основные теоретические тезисы, которые анализируют состязательную политику, структуру политических возможностей и ее влияние на динамику политического процесса, во второй я объясняю, каким образом специфическая структура политических возможностей Второй Речи Посполитой повлияла на наращивание радикальных националистических сил в Галиции и Волыни межвоенной эпохи, запустив, в конечном счете, социальный механизм, который я предлагаю называть каталитической мобилизацией.

Состязательная политика и модель структуры политических возможностей

Большинство политических сил межвоенной эпохи (1918-1939 гг.), исповедовавших идеи украинского национализма на территории Второй Речи Посполитой, было вынуждено прибегать к особой форме участия в политическом процессе, известной как «состязательная политика» (*contentious politics*). По определению Ч. Тилли, состязательная политика является формой «группового взаимодействия, в ходе которого действующие лица выдвигают требования, затрагивающие интересы других субъектов, а правительство выступает объектом, инициатором или третьей стороной выдвинутых требований»¹. Строго говоря, состязательная политика – это способ защиты коллективных интересов посредством конфронтационного коллективного действия и вовлечения политических ресурсов, важнейшим из которых выступает собственно государственный аппарат. Дело в том, что целью состязательной политики является достижение некоего «публичного блага»² (напр. изменения законодательства, признание особых прав определенной категории населения и т.п.), обеспечить которое с наибольшей уверенностью может именно государственный аппарат.

¹ Tilly Ch. *Contentious Performances*. N.Y., 2008. P. 6.

² Olson M. *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, 2002.

Состязательная политика отличается от конвенционального политического процесса, поскольку проявляется вне институциональных политических рамок. Обычно простые граждане и политики защищают свои политические интересы, участвуя в политическом процессе посредством специальных институциональных структур. Например, при демократическом режиме существуют выборы, органы представительной власти, референдумы, независимый суд – каркас созданных режимом институтов, которые регулируют политические споры, облекая их в конвенциональные формы участия граждан в политическом процессе. Схожим образом и при авторитарных режимах существуют институты (единая партия, армия, консультативные советы), принадлежность к которым дает преимущества субъекту, который претендует на определенное политическое влияние или стремится защитить свои политические интересы³.

Тем не менее возможны ситуации, когда существующий институциональный каркас не удовлетворяет субъектов политического процесса, поскольку не позволяет эффективно, по их мнению, защищать собственные интересы. Например, унитарное государственное устройство не позволяет жителям определенного региона полноценно представлять его на высшем государственном уровне. Или выборы были проведены с вопиющим нарушением основоположных принципов, а потому не отображают реальных предпочтений граждан. Поскольку конвенциональный канал влияния на политику заблокирован, субъектам политического процесса доступна только не-институциональная форма влияния на него. Отдельные индивиды могут обратиться к неформальным практикам защиты интересов (лоббирование, коррупция, использование личных связей), однако социальным группам, а особенно субъектам массового политического процесса, доступна лишь состязательная политика.

Существует множество форм (так называемые «состязательные представления»), посредством которых социальные группы проявляют свое недовольство состоянием вещей и защищают коллективные интересы: демонстрации, петиции, бойкоты, забастовки, отказы платить налоги, захваты правительственных зданий, самосожжения, покушения на видных политиков, террористические акты, вооруженные восстания и проч. МакАдам, Тарроу и Тилли полагают, что следует различать два идеальных типа состязательной политики: ограниченный (*contained contention*) и трансгрессивный (*transgressive contention*)⁴. Первый тип означает использование законных, нормативно приемлемых или допустимых форм конфронтационного коллективного действия – демонстрации, марши, сбор

³ Подробнее о роли институциональных структур в функционировании авторитарных режимов см.: Gandhi J., Przeworski A. *Authoritarian Institutions and the Survival of Autocrats* // *Comparative Political Studies*. 2007. Vol. 40. № 11. P. 1279-1301; Lai B., Slater D. *Institutions of the Offensive: Domestic Sources of Dispute Initiation in Authoritarian Regimes, 1950-1992* // *American Journal of Political Science*. 2006. Vol. 50. № 1. P. 113-126; Brooker P. *Non-Democratic Regimes: Theory, Government, and Politics*. N.Y., 2009; Гомза І. Мультисекторальна класифікація авторитарних режимів // *Наукові записки НаУКМА*. 2014. Т. 160. С. 10-17.

⁴ McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Dynamics of Contention*. Cambridge, 2004. P. 7-8.

подписей и общее оживление гражданского сектора. Второй тип предусматривает использование нелегальных состязательных представлений, преимущественно проявляясь в форме политического экстремизма, актах саботажа, восстаниях и т.п.

Однако было бы ошибкой сводить трансгрессивную состязательную политику исключительно к политическому насилию: главным различием между двумя типами служит соответствие легальным нормам того политического режима, против или при участии которого действуют субъекты состязательной политики. Более того, эти субъекты должны осознавать наличие легальных норм и четко понимать, что они их преступают, чтобы определенный акт был именно проявлением трансгрессивной состязательной политики. Хорошим американским примером является знаменитый отказ Розы Паркс, которая осознанно преступила сегрегационные законы тогдашних США, прибегнув, таким образом, к ненасильственной трансгрессивной состязательной политике. Иными словами, вопрос о трансгрессивной или ограниченной природе состязательной политики тесно связан с природой политического режима и его законодательными особенностями, однако большинству политических режимов свойственно терпимо относиться к различным формам ненасильственной тактики, таким образом законодательно кодифицируя массовые собрания и демонстрации как ограниченную состязательную политику, и запрещать насильственные тактики, что делает террористические акты и вооруженные выступления трансгрессивной состязательной политикой. Несмотря на то, что некоторые авторы указывают на практическую невозможность разграничения двух типов состязательной политики⁵, я нахожу его эвристически полезным для данного исследования, поскольку именно неспособность одного субъекта состязательной политики совмещать на практике и ограниченную, и трансгрессивную формы стало – как будет показано ниже – предпосылкой противостояния умеренных и радикальных украинских националистов Второй Речи Посполитой.

Конвенциональная и состязательная политика не отделены непроницаемым барьером. Наоборот, они взаимно дополняют, обогащают, усиливают или оттеняют друг друга. Даже в случае трансгрессивной состязательной политики связей с конвенциональной политикой более, чем предостаточно⁶. Террористы, при соответствующих условиях, вовлекаются в конвенциональный политический процесс, основывая политические партии, как это было в случае с ливанской

⁵ O'Brien K. Neither Transgressive Nor Contained: Boundary-Spanning Contention in China // *Mobilization: An International Journal*. 2003. Vol. 8. № 1. P. 51-64; Dosh P. *Demanding the Land: Urban Popular Movements in Peru and Ecuador, 1990-2005*. Philadelphia, 2010. P. 221-223.

⁶ Для теоретического объяснения подобных переходом см.: Sprinzak E. *The Process of Delegation: Towards a Linkage Theory of Political Terrorism* // *Terrorism and Political Violence*. 1991. Vol. 3. № 1. P. 50-68; Weinberg L., Pedahzur A. *Political Parties and Terrorist Groups*. L., 2003; Engeland A., Rudolph R. *From Terrorism to Politics*. Aldershot, 2008; Piazza J. *Terrorism and Party Systems in the States of India* // *Security Studies*. 2010. Vol. 19. P. 99-123; Danzell O. *Political Parties: When Do They Turn to Terror?* // *Journal of Conflict Resolution*. 2011. Vol. 55. № 1. P. 85-105.

Хезболлой⁷. Схожим образом могут политизироваться и повстанческие организации, как это продемонстрировала, например, эволюция Сандинистского фронта национального освобождения в Никарагуа или Фронта освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО)⁸. Политические партии, в свою очередь, уходят в подполье или прибегают к трансгрессивной состязательной политике, если им не удастся достигнуть желаемого конвенциональным путем: турецкая Партия националистического движения организовала в 70-х гг. XX века волну террора в стране⁹, а японская Аум Сенрикё обратилась к политическому террору после неуспешного участия в парламентских выборах¹⁰.

Субъекты ограниченной состязательной политики еще более активно вовлечены в конвенциональную политику. Египетские «Братья-мусульмане» – это хороший пример того, как общественно-политическое движение влияет на политическую повестку дня, ожидания общества и характер политической борьбы¹¹. К тому же, общественно-политические движения часто действуют в тандеме с политическими партиями, способствуя мобилизации во время избирательных кампаний, делая их более разнообразными и даже играя роль партнеров по коалиции¹². Партии охотно используют подобную помощь для создания более широкой базы потенциальных сторонников и, если необходимо, в качестве рычага давления посредством внепарламентских протестных кампаний.

Взаимное перетекание конвенциональной и состязательной политики играло определяющую роль в деятельности украинских национальных сил Второй Речи Посполитой. Украинская войсковая организация (УВО) в 20-х годах XX века и Организация украинских националистов (ОУН) в 30-х годах были главными субъектами конфронтационного коллективного действия, главной целью которого являлась делегитимизация и ослабление польского государства, что способствовало бы формированию благоприятных условий для воссоздания украинской государственности. С этой целью УВО и ОУН мобилизовали материальные и культурные ресурсы (людей, деньги, оружие, транспорт, коллективную идентичность)¹³, создавали неформальные социальные сети, упрощавшие управление

⁷ Azani E. The Hybrid Terrorist Organization: Hezbollah as a Case Study // *Studies in Conflict & Terrorism*. 2013. Vol. 36. № 11. P. 899-916.

⁸ *From Revolutionary Movements to Political Parties* / Ed. K. Deonandan, D. Close, G. Prevo. N.Y., L., 2007.

⁹ Laqueur W. *The New Terrorism*. N.Y., 1999. P. 146.

¹⁰ Reader I. *A Poisonous Cocktail? Aum Shinrikyō's Path to Violence*. Copenhagen, 1996. P.67-69

¹¹ Для деталей см.: Antar N. *The Muslim Brotherhood's Success in the Legislative Elections in Egypt 2005: Reasons and Implications* // *Euro-MeSCo Paper*. 2006. № 51; Rosefsky Wickham C. *The Muslim Brotherhood: Evolution of an Islamist Movement*. Princeton, 2013.

¹² McAdam D., Tarrow S. *Ballots and Barricades: On the Reciprocal Relationship between Elections and Social Movements* // *Perspectives on Politics*. 2010. Vol. 8. № 2. P. 533.

¹³ Подробнее о мобилизации ресурсов, основоположном элементе состязательной политики, см.: McCarthy J., Zald M. *Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory* // *American Journal of Sociology*. 1977. Vol. 82. № 6. P. 1212-1241; Jenkins J. *Resource Mobilization Theory and the Study of Social Movements* // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9. P. 527-553; Zald M., McCarthy J. *The Resource Mobilization Research Program: Progress, Challenge, and Transfor-*

этими ресурсами¹⁴, конструировали альтернативные интерпретационные фреймы¹⁵, благодаря которым польское доминирование в Галиции и на Волыни выглядело необоснованным и сомнительным.

Цели УВО и ОУН во многом совпадали с целями других проукраинских политических сил, главной из которых являлось Украинское национально-демократическое объединение (УНДО). Эта организация примечательна тем, что своей деятельностью она наглядно показывает переплетение конвенциональной и состязательной политики. С одной стороны, в 1928-1938 гг. ее члены принимали участие в парламентской борьбе и даже проходили в Сейм и Сенат. С другой стороны, УНДО не достигло полноценной организационной стадии политической партии, поскольку не соответствовало классическому определению партии как организации, целью которой выступает «соискание официальных государственных должностей под определенной маркой»¹⁶. Напротив, у УНДО не было ни официальной символики, ни формального членства, ни точного реестра участников, а членские взносы делали исключительно люди, прошедшие в парламент¹⁷, да и само участие в избирательных кампаниях рассматривалось как один из способов решения «украинского вопроса». Другими способами были написание петиций, развитие национального самосознания украинцев (для этого издавались книги и периодика на украинском языке, в том числе – *Свобода* и *Дело*), поддержка деятельности различных общественных организаций – «Просвещения» (Просвіта), «Родной школы» (Рідна школа), «Сокола» (Сокіл), обеспечение экономического процветания украинцев (с этой целью УНДО способствовало развитию кооперативов и кредитных организаций, например, «Маслосоюза» и «Днестра»). В определенной мере УНДО следует представлять как зонтичную организацию, которая способствовала взаимодействию различных направлений

mation // *New Directions in Contemporary Social Theory* / Ed. J. Berger and M. Zelditch. Lanham, 2002; Edwards B., McCarthy J. *Resources and Social Movement Mobilization* // *The Blackwell Companion to Social Movements* / Ed. D. Snow, S. Soule, H. Kriese. Malden, 2004.

¹⁴ Литература о роли социальных сетей в состязательной политике обширна. См. напр.: Blau P. *Structural Sociology and Network Analysis: An Overview* // *Social Structure and Network Analysis* / Ed. P. Marsden, L. Nan. Beverly Hills, L., 1982; Cook K., Whitmeyer J. *Two Approaches to Social Structure: Exchange Theory and Network Analysis* // *Annual Review of Sociology*. 1992. Vol. 18. P. 109-27; Bearman P., Everett K. *The Structure of Social Protest 1961-83* // *Social Networks*. 1993. Vol. 15. P. 171-200; *Social Movements and Networks Relational Approaches to Collective Action* / Ed. M. Diani, D. McAdam. N.Y., 2003.

¹⁵ О фреймах и состязательной политике см.: Snow D., Burke Rochford E., Worden S., Benford R. *Frame Alignment Processes, Micromobilization, and Movement Participation* // *American Sociological Review*. 1986. Vol. 51. P. 464-481; Snow D., Benford R. *Master Frames and Cycles of Protest* // *Frontiers of Social Movement Theory* / Ed. A. Morris, C. Mueller. New Haven, 1992; Cress D., Snow D. *The Outcomes of Homeless Mobilization: The Influence of Organization, Disruption, Political Mediation, and Framing* // *American Journal of Sociology*. 2000. Vol. 105. P. 1063-1104; McVeigh R., Myers D., Sikkink D. *Corn, Klansmen, and Coolidge: Structure and Framing in Social Movements* // *Social Forces*. 2004. Vol. 83. № 2. P. 653-690.

¹⁶ Epstein L. *Political Parties in Western Democracies*. L., 1967. P. 9.

¹⁷ Назарук О. Гоги і Магоги: політична брошура призначена для гартування будучих українських провідників. Львів, 1936. С. 56.

украинского политического, экономического и общественного процесса, а потому была в первую очередь субъектом состязательной политики.

Контакты и взаимодействие представителей УНДО с членами УВО и, позже, ОУН подтверждают эту интерпретацию. С точки зрения целей между УНДО, с одной стороны, и УВО/ОУН – с другой, не было существенных различий: главным стремлением этих организаций было создание независимого украинского государства. Именно поэтому члены УВО/ОУН и УНДО часто встречались друг с другом, дискутировали и согласовывали позиции¹⁸, а иногда – как, например, в случае Дмитрия Палиива (Дмитро Паліїв), – принадлежали сразу и к УВО, и УНДО. В 20-х годах XX века УНДО и УВО дополняли друг друга, поскольку первая играла роль умеренной политической оппозиции, а вторая – военизированной подпольной структуры. Подобный тандем – не редкость для состязательной политики: военизированное крыло было, например, у Африканского национального конгресса, или у организаций по борьбе за права афроамериканцев. Дело в том, что правительство, которое сталкивается одновременно с радикальной и умеренной состязательной политикой (а также и политикой конвенциональной) склонно идти на уступки лагерю умеренных, что, по сути, всецело удовлетворяет и их радикальных союзников. В научной литературе подобную ситуацию характеризуют как «эффект радикального крыла»¹⁹. Именно вследствие эффекта радикального крыла члены УВО пользовались большим влиянием на политику УНДО²⁰, и позже лидер УВО Евгений Коновалец решил повторить стратегию взаимного дополнения военизированной и политической структур, для чего, собственно, и была создана ОУН²¹.

Для представителей УНДО, однако, неприемлемыми были насильственные методы достижения независимости. В конце концов, социальный сектор, представленный УНДО, всегда отличался сочетанием умеренности и национализма: многие сторонники организации пришли в нее из демократической Украинской народно-трудовой партии или же из национал-патриотической Украинской партии национальной работы. Именно либеральный центризм в конечном итоге под-

¹⁸ Известно, что интенсивные контакты существовали между Д. Левицким, М. Рудницкой, К. Рудницким, И. Кедриным со стороны УНДО и Е. Коновальцем, Р. Сушко, Ю. Головинским – со стороны УВО/ОУН. Для деталей см.: Torzeski R. *Kwestia ukraińska w Polsce w latach 1923-1929*. Kraków, 1989. P. 338-340; Зайцев О. *Український інтегральний націоналізм (1920-ті – 1930-ті роки): нариси інтелектуальної історії*. К., 2013. С. 299-303.

¹⁹ Freeman J. *The Politics of Women's Liberation: A Case Study of an Emerging Social Movement and its Relation to the Policy Process*. N.Y., 1975; Haines H. *Black Radicalization and the Funding of Civil Rights: 1957-1970 // Social Problems*. 1984. Vol. 32. № 1; Gupta D. *Radical Flank Effects: The Effect of Radical-Moderate Splits in Regional Nationalist Movements*. Paper prepared for the Conference of Europeanists. Chicago, 14-16 March 2002; Schock K. *Unarmed Insurrections: People Power Movements in Nondemocracies*. Minneapolis, 2005.

²⁰ Навроцький О. УВО, політичні партії, диктатура ЗОУНР та уряд УНР // Євген Коновалець та його доба. Мюнхен, 1974. С. 299.

²¹ См. свидетельства и воспоминания националистов: Янів В. Зустріч з полк. Євгеном Коновальцем на тлі настроїв доби // Євген Коновалець та його доба. С. 454-455; Ленкавський С. *Український націоналізм*. Твори. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 128-129.

толкнул УНДО к т.н. соглашательству (укр.: угодовство), а через него – и к противостоянию с УВО и ОУН. Справедливости ради необходимо заметить, что «готовность к поиску компромисса не означала отказа от главной цели – достижения украинской независимости. Разница состояла лишь в том, что борьбу за независимость Украины они отложили до появления более благоприятных обстоятельств, делая особое ударение на легальных формах защиты украинцев»²². Тем не менее УНДО, потеряв из-за склонности к компромиссу с польской властью общий язык с представителями радикального национализма, вступило с ними в открытое противостояние.

Причиной этой конфронтации были различные взгляды на стратегию достижения общей цели: УНДО прибегало к ограниченной состязательной политике, в то время, как УВО и ОУН – к трансгрессивной. Иными словами, эффект радикального крыла исчерпал себе – и вместо сложной взаимно выгодной игры против правительства радикалы и умеренные перешли к стратегическому соперничеству за ресурсы, необходимые для воплощения оптимальной (с точки зрения каждого лагеря) стратегии. Я называю подобное соперничество «эффектом противоположного крыла». В его истоках лежит тот факт, что отдельному субъекту состязательной политики сложно практиковать одновременно и трансгрессивную, и ограниченную ее формы. С одной стороны, обращение к первой сопровождается выходом за границы легальности, а потому ограничивает социальный резервуар потенциальных участников: гораздо большее количество людей выйдет на позволенную законом демонстрацию, чем согласится принять участие в планировании подрыва правительственного здания. С другой стороны, обращение к ограниченной состязательной политике после опыта трансгрессии чревато кризисом коллективной идентичности и оттоком активистов: радикализованным участникам легальные формы протеста кажутся малоэффективной тратой времени. Соответственно, формируются два полюса притяжения активистов, один из которых привлекает людей, склонных к ограниченной, а другой – к трансгрессивной состязательной политике. Однако если каждый лагерь рассматривает ресурсы противоположного как собственный резервуар ресурсов, они вступят в конфликт, который выступает проявлением эффекта противоположного крыла.

Основной вопрос, рассматриваемый в этой статье, – это определение механизма, способствовавшего поражению стратегии умеренных националистов и, соответственно, победе стратегии националистов радикальных. Изучение социальных механизмов – устойчивых каузальных связей между социальными процессами, которые проявляются в различных социальных контекстах, – является приоритетным методологическим подходом при изучении состязательной политики²³, а потому такой фокус вписывается в общую исследовательскую програм-

²² Sekuła P. *Ukraińskie organizacje i partie polityczne w Drugiej Rzeczypospolitej (do 1926 roku)* // *Nowa Ukraina: zeszyty historyczno-politologiczne*. 2006. № 2. P. 30.

²³ О концептуализации «социальных механизмов» см.: Hedstrom P., Swedberg R. *Social Mechanisms: An Introductory Essay* // *Social Mechanisms: An Analytical Approach to Social Theory* / Ed.

му. Под «победой» понимается не реализация проекта национальной независимости, а мобилизация большего количества ресурсов.

Я полагаю, что первостепенную роль в успехе радикальных националистов сыграла структура политических возможностей. Структура политических возможностей как научная модель объединяет причинно-следственными связями мобилизацию, а значит и динамику состязательной политики, с экзогенными факторами. Идея, будто причины и ход конфронтационного коллективного действия зависят от состояния экономики, демографических особенностей населения и характера политической системы, не нова и даже самоочевидна. Однако теория структуры политических возможностей подает общие представления о подобном влиянии в виде четкой и доступной к верификации модели. Более того, она ставит состязательную политику, явление политическое, в первую очередь в зависимость от политических факторов – характера политического режима, государственного устройства, наличия избирательных прав у субъектов состязательной политики, особенностей политических элит и т.п. Иными словами, теория структуры политических возможностей постулирует, что форма и интенсивность, с которой социальные группы защищают свои интересы и прибегают к состязательной политике, зависят от констелляции политических факторов.

С. Тарроу выделил четыре параметра политической среды, которые в совокупности составляют структуру политических возможностей: (1) особенности взаимодействия правительства и оппозиции; (2) возможность участия новых субъектов в политическом процессе; (3) наличие влиятельных союзников; (4) раскол элит²⁴. Соответственно, если политические линии оппозиции и правящих сил являются непривлекательными для некоторых социальных секторов; если политическая система открыта для влияния не только традиционных партий, но и общественно-политических движений или инновационных форм коллективного действия; если требования таких новых субъектов политического процесса готовы поддержать представители или местной/центральной администрации, или влиятельных институтов (армии, Церкви, Конституционного суда); если среди правящей элиты отсутствует единая точка зрения по поводу требований, выдвигаемых субъектом состязательной политики, – то структура политических возможностей считается открытой. Это означает, что субъекты состязательной политики с большей вероятностью мобилизуют последователей и начнут произво-

P. Hedstrom, R. Swedberg. N.Y., 2005. P. 24-25; Elster J. *Explaining Social Behavior: More Nuts and Bolts for the Social Sciences*. Cambridge, 2007. P. 7-52. Относительно особой роли изучения социальных механизмов для понимания динамики состязательной политики см.: Tilly C. *Mechanisms in Political Processes* // *Annual Review of Political Science*. 2001. Vol. 4. P. 21-41; Tilly C., Tarrow S. *Contentious Politics*. Boulder, L., 2007. P. 211-219; McAdam D., Tarrow S., Tilly C. *Comparative Perspectives on Contentious Politics* // *Comparative Politics* / Ed. M. Lichbach, A. Zuckerman. N.Y., 2009. P. 260-262; Grischam K. *Transforming Violent Political Movements*. N.Y., L., 2014. P. 31-36.

²⁴ Tarrow S. *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. 3rd edn. N.Y., 2011. P. 164-165.

дить давление на правительство. Классическим примером выступает Движение за гражданские права в США: его активисты не были довольны ни программой Республиканской, ни Демократической партий, их идеям сочувствовали президент США и генеральный прокурор США, политическая система страны поощряла деятельность гражданского общества, а политические элиты не были уверены, как им стоит реагировать на состязательную политику²⁵. Как следствие, движение смогло мобилизовать множество участников и эффективно добиваться поставленных целей.

Ч. Тилли несколько видоизменил основные индикаторы структуры политических возможностей, расширив их количество до шести: (1) характер политического режима; (2) характер репрессий; (3) постоянство союзов субъектов состязательной политики; (4) консолидация элит; (5) наличие институциональных союзников у субъектов состязательной политики; (6) динамика изменений первых пяти индикаторов²⁶. Именно их я буду применять для анализа структуры политических возможностей Второй Речи Посполитой. Поскольку из выделенных Тилли индикаторов 3-й, 4-й и 5-й соотносятся с индикаторами Тарроу, а последний является относительным и контекстуально зависимым, следует отдельно пояснить собственно роль характера политического режима и политических репрессий в структуре политических возможностей. Важно добавить, что политический режим (совокупность формальных и неформальных правил взаимодействия представителей государственной власти с различными категориями населения²⁷) и политические репрессии (действия, которые препятствуют мобилизации или поднимают цену коллективного действия субъекта состязательной политики²⁸) являются взаимосвязанными понятиями, поскольку разные типы политических режимов прибегают к различным типам репрессий и с разной интенсивностью.

Одним из доказанных положений политической науки является связь между интенсивностью состязательной политики и чувствительностью политического режима к потребностям и пожеланиям населения. В полной противоположности к распространенному убеждению, состязательная политика не особо остро проявляется в закрытых политических режимах, способных ее подавить. Она также не характерна для открытых политических режимов, где граждане имеют достаточно механизмов повлиять на политическую линию посредством конвенциональной политики. По сути, между уровнем закрытости политического режима и интенсивностью состязательной политики существует т.н. криволинейная взаимосвязь²⁹: наиболее интенсивной состязательная политика бывает в полужакры-

²⁵ McAdam D. *Political Process and the Development of Black Insurgency*. Chicago, 1982.

²⁶ Tilly. *Contentious Performances*. P. 91-93.

²⁷ Skaaning S.-E. *Political Regimes and Their Changes: A Conceptual Framework* // Center on Democracy, Development, and the Rule of Law Working Papers. 2006. № 55. P. 15.

²⁸ См.: Tilly Ch. *From Mobilization to Revolution*. N.Y., 1978. P. 100; Stockdill B. *Activism against AIDS: At the Intersection of Sexuality, Race, Gender, and Class*. Boulder, 2003.

²⁹ Графически взаимосвязь отображается параболой, что можно видеть на схеме, иллюстрирующей вторую часть статьи (см. приложение к этой статье). О теоретических обоснованиях и

тых политических режимах (неконсолидированная демократия, открытый авторитаризм, анократия), поскольку эти режимы чувствительны к требованиям и потребностям населения в одних вопросах, игнорируя их в других, а политические институты таких режимов не способны направить активность гражданского общества в русло конвенциональной политики. Соответственно, группы интересов пытаются расширить круг вопросов, заслуживающих внимания правительства, а потому постоянно прибегают к состязательной политике. Одновременно, полужакрытые политические режимы ввиду слабости институтов непоследовательно применяют репрессии, иногда наказывая, а иногда позволяя одни и те же коллективные действия, чем создают впечатление открытости структуры политических возможностей.

Это отсылает к еще одному важному теоретическому замечанию: структура политических возможностей – это не внешний каркас обстоятельств, в которых действуют субъекты состязательной политики. Тарроу верно заметил, что к структуре политических возможностей относится также «измерение политической среды, стимулирующее людей к коллективному действию, влияя на их ожидания»³⁰, поскольку характер политического режима и характер репрессий, наличие институциональных союзников и постоянство союзов с ними, даже уровень консолидации элит зависят от интерпретации деятельного субъекта состязательной политики. Следовательно, структура политических возможностей – это представление индивидов и групп о том, что можно было бы сделать в существующей политической ситуации, и вероятные следствия состязательной политики. Иначе говоря, структура политических возможностей выступает системой социальных линз, посредством которой субъекты состязательной политики оценивают причины собственного недовольства, доступные ресурсы, уровень угроз и наличие благоприятных факторов. Далее, они используют полученный образ для определения подходящей стратегии, которую опробуют в надлежащее время. Открытый характер структуры политических возможностей описывает представление о высоких шансах на успех состязательной политики, а возрастание представлений об этих шансах свидетельствует о еще большем открытии структуры политических возможностей, и наоборот.

Реакция представителей власти на конкретную стратегию также становится важной составляющей представления о структуре политических возможностей: если в ответ на мирную демонстрацию правительство использует водометы, это свидетельствует о закрытом характере структуры политических возможностей; аналогично и готовность правительства сесть за стол переговоров с террористами интерпретируется субъектом состязательной политики, который практикует

объяснениях криволинейной связи см.: Eisinger P. The conditions of protest in American cities // *American Political Science Review*. 1973. Vol. 67. № 1. P. 14; Muller E., Seligson M. Inequality and Insurgency // *American Political Science Review*. 1987. Vol. 81. № 2. P. 429; Brockett C. *Political Movements and Violence in Central America*. Cambridge, 2005. P. 266-291.

³⁰ Tarrow. *Power in Movement*. P. 163.

терроризм, как признак открытости структуры политических возможностей. Иными словами, реакция политического режима на состязательные представления играет роль индикатора, с помощью которого субъект состязательной политики интерпретирует: открывается или наоборот закрывается структура политических возможностей – то есть возрастают или падают его шансы на успех, если он продолжит придерживаться избранной стратегии. Вера, что шансы на успех возрастают, интенсифицирует обращение к избранным состязательным представлениям.

Представители власти и государственные структуры, со своей стороны, в каждый отдельный момент политической конфронтации оказываются более чувствительными или уязвимыми к определенным стратегиям. Например, при определенных условиях правительство, желая продемонстрировать контроль над ситуацией, способно жестко отреагировать на мирную демонстрацию, однако оно пойдет на переговоры в случае актов политического насилия со стороны протестующих, если они угрожают развалить правящую коалицию и, таким образом, свергнуть режим целиком. При иных обстоятельствах правительство наоборот решительно пресекает любые формы политического насилия, но ищет компромисс с участниками мирного массового протеста. Разнообразие возможных ответов представителей власти создает разнонаправленную систему селективных стимулов для умеренных и радикальных субъектов состязательной политики, которая лежит в основе эффекта противоположного крыла: уязвимость режима исключительно к трансгрессивной или ограниченной состязательной политике способно спровоцировать прирост ресурсов у одного субъекта, но не особо повлиять на другого. Однако поскольку результат той или иной состязательной политики проявляется через определенный промежуток времени и является предметом интерпретации, субъекты ограниченной и трансгрессивной состязательной политики конкурируют друг с другом, пытаясь определить, чья стратегия в конечном итоге окажется эффективной.

Подводя итог, можно кратко изложить основные теоретические положения данного исследования:

(1) Состязательная политика – это форма не-институционального конфронтационного коллективного действия, которое вовлекает государственный аппарат и посредством которого социальные группы защищают свои интересы.

(2) Существует две формы состязательной политики – ограниченная (применение законных и нормативно приемлемых стратегий) и трансгрессивная (использование нелегальных и неприемлемых стратегий).

(3) Первостепенное влияние на проявление и динамику состязательной политики имеет структура политических возможностей – динамическая система взаимосвязей между попытками субъекта состязательной политики защитить свой интерес, его представлением о шансах на успех и реакцией представителей власти на его действия. Эмпирически измеряемыми индикаторами структуры политических возможностей выступают: характер политического режима, характер

репрессий, постоянство союзов субъектов состязательной политики, уровень консолидации элит и наличие институциональных союзников у субъектов состязательной политики.

(4) Структура политических возможностей создает разнонаправленные селективные стимулы для субъектов ограниченной и трансгрессивной состязательной политики, что служит причиной эффекта противоположного крыла – стратегического противостояния умеренного и радикального лагерей, преследующих схожую цель, за общий социальный ресурс.

Последний тезис описывает ситуацию, в которой оказались национальные украинские силы во Второй Речи Посполитой, и пришло время рассмотреть, каким образом радикальный лагерь УВО и ОУН в конце концов вышел победителем из этого противостояния.

Структура политических возможностей украинских националистов во Второй Речи Посполитой

Для того, чтобы проанализировать динамику взаимодействия украинских национальных сил с административными институтами Второй Речи Посполитой, я выделил четыре периода, каждому из которых была свойственна особая конфигурация структуры политических возможностей и, соответственно, ее влияние на обе формы состязательной политики:

- (а) изначальное закрытие (1918-1919 гг.),
- (б) эпоха парламентаризма (1919-1926 гг.),
- (в) санация (1926-1930 гг.) и
- (д) пацификация/нормализация (1930-1938 гг.).

Во время каждого из этих периодов воздействие селективных стимулов на субъекты ограниченной и трансгрессивной состязательной политики имело различные формы, что в конечном итоге запустило механизм каталитической мобилизации радикальных националистов. Для более четкого восприятия аргументы, изложенные в этой части, проиллюстрированы на Схеме 1, где на вертикальной оси отображена интенсивность состязательной политики, на горизонтальной – уровень чувствительности режима к ней, а парабола очерчивает открытие/закрытие структуры политических возможностей. (См. приложение к этой статье)

1. Изначальное закрытие (1918-1919 гг.)

Восстановление польской государственности в XX веке сопровождалось чередой территориально-этнических конфликтов, в которые было вовлечено молодое государство: на западе Польша соперничала с Германией за Верхнюю Силезию, на

севере – с Литвой за Виленский край, на юге – с Чехословакией за Гешинскую область, а на востоке – с Западно-Украинской Народной Республикой за Восточную Галицию. Более того, этнические меньшинства, жившие на территории воссозданной Польши, отнеслись к ней достаточно настороженно. Например, населявшие Восточную Пруссию мазуры не желали присоединения к Польше, отдавая предпочтение гражданству в экономически более развитой Германии перед этнической принадлежностью к польской нации. Как следствие, по результатам Варминско-Мазурского плебисцита 97,48% населения высказалось против присоединения к Польше³¹. В Верхней Силезии многие силезцы (Ślązacy) также предпочитали остаться в Германии³², как это в марте 1921 г. продемонстрировал Верхнесилезский плебисцит. Поскольку ни Польша, ни Германия не были удовлетворены попытками урегулирования силезского вопроса, территориальный спор перерос в столкновение военизированных организаций, а ситуацию удалось урегулировать только в октябре 1921 г. благодаря вмешательству Лиги Наций.

Достаточно прохладно к возникновению польского государства отнеслось и еврейское меньшинство (составлявшее до 10% населения), поскольку польские правящие элиты всячески препятствовали созданию еврейской автономии в стране³³. В таких условиях важнейшая дипломатическая победа Польши – международное признание ее прав на большую часть спорных территорий – стала причиной новых политических проблем, главной из которых в первые годы польской государственности стало обеспечение лояльности этнических меньшинств. Важность этого вопроса проявилась и позже, во время польско-большевистской войны, когда часть этнических меньшинств рассчитывала на скорый распад Польши, а потому скрыто (а иногда и открыто) встала на антипольские позиции.

Как следствие, на раннем этапе своего существования польское государство стремилось ограничить влияние этнических меньшинств на социально-политическую жизнь страны, что в практической политике привело к урезанию гражданских прав и репрессиям против представителей этнических меньшинств. Такие события, как конфискация немецкого имущества в западных воеводствах, еврейские погромы в Пинске (апрель 1919 г.), запрет от 16 августа 1919 г. на обучение в университетах украинцам, которые не состояли на службе в польской армии, были специфическими формами репрессий, поскольку они препятствовали мобилизации национальных меньшинств. К тому же, ввиду общего патриотического порыва поляков, которым удалось достигнуть национальной независимости, консолидация польских элит на первом этапе была высока и, напротив, ни

³¹ Rautenberg H.-W. Probleme der Volksabstimmung vom 11. Juli 1920 im südlichen Ermland und in Masuren // Deutschland und das Recht auf nationale Selbstbestimmung nach dem Ersten Weltkrieg: Probleme der Volksabstimmungen im Osten, 1918-1922 / Ed. R. Breyer. Bonn, 1985. P. 75-91.

³² Kamusella T. Upper Silesia, 1870-1920: Between Region, Religion, Nation and Ethnicity // East European Quarterly. 2005. Vol. XXXVIII. № 4. P. 445.

³³ Mendelsohn E. The Jews of East Central Europe Between the World Wars. Bloomington, 1983. P. 34-35.

один важный социальный институт не был готов поддерживать требования немцев, украинцев, чехов или мазуров, против своей воли ставших гражданами Второй Речи Посполитой. Таким образом, индикаторы структуры политических возможностей свидетельствовали о ее закрытии в 1918-1919 гг. для всех этнических меньшинств, в том числе и украинцев. Стремление ограничить влияние национальных меньшинств означало минимизацию эффективности их ограниченной состязательной политики, а готовность решительно и жестко подавить все проявления трансгрессивной состязательной политики уменьшали и ее эффективность. Именно поэтому в период 1918-1919 гг. структура политических возможностей как для умеренных, так и для радикальных украинских националистов была закрыта. (На Схеме это состояние вещей отображает зона А и соответствующий ей изгиб параболы).

2. Эпоха парламентаризма (1919-1926 гг.)

В январе 1919 г. Игнаций Падеревский (Ignacy Paderewski) сменил на посту премьер-министра Второй Речи Посполитой социалиста Енджея Морачевского (Jędrzej Moraczewski), который казался неблагонадежным многим польским патриотам. Будучи представителем польских националистических кругов, Падеревский в их глазах выглядел гораздо предпочтительнее. Спустя некоторое время «правые» инициировали принятие Конституции 1921 г., которая окончательно признала формой государственного правления парламентскую республику, что превратило премьер-министра в центральную фигуру исполнительной власти. До государственного переворота 1926 г. должность премьер-министра занимали преимущественно политики из центристской и правой части политического спектра – Винценты Витос (Wincenty Witos), Леопольд Скулский (Leopold Skulski), Владислав Грабский (Władysław Grabski). Контроль над исполнительной властью обеспечивался тем, что польские националисты играли главенствующую роль в парламенте, который, собственно, и назначал премьер-министра. В 1919-1922 гг. крупнейшей фракцией в Сейме был националистический Народно-национальный союз (Związek Ludowo-Narodowy), а после 1922 г. центр силы перешел к правоцентристской коалиции Хьено-Пяст (Chjeno-Piast), объединявшей партии Христианский союз национального единства (Chrześcijański Związek Jedności Narodowej) и Польскую народную партию «Пяст» (Polskie Stronnictwo Ludowe «Piast»). Иными словами, эпоха парламентаризма во Второй Речи Посполитой была временем политического доминирования польских националистов.

Однако несмотря на правый уклон режима, в этот период можно было наблюдать применение различных правительственных стратегий относительно национальных меньшинств, что привело к флуктуации – чередованию фаз открытости и закрытости структуры политических возможностей для украинских националистов. Достижение военной и дипломатической победы поляков над ЗУНР в июне-июле 1919 г. сделало притязания Второй Речи Посполитой на Восточную

Галицию вполне обоснованными, что существенно уменьшило эффективность и ограниченной, и трансгрессивной состязательной политики украинцев. Радикальные сторонники правительства ЗУНР в эмиграции перешли к партизанской борьбе, однако санкционированное в 1920 г. расширение полномочий полевых судов сделало возможным эффективное – хоть и кровавое – наведение порядка в сельской местности. Основной тактикой умеренных украинских националистов были взывание к международной общественности и просьбы признать особый статус Восточной Галиции. Чтобы показать незаконность польского владычества в Галиции, умеренные украинские националисты прибегали к классическим методам ограниченной состязательной политики – демонстрациям и бойкотам (напр., массовая демонстрация украинских железнодорожников в феврале-марте 1921 г. с требованием освободить политических заключенных или бойкот общегосударственной переписи населения в октябре 1921 г.).

Однако подписание Рижского мира (18 марта 1921 г.) очертило реальные восточные границы Польши, одновременно придав геополитический смысл польской государственности в глазах Западной Европы. Международный престиж Польши как защитного вала против большевизма существенно возрос, а это означало, что парижские и лондонские дипломаты не особо обращали внимание на предложение украинцев создать отдельное независимое государство в Восточной Галиции. Итак, в противостоянии с консолидированными схожими идеологическими принципами польскими элитами, которые активно применяли репрессии против субъектов трансгрессивной состязательной политики, а на дипломатическом уровне обезоружили субъектов ограниченной состязательной политики, оба лагеря украинских националистов столкнулись с закрытием структуры политических возможностей. Даже в их собственных глазах шансы на успех падали. (На Схеме это отображает зона В1.)

Однако дальнейшее развитие ситуации сигнализировало о флуктуации структуры политических возможностей как для умеренных, так и для радикальных украинских националистов. В 1921-1922 гг. польское правительство, желая уменьшить градус национального противостояния в стране, по скрытым дипломатическим каналам попыталось установить контакт с правительством ЗУНР в эмиграции. Суть дипломатических торгов состояла в официальном признании правительством ЗУНР территориальной принадлежности Восточной Галиции к Второй Речи Посполитой в ответ на предоставление украинскому населению национальной автономии³⁴. Когда 26 сентября 1922 г. Сейм – несмотря на противодействие Народно-национального союза – принял «Закон об основах общего воеводского самоуправления и в частности воеводств Львовского, Тернопольского и Станиславского», умеренные националисты восприняли это как позитивный знак: их требования были поддержаны важным институциональным союзником, а принятие закона привело к фракционированию польских правых элит. Каза-

³⁴ Федевич К. Галицькі українці у Польщі. 1920-1939 рр. К., 2009. С. 121.

лось, что структура политических возможностей открывается, свидетельствуя об общей эффективности ограниченной состязательной политики.

Но уже через два месяца, 27 ноября 1922 г., был издан правительственный декрет, который обязывал каждого молодого человека, проживавшего в Галиции, пройти службу в польской армии – несмотря на то, что на тот момент регион еще не полностью принадлежал Второй Речи Посполитой (регион находился под протекторатом Лиги Наций) и Варшава не имела права навязывать украинцам воинскую повинность. Этот декрет существенно уменьшил веру в политику межнационального взаимопонимания, которой придерживались умеренные националисты. Не в меньшей мере чувству фрустрации способствовало убийство 16 декабря 1922 г. польским националистическим фанатиком новоизбранного президента Польши Габриеля Нарutowича (Gabriel Narutowicz) за которого голосовало большинство этнических меньшинств. Гибель Нарutowича обозначила потерю важного институционального союзника, а последовавшее за ней нагнетание националистических настроений, которое инициировали польские правые, еще больше закрыло структуру политических возможностей для субъектов ограниченной состязательной политики.

В этот же период происходила и флуктуация фаз открытия и закрытия структуры политических возможностей для радикальных украинских националистов. Конституция 1921 г. гарантировала неприкосновенность прав собственности земельных магнатов в восточных регионах Второй Речи Посполитой. Это открыто противоречило праву государства экспроприировать земельные наделы крупных землевладельцев в пользу безземельных крестьян, провозглашенному Первым актом от 1920 г.³⁵ Соответственно, если Первый акт посулил украинскому крестьянству возможность обзавестись собственной землей, тем самым посеяв зерна некой симпатии к польскому государству, то Конституция недвусмысленно указала на беспочвенность подобных чаяний и недалекость тех, кто доверяет полякам. К тому же, националистическая политика колонизации восточных регионов (*osadnictwo wojskowe*), за которую фактически единогласно проголосовал Сейм в декабре 1920 г., усилила негативное отношение украинцев к польскому государству, ведь согласно решению Сейма в рамках программы демобилизации польские военнослужащие получали в награду за службу земли бывшей Российской империи³⁶ (преимущественно – на Волыни). То есть польское государство не только не давало землю местному, преимущественно украинскому населению, но и еще фактически вознаграждало польских солдат за их вклад в уничтожение ЗУНР.

Радикальные националистические силы увидели в притеснениях крестьянства и негативном отношении украинцев к правительственной политике новые возможности для продолжения вооруженной борьбы против польского владычества.

³⁵ Stachura P. Poland, 1918-1945: An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. L., 2004. P. 48-49.

³⁶ Stobniak-Smogorzewska J. Kresowe osadnictwo wojskowe 1920-1945. Warszawa, 2003. P. 17-23.

Основанная искушенными в военном деле офицерами украинской армии УВО стремилась к проведению «подпольных акций с открытой политической окраской»³⁷, а потому обратилась к трансгрессивной состязательной политике. Посредством партизанской борьбы УВО стремилось усилить украинскую коллективную идентичность, возбудить население и уменьшить уверенность как на внутреннем, так и на внешнем политических уровнях в том, что польская администрация держит ситуацию в регионе под контролем. Противоречие среди польских правящих элит, высшей точкой которого стало убийство Нарутовича, и определенная неготовность польских силовых структур противодействовать трансгрессивной состязательной политике, вылившаяся в неэффективное противодействие деятельности радикальных националистов³⁸, привели к тому, что 1922 г. стал апогеем саботажной и диверсионной деятельности УВО. Так, были совершены «38 саботажей на железнодорожном транспорте, подпалы военных складов и магазинов подле Перемышля, повреждена система телеграфно-телефонной связи на пути Львов-Бобрка, разрушены железнодорожные станции и объекты в Сопотове, Кутове и Городке, сожжены полицейские участки в Яворове, Городке, Угневе и Судовой Вишне. К тому же в этом году было предпринято двадцать покушений на предателей и польских пособников, десять – на полицейских, еще семь – на польских военнослужащих»³⁹.

В этот же период начали проявляться первые признаки конкуренции между украинскими националистическими лагерями: с августа 1922 г. радикалы призывали бойкотировать выборы в польский сейм, а 15 октября 1922 г. они организовали убийство одного из видных представителей умеренных, который был кандидатом от украинских сил Львова, – Сидора Твердохлеба (Сидір Твердохліб). В совокупности с ослаблением умеренных, вызванным процессом Федака (см. сноску 38), это привело к росту уверенности в эффективности трансгрессивной состязательной политики, а значит – и относительному открытию структуры политических возможностей для радикалов. (Процессы иллюстрирует зона В2 на Схеме.)

В понимании радикалов, поляки «стремились поставить Антанту и украинцев перед лицом свершенного факта насильственного присоединения Галиции к

³⁷ Книш З. Євген Коновалець в очах молодшої генерації УВО // Євген Коновалець та його доба. С. 275.

³⁸ Особенно показательным были события в сентябре 1921 г., когда Степан Федак, член УВО и сын видного украинского правозащитника и члена правительства ЗУНР Степана Федака (старшего), несколькими револьверными выстрелами попытался убить Юзефа Пилсудского и львовского воеводу Казимира Грабовского. Покушение не удалось, а Федака задержали. Тем не менее, следствию не удалось установить истинных сообщников Федака, что дало возможность УВО продолжить свою подрывную деятельность. Более того, следствие выдвинуло обвинение видным украинским культурным деятелям – Степану Федаку (старшему), руководителю организации «Просвещение» (Просвіта) Ивану Кивелюку, профессору Василию Щурате и ректору тайного Украинского университета Михаилу Галушинскому, тем самым нанеся урон позициям умеренных националистов.

³⁹ Кентій А. Українська військова організація (УВО) в 1920-1928 рр. К., 1998. С. 36.

Польше»⁴⁰, а потому в ответ украинцы должны были посредством саботажей и политически мотивированных покушений показывать, что они никогда не согласятся с польским владычеством в регионе. Однако 14 марта 1923 г. Совет послов Антанты признал суверенитет Польши над Восточной Галицией, то есть в совокупности с признанными международным сообществом положениями Рижского мирного договора все территории современных Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской, Волынской и Ровенской областей вошли в состав Второй Речи Посполитой. Это означало, что структура политических возможностей для радикалов внезапно закрылась, поскольку стратегия демонстрации нелегитимности польской власти в Западной Украине показала всю свою несостоятельность и необходимо было искать новый способ противостоять польскому владычеству⁴¹. Неготовность радикалов к такому повороту событий привела даже к разочарованию некоторых активистов в идеалах национализма и переходу из националистического в коммунистическое подполье⁴².

Параллельно произошло несколько важных изменений внутривнутриполитического характера, которые еще больше закрыли структуру политических возможностей для субъектов трансгрессивной состязательной политики. Во-первых, польская внутренняя разведка адаптировалась к подпольным методам деятельности УВО, проникла в ее организационные структуры и с помощью систематических арестов практически парализовала УВО, то есть успешно применяла репрессии для подавления мобилизации состязательной политики. Во-вторых, благодаря деятельности созданного в 1924 г. Корпуса охраны границ польские силовые структуры смогли существенно ограничить контакты радикалов с заграничными центрами (Подбрады, Прага, Берлин, Вена, Данциг), остановив поток печатных материалов, денег, оружия и активистов, то есть разрушив постоянство союзов субъектов состязательной политики. В-третьих, правительство провело успешную валютную реформу, чем стабилизировало экономическую ситуацию и уменьшило уровень недовольства населения, сократив, таким образом, социальный резервуар доступных ресурсов на местах для радикалов. Вследствие названных факторов, трансгрессивная состязательная политика была существенно затруднена и в 1923-1926 гг. она сводилась к немногочисленным актам бандитизма – грабежу почталыонов и банков. Таким образом, по состоянию на 1926 г. структура политических возможностей после некоторых флуктуаций снова была закрыта как для умеренных, так и для радикальных националистов.

3. Санация (1926-1930 гг.)

В мае 1926 г. совокупность внутренне- и внешнеполитических неурядиц подтолкнули наиболее уважаемого военно-политического деятеля межвоенной

⁴⁰ Ленкавський С. Український націоналізм. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 66.

⁴¹ См. свидетельство Ленкавского о настроениях в УВО: Ленкавський С. Український націоналізм. Т. 1. Івано-Франківськ, 2002. С. 149.

⁴² Кентій А. Українська військова організація (УВО) в 1920-1928 рр. Київ, 1998. С. 34.

Польши, маршала Юзефа Пилсудского, с открытым неодобрением наблюдавшего за экспериментами страны с парламентской демократией, выступить против политического руководства Второй Речи Посполитой. В результате т.н. «майского переворота» к власти пришли преимущественно люди, имевшие опыт военной службы, или же те, кто и далее на ней состояли. Сам Пилсудский был избран на пост президента страны, однако он отказался от должности в пользу Игнация Мосцицкого (Ignacy Mościcki), оставшись, тем не менее, центральной фигурой новой властной коалиции и всего режима.

Хотя установление военной диктатуры в принципе означало, что политический режим в Польше стал более репрессивным и закрытым, для украинских националистов приход к власти давнего союзника Симона Петлюры ознаменовал фазу открытия структуры политических возможностей. Дело в том, что Пилсудский не только питал личный интерес к украинскому вопросу (что само по себе сигнализировало об открытии структуры политических возможностей), но он еще и активно выступал за проведение политики федерализации страны и реализацию т.н. «доктрины прометеизма», то есть культурно-цивилизаторской деятельности поляков, направленной на создание дружественного украинского государства на восток от р. Збруч⁴³. Как следствие, деятельность правительственной команды, в состав которой входили такие прагматичные украинофилы, как Генрик Юзевский (Henryk Józewski) и Тадеуш Голувко (Tadeusz Hołowko), была направлена на поощрение экономической и культурной деятельности украинского меньшинства Второй Речи Посполитой.

Более того, идеологическая доктрина нового режима строилась на принципах солидаризма, считавшего, что удовлетворение интересов каждого гражданина независимо от его этнического происхождения и интеграция различных национальных групп интересов в социально-политические структуры являлось необходимой предпосылкой преданности населения Второй Речи Посполитой⁴⁴. Соответственно, режим санации с момента своего установления стремился вовлечь украинцев в социально-политические процессы, что предусматривало стимуляцию легального политического участия умеренного лагеря украинцев. Фактически, этот лагерь получил широкое пространство для упражнений даже в конвенциональной политике, что одновременно сигнализировало и об открытии структуры политических возможностей к ограниченной состязательной политике (теоретическое обоснование см. выше).

В июле 1927 г. преданный сторонник доктрины прометеизма Петр Дунин-Борковский (Piotr Dunin-Borkowski) был назначен на должность львовского воеводы. Он разработал программу, направленную на «ликвидацию объективных

⁴³ См.: Mikulicz S. *Prometeizm w polityce II Rzeczypospolitej*. Warszawa, 1971; Woytak R. *The Promethean Movement in Interwar Poland* // *East European Quarterly*. 1984. Vol. XVIII. № 3. P. 273-278.

⁴⁴ Kulesza T. *Koncepcje ideowo-polityczne obozu rządzącego w Polsce w latach 1926-1935*. Wrocław, 1985. P. 133.

причин недовольства украинцев в экономической сфере и установление контактов с их представителями (или партийными лидерами), что позволило бы преодолеть сепаратистские тенденции и сформировать общую программу решения важнейших проблем»⁴⁵. В декабре 1928 г. воеводой Волынского воеводства стал уроженец Киева, близкий приятель Симона Петлюры и Юзефа Пилсудского – Генрик Юзевский. Он рассматривал Волынь как регион, где можно достигнуть согласия и взаимопонимания между поляками и украинцами. С этой целью он вовлекал украинцев в деятельность местной администрации и установил обязательное изучение украинского языка в волыньских школах⁴⁶.

Ввиду всего сказанного, не должно вызывать удивление, что умеренные украинские националисты преуспевали в первые годы режима санации: в ноябре 1926 г. УНДО приняло новую программу организации, направленную на достижение взаимопонимания с польскими политическими элитами. Благожелательное отношение со стороны центральных государственных органов и ключевых фигур польской политики способствовало превращению УНДО в главенствующую силу, представлявшую интересы украинского меньшинства. Также активизировали свою деятельность украинские экономические кооперативы, в первую очередь – «Центросоюз», а представители украинского делового мира все теснее и теснее вовлекались в общенациональную экономику. Апогеем стратегии умеренных украинских националистов стало участие украинских политических сил в парламентских выборах 1928 г. Все это происходило благодаря содействию и финансированию со стороны политического руководства Второй Речи Посполитой.

Как следствие, украинские радикальные националисты столкнулись с все возрастающим эффектом противоположного крыла: многие сочувствовавшие украинскому делу активисты считали успешной стратегией умеренных, они готовы были инвестировать время, деньги, усилия в нее, что уменьшало количество ресурсов, доступных радикалам. Более того, режим всецело способствовал формированию и выражению проукраинских позиций исключительно в форме конвенциональной (или же, на худой конец, – ограниченной состязательно) политики: он пресекал и игнорировал требования, выраженные посредством трансгрессии. Таким образом по состоянию дел на 1928 г. режим получил существенное преимущество: будучи нечувствительным к стратегии радикалов, он постоянно уменьшал их ресурсы, усиливая умеренных. Еще несколько лет – и лагерь радикалов был бы, наверное, окончательно изолирован и ослаблен.

Однако именно в 1928-1929 гг. серия серьезных ударов подорвала потенциал режима санации, предоставив такой необходимый для радикалов просвет. Первым из них была Великая депрессия. Несмотря на тот факт, что в Польше эконо-

⁴⁵ Комар В. Українське питання в політиці урядів Польщі (1926–1935 рр.) // Український історичний журнал. 2001. № 5. С. 122.

⁴⁶ Snyder T. Sketches from a Secret War: A Polish Artist's Mission to Liberate Soviet Ukraine. New Haven, 2005.

мический кризис достиг своего пика лишь в 1935 г., негативные эффекты в польской экономике – крах финансового рынка и резкий рост количества безработных – начали проявляться сразу же после того, как кризис затронул важнейших игроков мировой экономики – США и Германию. Вторым ударом стал политический скандал, развернувшийся в ноябре 1928 – марте 1929 гг. вокруг министра финансов Чеховича (Gabriel Czechowicz). В прессу просочилась информация, что этот близкий друг Пилсудского обманым путем присвоил себе большую сумму из государственного бюджета. Последствия экономического кризиса и грязный скандал усилили враждебно настроенные к Пилсудскому политические силы: в июне 1930 г. в Кракове состоялся Конгресс оппозиционных партий (Centrolew – Kongres Obrony Prawa i Wolności Ludu), участники которого сделали несколько громких заявлений, главными из которых были обвинение Пилсудского в узурпации власти и требование восстановления демократического республиканизма. В ответ режим прибегнул к политическим репрессиям, арестовав многих выдающихся политиков, среди прочих – бывшего премьер-министра Винцента Витоса и героя польского восстания в Силезии Войцеха Корфанты (Wojciech Korfanty).

Эти событие неожиданно открыли структуру политических возможностей для трансгрессивной состязательной политики, чьи субъекты увидели: режим, который недавно казался сильным и непоколебимым, по своей сути не только коррумпированный и экономически уязвимый, он еще и спровоцировал выступление польских оппозиционных элит, а затем взял их под арест по весьма надуманному обвинению. Иными словами, в глазах украинских радикалов режим Пилсудского внезапно показался ослабленным и беззащитным, ведь они наблюдали масштабное фракционирование элит в польском политическом лагере, падение потенциала режима вследствие экономического кризиса и использование репрессий польскими государственными деятелями против собственных сограждан, что в совокупности создавало новые возможности для противостояния и трансгрессии.

Итак, представления радикалов о том, что такому режиму можно противостоять, возросли – и структура политических возможностей вновь открылась. Именно поэтому субъекты трансгрессивной состязательной политики существенно активизировались и начали масштабную экстремистскую деятельность: 1 ноября 1928 – в десятую годовщину т.н. «Ноябрьской акции» (Листопадовий зрив) – националисты спровоцировали столкновения с полицией во Львове⁴⁷, 7 сентября 1929 г. они организовали взрыв эскпоцентра «Тарги Восточные»⁴⁸, а весь период 1929-1930 гг. был отмечен многочисленными саботажными акциями (в указанный период было зафиксировано около 2 тыс. инцидентов трансгрессивной насильственной состязательной политики). Существенная активизация УВО

⁴⁷ Климшин М. В поході до волі. Т. 1. Детройт, 1975. С. 262.

⁴⁸ Мірчук П. Нарис історії Організації Українських Націоналістів. Т. 1. Мюнхен, 1968. С. 215.

в конце 20-х гг. XX века и, собственно говоря, создание ОУН были реакцией на открытие структуры политических возможностей. Итак, в 1926-1930 гг., после падения парламентской республики и установления режима санации, структура политических возможностей максимально открылась и для умеренных националистов, и для радикалов. (На Схеме процесс иллюстрирует зона D и достижение высшей точки изгиба параболы.)

4. Пацификация и нормализация (1930-1938 гг.)

Ход правительственной политики пацификации, которая достаточно хорошо описана в исторических исследованиях, необходимо рассматривать не в качестве одиночной репрессивной акции против украинского населения, а в рамках общеполитических процессов Второй Речи Посполитой и реакции режима на вызов оппозиции, брошенный в 1930 г. Схожим образом и желание нормализации, к которой стремились умеренные украинские силы и польское правительство, возникло не само по себе, а в тесном переплетении с динамикой политического процесса в стране в целом.

С момента активизации оппозиционных сил и до уничтожения Второй Речи Посполитой (1930-1939 гг.) наблюдалась возрастающая тенденция режима ограничивать демократические процедуры и применять репрессии против своих критиков. Среди прочего, установление авторитарного режима обозначили такие события, как увеличение количества силовиков и военных в правительстве; принятие новой, т.н. «апрельской» Конституции (1935 г.), которая существенно увеличила полномочия исполнительной власти и окончательно уничтожила систему институционального равновесия; увеличение давления на гражданское общество, проявившееся, например, в 1932 г., когда больше пятидесяти университетских профессоров, известных своими симпатиями к политической оппозиции, были уволены с занимаемых должностей⁴⁹. В своем стремлении подавить оппозиционные настроения режим обращался к таким сомнительным методам, как разгон массовых демонстраций с помощью вооруженных дубинками молодчиков и внесудебное интернирование политически неблагонадежных. Собственно именно с этой целью указом президента Мосцицкого (саму идею предложил премьер-министр Козловский (Leon Kozłowski)) в июле 1934 г. был открыт концентрационный лагерь в Березе-Картузской, где в заключении пребывали польские коммунисты (по некоторым подсчетам – до половины заключенных)⁵⁰, социалисты, лидеры крестьянских партий (прежде всего – Народной партии (Stronnictwo Ludowe), ответственные за организацию конфронтационных действий польских крестьян), представители крайних правых польских движений, например, Национально-радикального лагеря (Obóz Narodowo-Radykalny) и ру-

⁴⁹ Stachura P. Poland, 1918-1945: An Interpretive and Documentary History of the Second Republic. P. 67.

⁵⁰ Garlicki A. Bereza, polski obóz koncentracyjny // Gazeta Wyborcza. 19-20 kwietnia, 2008. № 93. <http://wyborcza.pl/1,76842,5134208.html?disableRedirects=true>.

ководители национальных меньшинств⁵¹, в том числе – и радикальные украинские националисты – Тарас Боровец, Роман Шухевич, Василий Бандера (брат руководителя ОУН), Евгений Врецьона (Євген Врецьона), Юлиан Вассиян (Юліан Вассиян), Дмитрий Штыкало (Дмитро Штикало), Емельян Матла (Омельян Матла) и др.

Ввиду общей тенденции режима Пилсудского максимизировать репрессии против политических оппонентов, такие события, как арест видных украинских общественно-политических деятелей (Д. Палиива, В. Целевича, О. Когута), закрытие национально-патриотической организации «Пласт» (сентябрь 1930), полицейские досмотры в общественно-культурных организациях («Просвещение», «Родная школа», «Семья»), массовые акции пацификации в сельской местности и казни без суда и следствия (случай с задержанием и убийством 30 сентября 1930 г. краевого руководителя ОУН Головинского) были не только антиукраинской политикой, но и частью более общей политики репрессивного авторитарного режима. Итак, в 1930-1935 гг. происходит закрытие структуры политических возможностей для всех субъектов состязательной и даже конвенциональной оппозиционной политики. (На Схеме это показывает смещение из зоны D в зону C.)

Давление режима побудило украинские умеренные силы искать возможность урегулировать ситуацию, что воплотилось в т.н. «политике нормализации». Представители умеренного лагеря открыто выражали свое желание возобновить конструктивное сотрудничество с польскими властями ради защиты интересов украинского меньшинства. Стремление нормализовать отношения, впрочем, было вызвано комбинацией внутри- и внешнеполитических обстоятельств: в 1934 г. Германия и Польша подписали Декларацию о неприменении силы. Этот документ усилил позиции режима Пилсудского, поскольку устранил угрозу со стороны западного соседа, тем самым сократив украинским националистам пространство для маневра. Приблизительно в тот самый период украинцы Второй Речи Посполитой узнали о преследованиях украинской интеллигенции, жесткой политике раскулачивания и Голодоморе в УССР. Все это существенно ослабило советскофильские настроения среди украинцев в Польше, а потому ориентация на Москву также перестала быть политически целесообразной⁵². В связи с утратой возможных зарубежных союзников, у умеренных украинских националистов не осталось иных вариантов, кроме как нормализовать отношения с польской властью.

Руководство Второй Речи Посполитой, со своей стороны, также стремилось к диалогу с умеренными украинскими националистами, поскольку смерть в мае 1935 г. харизматического лидера Юзефа Пилсудского и угроза главных польских оппозиционных сил бойкотировать запланированные на осень 1935 г. парламент-

⁵¹ Śleszyński W. *Obóz odosobnienia w Berezie Kartuskiej: 1934-1939*. Białystok, 2003.

⁵² Chojnowski A. *Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921-1939*. Wrocław, 1979. P. 176-205.

ские выборы показали, что режим столкнулся с существенной эрозией общественной поддержки, а вместе с ней – и проблемой политической легитимности. Оставалась, однако, иная возможность получить народный мандат – привлечь к участию в выборах представителей национальных меньшинств, и поскольку именно эту стратегию избрали политические элиты режима, достижение соглашения и сотрудничество с украинским умеренным лагерем стало желанным и даже необходимым. Именно поэтому первоочередным следствием «нормализации» было массовое участие украинцев в выборах 1935 г. (несмотря на которое явка оказалась самой низкой в истории Второй Речи Посполитой) и активная поддержка депутатами от УНДО правительственной программы. В ответ умеренные националисты требовали остановить политику польской колонизации украинских земель, обеспечить открытие обещанного еще в 20-х годах украинского университета, расширить сферы использования украинского языка и финансировать деятельность украинских общественных организаций из государственного бюджета.

Режим не удовлетворил практически ни одно из этих требований и не выполнил большинство из своих обещаний, а потому несмотря на все надежды умеренных украинских националистов политика «нормализации» провалилась. Например, хотя министр Мариан Зиндрам-Косцялковский (Marian Zyndram-Kosciałowski) обещал остановить колонизацию, поскольку «самолично убедился, что восточно-галицкие воеводства перенаселены и украинское село страдает от земельного голода, в этом наиболее чувствительном для украинцев вопросе ситуация не только не улучшилась, но даже ухудшилась, ведь министр Юлиуш Понятовский... усложнил, а на практике даже сделал невозможной парцелляцию земель между украинскими крестьянами»⁵³.

Схожим образом в разрез со своими обещаниями режим усилил давление на украинские общественные организации – запретил благотворительные пожертвования в пользу «Родной школы», не позволил праздновать 70-летие «Просвещения» (Просвіта), пытался закрыть «Луг». Также не решенными оставались такие важные для украинского меньшинства вопросы, как школьный утравкизм, способствовавший полонизации начального и среднего образования, и функционирование т.н. «сокальской границы» – проверок и ограничений на административной линии между Галицией и Волынью, с помощью которых польское руководство (в том числе и воевода Юзевский) стремилось предотвратить проникновение идей украинского национализма на Волынь.

Однако наиболее вредоносной для «нормализации» оказалась политика ревиндикации церковного имущества, проистекавшей из присущего Волыни и Холмщине совпадения национального и религиозного общественных расколов: поскольку «украинец» практически всегда означало «православный», а «поляк» – «католик», руководство страны решило решить украинский вопрос в регионе

⁵³ Кедрин І. Життя, події, люди. Нью-Йорк, 1976. С. 256

стратегическим путем, а именно – через уменьшение влияния православной Церкви. Политика ревиндикации проводилась во Второй Речи Посполитой еще в 20-х годах XX века и имела целью уменьшить роль православия как бастиона украинства на Холмщине и Волыни⁵⁴, однако особо широкий масштаб ревиндикация приобрела именно в 30-х гг. В декабре 1935 г., согласно решению Комитета по национальным вопросам, правительство приняло решение превратить православную Церковь в инструмент распространения польского влияния. В терминах практической политики, программа предусматривала постепенную полонизацию православной Церкви, а в конце 1937 – начале 1938 гг., когда подобное развитие событий показалось слишком времязатратным, имело место целенаправленное разрушение православных храмов⁵⁵.

Совокупность описанных событий привела к тому, что в декабре 1938 г. глава УНДО Василий Мудрый провозгласил политику «нормализации» провальную, тем самым признав неэффективность конвенциональной и ограниченной состязательной политики для защиты интересов украинцев Второй Речи Посполитой.

Каталитическая мобилизация

Первостепенную роль в провале стратегии по достижению польско-украинского взаимопонимания сыграла трансгрессивная состязательная политика, которую между 1930-1938 гг. упорно воплощали радикальные украинские националисты. В исторических документах и историографии она описана более чем достаточно⁵⁶, поэтому стоит упомянуть лишь ее наиболее дерзкие проявления – убийства видного защитника доктрины прометеизма Тадеуша Голувки (1931), начальника отдела следственной полиции во Львове Эмилиана Чеховского (1932), секретаря советского консульства во Львове Алексея Майлова (1933) и Министра внутренних дел Бронислава Перацкого (1934). Упорство радикалов убедило руководство Второй Речи Посполитой в том, что договорится с украинскими националистами в принципе невозможно, а потому стратегически целесообразно было бы решить

⁵⁴ Papierzyńska-Turek M. Między tradycją a rzeczywistością. Państwo wobec prawosławia 1918-1939. Warszawa, 1989. P. 359.

⁵⁵ Гудь Б. Політика «ревіндивації» на Холмщині і Волині 1937–1938 рр. та її наслідки для українсько-польських стосунків // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність: збірник наукових праць. 2012. № 21. С. 259.

⁵⁶ См.: Політичний терор і тероризм в Україні XIX–XX ст.: історичні нариси / Під. ред. В. Смоля. К., 2002; Коновалець Є. «Я б'ю в дзвін, щоб зрушити справу ОУН з мертвої точки...»: невідомі документи Організації українських націоналістів. К., 2003. Кентій А. Збройний чин українських націоналістів. Т.1. К., 2005. Посівнич М. Експропріаційна діяльність Організації Українських Націоналістів 1929–1939 рр. // Визвольний шлях. 2005. Кн. 4. С. 96-103. Мірчук П. Нарис історії ОУН 1920-1939 роки. К., 2007.

украинский вопрос посредством принудительной ассимиляции украинского населения.

Как следствие, в 30-х годах XX века национальная политика режима мало чем отличалась от программы польской национальной демократии (исповедовавшей крайнюю форму польского национализма), то есть произошла конвергенция проектов «ендеков» и «пилсудчиков» относительно способа решить украинский вопрос. Этот известный исторический факт может скрыть от внимания исследователя важные теоретические вопросы: если в 30-х годах XX века руководство Второй Речи Посполитой избрало жесткую линию по отношению ко всем украинским националистам, то не должно ли это было повлечь закрытие структуры политических возможностей, в том числе и для радикальных националистов? А если структура политических возможностей закрывалась, то почему интенсивность трансгрессивной состязательной политики не уменьшалась и ОУН не была принуждена к спокойствию силовым путем?

Ответ состоит в том, что несмотря на установление во Второй Речи Посполитой авторитарного режима, увеличение количества политических репрессий, существенную консолидацию политических элит относительно стратегии решения украинского вопроса и отсутствие каких-либо институциональных союзников у субъектов трансгрессивной состязательной политики – индикаторы, обычно указывающие на закрытый характер структуры политических возможностей, – для членов ОУН в 30-х годах XX века структура политических возможностей открывалась. Основную роль в этом сыграл механизм каталитической мобилизации. Каталитическая мобилизация приводит к тому, что действия политического руководства и агентов контроля, направленные на подавление, только усиливают мобилизацию ресурсов субъектом состязательной политики. Иными словами, в результате запуска механизма каталитической мобилизации субъект состязательной политики достигает такого уровня автономии от стратегии соперников, что он способен проводить и даже интенсифицировать состязательную политику, какой бы ни была реакция политического руководства. (На Схеме каталитическую мобилизацию иллюстрирует кривая E, которая в определенной зависимости от уровня чувствительности режима меняет угол залома, но тем не менее стремится вверх.)

Активизация механизма каталитической мобилизации – это достаточно редкое явление, обусловленное комбинацией трех необходимых условий: прогностической достоверности, способности быстро восстанавливать утраченные ресурсы и преодоления эффекта противоположного крыла. Радикальным украинским националистам удалось выполнить все.

Прогностическая достоверность тесно связана с интерпретационным изменением структуры политических возможностей. Она означает, что субъекты состязательной политики «позитивно реагируют на ситуации, если они смогли предвидеть изменения в структуре политических возможностей, и, наоборот, они действуют менее уверенно, если происходят события, которые они не предвиде-

ли»⁵⁷. Таким образом, если политическое руководство и агенты контроля действуют в соответствии с ожиданиями субъекта состязательной политики, это будет воспринято как изменение политической среды, благоприятствующее избранной стратегии, что означает, что структура политических возможностей – представление о том, что можно и что полезно для достижения поставленных целей – будет открываться.

Именно это и произошло в ситуации с радикальными украинскими националистами Второй Речи Посполитой. С момента военного поражения ЗУНР и последовавшей инкорпорации Восточной Галиции в состав польского государства они стремились возбудить и интенсифицировать этно-социальное противостояние украинцев и поляков на землях, населенных украинцами (собственно Восточная Галиция, Волынь, Холмщина). Когда режим приобрел более авторитарный характер, а польские правящие элиты развернули энергичную и жестокую политику пацификации, преследуя и наказывая украинцев, то ситуация развивалась в полном соответствии с ожиданиями украинских радикалов. Они были убеждены и убеждали всех, что поляки установили шовинистическую империалистическую власть над украинцами, что эта власть нелегитимна и держится исключительно на насилии, и что эту власть необходимо свергнуть путем вооруженного противостояния. Соответственно чрезвычайные суды, облавы, разрушения православных храмов и принудительную полонизацию субъект трансгрессивной состязательной политики интерпретировал как чувствительность политического режима к избранной стратегии, а потому постоянно усиливал нападения на инкассаторов, польских колонистов и политических деятелей.

Способность быстро восстанавливать утраченные ресурсы достижима при правильной организационной работе управляющего ядра состязательной политики: если руководство способно создать несколько центров вербовки активистов, если оно имеет канал подпитки ресурсами за рубежом, если оно умело управляет логистическими ресурсами и способно восполнить потерю на участке X, перебросив ресурсы с участка Y, и если оно верно использует культурный ресурс (национальную идентичность, культурные символы и т.п.), то репрессии агентов контроля могут быть терпимыми, а потому и неэффективными, что означает: структура политических возможностей открывается.

Радикальные украинские националисты смогли, благодаря пропагандистской работе с украинцами Второй Речи Посполитой, сенсифицировать их к национально-культурным вопросам, сформировав тем самым резервуар общественной поддержки. Одновременно, они проникли и приобрели существенное влияние в студенческой среде Данцига, Праги и Подебрада, которая, будучи активной на территории других государств, превратилась в благодатную среду распространения националистических идей и даже надежное прибежище активистов. Резуль-

⁵⁷ Meyer D., Minkoff D. Conceptualizing Political Opportunity // Social Forces. 2004. Vol. 82. № 4. P. 1478.

таты проведенной работы сказались во второй половине 30-х годов, когда несмотря на аресты большинства представителей Краевой ЭКЗЕКУТИВЫ ОУН (Степана Бандеры, Николая Лебеда [Микола Лебідь], Ярослава Карпинца), руководство ОУН смогло из-за границы организовать мобилизацию новых членов, а когда правительства Литвы, Германии и Чехословакии под давлением Варшавы усложнили деятельность украинских националистов на своих территориях, то новое руководство ОУН во Второй Речи Посполитой (в первую очередь – Александр Гасин и Лев Ребет) смогли продолжить и расширить деятельность организации.

Преодоление эффекта противоположного крыла, то есть демонстрация несостоятельности стратегии конкурирующего субъекта состязательной политики, является третьим компонентом каталитической мобилизации. Если эффект радикального крыла преодолен, то все ресурсы, которые ранее приходилось делить, становятся достоянием исключительно успешного субъекта состязательной политики. Соответственно, происходит существенный прирост ресурсов, что обеспечивает вариативность тактик, возможность совершения более дерзких акций, более стабильные союзы субъектов состязательной политики – то есть также открывает структуру политических возможностей.

Способы преодоления эффекта противоположного крыла различны: один лагерь может уничтожить конкурента силовым путем, или воспользоваться ущербом, нанесенным конкуренту агентами контроля; два крыла могут достигнуть консенсуса и вернуться к тактике совместного действия против правительства; однако в случае с украинскими националистами радикалам удалось преодолеть эффект противоположного крыла благодаря прогностической недостоверности умеренных, которая в конечном итоге привела к разочарованию и отчуждению активистов. Суть явления состояла в следующем: несмотря на существование правительственной команды прагматических украинофилов, реальные шаги в направлении взаимопонимания с поляками, искреннее желание и реальные попытки защищать интересы украинцев легальным путем, умеренные украинские националисты столкнулись в конечном итоге с репрессиями и насильственной ассимиляцией.

Показательным в это ключе выступает пассаж из воспоминаний убежденного сторонника идеи украино-польского примирения Ивана Кедрин: «Когда все они [попытки достичь взаимопонимания] закончились провалом, то повинной в этом была исключительно польская сторона, никогда не проявлявшая доброй воли... Государственные мужи и польская пресса раз за разом твердили про сосуществование, про "вспулжице", но по сути только *воссоздавали атмосферу войны с 1918 г.*»⁵⁸. Особое внимание в данном случае заслуживают не столько однобокие обвинения поляков, как признание представителем лагеря умеренных состояния перманентной войны – признание невозможности сосуществовать украинцев и

⁵⁸ Кедрин. Життя, події, люди. С. 247. (Курсив мой – И. Г.).

поляков в одном государстве. Конкуренция между субъектами ограниченной и трансгрессивной состязательной политики завершилась, поскольку в конце 30-х годов XX века для умеренных националистов структура политических возможностей окончательно закрылась: они сами потеряли веру в ее эффективность.

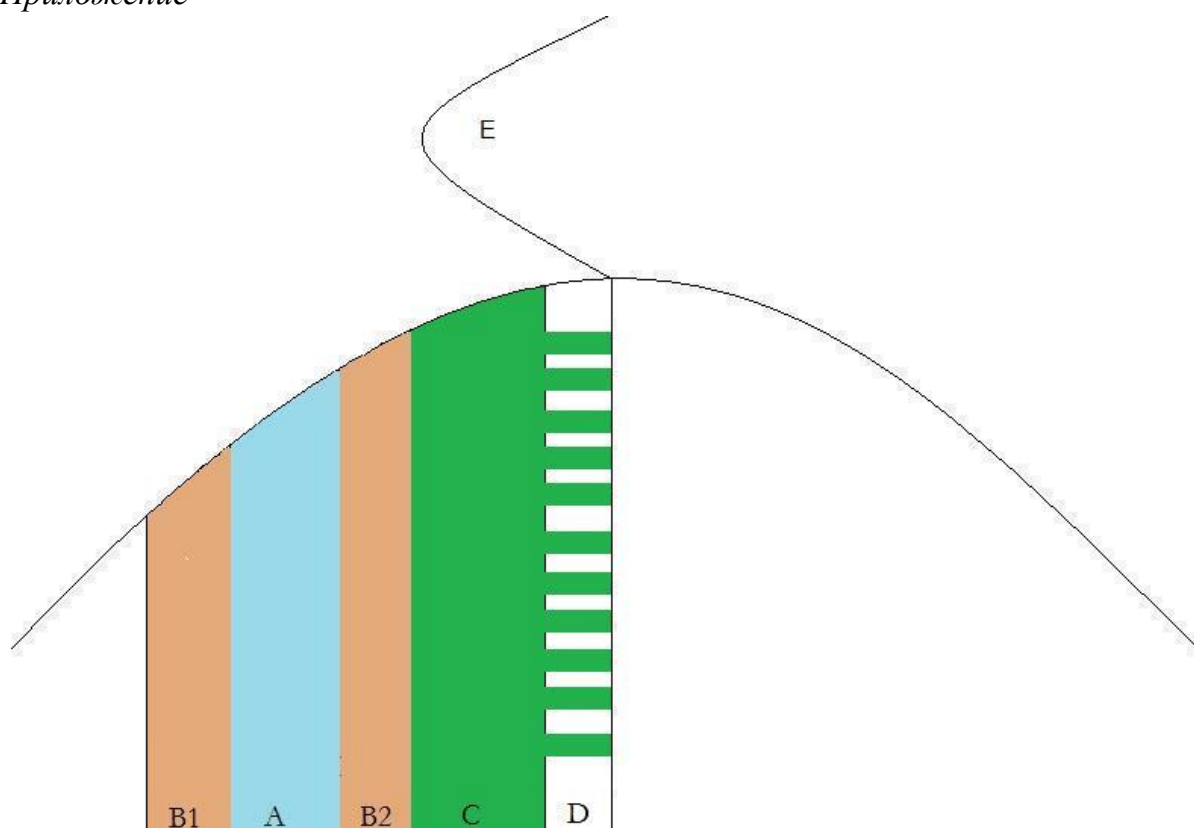
Поражение проекта умеренных националистов подтолкнуло большинство людей, которые поддерживали национальные идеалы, в гравитационное поле радикальных националистов: у них была хорошая организационная структура, они приводили убедительные аргументы относительно справедливости своей интерпретации украинско-польских отношений, они предлагали четкую программу последующих действий для решения «украинского вопроса». Именно это закрытие горизонта представлений для украинских патриотов дало окончательный толчок к каталитической мобилизации ресурсов для трансгрессивной состязательной политики. Радикалы умело использовали накопленные ресурсы для того, чтобы использовать просчеты и уступки польских властей для собственных целей.

Знаменательным, в этом отношении, был «волынский эксперимент» Генрика Юзевского. Отнюдь не безосновательно полагается, что политика, которая стремилась способствовать взаимопониманию и мирному сосуществованию поляков и украинцев в границах одного воеводства, не дала практических результатов⁵⁹. Такая оценка деятельности воеводы Юзевского, впрочем, требует определенного уточнения: его политика не дала практических результатов для реализации проекта умеренных украинских националистов, в то время как радикальные националисты по максимуму использовали предпринятые Юзевским шаги по способствованию деятельности украинских общественных организаций в своих целях. «Они использовали относительную свободу действия на Волыни, обещая крестьянам больше земли и больше свободы. Они с легкостью подвергали сомнению элементы федерализации: если на Волыни собираются проводить земельную реформу, то зачем приглашают тысячи польских офицеров-колонистов, если действительно хотят изучать украинский язык в школах, то почему не создают украиноязычные школы»⁶⁰ и с помощью подобных методов они распространяли свое влияние на местное население. Преодоление «сокальской границы», которое радикальным националистам удалось произвести в середине 30-х годов, и их относительно простое укоренение в волынское общество без эффективного противодействия со стороны местной администрации, которая своей политикой максимально открыла структуру региональных политических возможностей для радикальных националистов, превратили Волынь в колоссальный социальный резервуар, из которого черпали ресурсы радикальные украинские националисты. И этот факт имел судьбоносное влияние на зловещие события 1943 г.

⁵⁹ Bömélburg H.-J. Die polnisch-ukrainischen Beziehungen 1922-1939 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 1991. Vol. 39. № 1. P. 92.

⁶⁰ Snyder T. Federalism and Nationalism in Polish Eastern Policy // *Journal of International Affairs*. 2003. Vol. 111. P. 115.

Приложение

Ярослав Божко

«Новый национализм» Дмитрия Донцова: между интегральным национализмом и консервативной революцией*

В среде современных украинских националистов Дмитрий Донцов до сих пор остается едва ли не наиболее читаемым автором и широко известным идеологом, несмотря на то, что при жизни его потуги в сфере практической политики оказывались провальными. Он никогда не был членом ОУН, а уж тем более официальным ее идеологом. Как утверждает украинский исследователь Г. Касьянов, вопреки расхожему мнению, «для деятелей ОУН из эмигрантской среды 1920-30-х годов Донцов с его идеями не имел статуса мессии и ключевого идеолога»¹.

Идеи Донцова не воспринимались большинством действующих членов ОУН и националистического украинского подполья в Польше 1920-30-х, в том числе и из-за его пропольских геополитических симпатий. Определенным образом, это сыграло на пользу его же популяризации: в Польше 1920-1930-х годов труды Донцова никогда не попадали под запрет, в отличие от изданий ОУН. Националистически настроенная молодежь Западной Украины тех времен имела куда больше доступа к работам Донцова, нежели к газетам и книгам, издаваемым идеологами ОУН, что во многом и объясняет большую популярность этого идеолога в Галичине 1920-1930-х годов. Подобной мысли придерживается и один из деятелей ОУН(м) Владимир Мартынец, излагая соотношение идеологий Донцова и непосредственно самой ОУН в своей книге *Идеология организованного и т.н. «волевого» национализма*².

Свежий и интересный подход к исследованию взглядов Дмитрия Донцова предлагает украинский исследователь А. Зайцев, который считает его продолжением европейских образцов интегрального национализма как особого авторитарного национализма нового типа³. Зайцев соглашается с А. Умландом в том, что применение термина «консервативная революция» как родового понятия не оправдано⁴. Вместе с тем, Дмитрий Донцов причисляется к когорте консерватив-

* Статья публикуется после значительных изменений и добавлений со стороны редакции – прим. ред.

¹ Касьянов Г. До питання про ідеологію Організації українських націоналістів (ОУН) // Ізборник. <http://litopys.org.ua/kasian/kas201.htm>. Последнее посещение 20 июня 2016.

² Мартынец В. Ідеологія організованого і т. зв. «волевого» націоналізму. Вінніпег, 1954.

³ Зайцев А. Доктрина Дмитрия Донцова // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 2. С. 175-194.

⁴ Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Вопросы философии. 2006. № 2. С. 116-126.

ных революционеров украинским исследователем М. Чугуенко⁵. Среди других попыток осмысления Донцова выделяются также работы молодых украинских исследователей Е. Семеняки, Э. Юрченко и И. Загребельного, которые однозначно рассматривают Дмитрия Донцова в качестве консервативного революционера и радикального традиционалиста, подобного Рене Генону, Юлиусу Эволе и другим мыслителям в этой традиции. Причем, И. Загребельный посвятил рассмотрению Донцова как консервативного революционера отдельную книгу *Национализм против Модерна*⁶. Однако взгляды трех указанных исследователей не являются беспристрастными: все они ангажированы в украинской правой политической среде. Они тем самым чем-то напоминают популяризатора самого термина «консервативная революция» в академических кругах Армин Молер, который также симпатизировал предмету своих исследований и был лично хорошо знаком с Эрнстом Юнгером⁷.

Несмотря на различие мнений относительно того, к кому же стоит причислять Донцова, к представителям интегрального национализма (позиция А. Зайцева) либо же считать его представителем украинской версии консервативной революции (позиция в первую очередь М. Чугуенко и И. Загребельного), стоит все же вывести единую логику таких обобщений, к чему они ведут в общих чертах. И А. Зайцев, и И. Загребельный, и другие авторы, рассматривающие взгляды Донцова в указанных координатах, как правило активно проводят параллели с европейскими аналогами идей Донцова, подобными ему публицистами и идеологами в первую очередь потому, что этим они подчеркивают то, что идеи Донцова межвоенного (да и послевоенного тоже) периода принадлежат к общеевропей-

<http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/docs/3Umland06.pdf>.

⁵ Чугуенко М.В. Формування та розвиток ідеології Дмитра Донцова: Автореф. дис. ... на здобуття наук. ступеня канд. філос. наук. Харків, 1998.

⁶ Загребельний І. Націоналізм versus модерн: життя та творчість Дмитра Донцова в оптиці консервативної революції. К., 2014.

⁷ Mohler A. Die Konservative Revolution in Deutschland 1918-1932: Ein Handbuch. Darmstadt, 1989. Далее см.: Breuer St. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt, 1993; Woods R. The Conservative Revolution in the Weimar Republic. Basingstoke, 1997; Pfahl-Traugher A. Konservative Revolution und Neue Rechte: Rechtsextremistische Intellektuelle gegen den demokratischen Verfassungsstaat. Opladen, 1998; Siefert R.P. Die Konservative Revolution: Fünf biographische Skizzen (Paul Lensch, Werner Sombart, Oswald Spengler, Ernst Jünger, Hans Freier). Frankfurt am Main, 2001. Среди первых серьезных русскоязычных научных исследований, напр., в хронологическом порядке: Рормозер Г., Френкин А.А. Консервативная революция // Политические исследования. 1992. № 1. С. 202-207; Люкс Л. Евразийство и консервативная революция: соблазн антизападничества в России и Германии // Вопросы философии. 1996. № 3. С. 57-69; Сокольская И. Б. Консервативна ли консервативная революция? О хронологической шкале политических теорий // Политические исследования. 1999. № 6. С. 119-128; Нестерова Т. П. Идея «консервативной революции» и итальянский традиционализм фашистской эпохи // Институты прямой и представительной демократии: генезис политических режимов в XX веке / Под ред. А. Г. Нестерова. Екатеринбург, 2000; Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии 1920-х – начала 1930-х годов: проблемы интерпретации // Политические исследования. 2002. № 4. С. 94-107; Мёллер ван ден Брук А. Третий Рейх (Вводная статья и комментарий С.Г. Алленова) // Политические исследования. 2003. № 5. С. 118-134.

ской тенденции, и его стоит рассматривать именно в таком контексте, т.е. сравнивая с другими европейскими интегральными националистами и консервативными революционерами. Иными словами, не стоит рассматривать Донцова только как украинский феномен, деятельность которого была направлена исключительно на национально-освободительную борьбу за украинскую государственность. В пользу такой точки зрения говорит тот факт, что взгляды Донцова сформировались под влиянием европейской «философии жизни»; в этой связи М. Чугуенко, например, выделяет таких мыслителей, как А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет⁸.

Донцов, правда, никогда не называл себя консервативным революционером. Вместе с тем, его политические концепции вполне гармонично вписываются в это движение и стоят рассмотрения в его контексте. Эта констелляция напоминает ситуацию, среди других, с Артуром Меллером ван дер Бруком, который в своей ключевой книге *Третья империя* не употребил выражения «консервативная революция». Эрнст Юнгер также не воспринимал себя как «консервативного революционера». В определенной мере можно утверждать, что консервативной революции как единого упорядоченного движения вовсе не было – оно скорее обобщение ряда исследователей⁹. Например, трудно доказать, что Эрнст Никиш и Эдгар Юлиус Юнг были близки идеологически и организационно; наоборот, они находились на противоположных полюсах того, что сейчас иногда принято называть консервативной революцией.

Консервативно-революционное мировоззрение у Донцова проявилось в первую очередь в виде его одновременной оппозиции и западному (либерально-демократическому), и советскому (социалистическому) путям развития общества. Для представителей консервативной революции эти явления непосредственно происходили со времен Французской буржуазной революции, которая трактуется ими крайне негативно. В своей работе *За какую революцию* Донцов пишет: «Где гибнет дисциплина, данная свыше, где гибнет аристократия происхождения, крови или духа – там приходит аристократия палки (или гроша)»¹⁰. Здесь формулируется критика либерально-демократических элит («аристократия гроша») и социалистических вожakov («аристократия палки») как одинаково противных подлинному порядку вещей («аристократия духа»), который для Донцова имел очевидно консервативный характер.

Какой идеологический вектор консервативной революции представлял Донцов? Ведь внутри самого движения существовали как деятели, которые были

⁸ Чугуенко М. Життя та ідеї Дмитра Донцова. // Електронна бібліотека «Чтиво». http://shron.chtyvo.org.ua/Chuhuienko_Mykhailo/Zhyttia_ta_idei_Dm_Dontsova.pdf. Последнее посещение 26 июня 2016.

⁹ (К первым авторам, употребившим уже в 1927 году понятие «Консервативная революция», принадлежал австрийский писатель Хуго фон Хофмансталь. См.: v. Hofmannstahl H. *Das Schrifttum als geistiger Raum der Nation* // idem. *Gesammelte Werke: Prosa*. Vol. 4. Frankfurt am Main, 1955. P. 390-413 – прим. ред.)

¹⁰ Донцов Д. *За яку революцію*. Торонто, 1957. С. 33.

сторонниками более свободной экономики, так и деятели, выбравшие большевизм и близость с социализмом (национал-большевики по типу Эрнста Никиша). Донцов был ближе к правому крылу консервативной революции, ввиду своего радикального неприятия большевизма и его левой политики в Украине. В то же время, Донцов симпатизировал литератору М. Хвильовому, который имел национал-большевистские взгляды.

Донцов поддерживал элитаризм, в частности, идею инициативного меньшинства как двигателя изменений в обществе. В своей наиболее известной работе *Национализм* (1926 г.) он пишет: «Фактором активным, несущим идею тем, где эта идея зарождается, является активное, или инициативное меньшинство»¹¹. Чуть ниже он цитирует немецкого консервативного революционера Освальда Шпенглера: «Нация, как все великие символы культуры, являются внутренним убеждением немногих людей».

Традиция, в понимании Донцова, радикально противопоставляется им идее прогресса. По его мнению, украинские прогрессисты максимально ослабили своими идеями традицию, тогда как красная Москва наоборот стремилась возродить царизм, т.е. традиционную для себя форму политического существования, в новой, советской форме. Прогнозируя крах советского режима и возвращения дореволюционных идей в новой форме (монархия, белогвардейщина, единая неделимая Россия), Донцов задает риторический вопрос: противопоставит ли Украина российскому традиционализму свой украинский традиционализм? Российский традиционализм для Донцова возможен как в белой, так и в красной форме. Он предсказывает после краха второго типа возвращение первого. В этой связи Донцов задает риторические вопросы: «Где будет идея самодержавия украинской нации? ... Где будет идея собственной милитантной (воинственной – Я.Б.) церкви? ... Где реакция против космополитических сил...? Все же эти идеи заплывываются "прогрессистами" как реакционные»¹². Прогрессизм, по мнению Донцова, не способен защитить Украину от московской экспансии – ни от новой монархической, ни от большевистской России. Все эти задачи может выполнить только, как выражается автор в тексте *Дух наших традиций*, «наш старый традиционализм»¹³.

Донцов ставит конкретные задачи перед традиционализмом в случае развала большевистского режима и создания украинского государства. Тогда, по его мнению, возникнет риск чрезмерно прогрессистских воздействий на Украину, в частности, опасность «политической анархии», «безбожия», «ненависти к сильной власти ... [и] всякого традиционализма, а следовательно и всякой истинной, исторической Украине»¹⁴. Политический идеал же Донцова – сильная власть,

¹¹ Донцов Д. *Націоналізм*. Львів, 1926. С. 212.

¹² Он же. *Дух наших традицій*. https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fshron.chtyvo.org.ua%2FDontsov%2FDukh_nashykh_tradytsii.doc. Последнее посещение 26 июня 2016.

¹³ Там же. С. 36.

¹⁴ Там же. С. 37.

традиционное украинское общество, украинская государственность, основанная на исторических традициях, нация, способная дать решительный отпор врагу, не сомневаясь в правильности своих поступков. Все это, по его мнению, окажется под угрозой в случае политической победы «прогрессистов» в новой Украине.

Правда, скорее всего, Дмитрий Донцов или вообще не слышал, или же мало знал об Артуре Меллере ван ден Бруке или Эрнсте Никише. Тем не менее, он отстаивал целый ряд идей, довольно подобных их концепциям. Важным связующим звеном между Донцовым и консервативной революцией (если, конечно же, соглашаться с ее существованием) были философия и мировоззрение Фридриха Ницше¹⁵, который колоссально повлиял на Донцова. Например, В. Бугера пишет о Донцове: «Донцов сразу схватывает у Ницше самое основное – его концепцию извечно присущего жизни человечества деления людей на господ и рабов и его критику "смазывания" этого деления как якобы упадка и деградации общества»¹⁶. Ницшеанские корни сильны и в немецкой консервативной революции, которая являлась, как и ницшеанство, проявлением реакции на декаданс и нигилизм. По словам Армина Молера, «в принципе, для нас существует единственная проблема – как покончить с декадентскими настроениями, охватившими наш мир»¹⁷.

Не менее близки Донцову романтизм как националистическое мировоззрение – и особенно идеи Йохана Готтлиба Фихте. Донцов указывает, что для Фихте романтизм был чувством принадлежности единицы к целому. Донцов трактует этот постулат анти-индивидуалистически и, следовательно, антилиберально. Он пишет: «Для романтика важнее благополучия является национальная миссия, важнее мира – борьба за нее...»¹⁸.

Хотя Донцов, видимо, не был знаком с большинством работ классиков консервативной революции, кроме текстов Шпенглера, он высказывает во многом подобные им идеи. Это может быть результатом частично общих философских учений, под влиянием которых формировались мировоззрения Донцова и его немецких современников: их объединяют Ницше, Фихте, ранний Шпенглер и ряд других мыслителей, которые оставили свои отпечатки в более поздних идеях консервативных революционеров. Так или иначе, и Донцов, и Юнгер, и другие консервативные революционеры пытаются ответить на вопросы, которые – как им кажется – задает миру декаданс.

¹⁵ Wolin R. The Seduction of Unreason: The Intellectual Romance with Fascism from Nietzsche to Postmodernism. Princeton, 2006.

¹⁶ Бугера В. Ницшеанство как общественный феномен: его социальная сущность и роль // Фридрих Ницше. <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/politik/bugera-fenomen/?curPos=2>. Последнее посещение 28 июня 2016.

¹⁷ Цит. по: Семотюк О. Майбутнє об'єднаної Європи: погляд німецьких «нових правих» // Незалежний культурологічний часопис «І». 2000. № 16. <http://www.ji.lviv.ua/n16texts/semotuk.htm>. Последнее посещение 30 июня 2016.

¹⁸ Донцов. Націоналізм. С. 180.

В определенной мере, нахождение ответа на вызов декаданса в Европе является для Донцова более важным, нежели задача национально-освободительной борьбы украинцев. Донцов будто приносит в жертву украинские национальные интересы противостоянию декадансу в Европе своими полонофильскими взглядами. Так, во времена борьбы УВО и ОУН с польским государством за освобождение Западной Украины, он рассматривал Польшу и Литву как союзников Украины в рамках будущей Срединной Европы. Так Донцов писал в *Основаниях нашей политики*: «Для того нам выгодным было бы создание солидного блока государств от Балтики до Черного моря. Для того в наших интересах сильные Румыния, Венгрия и Польша»¹⁹. В том же труде Донцов пишет: «Той силой, на которую мы должны опереться, является так называемый империализм европейских государств, поскольку его направление коррелирует с направлением нашей внешней политики»²⁰.

Империалистическое мировоззрение вообще было характерным для традиционалистского и консервативно-революционного течений – вспомнить хотя бы Юлиуса Эвола и его *Языческий империализм*²¹. Артура Меллера ван ден Брука, который писал: «Мы должны будем иметь силы для того, чтобы и сейчас снова быть "Вельфами", исполненными собственного племенного сознания, и в то же время "Гибеллинами", представляющими имперскую идею. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть варварами и христианами, католиками и протестантами, южными немцами и северными немцами, западными немцами и восточными немцами. Нам понадобятся силы для того, чтобы быть для самих себя здесь – пруссаками, а там – австрийцами или баварцами, швабами, франками, гессенцами, саксонцами, фризями, и при этом оставаться друг для друга – немцами»²². В этой цитате помимо имперских симпатий ван ден Брук также высказывает необходимость осознания соборности и единства немецких земель. Несмотря на существование единого немецкого государства в те времена, проблема соборности и единства волновала немецких националистов так же, как она была важна и для украинских националистов, к которым относился и Донцов.

¹⁹ Донцов Д. Підстави нашої політики. Нью-Йорк, 1957. С. 178.

²⁰ Там же. С. 98.

²¹ Эвола Ю. Языческий империализм / Под ред. А. Дугина. М., 1994. Далее об Эволе см.: Sheehan Th. Myth and Violence: The Fascism of Julius Evola and Alain de Benoist // *Social Research*. 1981. Vol. 48. № 1. P. 45-73; Griffin R. Revolt Against the Modern World: The Blend of Literary and Historical Fantasy in the Italian New Right // *Literature and History*. 1985. Vol. 11. № 1. P. 101-124; Drake R. The Revolutionary Mystique and Terrorism in Contemporary Italy. Bloomington, 1989. P. 114-134; Griffin R. Between Metapolitics and *Apoliteia*: The Nouvelle Droite's Strategy for Conserving the Fascist Vision in the «Interregnum» // *Modern and Contemporary France*. 2000. Vol. 8. № 1. P. 35-53; Goodrick-Clarke N. Black Sun: Aryan Cults, Esoteric Nazism, and the Politics of Identity. N.Y., 2002.

²² Ван ден Брук А. Третий рейх // Традиция: русская энциклопедия. https://traditio.wiki/%D0%90%D1%80%D1%82%D1%83%D1%80_%D0%9C%D1%91%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%80_%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%B4%D0%B5%D0%BD_%D0%91%D1%80%D1%83%D0%BA:%D0%A2%D1%80%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%B9_%D0%A0%D0%B5%D0%B9%D1%85. Последнее посещение 27 июня 2016.

Вместе с тем, геополитические воззрения, к примеру, Эрнста Никиша и ряда других мыслителей, иногда причисляемых к консервативной революции, резко контрастируют с геополитическими воззрениями Донцова. В первую очередь, это касается их неприкрытых симпатий к России как к союзнику Германии. У Никиша эта тенденция усиливается его симпатиями к большевизму: «Большевизм привел к хорошим результатам там, где он, например, как в России и Китае, может рассчитывать на свои собственные ресурсы у себя дома»²³. Донцов же негативно относится, и к России, и к большевизму. В частности, в работе *Московский яд*²⁴ он изображает украинский традиционализм как необходимый инструмент защиты как от большевизма, так и от беломонархического российского движения Деникина и Врангеля. Донцов предполагает, что «России необходимо уничтожить Киев и Варшаву как самостоятельные политические центры»²⁵. Геополитически взгляды Донцова имели балто-черноморскую ориентацию, что, видимо, повлияло на постсоветских украинских националистов, таких, как, например, движение «Азов», и их идею создания «Междуморья» или «Интермариума».

Другой темой, охотно освещаемой и Донцовым, и его немецкими современниками был вопрос о сути демократии. Они давали этому феномену отнюдь не современное понимание и были далеки от его либеральной трактовки. Несмотря на частые обвинения в адрес и Донцова, и консервативных революционеров в антидемократизме, они не отбрасывали демократию как таковую, а трактовали ее по-своему. Например, Артур ван ден Брук пишет: «Возможно, мы сможем утверждать, что Германия – это демократия, только тогда, когда больше не останется демократов»²⁶. Тут очевидно несоответствие трактовки понятия «демократия» у националистов и демократов.

Донцов еще в 1921 году, описывая демократизацию как часть вестернизации украинской нации и как необходимое условие отрыва от России, писал: «Под демократией понимается здесь, как уже многократно было описано выше, экономическая и политическая самостоятельность единиц», упоминая при этом существующий, по его мнению, кризис репрезентативной системы (парламентаризма)²⁷. Эдгар Юнг же разъяснил: «Настоящая демократия, то есть доминирование только метафизически понятного *volonté générale* – вот наивысший государственный идеал... В этом понимании демократия – абсолютный консерватизм»²⁸. В целом, трактовки и Донцова, и Юнга, и ван дер Брука, и других националистических мыслителей того периода относительно демократии различались. Однако, можно выделить некоторые общие черты в их мыслях, в частности, их совмест-

²³ Никиш Э. О сущности большевизма и фашизма // Портал сетевой войны. <http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/nikisch>. Последнее посещение 28 июня 2016.

²⁴ Донцов Д. *Московська отрута*. Торонто, Монреаль, 1955.

²⁵ Он же. *Підстави нашої політики*. С. 99.

²⁶ Цит. по: Зонтгаймер К. *Як нацизм прийшов до влади*. К., 2009. С. 159.

²⁷ Донцов. *Підстави нашої політики*. С. 108.

²⁸ Цит. по: Зонтгаймер. *Як нацизм прийшов до влади*. С. 161.

ное явное неприятие парламентаризма и нелиберальная трактовка понятия «демократия». Хотя они нередко утвердительно употребляли термин «демократия», они скорее были антидемократами. Для них «демократия» имела совсем другой смысл, нежели для демократических сил.

В этой связи стоит указать на другое терминологическое совпадение. В своей работе *Церковь и национализм* Дмитрий Донцов описывает различия между «старым» национализмом, близким к либерализму и социализму, антиклерикальным, материалистическим и атеистическим, негативно относящимся к церкви, с одной стороны, и своим «новым» национализмом, который «пришел к осознанию, что не лишь хлебом единым живет нация...», с другой. Донцов пишет, что «величие родного края, мечта о реванше, о славе, о национальной чести, счастье будущих поколений, которое придет "после наших уже костей" – все эти для материалиста "абстрактные" идеи новый национализм поставил выше счастья "всех"...»²⁹. Собственно, этому антагонизму старого (просвещенческого) и нового (мистического) национализма и посвящена работа *Церковь и национализм*. При этом Донцов активно ссылается на классиков интегрального национализма Шарля Морраса и Мориса Барреса, очевидно причисляя их также к числу «новых» националистов. Как известно, термин «новый национализм» упоминается Армином Молером как синонимичный понятию «консервативная революция»³⁰, а термин «консервативная революция» упоминался уже Моррасом.

Касательно терминологических совпадений и упомянутого синонимичного ряда консервативной революции надо, однако, отметить разницу между украинской и европейской реальностями 1920-30 годов. Донцов пишет о «другой» революции как не пролетарской, анти-эгалитарной, в некотором роде даже анти-буржуазной. Термин «консервативная революция» он так и не упоминает. Труд Мольера *Консервативная революция в Германии 1918-1932 г.* с большой долей вероятности не был знаком Донцову. Вместо этого, Донцов много говорит о «традиционализме», что, однако, вовсе не роднит его с теми, кого в истории европейской философии принято называть «примордиальными» или «интегральными традиционалистами» – Рене Генона, Фритьофа Шуона и их последователей³¹. Их отождествление с явлением немецкой консервативной революции является очевидным преувеличением, принадлежащим перу Александра Дугина³². Идеи Донцова также имеют мало общего с идеями Генона и его последователей.

²⁹ Донцов Д. Церква і націоналізм. https://docs.google.com/viewer?url=http%3A%2F%2Fshron.chtyvo.org.ua%2FDontsov%2FTserkva_i_natsionalizm.rtf. Последнее посещение 30 июня 2016.

³⁰ Цит. по: Синонимический ряд консервативной революции по текстам Армина Молера // Элементы: евразийское обозрение. <http://elements.lenin.ru/8riad.htm>. Последнее посещение 30 июня 2016.

³¹ Стефанов Ю.Н. Рене Генон и философия традиционализма // Вопросы философии. 1991. № 4. С. 31-42; Sedgwick M. *Against the Modern World: Traditionalism and the Secret Intellectual History of the Twentieth Century*. N.Y., 2004.

³² Умланд А., Шеховцов А. *Philosophia Perennis* и «неоевразийство»: роль интегрального традиционализма в утопических построениях Александра Дугина // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 2. С. 169-186.

Донцов – апологет христианства в самых радикальных его проявлениях. Он не столько сконцентрирован на примордиальности и архаике, сколько на Старых временах, к примеру, на Средневековье. Последнее у Генона считается уже эрой упадка, так как, по учению интегрального традиционализма, последние инициатические культы уже прекратили свое существование в Европе к тем временам³³. Донцов, видимо, также не был знаком с идейными предтечами Генона и Эволы – ни с Джамбатисто Вико, ни с мартинистскими и масонскими кругами, ни с Бахофеном. Как уже отмечено выше, всего лишь Ницше был примерно одинаково положительно воспринят в творчестве и Донцова, и Эволы, как и у классиков немецкой консервативной революции.

Так или иначе, политические и философские идеи Донцова необходимо рассматривать в общеевропейском контексте – независимо от того, видим ли мы в них украинскую рецепцию консервативной революции, украинскую версию интегрального национализма или же явление принципиально другого типа. К этому обобщенно можно свести позиции и тех, кто считает консервативную революцию целостным и самостоятельным феноменом, и тех, кто отказывает ему в таком существовании. Идеи Донцова хотя и оказали большое влияние на украинское общество, но так и не стали стройной идеологической системой.

Однако от этого недостатка их значение не становится меньшим. Для многих именно «внесистемность» Донцова, революционность и дерзость, с которой он описывал современное ему общество, являются привлекательными. По большей мере, вопрос, входит ли Донцов в контекст консервативной революции, является не столь важным, как то, входит ли он в общеевропейскую тенденцию, которую одновременно представляли и Эрнст Юнгер, и Шарль Моррас, и Антонио Примоде Ривера, и многие другие, и которая иногда ассоциируется с такими понятиями, как «новый национализм», «интегральный национализм» или же «фашизм»³⁴. К консенсусу касательно вопроса, считать ли Донцова консервативным

³³ Sedgwick. *Against the Modern World...* Далее см.: Pallis M. *A Fateful Meeting of Minds: A.K. Coomaraswamy and R. Guenon // The Essential Ananda K. Coomaraswamy / Ed. R. Coomaraswamy. Bloomington, 2004. P. 7-20; Quinn W.W. The Only Tradition. Albany, 1997; Oldmeadow H. Traditionalism: Religion in the Light of the Perennial Philosophy. Colombo, 2000; Chacornac P. The Simple Life of René Guénon. N.Y., 2001.*

³⁴ *Fascism: A Reader's Guide / Ed. W. Laqueur. Berkeley, 1976; Payne S. Fascism: Comparison and Definition. Madison, 1983; Griffin R. The Nature of Fascism. 2nd edn. L., 1993; Fascism / Ed. R. Griffin. Oxford, 1995; Laqueur W. Fascism: Past, Present, Future. Oxford, 1997; International Fascism: Theories, Causes and the New Consensus / Ed. R. Griffin. L., 1998; Fascism Outside Europe: The European Impulse against Domestic Conditions in the Diffusion of Global Fascism / Ed. S. Larsen. N.Y., 2001; Eatwell R. Fascism: A History. L., 2003; The Fascism Reader / Ed. A. Kallis. Abingdon, 2003; Critical Concepts in Political Science: Fascism. 5 vols / Ed. R. Griffin, M. Feldman. L., N.Y., 2004; World Fascism: A Historical Encyclopedia. 2 vols / Ed. C. Blamires. Santa Barbara, 2006; Fascism Past and Present, West and East: An International Debate on Concepts and Cases in the Comparative Study of the Extreme Right / Ed. R. Griffin, W. Loh, A. Umland. Stuttgart, 2006; Bauerkämper A. Der Faschismus in Europa 1918-1945. Stuttgart, 2006; Gregor A. The Search for Neofascism: The Use and Abuse of Social Science. Cambridge, 2006; Griffin R. Modernism and Fascism: The Sense of Beginning under Mussolini and Hitler. L., Basingstoke, 2007; The Oxford Handbook of Fascism / Ed. R.*

революционером, если такое вообще возможно и желательно, вероятно только можно прийти в результате долгих дебатов по поводу истинной природы и границ самого явления консервативной революции.

Bosworth. Oxford, 2009; Wippermann W. *Faschismus: Eine Weltgeschichte vom 19. Jahrhundert bis heute*. Darmstadt, 2009. На русском языке в хронологическом порядке: Галкин А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. 1995. № 2. С. 6-15; Умланд А. Старый вопрос, поставленный заново: что такое «фашизм»? (Теория фашизма Роджера Гриффина) // Политические исследования. 1996. № 1. С. 175-176; Рахшмир П. Фашизм: вчера, сегодня, завтра // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 10. С. 153-157; Вишперман В. Европейский фашизм в сравнении 1922-1982. Новосибирск, 2000; Нольте Э. Фашизм в его эпохе. Новосибирск, 2001; Умланд А. Современные понятия фашизма в России и на Западе // Неприкосновенный запас. 2003. № 5. С. 116-122; Гриффин Р. Революция Правых: Фашизм. 2004. <http://www.fti.dn.ua/~metlov/griffin.html>; он же. Палингенетическое политическое сообщество: переосмысление легитимации тоталитарных режимов в межвоенной Европе // Вопросы философии. 2006. № 12. С. 51-63; Алленов С. Фашизм – многоликий и ...безликий? // Политические исследования. 2007. № 2. С. 180-185; Умланд А. Фашизм и неофашизм в сравнении: западные публикации 2004-2006 гг. // Агентство политических новостей. 10 апреля 2008. <http://www.apn.ru/publications/article19710.htm>; Гриффин Р. Введение к книге *Модернизм и фашизм*. 2009. http://www.shekhovtsov.org/translations/Griffin-Modernism_and_Fascism-Aufbruch.html; он же. Сегодняшнее состояние и будущие направления сравнительных исследований исторического фашизма и неофашизма // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2011. № 2. С. 257-277; он же. Фашизм до и после Второй Мировой войны: историческая роль, идеологические установки, политическое значение // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2014. № 1. С. 341-354; Umland A. Challenges and Promises of Comparative Research into Post-Soviet Fascism: Methodological and Conceptual Issues in the Study of the Contemporary East European Extreme Right // *Communist and Post-Communist Studies*. 2015. Vol. 48. №№ 2-3. P. 169-181.

II. Русские европейцы (6)

Михаил Блюменкранц

Любовь к истине как род душевного недуга: Пётр Чаадаев в современном контексте

Свою статью я хотел бы начать с известного высказывания П.Я. Чаадаева, которое и сегодня звучит удивительно актуально: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть нечто, еще более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, воспитывает национальную ненависть, и подчас одевает землю в траур, любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к Божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо»¹.

В те времена, когда Чаадаев писал эти строки, понятие истины еще имело абсолютный, сакральный смысл. Для самого философа оно не просто обладало божественной санкцией, но и являло самую суть Божества: «Аз есмь истина». И хотя в течение жизни у Чаадаева менялись взгляды на историческое будущее России от полнейшего пессимизма до робкой надежды и вновь неверия, его отношение к истине как незыблемой основе человеческого существования оставалось неизменным.

Сегодня подобное отношение к истине у подавляющего большинства не только философов, но и у многих из числа образованной публики, способно вызвать лишь досадное недоумение. Для современного просвещенного человека истина – это устраивающий его вариант реальности. После смерти Бога, диагностированной Фридрихом Ницше, вместе с Богом почил и истина. Успешная прозекторская работа над ее бренными останками, проделанная Жан-Полем Сартром, установила, что «сколько людей, столько и истин». А после торжественного отпевания усопшей, организованного службой ритуальных услуг философско-деконструктивистов, любое упоминание об истине как об универсальной категории в кругах, близких к научным, представляется столь же неприличным, как акт некрофилии.

¹ Чаадаев П. Полное собр. соч. и избранные письма. В 2-х тт. Т. 1. М., 1991. С. 253.

Так что прослывший безнадежным пессимистом Чаадаев в своем отношении к истине оказался неоправданным оптимистом. Европейская цивилизация пошла вовсе не по тому пути, который он ей предрекал. Как религиозный мыслитель, Чаадаев верил, что все западные народы в дальнейшем объединятся под знаменем христианской веры в единую европейскую семью. Народы действительно объединились, но на иной основе – на основе общности политико-экономических интересов. Такой ход событий оказался в явном противоречии с ожиданиями Чаадаева, исходившего из убеждения, что в истории европейских народов главную роль играют не интересы, а идеи. Т.е. идеи, которые, по словам Хосе Ортеги-и-Гассета, «конституируют цели нашей жизни», «не идеи, которые мы имеем, а идеи, которые есть мы»².

В первом из своих *Философических писем* Чаадаев так излагает свой взгляд на характер исторического развития европейской цивилизации: «Вся история нового общества происходит на почве убеждений. Значит, это настоящее воспитание. Утвержденное на этой основе, новое общество двигалось вперед лишь под влиянием мысли. Интересы в нем всегда следовали за идеями и никогда им не предшествовали. В этом обществе постоянно из убеждений создавались интересы, никогда интересы не вызывали убеждений. Все политические революции были там по сути революциями нравственными. Искали истину, а нашли свободу и благоденствие. Только так объясняется исключительное явление нового общества и его цивилизации; иначе в нем ничего нельзя было бы понять»³.

Естественно, что под идеями и убеждениями, лежащими в основе европейского развития, Чаадаев имел в виду идеи и убеждения, обусловленные христианскими ценностями. «Окиньте взглядом всю картину развития нового общества, – писал он – и вы увидите, что христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяя везде материальную потребность потребностью нравственной...»⁴.

Почти через сто лет другой русский философ, Федор Степун, несколько иначе оценивал современное ему европейское общество: «Всматриваясь в качестве беспристрастного наблюдателя в жизнь западноевропейской демократии, – отмечал он – нельзя, думается, не видеть, что безыдейность политической и общественной жизни заходит слишком далеко, то есть превращается в идею отрицания всякой идеи, в идею замены идей интересами, в идеологию интересодержавия»⁵.

Современный европеец охотнее согласится, вероятно, с мнением Ф. Степуна, нежели П. Чаадаева. Неоправдавшиеся надежды на превалирование идей над интересами в дальнейшем историческом развитии Европы естественно вытекали из невозможности для философа вырваться за рамки культурной парадигмы своего

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды: идеи и верования. М., 1997. С. 405.

³ Чаадаев. Полное собр. соч. и избранные письма. Т. 1. С. 334-335.

⁴ Там же. С. 338.

⁵ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 357.

времени. Ему не могло прийти в голову, что христианской культуре, которую он считал последним, самым сокровенным словом Творца, вскоре предстоит испытать крушение. Неприятие Чаадаевым окружавшей его российской действительности основывалось на незыблемой вере в существование высших, абсолютных ценностей – Добра, Истины, Свободы, – в соответствие с которыми эта окружающая действительность им и оценивалась. Вместе с утратой современной цивилизацией веры в существование Абсолюта была утрачена и вера в абсолютный характер всех непреходящих ценностей. Сегодня принято считать эти ценности относительными, т.е. напрямую зависимыми от социально-экономических факторов непрерывно меняющихся условий нашего исторического существования. «Что есть истина?», – со снисходительной улыбкой над вашей наивностью переспросит интеллигентный собеседник, возможно даже не осознавая библейской подоплеку своего вопрошания. Что ж, если мы уверены в относительности всех получаемых ответов, у нас, по крайней мере, появляется шанс поверить хотя бы в вечность постоянно возникающих «вечных» вопросов.

Проблема истины была для Чаадаева органично связана с вопросом о смысле исторического развития. Этот смысл он видел в неуклонном движении к истине, истине, открытой христианским вероучением. Во имя достижения этой цели и осуществления связанных с ней «нравственных потребностей» он оправдывает исторические события, которые вряд ли могут сегодня найти оправдание у людей не только атеистически, но и религиозно настроенных. «Пускай поверхностная философия» – отмечает Чаадаев – «сколько угодно шумит по поводу религиозных войн, костров, зажженных нетерпимостью; что касается нас, мы можем только завидовать судьбе народов, которые в этом столкновении убеждений, в этих кровавых схватках в защиту истины создали себе мир понятий, которого мы не можем себе даже представить, а не то чтобы перенестись туда телом и душой, как мы на это притязаем»⁶.

Такое утверждение более чем спорно звучит для нашего современника, у которого еще свежа память о многомиллионных жертвоприношениях во славу идей национал-социализма или во имя торжества коммунистических идеалов. На этом фоне «идеология интересодержавия» в силу своей, казалось бы, меньшей кровавостности выглядит куда привлекательнейшей идеей, способных выйти на улицу и овладеть массами.

В оправдание Чаадаеву стоит вспомнить, что хотя сам автор этих строк и представлял собой незаурядную индивидуальность, но по своему мировоззрению являлся убежденным анти-индивидуалистом. «Человек, предоставленный самому себе,» – считал мыслитель – «...шел всегда ко все большему и большему падению»⁷, и «пределной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира»⁸. Впрочем, Абсолютный Разум

⁶ Чаадаев. Полное собр. соч. и избранные письма. Т. 1. С. 339.

⁷ Там же. С. 400.

⁸ Там же. С. 363.

у современника Чаадаева, Гегеля, тоже не заикливался на таких мелочах, как крестовые походы и костры инквизиции. Чаадаев жил в своем времени и на своей улице. В масштабе метаистории такие события рассматривались как неизбежная плата за неуклонное шествие Мирового Духа в истории.

Возвращаясь к затронутой нами теме о роли идей и значении интересов в контексте европейской истории, хочу отметить, что ни те, ни другие сами по себе не являются единственными и суверенными источниками добра или зла. Конечно, существуют как человеконенавистнические идеи, так и возвышенные интересы, существует и противоположное – низменные интересы и благородные идеи. Однако, в этическом смысле, как таковые, идеи и интересы – сами по себе чаще всего этически нейтральны. Свое нравственное содержание и соответствующие ему эпитеты и те, и другие получают, лишь овладевая сознанием человека. Прощедшие сквозь оптику нашего сознательного и, что еще важнее, бессознательного Я, они получают свое нравственно-этическое содержание, оборачиваясь добром или злом. Но и это не гарантирует идеям и интересам сохранения высокого морального статуса. Как свидетельствует исторический опыт, в процессе своей реализации самые благородные идеи нередко начинали дышать кровью и оставляли за собой горы трупов.

Что же имели в виду П. Чаадаев и Ф. Степун, кардинально противопоставляя позитив идей негативу интересов в ходе развития западной цивилизации? «Пока свободой горим...», – призывал А.С. Пушкин П. Чаадаева, для которого тема свободы была одной из важных и мучительных тем его философских размышлений. К вопросу свободы постоянно обращался и Ф. Степун. Для него, как и для Чаадаева, понятия свободы и истины были связаны неразрывно. «Идея свободы (идея в платоновском, метафизическом смысле слова) – убежден Степун – в отрыве от истины непознаваема. Свобода в смысле идеи, т.е. в смысле высшей духовной реальности, есть путь истины в мир и путь мира к истине»⁹. «И познаете истину, и истина сделает вас свободными». В понимании Степуна, как и в понимании Чаадаева, идея свободы есть выражение высшей духовной реальности. Именно идеи определяют смысл и содержание исторического процесса. Они соединяют духовную сущность мира с духовной сущностью человека в органическое единство. И в том, чтобы обрести это единство, и видел свою жизненную задачу «басманный отшельник». И здесь возникает закономерный вопрос: если вечные идеи представляют собой высшую духовную сущность не только человека, но и всего мироздания, то как тогда оценивать трагический опыт тоталитарных идеологий XX века? Так же позитивно, как Чаадаев воспринимал дикие вспышки религиозной нетерпимости в средневековой Европе?

Тут нам следует сделать важное уточнение и вспомнить о принципиальном различии между идеей и идеологией, которое проводил Степун. С точки зрения Степуна это по существу несовпадающие понятия. «Под идеологией – пишет он

⁹ Степун. Сочинения. С. 356.

– я понимаю всякую теорию, всяческое построение теоретического сознания и только. Нечто совсем другое представляет собой *идея*. В отличие от идеологии, она есть не построение теоретического сознания, а структура нашего бессознательного переживания. Не вся его случайная индивидуальная полнота, а всего только его сущностная первооснова. Целый ряд весьма различных людей могут каждый по-своему переживать одну и ту же идею. Захватывая самые разнообразные психологические территории, и даже как бы применяясь к их различиям, идея всегда остается одной и той же, всегда верной себе. Тайна ее жизни в том, что она универсальна и конкретна одновременно. С каждым говорит она на его языке, но всегда говорит о своем»¹⁰.

Таким образом, в понимании Степуна, идея фокусирует в себе как трансцендентальный субъект Канта¹¹, так и природу платоновских эйдосов. Идеи укоренены в трансцендентной реальности, в которой истина и свобода предстают в своем неразрывном единстве, и которая открывается лишь целостному переживанию. Идеологии же возникают уже в отрыве от этой трансцендентной реальности и, в отличие от идей, не являются органической формой связи с истиной. Как полагает философ, они «развязывают в нем (человеческом существовании – прим. М.Б.) безответственные субъективные мнения, чаще всего теоретически замаскированные волевые импульсы, прежде всего, политические»¹². Тем не менее, между идеями и идеологиями существует несомненная взаимосвязь, о характере которой Степун несколько в шпенглеровском духе заметил, что «расцвет позавчерашних идеологий есть верный признак начавшейся агонии вчерашних идей»¹³. В представлении Степуна идеи, в отличие от идеологий, – необходимый, сущностный элемент духовной жизни человечества, и их отсутствие или же замена идей идеологиями, как и интересами, грозит духовной деградацией.

Продолжая разговор о взаимосвязи идей и идеологий, рискнул бы, в отличие от точки зрения, высказанной Степуном, предположить, что взаимосвязь между идеями и идеологиями несколько сложнее. Как показала история XX века, идеологии не просто продукт теоретического сознания. Они так же, как и идеи, в определенный момент становятся «структурой нашего бессознательного переживания». И в этом состоит основная опасность их воздействия.

Главное же различие между идеями и идеологиями, точно подмеченное философом, состоит в том, что идеологии, в отличие от идей, возникают в отрыве от трансцендентной реальности и не являются органической формой связи с истиной. Однако победа тоталитарных идеологий во многом обеспечивается успешной симуляцией такой органической связи. Подобные идеологии искусно маскируют относительность своих целей и ценностей, представляя их абсолютными, сакрализуя историческое пространство и время фальшивым отсветом Вечности.

¹⁰ Степун. Сочинения. С. 386.

¹¹ Имеется в виду наше Я как вещь в себе.

¹² Степун. Сочинения. С. 654.

¹³ Там же. С. 338.

В результате ими эффективно эксплуатируются те же пласты и архетипы нашего подсознания, которые и связывают сознание с трансцендентной реальностью. Происходит подмена, и вместо подлинной связи мы получаем ее симулякр.

Когда Карл Мангейм в своем исследовании *Идеология и утопия* предпринял попытку выяснить роль идей в историческом становлении Европы, то, в отличие от Чаадаева, не придавал им решающего значения: «Не идеи – считал К. Мангейм – заставляли людей в период крестьянских войн совершать действия, направленные на уничтожение существующего порядка. Корни этих взрывающих существующий порядок действий находились в значительно более глубоких жизненных пластах и в глухих сферах душевных переживаний»¹⁴.

Мне представляется, что Мангейм недооценивал всей мощи религиозных идей и их способности воздействовать на человеческое сознание. Но здесь действительно речь шла не столько об идеях религиозных, сколько о религиозных идеях, уже трансформировавшихся в идеологии. Недаром Серен Кьеркегор замечал: «Протестантизм будет выдавать себя за религиозное движение, но окажется движением политическим...». Оправдывая Крестовые походы и костры инквизиции, Чаадаев также в своих воззрениях не усматривает различия между религиозными идеями и религиозными идеологиями.

Идеи, конечно же, вещь небезопасная, как, впрочем, и все технические достижения нашей цивилизации. Но если на этом основании мы решим, что без идей мы способны прожить спокойнее, то последствия окажутся для нас более губительными, чем даже отказ от всех технических завоеваний современного общества. После глобальной дискредитации идей идеологиями современная Европа действительно отдает предпочтение интересам. Но, как показывает опыт настоящего, интересы также не являются панацеей от бесконечно возникающих кровопролитных конфликтов.

И *Прекрасный новый мир* Олдоса Хаксли, где в инкубаторах достигается полное соответствие интересов будущих альфа-, бета- и гамма-граждан с интересами государства, и всемогущее министерство Любви в жестко идеологизированном мире Джорджа Оруэлла, по сути, выполняют одну и ту же работу – работу по унификации индивида и эффективному распылению человеческой личности. В двух известных антиутопиях убедительно продемонстрирован опыт человеческой селекции двух очень разных, но в то же время и удивительно похожих социальных систем: одной, – основанной на принципах «интересодержавия», и другой, – руководствующейся тоталитарной идеологией. Их существование обеспечивается одной высокой ценой, которую они исправно платят. Эту цену в одной из своих статей 1931 года обозначил Ф. Степун: «Всюду царит почти неосознаваемая метафизическая инфляция»¹⁵.

¹⁴ Мангейм К. *Идеология и утопия*. М., 1976. С. 80.

¹⁵ Степун. *Сочинения*. С. 430.

Что ж, даже в *Апологии сумасшедшего* Чаадаеву не хватило безумия предположить, что и такая прекрасная вещь, как любовь к Истине, в ходе метафизической инфляции будет неизбежно обречена на дефолт.

III. Страницы новейшей истории

Леонид Люкс

«Один человек – против всей страны»: к 80-летию сталинского Большого террора*

Расправа Сталина с большевистской элитой внешне напоминает события, происходившие во Франции во времена якобинского террора. Однако во Франции через два года после начала террора, 9-го термидора 1794 г., якобинской правящей прослойке удалось положить конец террористическому правлению Робеспьера. В СССР же «термидор» – расплата с тираном – наступил значительно позже, на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, через три года после смерти тирана.

Экспроприация «мелких сельских собственников»

Об Иосифе Сталине можно сказать, что он не только продолжил, но и углубил русскую революцию. Лев Троцкий назвал его «термидорианцем»¹. В этом отношении он неверно обозначил характер сталинской системы. При сталинизме – в противоположность «Термидору» – речь ни в коем случае не шла о попытках завершения доктринально-террористической фазы революции. Напротив, Сталин как раз довел эту линию развития русской революции до ее апогея.

Советолог Исаак Дейчер, разделяющий по существу взгляды Троцкого на «термидорианский» характер сталинского режима, выдвигает, однако, тезис, более точно определяющий суть сталинской эпохи. Сталинский переворот был, по его мнению, еще более глубоким, чем октябрьский переворот 1917 года. Именно Сталин создал в Советском Союзе ситуацию, из которой возвращение к предреволюционным условиям стало невозможным². И действительно, Сталинской ре-

* Расширенная версия статьи, опубликованной 8-го февраля 2017 г. на немецком языке в интернет-журнале *Die Kolumnisten*. См. также: Luks L. Die «Logik» des Stalinismus // *Russland: Kontinuität, Konflikt und Wandel* / Ed. R.C. Meier-Walser Reinhard, B. Rill. München, 2002. P. 156-165.

¹ См.: Trotzki L. *Schriften 1: Sowjetgesellschaft und stalinistische Diktatur*. Vol. 1.1 (1929-1936) / Ed. V.H. Dahmer, R. Segall, R. Torsstorff. Frankfurt/M., 1988. P. 47-49, 581-583.

² Deutscher I. *Russia after Stalin. With a Postscript on the Beria Affair*. L., 1953. P. 97-98.

волюции сверху, начавшейся в 1929 году, удалось в самом широком масштабе подогнать российскую действительность под большевистскую доктрину. Теперь было достигнуто то, чего без успеха добивался Ленин в первые годы после большевистского захвата власти (прежде всего в период «военного коммунизма» 1918-1921 гг.). Только Сталину удалось осуществить основной постулат марксизма – ликвидацию частной собственности³. В июле 1932 г., к моменту, когда экспроприация собственности у более чем 100 миллионов крестьян была почти достигнута, Сталин писал своим соратникам, Молотову и Кагановичу: «Капитализм не мог бы разбить феодализм, он не развивался бы и не окреп, если бы не объявил принцип *частной* собственности основой капиталистического общества ... Социализм не может добить и похоронить капиталистические элементы ..., если он не объявит *общественную* собственность... священной и неприкосновенной»⁴.

Нерешенный аграрный вопрос был из поколения в поколение одной из самых взрывоопасных проблем России. Лишь сталинскому руководству удалось смирить крестьянство, сломать его – и именно тем, что оно устранило крестьянство как таковое посредством его почти полной экспроприации. Частная собственность и свободный рынок – главные объекты ненависти ортодоксальных марксистов – были теперь вследствие сталинской революции сверху повсеместно отменены. Теперь режим мог непосредственно контролировать и управлять общим хозяйственным потенциалом страны, всеми ее материальными и человеческими ресурсами. Это было важнейшим результатом коллективизации сельского хозяйства, а не повышение урожаев, что ожидалось прежде всего. Только теперь поборники централизованного планового хозяйства в стране могли приступить к действиям. Теперь был положен конец предельно сложному сосуществованию государственного и частного секторов хозяйства, что было причиной чрезвычайно многих напряженностей и конфликтов. Свободная игра экономических сил, которая была в глазах правоверных марксистов воплощением хаоса, была заменена государственным регулированием.

Порабощение правящей партии

Однако сталинской революции сверху удалось не только положить конец хозяйственной, но также и политической спонтанности, и именно посредством дисциплинирования партии, которая со времени большевистской революции представляла собой единственный политический субъект в стране. О дисциплинировании партии мечтал еще Ленин. В своей программной работе *Что делать?* (1902 г.) он

³ См.: Marx K., Engels F. Werke. Vols. 1-39. Berlin, 1959... Vol. 4. P. 475.

⁴ Сталин и Каганович: переписка 1931-1936 гг. М., 2001. С. 240-241.

представил проект концепции строго дисциплинированной организации профессиональных революционеров, «партии нового типа». Эта партия должна была в первую очередь действовать, а не вечно дискутировать по различным основоположениям. В 1904 году Ленин пояснял, что социал-демократическая партия не есть семинар, на котором дебатировались разные новые идеи. Это боевая организация с определенной программой и четкой иерархией идей. Вступление в эту организацию влечет за собой безусловное признание этих идей⁵.

Этот постулат Ленин никогда не мог осуществить. Большевики оставались дискутирующей партией. Провозглашенный на 10 партийном съезде большевиков в 1921 году запрет фракций помог мало. Также и после 1921 года на протяжении ряда лет партию сотрясали внутренние полемические раздоры еще более значительного масштаба, нежели до прокламирования фракционного запрета.

Лишь сталинская революция сверху изменила характер партии. Тип большевика меняется, писал в 1932 г. эмигрантский историк Георгий Федотов. Безусловное проведение «генеральной линии» стало для партийного руководства теперь гораздо важнее добровольного признания большевистских идей. Партийная дисциплина ценится выше, чем революционный идеализм⁶.

ВКП(б) перестала быть конгломератом различных течений и фракций. Теперь уже не были возможны открытые дискуссии и открытая критика генеральной линии руководства, которые прежде – вопреки всем запретам и дисциплинирующим мероприятиям – не были изгнаны из партии. За этим ослаблением, или скорее, самоослаблением партии последовало – в 1936-1938 гг., во время так называемого Большого террора – ее обезглавливание. В середине 30-х гг., после успешно завершённой коллективизации сельского хозяйства, большевистская партия вела себя как всемогущий демиург, которому по силам в кратчайшие сроки сотворить новый мир и нового человека. Но в унифицированном обществе создающая себя подобным образом партия представляла инородное тело. Несколько годами позднее это инородное тело было интегрировано в общий социальный организм. Мнимый демиург был низведен до положения послушного инструмента в руках вождя.

Сталинский фикционализм

Подобные процессы происходили также и в области культуры. Искусство, также как гуманитарные и социальные науки, и даже некоторые естественнонаучные школы служили с самого начала сталинской революции сверху в первую очередь одной цели – прославлению Сталина и созданной им системы. Парадоксально,

⁵ Валентинов (Вольский) Н. Встречи с Лениным. N.Y., 1972. С. 252-254.

⁶ Федотов Г. Правда побежденных // Современные записки. 1932. № 51. С. 381-382.

что литературные и художественные школы, которые стилизовали тогдашнее господство страха и террора под земной рай, именовались не «сталинским фикционализмом», а «социалистическим реализмом». Это направление в литературе, предписанное на первом съезде советских писателей в 1934 г. и нашедшее свое отражение в изобразительном искусстве, также как и в других областях искусства, представляло собой эквивалент генеральной линии партии. Отклонения от нее строго карались, нередко они стоили жизни. Художественная и литературная дискуссия, которая в известной мере соответствовала внутривнутрипартийным дискуссиям 20-х гг., была задушена партийным руководством. Художественный и литературный авангард, который господствовал на культурной сцене в 20-е гг., должен был уступить место так называемому реализму. Авангард с его жаждой эксперимента и лихорадочными поисками новых форм выражения не мог прийти к соглашению с правящими структурами тоталитарного государства. Типичное для сталинизма стремление к огосударствлению общества, экономики и партии распространилось и на культуру. Так сталинский режим смог достичь того, к чему прежде безуспешно стремилось и царское самодержавие, и позже ленинское руководство – принудить к конформизму подавляющее большинство образованных людей и кроме того привлечь их к созданию фиктивного мира, в котором реальное положение вещей было буквально поставлено на голову.

Фикционалистские элементы содержались и в период ленинской фазы развития большевизма. Пример подобной фикции представляет собой советская конституция – июль 1918 г. – в которой Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов, безвольный инструмент в руках большевистской партии, характеризовался как «высший законодательный, исполнительный и контролирующий орган» государства⁷. Но поскольку партия до конца 20-х гг. сохраняла свой дискутирующий характер, было невозможно достичь единодушия при переименовании «черного» в «белое» и наоборот. Только при Сталине провозглашенная сверху фикция была безоговорочно заявлена действительностью и объявлен преступным так называемый «буржуазный объективизм», называющий действительность своим именем. Ленинский утопизм, который мечтал о «светлом будущем», был теперь замещен фикцией уже построенного рая на земле.

Правда, к сущности сталинизма принадлежал не только безграничный оптимизм, но столь же безграничный пессимизм, страх потерять достигнутое. Так как победа социализма во всемирном масштабе еще не была достигнута, так как «рай трудящихся» был окружен мрачными капиталистическими силами, которые стремились к его уничтожению, советские граждане должны были непрерывно готовиться к последнему бою с классовым врагом.

Но и в самом рае трудящихся еще оставались классовые враги, которые после своего поражения не полностью с этим смирились. Поэтому большевиков, пола-

⁷ См.: Die Sowjetunion von der Oktoberrevolution bis zu Stalins Tod. Vol. 1: Staat und Partei / Ed. H. Altrichter. München, 1986. P. 149.

гающих, что классовая борьба должна стихать ввиду успешно закончившегося социалистического наступления, Сталин охарактеризовал как «перерожденцев, ... двурушников, которых надо гнать вон из партии». «Уничтожение классов достигается не путем потухания классовой борьбы, а путем ее усиления», – заявил Сталин в январе 1933 года, само по себе абсурдное, но типичное для «сталинской логики» положение⁸. Годом позднее, на 17 партийном съезде большевиков, Сталин обвинил некоторых коммунистов в «ошибочном самосознании», в пережитках оппозиционного, «антиленинского» мышления.

Как пример путаницы в головах иных коммунистов Сталин назвал тезис о спонтанном вращении Советского Союза в бесклассовое общество: «Они приходят в телячий восторг в ожидании того, что скоро не будет никаких классов – значит не будет классовой борьбы, значит не будет забот и тревог, значит можно сложить оружие и пойти на боковую, спать в ожидании пришествия бесклассового общества»⁹. Сначала было не совсем ясно, какими средствами Сталин хотел побороть «ошибочное сознание» многих коммунистов. Только в 1936 году этот вопрос постепенно прояснился – преодоление «ошибочного сознания» было достигнуто по сути устранением очень многих его носителей.

Большой террор и показательные процессы

Ко времени большого террора сталинский режим достиг вершины своей иррациональности. Властвующая клика вела тогда тщательно спланированную и последовательно осуществляемую войну на уничтожение, направленную против советской руководящей элиты – в своей основе важнейшую, если не единственную опору системы. Какую внутреннюю логику имели эти действия? Многие наблюдатели полагают, что Сталин хотел с помощью большого террора избавиться от своих внутрипартийных противников, которые ставили под вопрос его авторитет, то есть непогрешимость. В этой связи они указывают на московские показательные процессы 1936-1938 гг., которые были направлены в первую очередь против выдающихся представителей старой большевистской гвардии и прежних критиков Сталина. Но в действительности сведение счетов с бывшими левыми и правыми критиками Сталина представляло собой второстепенный аспект большого террора. Потому что сталинская команда планировала тогда операцию совершенно иного, в своей основе беспрецедентного масштаба, где она рисковала всем. Сущностью второй, начавшейся в 1936 году сталинской революции сверху являлось не устранение партийных оппозиционеров, которые к концу 20-х годов

⁸ Сталин И.В. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП (б), 7-12 января 1933 // он же. Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 210-211.

⁹ Он же. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) // он же. Сочинения. Т. 13. С. 350-351.

были уже политически бессильны, а обезглавливание властвующей элиты. Рядовые члены партии и «беспартийные большевики» – простые советские люди – были призваны критиковать и доносить на высокомерных партийных функционеров. Подобные «бесстрашные маленькие люди» – доносчики – теперь почитались как герои. Как заявил Сталин на Пленуме ЦК в феврале-марте 1937 года, не должно быть более никаких недосыгаемых авторитетов: «Мы, руководители не должны зазнаваться, но должны думать, что если мы являемся членами ЦК или наркомов, то это еще не значит, что мы обладаем всеми необходимыми знаниями, для того, чтобы правильно руководить. Чин сам по себе не дает знаний и опыта. Звание – тем более»¹⁰.

Этот псевдо-демократический девиз был в действительности боевым кличем. Он должен был привести к кровавому походу Сталина не только против своих противников, но также и против его соратников, убежденных сталинистов, которые занимали ключевые позиции в партийном, государственном, хозяйственном и военном аппарате. К сущности сталинской системы относилось то, что ее творец не доверял не только контролируемым – подчиненному ему обществу – но и контролирующим – всемогущему партийному и государственному аппарату. Именно отсюда и его беспощадный террор против коммунистической элиты. Кажется, Сталин считал свой режим лишь тогда стабильным и прочным, когда никто в сфере его власти, включая его ближайших соратников, не чувствовал себя уверенным.

Обезглавливание руководящей сталинской элиты проходило по другому сценарию, нежели расчеты Сталина с прежними партийными оппозиционерами, более тайно, не на глазах мировой общественности. Какой же смысл имели тогда показательные процессы 1936-1938 годов? Должны ли они были просто отвлекать внимание мирового общественного мнения и переводить его на второстепенные события большого террора? Вряд ли. Показательные процессы с их абсурдными обвинениями и не менее абсурдными признаниями обвиняемых все же выполняли в фантазмагорическом на первый взгляд сталинском мире некую определенную функцию. А именно, они должны были доказывать, что ближайшее окружение Ленина состояло почти без исключения из изменников и заговорщиков, покушавшихся на его жизнь, которым противостоял светлый образ – Сталин, разоблачавший и соответственно каравший всех этих врагов, которые скрывались под маской друзей.

Итак, к главной установке сталинского мира принадлежало то, что нельзя было доверять никакой видимости. Всякий гражданин, также как и виднейший функционер в партийном, государственном или военном аппарате мог в действительности быть врагом. Бдительность составляла, таким образом, главнейшую добродетель советского гражданина. Но горе тому, кто доносил на функционера, который на взгляд руководства еще не стоял на очереди, еще не был включен в

¹⁰ Он же. Сочинения. Т. 14. М., 1967.

категорию врагов. Так же плохо, если не хуже было не донести вовремя на функционера, который должен был – по непостижимым для подавляющего большинства советских граждан причинам – принять на себя роль врага. В этой связи понятие «роль» имеет исключительное значение. Московские показательные процессы были просто разыгрываемыми представлениями, они осуществлялись по тщательно разработанным сценариям, которые корректировались лично Сталиным. Спонтанность какого-либо рода была из них исключена. В действительности эти спектакли служили лишь одной цели – прославлению Сталина. Не только обвинители, но и обвиняемые должны были в этом участвовать. Один из ближайших соратников Ленина, Каменев, сказал в своем последнем слове на процессе в августе 1936 года, что вне зависимости от того, каково будет решение его участи, он заранее рассматривает его как верное. Надо шагать вперед, а не смотреть назад, и вместе с советским народом следовать за Сталиным!¹¹ А Николай Бухарин добавил в марте 1938 года: «Мы выступили против радости новой жизни с самыми преступными методами борьбы ... Мои контрреволюционные сообщники и я во главе их пытались убить дело Ленина, продолжаемое Сталиным с гигантским успехом»¹².

Московские показательные процессы давали знать мировой общественности: даже наихудшие противники советского государства должны были в конце концов признать, что в отношении Сталина речь идет о гениальнейшем после Ленина государственном вожде всех времен. Таким образом основатели советского государства, лишившиеся власти уже к концу 20-х годов, сослужили перед своей смертью последнюю службу сталинской тирании и внесли свой вклад в ее укрепление.

Динамика террора

Большой террор затронул не только правящую элиту. Еще сильнее он коснулся широких слоев населения, что было в недостаточной мере оценено мировой общественностью, пристально следившей за показательными процессами в Москве. В начале 60-х годов специально созданная по поручению руководства КПСС комиссия расследовала сталинские преступления, совершенные в 1934-1938 годах. Ее отчет, подготовленный в 1963 году, был опубликован только несколько лет после распада Советского Союза. В 1937-1938 годах, говорилось в этом отчете, 1 372 392 человек были арестованы, 682 692 из них были казнены.

¹¹ См.: Conquest R. Am Anfang starb Genosse Kirow: Säuberungen unter Stalin. Düsseldorf, 1970. P. 145.

¹² См.: http://www.trad.nsk.ru/history/Russia/USSR/1936-1941/buh-tro/vec_12-3-38.html. См. также: Der Sowjetkommunismus: Dokumente. Vol. 1 / Ed. H.-J. Lieber, K.-H. Ruffmann. Köln, Berlin, 1963. P. 381-383.

Число членов партии или кандидатов в члены партии, ставших жертвой репрессий, составило 116 885 человек¹³. Подавляющее большинство жертв террора не имели к партии прямого отношения. В первую очередь это были бывшие «кулаки», которые уже к началу 1930-х годов были лишены собственности, депортированы и большей частью репрессированы. Следующую большую группу жертв Большого террора составляли представители так называемых «враждебных национальностей». Это были выходцы из стран, проводящих враждебную политику по отношению к СССР, или их потомки: поляки, финны, народы Прибалтики и др.¹⁴

В апреле 1938 г. – непосредственно после третьего московского показательного процесса – Георгий Федотов писал: «Сталин ведет войну со всей Россией. Если, конечно, можно назвать войной одностороннее избиение безответных и безоружных пленников ... Один человек – против всей страны. Никогда еще ситуация в России не была столь отчаянно определенной»¹⁵ (Федотов отождествляет здесь Советский Союз с Россией – Л.Л.).

Учитывая вышесказанное трудно поверить, что половина опрошенных россиян в сегодняшней России одобряет деятельность Сталина¹⁶. При этом нельзя забывать, что среди сегодняшних поклонников Сталина немало прямых потомков жертв тирана. Как не вспомнить при этом одну из строк знаменитого стихотворения Федора Тютчева: «Умом Россию не понять...»

Смена парадигм

К концу 1938 года террор был немного смягчен. Был сломан хребет последней «непокорной» и оставшейся относительно автономной части советского общества – партии. Теперь вся советская империя состояла только из «колесиков» тоталитарного механизма. Это был вероятно крупнейший перелом в истории страны, чье стремление к свободе не смогли задушить ни царское самодержавие, ни Ленин. Сталин насмеялся над Иваном Грозным, которому не удалось полностью ликвидировать могущественное в его время сословие – бояр. На его пути стояла его религиозность, у него было слишком много угрызений совести. Вопреки этому пренебрежительному замечанию Сталин рассматривал себя как продолжателя и исполнителя дела Ивана, – но также и Ленина. Вновь и вновь он подчеркивал, что русские цари и Ленин не могли даже мечтать об успехах, которых достиг Со-

¹³ Массовые репрессии оправданы быть не могут // Источник. 1995. № 1. С. 120.

¹⁴ Реабилитация: как это было. Документы президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953-февраль 1956. М., 2000. С. 322.

¹⁵ Федотов Г. Защита России: статьи 1936-1949 из «Новой России». Париж, 1988. С. 190-191.

¹⁶ Мироненко С. Пришло ли время для новой десталинизации // Московский Центр Карнеги. 8 октября 2015. <http://carnegie.ru/2015/10/08/ru-61539/iios>.

ветский Союз под его, Сталина, руководством. Итак, он считал себя и величайшим русским самодержцем, и величайшим революционером всех времен. Также и советская пропаганда непрерывно превозносила оба эти аспекта сталинского «гения». Так в сталинскую эпоху осуществилась смена парадигм политической культуры советского государства. Интернационализм во все большем масштабе замещался русоцентризмом и шовинизмом. Революционный разрыв 1917 года казался преодоленным, непрерывность истории – вновь восстановленной. Теперь в России произошла своего рода реставрация. Однако прославление всего русского всегда осуществлялось сталинистами с некоторым «но». Дело никогда не доходило до полного слияния с русским национализмом, интернационально-революционный компонент никогда не был полностью изгнан из сталинизма. Он был просто лишен своего прежнего центрального значения и отодвинут на идеологическую периферию. Но он никоим образом не перестал определять лицо сталинизма. И эта двуликость, это колебание между интернационалистским и русоцентристским полюсами, между революцией и реставрацией является дополнительным аспектом сталинской логики.

Сталин хотел свести воедино историю России и историю революции, а свое собственное руководство представить как вершину обеих исторических линий развития. Характерный для марксизма исторический детерминизм получил в сталинизме особенно яркое выражение. Теперь русский пролетариат даровал человечеству столь долго ожидаемого спасителя (несмотря на свое грузинское происхождение Сталин почти полностью идентифицировал себя с Россией). История человечества достигла теперь высшей стадии развития. Исследование этой исторической закономерности являло собой по сути главную установку почти всех, если не вообще всех научных направлений сталинской эпохи. Задачей всех представителей искусства было изображение этого небесного рая на земле. Этот «научный» и «художественный» канон был строго регламентирован и имел свою собственную логику – «логику» сталинизма.

IV. К столетию Русской революции (3)

Екатерина Коллинг

Большевицкая революция 1917 года как камень преткновения российской науки

«...Рухнули все начала, охранявшие культурный слой в России...»
Н. Бердяев: *Размышления о русской революции*

Период рубежа XIX–XX вв. в России вплоть до переломного 1917 г. ознаменовался не только глубочайшими социальными катаклизмами, но и стал также временем мощного творческого подъема, позже названным «серебряным веком» русской культуры, а также периодом расцвета русской науки. В эти годы широкая сеть научных и образовательных учреждений особенно активно расширялась¹, а в дополнение к традиционно существующим научным институтам возникали новые формы организации российской науки. Так, в России перед революционным 1917 г. действовало около трехсот научных обществ, с участием в работе которых многие ученые совмещали преподавательскую работу, и деятельность которых охватывала широкий спектр наук². Именно научные общества

¹ С момента своего возникновения в петровскую эпоху российская наука сочетала в себе преимущества академической и университетской науки и располагала соответствующей инфраструктурой. Так, по состоянию на 1916 г. помимо Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, в стране действовали 10 университетов и около 90 высших специальных учебных заведений – технических, лесных, медицинских и пр., всего же в России насчитывалось около 100 высших учебных заведений. В последнее предвоенное десятилетие в дополнение к государственным высшим учебным заведениям стали появляться частные высшие школы, которые, создавая конкуренцию государственным, способствовали тем самым повышению качества образования в стране. Помимо этого, действовали многочисленные научные учреждения: ученые комитеты, комиссии, ведомственные лаборатории и пр. Подробнее см., напр., Табл. 1 в: Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М., 1999.

² Научные общества создавались в основном при соответствующих факультетах университетов: так, существовали, например, Историческое, Неофилологическое, Юридическое, Философское научные общества в области гуманитарных наук или Физико-химическое, Антропологическое, Географическое, Техническое общества в области естественных наук. Помимо университетских, создавались также внеуниверситетские общественные организации академического типа, такие как Русское историческое общество, Общество любителей древней письменности и Русское археологическое общество. Подробнее см., напр., Ростовцев Е.А. Академическая корпора-

значительно способствовали ускоренному развитию соответствующих отраслей науки в России в конце XIX–начале XX вв. Д. И. Менделеев отмечал в 1882 г.: «если [...] научные исследования в России, совершаемые русскими у себя дома, начали положительно интересовать ученых всего света, то этому чрезвычайно много содействовало развитие и учреждение у нас ученых обществ»³.

Помимо прочего, к началу XX в. в России широкое распространение во многих отраслях науки получила одна из форм организации научного сообщества – научная школа, в рамках которой молодое поколение ученых объединялось вокруг выдающихся в своей области ученых, передающих им свои знания и наработки для дальнейшего развития научных идей. Научные школы также стали катализаторами научной мысли в России.

Бурное развитие науки и ее институтов в конце XIX в. в России обусловило формирование российского научного сообщества, состоявшего из университетской и академической интеллигенции. Это явилось важной вехой в развитии российской науки, сыгравшей свою роль в ее успешности и мировом признании. Кроме этого, к этому времени российское научное сообщество успешно интегрировалось в сложившееся международное научное сообщество, что в условиях обмена знаниями, доступности всей имеющейся инфраструктуры, инструментов и процедур международного научного сообщества делало работу российских ученых еще более плодотворной.

Российская наука начала XIX в., и в особенности фундаментальная наука, по мнению многих современных исследователей и по оценкам самих ученых того времени, приближалась по уровню своего развития к науке западных стран. Квалификация российских научных кадров и уровень научных исследований достигли высокого уровня, о чем свидетельствует, помимо прочего, целый ряд открытий мирового масштаба, совершенных русскими учеными. В России работала целая плеяда всемирно известных ученых в различных областях науки, как-то: И. П. Павлов и И. И. Мечников, великие ученые-химики Д. И. Менделеев и А. М. Бутлеров, математики Н. И. Лобачевский и П. Л. Чебышев, естествоиспытатели В. И. Вернадский, К. А. Тимирязев, физиолог И. М. Сеченов, медики С. П. Боткин, Н. И. Пирогов, основоположник теоретической космонавтики К. Э. Циолковский, создатель аэродинамики Н. Е. Жуковский, физики Н. А. Умов, П. Н. Лебедев, историк В. О. Ключевский, философы В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и многие другие крупные ученые.

Помимо непосредственно научной работы, на рубеже веков русские ученые играли заметную роль в политической жизни страны. Ученые и университетская профессура не могли и не хотели оставаться в стороне от событий, происходя-

ция Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу// Быть русским по духу и европейцем по образованию: университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII-XX в. М., 2009. С. 139-156.

³ Менделеев Д.И. Познание России: заветные мысли. М., 2008. С. 471.

щих в стране. Напротив, многие из них имели активную общественную и политическую позицию, ставя своей задачей не только служение науке и обучение и воспитание студентов, но и активное служение своей стране. В эпоху становления гражданского общества в России на рубеже веков ученые и профессура были как раз той частью интеллигенции, которая активно участвовала в его формировании.

Зачастую ученые, и в особенности ученые-гуманитарии, попросту не видели разницы между своей профессиональной и политической деятельностью и считали своим долгом содействовать продвижению своих идей на благо родины. Это иллюстрирует, например, высказывание профессора П. Г. Виноградова: «Профессор всеобщей истории не может сидеть у себя в углу»⁴.

Еще первая русская революция ускорила процесс формирования общественно-политических воззрений ученых, поскольку потребовала от них реакции на происходящие в стране события. Преобладающее большинство ученых и преподавателей высших школ принадлежало при этом к либеральным партиям или придерживалось либеральных взглядов, что отражает термин «либеральная профессура», использующийся многими историками и публицистами для характеристики университетского преподавательского состава в России конца XIX – начала XX вв.

Так, преобладающие позиции в российском научном сообществе сохранялись вплоть до октября 1917 г. за партией кадетов с их требованием конституционной монархии и либеральных парламентских реформ. Ученые участвовали в докадетских либеральных объединениях «Беседы», «Союз земцев-конституционалистов», «Союз освобождения», а впоследствии дали партии конституционных демократов видных идеологов и руководителей. Возглавлял партию кадетов и издаваемую ими газету *Речь* известный историк и публицист П. Н. Милюков, приват-доцент Московского и профессор Софийского университетов. Помимо него, 22 из 54 членов ее ЦК первого созыва (около 40%) были представителями высшей школы⁵. Высокая доля ученых и профессоров сохранялась в партии кадетов во всех созывах, по причине чего ее часто неофициально называли «профессорской»⁶.

В беспокойное время начала XX в. к этой небольшой, но влиятельной части общества стала прислушиваться власть, которая начала постепенно отходить от политики «сдерживания» русской интеллектуальной элиты. В попытках модернизировать империю власть вынуждена была начать приглашать интеллигенцию участвовать в управлении государством и в преобразовании страны.

⁴ Виноградов П. Россия на распутье: историко-публицистические статьи / Предисловие А. Антощенко. М., 2008. С. 9.

⁵ Иванов А. В преддверии кадетской партии: Всероссийский союз деятелей науки и высшей школы // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/ps/202-212.pdf>. Последнее посещение 8 ноября 2016.

⁶ См., напр.: Аврус А.И. История Российских университетов. М., 2001. С. 39.

В составе своих партий ученые участвовали в деятельности Государственного Совета, а позже Государственной Думы, куда избирались наравне с представителями других слоев общества – дворян, земледельцев, духовенства, буржуазии, крестьян. Всего от академической курии избиралось шесть членов из наиболее авторитетных профессоров и академиков⁷. В 1906 г., например, ими стали выдающийся минеролог В. И. Вернадский, филолог А. А. Шахматов, историки Д. И. Багaley и А. С. Лаппо-Данилевский, политэконом А. А. Мануйлов, представляющие в своем большинстве партию кадетов⁸. Ученые надеялись, что смогут в этом качестве способствовать установлению демократических свобод в России и требовали, в числе прочего, широкой политической амнистии и отмены смертной казни.

В период между двумя русскими революциями политическое влияние ученых и профессуры продолжало укрепляться, и все больше из них принимало участие в управлении государством. Так, после падения монархии во все составы Временного правительства входили многие видные члены Академии наук и университетской профессуры – П. Н. Милюков, А. А. Мануйлов, С. Н. Прокопович, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский и другие. Возрастающее политическое влияние и компетенция университетской и академической элиты, объединенной между собой своими сходными политическими воззрениями, превратило их в реальную политическую силу.

Таким образом, к революционным событиям 1917 г., в корне переменившим жизнь всей страны, русские ученые подошли достаточно сплоченной не только профессиональными, но и политическими интересами группой – их чрезвычайно заботило не только будущее науки и российского образования, за которые они считали себя напрямую ответственными, но и судьба России, в которой они также принимали непосредственное участие. Захват власти большевиками в октябре 1917 г. кардинально изменил ситуацию во всей стране и, в числе прочего, оказал прямое влияние на российский научный мир.

Хотя русская интеллигенция исторически являлась той средой, в которой вызревала сама идея революции, и большинство русских демократически настроенных интеллигентов (к их числу принадлежало и подавляющее количество профессуры и ученых) высказывалось за отмену абсолютной монархии в России, то, чем революция обернулась на практике, оказалось далеко от их идеалов. Философ Федор Степун пишет в 1917 г.: «Интеллигенция десятилетиями подготавливала революцию, но себя к ней не подготовила. Почти для всех революция оказалась камнем преткновения, большинство больно ударила, многих убила»⁹.

⁷ Макаров В.И. Ученые России накануне октября // Вестник Рязанского государственного университета. 2013. № 1. http://vestnik.rsu.edu.ru/pdf/5_%2838%29.pdf. Последнее посещение 1 декабря 2016.

⁸ Степанский А.Д. Политические группировки в Государственном Совете в 1906 – 1907 гг. // История СССР. 1965. № 1. С. 52

⁹ Степун Ф.А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 208.

Сходную оценку произошедшему дает другой современник событий, философ Николай Бердяев: «Интеллигенция столетие мечтала о революции и готовила ее. Но осуществление революции оказалось ее гибелью, ее собственным концом»¹⁰.

В русском научном сообществе непосредственно после октябрьской революции 1917 г. присутствовало ощущение надвигающегося на страну и русскую науку бедствия. Так, академик В. И. Вернадский говорил о захвате власти большевиками как о «небывалой в истории катастрофе», в которой «чувствуешь себя бессильной былинкой...»¹¹.

Историк П. Г. Виноградов также называет октябрьскую революцию «большевистской катастрофой»¹², а самих большевиков чрезвычайно резко определяет как «преступную банду, превратившую страну в руины»¹³, чье «правление можно определить одним словом – погром»¹⁴, подчеркивая не только катастрофические последствия для страны, но и незаконность нахождения у власти большевиков. П. А. Сорокин, описывая первые дни после случившегося октябрьского переворота, вспоминает: «в редакции моей газеты я написал свою первую статью о победителях, клеймя их как убийц, насильников, бандитов и грабителей, и подписал ее полным именем, невзирая на протесты моих коллег и даже наборщиков»¹⁵. М. М. Новиков, в свою очередь, в написанных позднее мемуарах определяет произошедшую революцию как «большевистский переворот», «захват власти большевиками»¹⁶.

Философ Н. Бердяев называет воцарившийся коммунизм в России признаком «нового Средневековья», явившимся результатом «падения законного принципа власти [...] и замены его принципом силы, жизненной энергии спонтанных общественных групп»¹⁷, и вместе с этим эмоционально подчеркивает, что «русская революция есть великое несчастье»¹⁸, и после нее «нельзя ждать в России ничего особенно хорошего. Опустошения слишком велики. Деморализация ужасна»¹⁹.

Ученые не обманулись в своем предчувствии надвигающейся на них катастрофы – диктатура пролетариата обернулась для страны хаосом. С самого прихода к власти большевиков в России, к тому времени ослабленной годами участия в Первой мировой войне, а затем в революции и в гражданской войне, остро встал вопрос об элементарном физическом выживании. Политика военного коммунизма, введенная большевиками в условиях гражданской войны в надежде

¹⁰ Бердяев Н.А. Размышления о русской революции // он же. Новое средневековье: размышления о судьбе России. М., 2002.

¹¹ Вернадский В.И. Дневники (1917 – 1921). К., 1994. С. 24, 28-29.

¹² Виноградов П. Россия на распутье: историко-публицистические статьи. М., 2008. С. 439.

¹³ Там же. С. 440.

¹⁴ Там же. С. 420.

¹⁵ Сорокин П.А. Долгий путь: автобиограф. роман. Сыктывкар, 1991.

¹⁶ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М., 2009.

¹⁷ Бердяев. Новое средневековье.

¹⁸ Бердяев. Размышления о русской революции.

¹⁹ Там же.

хоть как-то выровнять ситуацию (в формулировке новой власти «для слома саботажа буржуазных элементов и обеспечения рабочей силой разоренного войной народного хозяйства»), на самом деле еще более усугубила бедственное положение в стране. Такие меры, как отмена товарно-денежных отношений, национализация промышленности и банков, конфискация частных накоплений, упразднение частной собственности, продразверстка, трудовая повинность и т.п. фактически уничтожили экономику страны, поставив ее на грань выживания.

«Основное впечатление от положения в России – это картина колоссального непоправимого краха», – писал Герберт Уэллс, посетивший советскую Россию осенью 1920 г. – «громкая монархия, которую я видел в 1914 году, с ее административной, социальной, финансовой и экономической системами, рухнула и разбилась вдребезги под тяжким бременем шести лет непрерывных войн. История не знала еще такой грандиозной катастрофы. На наш взгляд, этот крах затмевает даже саму Революцию...»²⁰.

Не ограничиваясь насущными проблемами, новая власть безжалостно и планомерно принялась за уничтожение прежнего порядка во всех областях жизни, сразу взявшись и за неписывающуюся в новую модель общества интеллигенцию. Как с горечью свидетельствует современник событий Николай Бердяев, «пусть царская власть часто преследовала и гнала культурный слой, но она в прошлом делала возможным самое его существование. [...] С падением царской власти в России наступило "упростительное смешение", низвержены были все качественные различия, разбита вся социальная структура русского общества, темная солдатско-мужичья стихия ее затопила. Культурный слой, не имевший корней в крепких социальных классах, был низвергнут в бездну»²¹. Питирим Сорокин также указывает на катастрофическое падение культурного уровня как следствие революции: «Революция 1917 года разбила вдребезги мои взгляды на мир, вместе с характерными для них [...] концепцией исторического прогресса как прогрессивных изменений, эволюции к лучшему обществу, культуре, человеку. Вместо развития просвещенной, нравственно благородной, эстетически утонченной и творческой гуманности война и революция разбудили в человеке зверя и вывели на арену истории, наряду с благородным мудрым и созидательным меньшинством, гигантское число иррациональных человекоподобных животных, слепо убивающих друг друга, разрушающих все великие ценности, ниспровергающих бессмертные достижения человеческого гения...»²². После революции «уходила целая эра российской истории, период, который за два столетия превратил Московскую Русь в Российскую империю, добившуюся великих достижений в искусстве, литературе и науках...»²³. Так существование русской науки, успеш-

²⁰ Уэллс Г. Россия во мгле // Герберт Уэллс: собр. соч. Т. 15. М., 1964.
<http://lib.ru/INOFANT/UELS/russia.txt>. Последнее посещение 1 декабря 2016.

²¹ Бердяев. Новое средневековье: размышление о судьбе России.

²² Сорокин. Долгий путь. С. 166-167.

²³ Там же.

но возвращенной в России за относительно короткий период времени, и ставшей неотделимой частью этого «тонкого культурного слоя», теперь оказалось под угрозой, а его разрушение было практически тождественно уничтожению науки.

Перед научным сообществом страны, погруженной в хаос войн и революции, встала задача сохранения российской науки, ее традиций и достижений. При этом ученые были поставлены перед непростым выбором: признать власть большевиков и продолжить работу на благо Родины, сохраняя науку для страны, ставшей уже советской, – или остаться верными своим политическим убеждениям, обрекая себя на риск быть репрессированным новой властью. Остаться в России означало, помимо прочего, обречь себя вместе со всей страной и в полной мере на тяжелые испытания: ученые были вынуждены не только продолжать работу в катастрофических условиях, но и зачастую заботиться о физическом выживании.

Помимо этого, для многих ученых, как правило имеющих широкие связи в мировом научном сообществе, существовала также возможность эмиграции, где они могли бы продолжить начатые в России исследования в комфортабельных условиях. Однако лишь немногие воспользовались этой возможностью непосредственно после свершившейся октябрьской революции, поскольку у большинства еще оставалась надежда на то, что сложившаяся ситуация является скорее временным недоразумением. Так, по свидетельству М. М. Новикова, «господствовала уверенность, что большевистский переворот явится лишь коротким инцидентом в общей истории революции»²⁴, а И. В. Гессен вспоминает о том времени: «Я не видел человека, который сомневался бы в непосредственно предстоявшем свержении большевиков»²⁵.

Однако со все укрепляющимися позициями большевиков в гражданской войне эта надежда начала рассеиваться. Вместе с этим в научной среде стало понятно, что приход советской власти положил конец всей русской науке, как всем ее институтам, структуре и принципам, так и работе подавляющего большинства ученых и профессуры. При этом рушились не только отдельные судьбы, разрушалась и общность ученых в т.ч. как единой общественно-политической силы, и вся сложная структура дореволюционного научного сообщества.

Это послужило для ученых веской причиной наладить эффективный рабочий контакт с новой властью, начать интегрироваться в новые организационные структуры и убедить власть в необходимости поддержки науки.

Интересно проследить, к примеру, как устанавливался контакт Академии наук с новой властью после большевистского переворота осенью 1917 г. Со стороны Академии инициативу диалога с большевиками взяли на себя ее руководители: академики А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, которые начали

²⁴ Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. С. 214.

²⁵ Гессен И.В. В двух веках: жизненный отчет // Архив русской революции. Т. XXII. Берлин, 1937. С. 382.

выстраивать свою позицию на основе практической ценности науки для народа и государства.

Академики оказались в сложном положении: с одной стороны, большинство из них новую власть не приняло и не считало законной, в то же время, как и прежде при царской власти, ученые видели себя на служении прежде всего науке, а не государству и не властям, поэтому работу не могли прерывать. К тому же работа Академии наук, главного научного учреждения страны, не могла вестись автономно от государства, особенно важна была ученым финансовая поддержка и обеспечение бесперебойности исследований.

Непосредственно после октябрьского переворота внутренние дискуссии в Академии наук велись прежде всего по вопросу выбора общей позиции ученых по ситуации в стране и по отношению к новой власти. Открывая официальную дискуссию в пределах Академии, ее президент А. П. Карпинский так обратился в ноябре 1917 г. к своим коллегам: «Происшедшие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Российская Академия наук не молчала в такое исключительное время»²⁶.

Стоит отметить, что многие академики, не признавшие легитимность большевистского переворота и не верившие в долговечность новой власти, склонялись особенно в начале к довольно резким оценкам происходящего. Так, специальная комиссия, созданная в Академии непосредственно после октябрьского переворота во главе с историком А. С. Лаппо-Данилевским, заявляла от имени ученых: «Великое бедствие постигло Россию: под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; [...] ценою постыдного и непрочного сепаратного мира, готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? – внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов»²⁷.

Однако по вопросу отношений к новой власти существовала и другая позиция. Так, например, ученый-химик В. Н. Ипатьев, принципиально не принявший большевистскую революцию, встал тем не менее на путь сотрудничества с советской властью, прагматично аргументируя свою позицию на послеоктябрьском заседании Академии наук: «Что касается отношения каждого из нас к большевистскому правительству, взявшему ныне власть в свои руки, [...] никто не заставляет теперь высказать нашу симпатию или антипатию к новой власти; и при царском режиме многие из нас не сочувствовали самодержавному правлению, но

²⁶ Экстраординарное заседание РАН 18.11.1917. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1917. СПб. филиал Архива РАН, ф. 1, оп. 1а, д. 164, § 306. Цит. по: Есаков В.Д. От императорской к российской: академия наук в 1917 г. // Отечественная история. 1994. № 6.

²⁷ Экстраординарное заседание РАН 18.11.1917. Протоколы заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1917. СПб. филиал Архива РАН, ф. 1, оп. 1а, д. 164, § 306. Цит. по: Есаков. От императорской к российской.

это не мешало нам честно выполнять наш долг перед страной и продуктивно работать»²⁸.

Именно эта точка зрения в конечном итоге возобладала в среде академиков, и они сумели совладать со своими эмоциями, осознав необходимость работать с новой властью в независимости от того, сколько она продержится, сохранив целостность Академии наук и обеспечив себе условия для работы. Таким образом, многими учеными был выбран деловой и трезвый тон общения с большевиками.

Очевидно было также, что большевики, в свою очередь, не могли не считаться с авторитетом Академии наук. Кроме этого, новой власти необходима была своя наука, строить которую особенно на начальном этапе приходилось с привлечением старых специалистов. Так, Ленин писал: «У нас есть буржуазные специалисты, и больше ничего нет. У нас нет других кирпичей, нам строить не из чего. Социализм должен победить, и мы, социалисты и коммунисты, должны на деле доказать, что мы способны построить социализм из этих кирпичей, из этого материала...»²⁹. Поэтому с самых первых контактов с Академией большевиками был выбран осторожный тон по отношению к ученым, и новая власть, казалось, в какой-то мере даже прислушивалась к высказываниям академиков.

Официальный диалог Академии наук с большевиками начался в первом квартале 1918 г., что совпало с началом Гражданской войны в России, исход которой к тому времени был совершенно неясен³⁰. Еще и по этой причине новая власть была заинтересована привлечь интеллектуальную элиту на свою сторону, и, в числе прочего, добиться добровольного признания советской власти учеными, что придало бы ей дополнительный вес.

Таким образом, обе стороны прикладывали значительные усилия к налаживанию взаимной работы, и постепенно начался сложный процесс взаимной адаптации старой науки и новой власти. В самом начале переговоров Наркомата просвещения под руководством А. В. Луначарского с Академией наук в январе 1918 г. перед ней был поставлен прямой вопрос о готовности сотрудничать с советской властью, на что Академия отвечает согласием сотрудничать «по каждому отдельному вопросу в зависимости от научной сущности вопроса по пониманию Академии и от наличности тех сил, которыми она располагает»³¹. Таким образом, академики подчеркивают, что работа должна вестись по конкретным научным вопросам и в соответствии с их трактовкой учеными.

В довольно короткие сроки после прихода советской власти, а именно в марте 1918 г., Академия наук официально становится учреждением в системе Наркомата просвещения. Практически сразу после этого на нее начинает оказываться

²⁸ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Том II: 1917-1930. Нью-Йорк, 1945. С. 48. Цит. по: Романовский С.И. «Притащенная» наука. СПб., 2004.

²⁹ Ленин В.И. Успехи и трудности советской власти. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 54.

³⁰ Подробнее см.: Романовский. «Притащенная» наука.

³¹ Первые контакты Академии наук и Наркомпроса подробно описаны, напр., в: Вестник Академии наук СССР. 1957. № 10. С. 151-153.

давление большевиками, мало заинтересованными в теоретических науках, таких как физико-математические или историко-филологические, на которых традиционно делался акцент в Академии. Вместо этого пролетарское государство срочно нуждалось в практической поддержке своих планов по восстановлению экономики страны. Убедительная прикладная социально-экономическая база требовала также основательной теоретической проработки народно-хозяйственных планов развития экономики, как и дальнейшего развития теоретической базы марксизма-ленинизма.

В числе прочего, в апреле 1918 г. Совет народных комиссаров постановляет «указать ей (Академии наук – Е. К.) как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»³², а Ленин собственноручно составляет для Академии «Набросок плана научно-технических работ» с планом реорганизации российской промышленности³³.

Очевидно, что эти новые приоритетные направления науки были чужды большинству ученых и противоречили как их убеждениям, так и научным интересам. Помимо прочего, от них требовалось теперь решать вопросы чисто прикладного характера, к тому же, исходя, везде где возможно, исключительно из положений марксизма. Ученые такие жесткие рамки, естественно, нашли неприемлемыми, и им оставалось лишь лавировать между планами социалистического строительства большевиков и своими научными интересами.

Большевики продолжали дипломатично обходиться с Академией наук как со структурой, важной для будущего советского общества, и некоторое время после окончательной победы в гражданской войне. Контакт с руководством Академии продолжался на высшем уровне, и власти стремились по возможности удовлетворять просьбы ученых. Примером может служить создание в 1920 г. в Петрограде ЦеКУБУ – Центральной комиссии по улучшению быта ученых при СНК РСФСР, просуществовавшей до 1937 г. и сыгравшей значительную роль в поддержке ученых в тяжелые годы.

Кроме поддержки Академии наук, советская власть ставила своей целью поддержку отдельных крупных ученых, представляющих особый интерес для социалистического строительства. При этом, помимо их возможного вклада в новую советскую науку, большевики заботились в том числе о своем имидже за границей, где авторитет русских ученых – академиков был высок. Примером такой адресной поддержки может служить отдельный декрет советской власти о помощи работам академика И. П. Павлова, который представлял чрезвычайный интерес для советской власти по нескольким причинам. Профессор Павлов, создавший учение о высшей нервной деятельности, крупнейший физиолог своего времени, почетный член порядка 100 академий, университетов и научных обществ во всем

³² Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 94.

³³ Кольцов А.В. В. И. Ленин и Академия наук // Природа. 1971. № 4.

мире, лауреат Нобелевской премии, был широко известен не только в России, но и за рубежом. Его учение очень удачно вписывалось в материалистическую картину мира пролетариата и подтверждало принципы диалектического материализма, становящегося главенствующим учением в Советской России.

Известно, что, как и его многие коллеги, ученый приветствовал падение самодержавия в феврале 1917 г., однако большевиков категорически не принял. Так, в своем прошении в Совнарком 11 июня 1920 г., в котором Павлов просит отпустить его за границу для продолжения своих исследований «вне родины, на котором я мог бы достаточно пропитываться с моей женой и без помехи продолжать мою научную работу, которую смею считать очень важной и на которую мой мозг еще вполне способен», он, кроме прочего, пишет: «Как стародавний экспериментатор, глубоко убежден, что проделываемый над Россией социальный и политический опыт обречен на неприменную неудачу и ничего в результате, кроме политической и культурной гибели моей Родины, не даст...»³⁴.

Однако удержать в стране такого крупного ученого с мировым именем было для советской власти, очевидно, особенно важно. В своем письме председателю Петроградского исполкома от 25 июня 1920 г. Ленин отмечает, что «ученый этот представляет собой такую большую культурную ценность, что невозможно допустить насильственного удержания его в России при условии материальной небезопасности» и рекомендует обеспечить ему «комфортабельную обстановку»³⁵.

24 января 1921 г. Совнарком издает отдельное постановление «Об условиях, обеспечивающих научную работу академика И. П. Павлова и его сотрудников», в котором отмечает «совершенно исключительные научные заслуги академика И. П. Павлова, имеющие огромное значение для трудящихся всего мира»³⁶. Постановляется «в кратчайший срок создать наиболее благоприятные условия для обеспечения научной работы академика Павлова и его сотрудников», а также «в лучшей типографии Республики отпечатать роскошным изданием заготовленный академиком Павловым научный труд, сводящий результаты его научных работ за последние 20 лет», «обеспечить профессора Павлова и его жену пожизненным пользованием занимаемой ими квартирой и обставить ее и лабораторию академика Павлова максимальными удобствами», как и предоставить академику и его жене специальный паек, «равный по калорийности двум академическим пайкам». От последнего Павлов, к слову, отказывается, требуя обеспечить достаточным пайком всех своих коллег.

Все вышеназванные меры поддержки ученого были реализованы в достаточно короткие сроки. В 1923 г. вышло издание *Двадцатилетнего опыта объективного*

³⁴ Павлов И.П. Письмо Луначарскому // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 1172. Л. 31. Цит. по: Сорокина Т.С. История медицины. <http://www.bibliotekar.ru/423/35.htm>. Последнее посещение 2 декабря 2016.

³⁵ Цит. по: Сорокина. История медицины.

³⁶ Сорокина. История медицины.

изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных – итог многолетних исследований Павлова. К 75-летию академика в 1925 г. физиологическая лаборатория его имени в Институте экспериментальной медицины была преобразована в Физиологический институт Академии наук СССР, а к его 80-летию под Ленинградом начала работать биологическая станция для продолжения экспериментальных работ ученого, которому остается лишь сожалеть о том, что в подобных условиях невозможно было работать раньше...

Подобная поддержка со стороны большевиков, тем не менее, носила единичный характер. Основная масса ученых старой школы не смела об этом и мечтать. Редкой удачей в научной среде считалось уже избежать репрессий и продолжить научные занятия, невзирая на сложные условия работы.

Несмотря на понимание важности привлечения научных кадров на свою сторону, большевики в то же самое время воспринимали ученых как «буржуазные элементы» вследствие происхождения и характера труда последних. А. П. Карпинский в одном из своих писем к Луначарскому как раз с горечью констатирует этот факт: «То глубоко ложное понимание труда квалифицированного, как труда привилегированного, антидемократического, легло тяжелой гранью между массами и работниками мысли и науки...»³⁷. Таким образом, налицо был двойственный характер отношения большевиков к ученой интеллигенции: если на уровне взаимоотношений Академии наук и Наркомата просвещения, то есть, на государственном уровне, существовало понимание необходимости взаимной работы, то на практике в отношении уже отдельных ученых велись репрессии наравне со всеми остальными неугодными советской власти категориями общества.

Кроме этого, не только со стороны представителей власти, но и в целом в обществе царил отрицательное отношение к старой интеллигенции, представителями которой было подавляющее число ученых и профессуры. Как отмечает, например, В. Кантор, «ненависть восставшего в начале XX в. демоса к профессорскому сословию была чудовищна»³⁸.

На фоне разраставшейся критики «старорежимной» науки множились процессы против «буржуазных» ученых. Обычным делом стали аресты даже самых авторитетных ученых, сотрудничающих с советской властью: им подверглись, например, в т.ч. В. И. Вернадский или С. Ф. Ольденбург, в застенках побывало бесчисленное количество видных российских ученых, нередко были даже расстрелы ученых и профессуры³⁹.

Ученые пытались протестовать против бессмысленного террора, в частности писали письма Ленину и его соратникам А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург,

³⁷ Документы по истории наук СССР. 1917-1925. Л., 1986. С. 38-39. Цит. по: Экономист: избранное. 1921-1922. М., 2008.

³⁸ Кантор В. Университеты и профессорство в России // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 16-28. http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=767&Itemid=52. Последнее посещение 13 января 2016.

³⁹ Приводится по: Ревякина И.А., Селезнева И.Н. Трудные дни российской науки // Вестник РАН. 1994. Т. 64. № 10. С. 931-937.

В. И. Вернадский. Кроме этого, за ученых заступались наркомы А. В. Луначарский и Н. А. Семашко⁴⁰. Максим Горький пишет Ленину в октябре тяжелого для страны 1919 г.: «... я знаю, что Вы привыкли "оперировать масса-ми" и личность для Вас – явление ничтожное, – для меня Мечников, Павлов, Федоров – гениальнейшие ученые мира – мозг его [...]. В России мозга мало, у нас мало талантливых людей [...]. Ученый человек ныне для нас должен быть доро-же, чем когда-либо, именно он, и только он, способен обогатить страну новой интеллектуальной энергией...»⁴¹. Все это, тем не менее, особого эффекта не име-ло и уже не могло остановить гигантский размах красного террора.

Помимо прямых преследований от новой власти, ученые подвергались всем ужасам гражданской войны, из которых особенно холод и голод, а также отсут-ствие элементарных жилищных, санитарно-гигиенических условий и медицин-ской помощи были настоящим бедствием, унесшим жизни многих из них. Г. А. Князев пишет в январе 1918 г.: «Ужас стал бытом, грядет и еще один страшный гость – мор...»⁴². К концу 1918 г. нормы выдачи хлеба по карточкам в Петрограде достигли своего минимума, а в начале 1919 г. продолжались лишь с перебоями, вместо хлеба нередко полагался овес. 1919 г. был самым лихим в Петрограде, практически отсутствовало отопление, не работала канализация, началась эпидемия тифа⁴³.

В числе прочего, не избежали ученые и трудовой повинности, что было прак-тически несовместимо с параллельным осуществлением научной работы и уси-лиями выжить и прокормить семью. Сначала декретом СНК 5 октября 1918 была установлена трудовая повинность для «нетрудовых классов», дающая право на продовольственную карточку, а вскоре и закрепленная КЗоТом трудовая повин-ность для всех граждан РСФСР (Кодекс законов о труде от 10 декабря 1918). В дополнение к этому, декретом СНК от 29 января 1920 года «О порядке всеобщей трудовой повинности» все трудоспособное население, независимо от постоянной работы, привлекалось еще и к выполнению различных трудовых заданий⁴⁴.

В этих условиях ученым приходилось не только работать – а самые элемен-тарные условия работы также практически отсутствовали – но и заботиться о своем пропитании и пропитании своих семей. Так, например, обласканный поз-же советской властью И. П. Павлов должен был сам добывать дрова и кормить семью с огорода, устроенного им на территории Института экспериментальной медицины, а его золотые медали были реквизированы во время неоднократных обысков⁴⁵.

⁴⁰ Романовский. «Притащенная» наука.

⁴¹ Ревякина И. А., Селезнева И. Н. Трудные дни российской науки.

⁴² Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915 – 1922 гг. // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 35.

⁴³ Подробнее см.: Романовский. «Притащенная» наука.

⁴⁴ Советская историческая энциклопедия / Под ред. Е.М. Жукова. М., 1973-1982.

⁴⁵ Батулин Ю. Здесь наука под защитой навечно // Новая Газета. 12 июля 2013. www.novayagazeta.ru/politics/59023.html. Последнее посещение 1 декабря 2016.

Статистика свидетельствует о том, что профессорам и университетской интеллигенции досталось больше других. По авторитетному мнению Питирима Сорокина, крупнейшего русского социолога, «смертность профессуры за 1918-1922 гг. была в шесть раз выше смертности мирного времени и вдвое выше смертности остального населения Петрограда в 1918-1922 гг.»⁴⁶. В своей другой работе он с горечью отмечает, что «в течение гражданской войны слой умственно квалифицированных лиц поредел катастрофически. 30-40 тыс. – вот минимальная цифра гибели людей этого рода, т.е. их погибло в шесть-семь раз больше, чем рядовой, умственно неквалифицированной массы. "Мозг и совесть" страны вымирал в колоссальном размере и продолжает вымирать...»⁴⁷. Он же свидетельствует о катастрофическом положении профессуры в те годы⁴⁸.

Академик М. И. Ростовцев, видный историк античности и археолог, бежавший из России в 1918 г., в своей статье «Наука в большевистской России», написанной в 1921 г., также рисует катастрофическую картину первых послереволюционных лет: «Почему ученые умирают от голода? Я не представляю здесь длинный список ученых, которые умерли от голода за последние три года. Их множество. Почему большевики не защищают ученых от убийств и арестов со стороны Чрезвычайной комиссии по всей России? Сколько талантливых русских ученых погибло ужасной смертью в Ростове, Киеве, Крыму, Москве! Почему многие из них покончили жизнь самоубийством? ...Почему сотни русских ученых, молодых и старых, убегают из России и живут жизнью просителей в Западной Европе, Японии, Китае и Америке? По моей статистике не менее трети ученых покинули Россию»⁴⁹.

Тем временем, ситуация продолжала ухудшаться. Ученые неоднократно пытаются донести до власти то бедственное положение, в котором оказалась российская наука. Так, в 1920 г. руководители РАН направляют записку в Совнарком,

⁴⁶ Сорокин П. Социология революции. М., 2008.

⁴⁷ Сорокин П. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 6.

⁴⁸ «Самыми ужасными в этом отношении годами для профессуры были 1918–1920 гг. Получая ничтожное вознаграждение, и то с опозданием в три-четыре месяца, не имея никакого пайка, профессура буквально вымирала от голода и холода. Смертность ее повысилась в 6 раз по сравнению с довоенным временем. Комнаты не отапливались. Не было ни хлеба, ни тем более других "необходимых для существования" благ. Одни в итоге умирали, другие не в силах были вынести все это – и кончали с собой. Так покончили известные ученые: геолог Иностранцев, проф. Хвостов и еще кое-кто. Третьих унес тиф. Кое-кого расстреляли. Моральная атмосфера была еще тяжелее материальной. Немного профессоров найдется, которые не были бы хоть раз арестованы, и еще меньше, у кого несколько раз не производились бы обыски, реквизиции, выселение из квартиры и т.д., и т.д. Прибавьте к этому многообразные "трудовые повинности" в форме пилки дров, таскания тяжелых бревен с барж, колки льда, дежурства у ворот. Для многих ученых, особенно пожилых, все это было медленной смертной казнью. Так погибли акад. Шахматов, акад. Тураев и многие др.» См.: Сорокин П. Общедоступный учебник социологии: статьи разных лет. Ин-т социологии. М., 1994. http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Sociolog/Sorokin/index.php. Последнее посещение 12 января 2015.

⁴⁹ Ростовцев М.И. Избранные публицистические статьи. 1906-1923: наука в большевистской России. М., 2002. С. 91.

в которой предельно сжато и прямо резюмируется, что «...если положение не изменится, то ясно, что [...] если одни из русских ученых погибнут в России жертвою ненормальных условий, то другие последуют примеру сотен своих товарищей, работающих и теперь плодотворно на мировую науку за пределами России...»⁵⁰.

Одновременно с этим ученые направляют правительству другую записку, где указывают «на неотложность ряда мероприятий для сохранения и поддержания научной работы»⁵¹. Они констатируют «тяжелые, часто невыносимые условия»⁵², в которых проводятся исследования и протекает жизнь научных сотрудников. Приведем некоторые подробности из этой записки, «из первых рук» описывающей ситуацию, в которой оказались ученые после революции.

Научные работники отмечают, что «лабораторная работа прерывалась иногда на целые месяцы за недостатком газа и электричества, механические мастерские и физико-технические исследования находились в полной зависимости от ничтожных периодов подачи электрической энергии. Всякое новое оборудование [...] наталкивалось на огромные затруднения не только вследствие отсутствия нужных веществ, но и благодаря канцелярской волоките»; «недостаточность отопления [...] создавали необходимость работать ученым при температурах, близких к нулю»; «прекратились почти все научные журналы». Особенно отмечается «недостаток питания и связанное с ним физическое истощение»⁵³.

Академики в очередной раз пытаются подчеркнуть в Записке особый характер труда ученого: «ни в одной другой области общественной деятельности внешняя обстановка личной работы не играет столь доминирующей роли, как в труде ученого. Ученый может работать увлеченно, спокойно и продуктивно лишь в условиях свободных, независимых, в условиях гарантии хотя бы элементарных прав на существование; его труды будут тем продуктивнее и значение работы будет тем больше, чем свободнее будет развиваться его мысль и независимее будут пути. Без неприкосновенности личности, в постоянной неуверенности за свое жилище, в навязчивых и тяжелых заботах о пропитании себя и семьи, свыше 50% его энергии уходит на борьбу с этими условиями и стеснениями»⁵⁴.

Выказывая понимание, что «все эти условия в значительной степени являются роковыми условиями всей русской жизни», ученые все же требуют от правительства осознать «государственное значение научной работы» и принять соответствующие и безотлагательные меры, иначе «стране угрожает гибель ее научных работников и уничтожение культурных достижений многих поколений»⁵⁵. Уче-

⁵⁰ Культурное строительство в РСФСР. 1917-1927. М., 1983. Ч. 1. С. 333, цит. по: Соболев В.С. Академия и власть. 1918-1930 // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 2. С. 176-182.

⁵¹ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵² Там же.

⁵³ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

ные требуют, помимо прочего, «гарантии неприкосновенности личности научных деятелей, как свободных граждан, стоящих вне пределов гражданской борьбы», «поддержания физических сил ученых путем улучшения их питания и освобождения от бесцельного физического истощения трудовой и военной повинностями», к которым они, по собственному признанию, «не приспособлены и оказываются совершенно бесполезными»⁵⁶. По фактам, содержащимся в записке, и по всему ее тону становится ясно, что это последний отчаянный крик о помощи «перед лицом надвигающейся зимы с ее тяготами и лишениями»: ученые, находясь в бедственном положении, отваживаются на чрезвычайно смелые формулировки.

И действительно, ко времени написания записки ученым остается уже мало что терять: за три года после революции вследствие тяжелых условий существования погибли сотни из тех, кто не пожелал эмигрировать. Списочный состав действительных членов Академии наук на начало 1917 г. насчитывал 37 человек. Хотя это число несколько увеличилось в последующие годы за счет вновь избранных академиков, академическое сообщество несло огромные потери за счет умерших от непосильных лишений ученых. За первые послереволюционные годы из всего списочного состава Академии, по подсчетам В. Соболева, погибло 12 человек⁵⁷, т.е. около трети всего состава (в том числе академики В. В. Радлов, Я. И. Смирнов, А. С. Фаминцын, В. В. Заленский, А. М. Ляпунов, М. А. Рыкачев, Е. С. Федоров, М. А. Дьяконов, А. А. Шахматов, И. С. Пальмов, совсем молодыми погибли академики А. С. Лаппо-Данилевский, Б. А. Тураев). К скорбному списку погибших необходимо добавить еще фамилии 11 почетных членов РАН и 35 фамилий ее членов-корреспондентов. В первые тяжелые послереволюционные годы на каждом (!) ежемесячном Общем собрании назывались фамилии 3-4 умерших ученых⁵⁸. По свидетельству Питирима Сорокина, «в силу всех этих условий ученые и профессора стали вымирать с такой быстротой, что, например, заседания совета университета превращались в перманентные "почитания памяти". На каждом заседании оглашались 5-6 имен отошедших в вечность. Раскройте VI и VII книги *Русского исторического журнала* – и вы увидите, что они почти сплошь состоят из некрологов»⁵⁹.

Однако и в этих условиях ученые продолжают работать. Впечатления Герберта Уэллса от его посещения советской России в этом же 1920 году рисуют сходную картину: «Наша блокада отрезала русских ученых от иностранной научной литературы. У них нет новой аппаратуры, не хватает писчей бумаги, лаборатории не отапливаются. Удивительно, что они вообще что-то делают. И все же они успешно работают: Павлов проводит поразительные по своему размаху и виртуозности

⁵⁶ ПФАРАН Ф. 2. п. 1-1920. Д. 7. Л. 1-14, цит. по: Там же.

⁵⁷ Соболев. Академия и власть. С. 176-182.

⁵⁸ Батулин Ю. Здесь наука под защитой навечно // Новая Газета. 12 июля 2013. www.novayagazeta.ru/politics/59023.html. Последнее посещение 3 декабря 2016.

⁵⁹ Сорокин. Общеизвестный учебник социологии.

исследования высшей нервной деятельности животных; Манухин, говорят, разработал эффективный метод лечения туберкулеза, даже в последней стадии. [...] Все они страстно желают получить научную литературу; знания им дороже хлеба»⁶⁰.

М. М. Новиков в своих воспоминаниях послереволюционных годов задается тем же вопросом: «Почему при всех ужасах советской жизни, в атмосфере полной личной необеспеченности, при отсутствии сносных квартир, при недостатке одежды, а часто и при полуголодном существовании русские научные исследования изобильно произрастают, а подчас отмечаются за границей как серьезные достижения?»⁶¹. Главная причина этому видится Новикову в особенности деятельности ученого: «научные изыскания обыкновенно так увлекают человека и настолько поглощают его внимание, что внешняя обстановка жизни отступает на второй план. Человек, погруженный в глубину научно-исследовательских интересов, живет как бы вне окружающего его мира. Естественно, что такой уход от ужасов реальной жизни в сферу чистого знания привлекает многих»⁶². Этот вывод Новиков делает отчасти и на основании собственного опыта. Прошедший через притеснения и арест и оставшийся в России в первые годы после большевистской революции ученый вспоминает, что его чувство тревожности «облегчалось [...] громадной академической и общественной нагрузкой»⁶³.

В своем анализе истории российской и советской науки известный американский советолог Лорен Р. Грэхэм делает в этой связи предположение, что «российская и советская наука, похоже, достигала наибольшего в наихудших политических условиях, тогда как с развитием демократических реформ в 1990-е годы, по всей вероятности, начинает увядать»⁶⁴, указывая на стимулирующий фактор давления со стороны власти. Однако стоит отметить, что важные открытия в русской и советской науке совершались всегда – не только в непростых политических условиях, как отмечает Грэхэм, но еще более в благоприятных, когда власть отказывалась от давления и жесткого контроля извне, возвращала необходимую ученым политическую и личную свободу, а воссоединение российской и мировой науки давало синергетический эффект. Более вероятным представляется, что большие научные открытия совершались российскими учеными во все времена вопреки, а не благодаря давлению режима, ведь они служили прежде всего науке и Родине, а не действующей власти.

Однако и здесь были исключения. В послереволюционной России стояла особняком немногочисленная группа ученых старой школы, идейно приветствовавших октябрьскую революцию и с энтузиазмом принявшихся работать на упрочение советской власти. Получившие образование и опыт работы в царской

⁶⁰ Уэллс. Россия во мгле.

⁶¹ Новиков. От Москвы до Нью-Йорка. С. 228.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 226.

⁶⁴ Грэхэм Л.Р. Очерки по истории российской и советской науки. М., 1998. С. 7.

России, они уже вследствие одного этого должны были относиться к группе «буржуазных» ученых, однако в силу своих убеждений совершенно не являлись таковыми. Ученые-марксисты, являясь научными специалистами высшей квалификации, сочетали в себе преимущества солидного образования, накопленного исследовательского и преподавательского опыта и, с другой стороны, своих политических убеждений, зачастую заставлявших их находиться в эмиграции до начала революционных событий в России.

Именно представителям российской дореволюционной политической эмиграции, в число которых входили и ученые, принадлежат идеи, вдохновлявшие российских революционеров, а также особая роль в разработке идеологии и программных положений зачастую нелегально действовавших в России оппозиционных правительству течений или партий⁶⁵, и, таким образом, одна из ведущих ролей в организации и проведении революции 1917 г. в России.

Вернувшись на Родину после свершившейся смены власти, они составили основу управленческого аппарата советского государства и активно участвовали в создании высших административных структур 1920-х гг.⁶⁶ В том числе, эти ученые заняли лидирующие руководящие позиции в советской науке и определяли образовательную политику высшей школы. Именно так, по наблюдению Н. Бердяева, «одна часть интеллигенции стала властью, другая же ее часть была выброшена за борт жизни»⁶⁷. Таким образом, после свершившегося большевистского переворота 1917 г. российская «революционная» научная эмиграция поменялась местами с российской «буржуазной» ученой элитой, принимавшей участие в управлении страной до революции, и вынужденной теперь, в свою очередь, переместиться в эмиграцию.

Ярким примером ученых – представителей российской революционной эмиграции является историк-марксист М. Н. Покровский, значительную часть своих дореволюционных трудов создавший в эмиграции во Франции. После возвращения в Россию Покровский стал в 1920-е гг. не только признанным лидером марксистской исторической школы в СССР и основоположником истории «советского» образца (Советская историческая энциклопедия отмечает, что Покровскому «принадлежит ведущая роль в становлении советской исторической науки, в воспитании первых кадров советских историков»⁶⁸), но и видным политическим деятелем, заместителем наркома просвещения РСФСР, организатором учебных заведений «нового образца» – Коммунистической Академии, Института Красной Профессуры, редактором нескольких исторических журналов в СССР и пр.

⁶⁵ Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. Спб., 1997.

⁶⁶ См. в т.ч.: Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция: к определению объема и содержания понятия «российское научное зарубежье». http://www.rp-net.ru/book/articles/ezhegodnik/2010/04-Sorokina.php?sphrase_id=60229. Последнее посещение 19 ноября 2015.

⁶⁷ Бердяев. Размышления о русской революции.

⁶⁸ Советская историческая энциклопедия. М., 1961-1976. Т. 11. С. 254.

Этот по характеристике А. В. Луначарского «обворожительный герой революции» был не только теоретиком: Покровский напрямую участвовал в октябрьском революционном восстании 1917 г., позже принимал участие в разработке декретов Советской власти, был Членом Президиума ВЦИК, ЦИК СССР и имел множество других важных государственных постов и являлся, таким образом, важной ключевой фигурой и идеологом советского государства.

Еще один представитель российской революционной эмиграции – продолжительное время живший и работавший в Швейцарии и Италии А. А. Богданов – ученый с чрезвычайно разносторонними интересами – философ, психолог, экономист, литератор, ученый-естествоиспытатель. После революции он был членом ЦК РСДРП и идеологом Пролеткульта, но и не оставлял и своих научных интересов: так, он, помимо прочего, заложил основы новой науки тектологии, предвосхищающей некоторые идеи кибернетики, а также стал организатором первого в мире Института переливания крови.

Долгое время находившийся в эмиграции А. В. Луначарский – активный российский революционер-участник революции 1905 г. и октябрьской революции 1917 г., писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед, академик АН СССР, стал после революции активным государственным деятелем. Луначарский был долгое время первым наркомом просвещения РСФСР, затем, помимо прочего, председателем Ученого комитета при ЦИК СССР, директором НИИ литературы и искусства, редактором Литературной энциклопедии.

Именно такие высокообразованные люди, полностью поддерживающие советскую власть, стали для большевиков особенно ценным ресурсом. Их было невозможно найти в среде пролетариев и рабочих, они относились именно к дореволюционной дворянской и «буржуазной» интеллигенции. В том числе их силами происходило создание новых структур государства, образования и науки, именно они участвовали в развитии идеологии и в руководстве построением нового государства. Входя в высшее руководство Советской России, они являлись ее своеобразной визитной карточкой и были призваны, в числе прочего, поднимать имидж большевиков.

Так, например, А. В. Луначарский в качестве наркома просвещения сыграл важную роль в привлечении старой интеллигенции на сторону большевиков. По свидетельству Л. Д. Троцкого, «Луначарский был незаменим в сношениях со старыми университетскими и вообще педагогическими кругами, которые убежденно ждали от "невежественных узурпаторов" полной ликвидации наук и искусств. Луначарский с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней. [...] В повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону Советской власти Луначарскому принадлежит немалая заслуга»⁶⁹.

⁶⁹ Троцкий Л. Силуэты: политические портреты. М., 1991. С. 369.

Кроме научной интеллигенции, с восторгом или вследствие необходимости принявших советскую власть, существовала еще значительная группа ученых, продолжавших отстаивать свои идейные убеждения и отказывающихся кооперироваться с новой властью. И с какой настойчивостью большевики привлекали на свою сторону полезных им ученых, с такой же непримиримостью боролись против неугодных им интеллектуалов.

Вероятно, именно сплоченность русских ученых и их авторитет в обществе непосредственно перед революционными событиями 1917 г. заставили пришедших к власти большевиков разгромить их в первую очередь не столько как несогласных с новой властью ученых, но как людей, обладающих значительным общественно-политическим и научно-идеологическим потенциалом.

К началу 1920 г. в стране все еще оставалось значительное количество патристично настроенных ученых и профессуры, готовых даже в сложнейших условиях остаться на Родине и продолжить здесь работать. Учитывая тот факт, что значительное количество из них были политически активны и имели свою сложившуюся позицию, не всегда совпадавшую с позицией новой власти и ее планами по устройству новой советской интеллигенции, науки и высшей школы, их положение было довольно шатким: многие видные деятели науки жили под постоянной угрозой допросов, ареста, ссылок.

Однако даже это не останавливало оппозиционных властям ученых, которые продолжали не только работать, но и считали своим долгом активно участвовать в общественной и политической жизни страны, не скрывая своего мнения о власти большевиков. Особенно активно жизнь бурлила в университетах, в которых студенты и профессура «старой закалки» пытались противостоять отмене университетской автономии и всяческому ограничению научных свобод. Так, например, Н. Бердяев тогда открыто высказывался, что политика советской власти в области высшей школы «нарушает свободу науки и преподавания и стесняет свободу прежней философии»⁷⁰.

Большевикам, как никому другому, было известно, что университеты исторически являлись центрами оппозиционно настроенного к действующей власти студенчества и интеллигенции. Именно поэтому университеты практически сразу попали под пристальный контроль нового правительства, и вскоре кардинальный пересмотр учебных планов, перестройка целых кафедр, увольнение преподавателей, неугодных Минпросу, и тому подобные нововведения изменили университеты до неузнаваемости. Тем не менее, к началу 1920-х гг. в них еще оставались профессора «старой школы», влияние и авторитет которых сильно не устраивали большевиков, а вузовская автономия все еще оставляла ученым место для маневра в новой ситуации.

⁷⁰ Протокол допроса Бердяева Н. А. // Хрестоматия по истории России. 1917-1940 / Под ред. М.Е. Главатского. М., 1994. С. 260-262.

Именно поэтому в начале 1920-х гг. большевики активно взялись за планомерное подавление автономии университетов. Помимо прочего, утвержденное Совнаркомом осенью 1921 г. новое «Положение о вузах» позволило большевикам сместить большинство выборных ректоров вузов (в т.ч., например, ректора МГУ М. М. Новикова, впоследствии высланного из России в 1922 г.). Это повлекло за собой острую реакцию со стороны университетов: начиная с осени 1921 г. профессорские забастовки прокатились волной по всей России, и охватили вузы Москвы, Петрограда, Казани и других крупных городов.

Попытка профессуры отстоять автономию высшей школы была чрезвычайно враждебно принята большевиками. Забастовки рассматривались ими как один из «методов борьбы с советской властью»⁷¹ и поэтому имели для ученых далеко идущие последствия. После того, как новой власти стало ясно, что запугать и заставить молчать оставшихся активных оппозиционно настроенных к ней ученых не представляется возможным, а физическое уничтожение знаменитых за границей светил науки пагубно скажется на имидже большевиков, решено было прибегнуть к высылке оппозиционного ученого сословия за пределы России. Эта кампания, продолжавшаяся с 1922 по 1923 г., стала еще одним методом борьбы советской власти с непокорной интеллигенцией, ведущейся в т.ч. с целью «расчищения места» для советской интеллектуальной элиты, профессуры и ученых «нового образца».

Пожалуй, самой громкой из всех высылок интеллигенции в этот период является изгнание из России цвета русской ученой мысли, вошедшая в историю под названием «Философских пароходов». Такое собирательное название появилось для двух рейсов немецких кораблей «Oberbürgermeister Naken» и «Preußen», доставивших осенью 1922 г. из Петрограда в немецкий Штеттин цвет русской философии, как-то: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. Н. Булгакова, Н. О. Лосского, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, Б. П. Вышеславцева и других. Пассажирами этих пароходов стали представители и других наук: историки А. А. Кизеветтер, А. В. Фроловский, В. А. Мякотин, С. П. Мельгунов, социолог П. А. Сорокин, биолог и ректор Московского университета М. М. Новиков, математик В. В. Стратонов и многие другие.

Всего тогда из России без суда и следствия было выслано около 200 крупнейших ученых, писателей, общественных деятелей. Именно эти люди, имеющие потенциально высокое влияние в обществе, были способны, по мнению большевиков, изменить общественное мнение не в их пользу.

Высылка ученых была далеко не спонтанна: работа по подготовке этого процесса и списков самих высылаемых велась тщательно и на самом высоком уровне, с директивами, исходящими напрямую от Ленина. То, насколько серьезно к этому вопросу относился Ленин, ярко иллюстрирует его переписка, относя-

⁷¹ Протокол допроса Бердяева Н. А. // Хрестоматия по истории России. 1917-1940 / Под ред. М.Е. Главатского. М., 1994. С. 260-262.

щаяся к 1922 г., а также написанная им в этом же году программная статья «О значении воинствующего материализма». Ленин персонально контролировал процесс подготовки и осуществления высылки неугодной большевикам профессуры несмотря на то, что уже тяжело болел. Отличительная особенность старой русской интеллигенции, которая «была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой»⁷², как писал русский философ Н. Бердяев, сам один из пассажиров «Философского парохода», была, вероятно, очевидна для Ленина, самого принадлежавшего к ее кругу. Однако идеологами в советской России дозволялось быть только большевикам, они также не нуждались ни в критике, ни в дискуссиях.

Именно поэтому возобновившаяся после революции научная и общественная деятельность особенно русских философов-идеалистов не могла не привлекать внимания большевиков. Помимо прочего, в 1918 г. Н. Бердяев открывает в Москве Вольную академию духовной культуры, где читает лекции для ее слушателей вместе с А. Белым, Б. Вышеславцевым, С. Франком, В. Ивановым, Ф. Степуном, а также устраивает открытые чтения в Политехническом музее для всех желающих. В 1919 г. в Петрограде А. Белым, А. Блоком, Н. Лосским и Л. Шестовым была основана Вольная философская ассоциация, а при активном сотрудничестве П. Сорокина восстановилось Социологическое общество. В 1921 г. при Петроградском университете возобновляет свою работу Философское общество. Помимо этого, русские философы активно издают свои труды, продолжают выходить их газеты и журналы⁷³.

Известно, что кремлевская библиотека Ленина содержала, помимо прочего, труды русских философов-идеалистов Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, И. А. Ильина, Л. П. Карсавина, И. И. Лапшина, П. И. Новгородцева, Ф. А. Степуна, Е. Н. Трубецкого, С. Л. Франка⁷⁴, многие из которых впоследствии дополнили списки на высылку. Ленин помимо этого дает указание «обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг [...] всех некоммунистических изданий»⁷⁵.

Профессорская забастовка 1921-1922 гг., начатая профессорами МВТУ⁷⁶ и распространившаяся затем по всей стране, подтолкнула Ленина к тому, чтобы окончательно сформулировать свою стратегию по отношению к «контрреволюционной» профессуре и предпринять конкретные шаги по ее нейтрализации. Первой реакцией на забастовку стала рекомендация Ленина уволить профессоров МВТУ – зачинщиков забастовок: он обращается к Каменеву и Сталину с предложением «...уволить 20-40 профессоров обязательно. Они нас дурачат. Об-

⁷² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 17.

⁷³ Коган Л.А. Выслать за границу безжалостно // Вопросы философии. 1993. № 9.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Ленин – Дзержинскому 19.05.1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 266. Цит. по: Коган. Выслать за границу безжалостно.

⁷⁶ Московское высшее техническое училище.

думать, подготовить и ударить сильно»⁷⁷. Следующим шагом стала разработка Лениным списков на высылку из страны, в которые в 1922 г. были включены около 20 членов объединенного Совета профессоров Петрограда (в действительности выслано около 10) и четыре профессора МВТУ (высланы лишь двое)⁷⁸.

Высылка как мера борьбы против «контрреволюционной» интеллигенции предлагается Лениным в его программной статье от 12 марта 1922 г. «О значении воинствующего материализма», в которой Ленин сетует, что «рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею пока еще не научился, ибо в противном случае он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной "демократии"»⁷⁹.

Осуществление задуманной высылки Ленину было важно провести осторожно и продуманно. Так, он пишет Дзержинскому: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим»⁸⁰. Таким образом, после основательной проработки этого вопроса первыми лицами государства в августе 1922 г. был принят декрет ВЦИК об административной высылке за границу «лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям», подготовлены официальные списки высылаемых из Петрограда, а осенью 1922 г. операция «Философский корабль» была проведена. Эта акция не была одноразовой, в течение 1922-1923 гг. помимо этого было выслано множество российских ученых и интеллигенции из разных уголков страны – особенно пострадали при этом кроме Петрограда Москва и Киев.

Помимо непосредственного избавления от инакомыслящих, акция «философский пароход» преследовала еще одну важную цель. В начале 1920-х гг. перед правительством большевиков остро встала проблема признания Советской России на международной арене. Высылка всемирно известных ученых была для них еще и шансом продемонстрировать всему миру «гуманность» советской власти. Лев Троцкий говорит в своем интервью, обращенном за границу: «Те элементы, которые мы высылаем или будем высылать [...] сами по себе политически ничтожны. Но они – потенциальные орудия в руках наших возможных врагов. В случае новых военных осложнений [...] все эти непримиримые и неисправимые элементы окажутся военно-политической агентурой врага. И мы будем вынуждены расстреливать их по законам войны. Вот почему мы предпочитаем сейчас, в спокойный период, выслать их заблаговременно. И я выражаю надежду, что вы

⁷⁷ Письмо В. И. Ленина Л. Б. Каменеву и И. В. Сталину от 21 февраля 1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 177.

⁷⁸ Хрестоматия по истории России. С. 260-262.

⁷⁹ Ленин. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 33.

⁸⁰ Ленин – Дзержинскому 19.05.1922 г. // Ленин. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 266. Цит. по: Коган. Выслать за границу безжалостно.

не откажетесь признать нашу предусмотрительную гуманность и возьмете на себя ее защиту перед общественным мнением»⁸¹.

Таким образом, высылка являлась одновременно и способом проявить «гуманизм» Советской власти, и избавиться от ненужной, и – более того – опасной интеллигенции насовсем. Тем не менее, выслав этих людей за пределы России, большевики расписались в своем понимании их угрозы для нового строя и одновременно в своей бессилии совладать с ними. Все попытки запугать этих нестигаемых людей, повлиять на их убеждения потерпели неудачу, а физическое уничтожение, применявшееся советской властью в других случаях, было в этом случае неприменимо вследствие широкой известности большинства ученых за пределами России.

Расчет большевиков оказался точен. Хотя многие из высланных продолжили свои труды за границей, оказать влияние на происходящее в России они уже не смогли. С их отъездом Россия потеряла значительную часть старой научной элиты. Тех ученых, которых большевики называли «ничтожными», в сегодняшних учебниках называют великими мыслителями своего времени. Лишь спустя десятилетия их труды были по достоинству оценены на Родине.

Кроме принудительных высылки, ученые покидали страну и по собственной инициативе, спасаясь бегством от диктатуры большевиков, от неустроенного быта и в поисках благоприятных условий для продолжения своей работы. Какое количество российских ученых оказалось в эмиграции после большевистской революции и гражданской войны, точно подсчитать не представляется возможным, можно лишь попытаться оценить масштаб этого исхода.

Так, общее количество эмигрировавших после революции 1917 г. оценивается, например, в 1,5-2 млн. чел.⁸² в ставшем классическим анализе миграций «Войны и миграции. Всемирная история как движение народов» 1932 г. братьев Кулишер, которые сами были современниками событий и эмигрировали после революции. Современные российские исследователи обычно оценивают эмиграцию первой волны приблизительно в том же диапазоне – 1,5-3 млн. человек⁸³. Известная аме-

⁸¹ Тов. Троцкий об отношении Европы и Америки // Известия. 30 августа 1922. С. 1.

⁸² Kulischer A., Kulischer E. Kriegs- und Wanderzüge: Weltgeschichte als Völkerbewegung. Berlin, Leipzig, 1932.

⁸³ См., напр.: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. // Энциклопедический биографический словарь / Под общ. ред. В.В. Шелохаева. М., 1997. <http://lib.druzya.org/enciklopedia/view-emigrate.txt.full.html>. Последнее посещение 4 декабря 2014. *Золотая книга эмиграции* отмечает, что по самым приблизительным подсчетам, в первую волну эмиграции за рубежом оказалось около 2 млн. российских подданных. Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции (1921-1924). М., 1978. С. 15; Семанов С.Н. Ликвидация антисоветского кронштадтского мятежа в 1921 г. М., 1973. С. 123; Пивовар Е., Герасимова И. и др. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х гг.: гражданские беженцы, армия, учебные заведения. М., 1994. С. 12, со ссылкой на: РГВА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 730. Л. 208, 251 об.; Ф. 109. Оп. 3. Д. 236. Л. 182; Д. 368. Л. 8 об; Кабузан В.М. Русские в мире: динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 230.

риканская советолог Ш. Фицпатрик, напротив, намного более осторожна в своей оценке и дает лишь нижнюю границу количества уехавших: «из России к концу Гражданской войны выехало не менее миллиона русских»⁸⁴. Она также обращает внимание на ключевую, по нашему мнению, характеристику этой эмиграции: эмигрировали «в основном представители тонкого слоя ее образованной элиты»⁸⁵. Действительно, русская эмиграция первой волны являлась прежде всего эмиграцией элит, а, значит, и количество уехавшей интеллигенции (среди которых и ученые) насчитывало около миллиона человек.

Что же касается данных непосредственно по уехавшим представителям ученого сословия, то, например, по данным Советской исторической энциклопедии в эмиграции к 1931 г. находилось «до 500 буржуазных ученых» из России⁸⁶, однако эта цифра является, безусловно, заниженной. Более уместной будет оценка «примерно 500 *крупных* (курсив мой – Е. К.) ученых»⁸⁷, отъезд которых повлек за собой перемещение за рубеж целых научных школ, и которые возглавили за рубежом кафедры и целые научные направления (примерами могут служить отъезд С. Н. Виноградского, В. К. Агафонова, К. Н. Давыдова, П. А. Сорокина и многих других). Факт невозможности подсчитать точное количество покинувших большевистскую Россию ученых отмечает абсолютное большинство современных исследователей, занимающихся этой темой⁸⁸. Тем не менее, с уверенностью можно утверждать, что Россию покинула значительная часть русского научного сообщества. Причем были среди них как уже состоявшиеся маститые ученые с мировым именем, так и молодые, подающие большие надежды ученые, сделавшие себе имя уже в эмиграции.

Стоит, однако, заметить, что количество эмигрировавших ученых не является идеальным показателем оценки потеряннного для страны интеллектуального потенциала, хотя и дает представление о его масштабе. Намного более значимой является научная величина эмигрирующих ученых, ведь научное сообщество неоднородно, и состоит как из научных работников, выполняющих рутинную исследовательскую работу, так и из крупных ученых, совершающих революционные научные открытия, за счет которых наука и делает качественные рывки вперед. При этом последняя группа является, как правило, намного малочисленнее, чем первая. К ней можно отнести, например, видных ученых – основателей

⁸⁴ Фицпатрик Ш., Людтке А. Заряжая энергией повседневность: социальные связи при нацизме и сталинизме // За рамками тоталитаризма: сравнительные исследования сталинизма и нацизма / Ред. М. Гейер, Ш.М. Фицпатрик. М., 2011. С. 354.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ СИЭ. Т. 16. М., 1976. С. 498.

⁸⁷ Жуковская Д. Причины и судьбы эмиграции после революции 1917 г. http://www.historicus.ru/sudba_emigratsii/. Последнее посещение 23 апреля 2015.

⁸⁸ Так, например, Э. Колчинский отмечает, что общее количество научных специалистов, бежавших / уехавших / эвакуированных из России в период 1917–1921 гг., остается до сих пор неизвестным (см.: Колчинский Э.И. Наука и эмиграция: судьбы и цифры // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. Сб. ст. СПб., 2003. Кн. 2. С. 165-166), с ним соглашается и М. Сорокина (см. Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция).

научных школ и новых направлений науки. Причем на момент отъезда из страны они могли быть как уже известными, так и лишь молодыми одаренными учеными, чей талант полностью раскрылся уже в условиях эмиграции. Отъезд всего нескольких ученых из этой категории может нанести непоправимый урон целому научному направлению. Поэтому в целях оценки ущерба от эмиграции для отечественной науки целесообразнее, вероятно, не заниматься простым подсчетом количества уехавших ученых, а анализировать ситуацию в отдельных областях науки после их отъезда, сопоставляя ее с успехами русской научной мысли в эмиграции.

Так, ученые определенной специализации после октябрьской революции были вынуждены покинуть Россию в массовом порядке – вспомним, например, «философские пароходы». Кроме этого, страну покинули очень многие историки и экономисты старой школы. Также, например, как пишет М. Сорокина, Россию покинули все (!) научные специалисты в ранге докторов и профессоров международного права⁸⁹. При этом сильно пострадали не только гуманитарные науки. По оценке того же автора, из России уехало около трети персонального состава представителей инженерного и медицинского сообществ⁹⁰. Д. Сапрыкин, в свою очередь, оценивает потери количественного состава российских ученых и инженеров в послереволюционный период в три четверти от всего их состава и отмечает, что в «высокотехнологичной» сфере между 1917 и 1925 гг. потери составляли даже от 70 до 90 (!) процентов наиболее квалифицированных кадров⁹¹.

После подобных массовых отъездов традициям этих отраслей отечественной науки наносился непоправимый ущерб. Нередки были случаи, когда видные ученые, основатели научных школ, уезжавшие за границу, увозили с собой всю научную школу с наработанными традициями. После революции ряд дисциплинарных направлений науки вследствие массового отъезда и гибели ученых буквально опустел, поставив под угрозу существование целых отраслей науки в России, а кадровая ситуация в университетах и научных учреждениях приблизилась к катастрофической.

Общий баланс этого времени для российской науки таков: результатом смены строя в стране, гражданской войны и ее лишений, и в особенности уничижительной политики большевиков к ученым старой школы в период между 1917-1921 гг. явился масштабный исход интеллигенции и ученых из страны – говоря современным языком, произошла массивная утечка мозгов.

Эмиграция выдающихся российских ученых, начавшаяся в первую пятилетку после октябрьской революции 1917 г., не прекращалась и долгое время после нее. Со временем ко многим ученым, не уехавшим сразу, приходило осознание бесперспективности работы при новом режиме, становилось все более нестер-

⁸⁹ Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М., 2009. С. 47-48. <http://www.ihst.ru/files/saprykin/book-education-pote.pdf>. Последнее посещение 1 декабря 2016.

пимым ущемление их исследовательских интересов и ограничение гражданских прав и свобод, и они стремились всеми способами покинуть СССР, чтобы продолжить работу за рубежом.

Так, с середины 1920-х – начала 1930-х гг. многие ученые навсегда покидали СССР, используя для своего «бегства» (а именно такой характер приобретали эти отъезды) все еще имеющиеся возможности зарубежных командировок, международных конференций и симпозиумов. Таким способом покинули СССР, например, ректор Горной академии Д. Н. Артемьев, математик и астрофизик В. А. Костицын, физик-теоретик Г. А. Гамов, и некоторые другие видные ученые.

Многие из них не желали навсегда рвать связь с Родиной, ставя перед собой цель работать за границей, свободно посещать научные конгрессы во всем мире, но при этом и иметь возможность беспрепятственно посещать СССР. Однако для большинства советских ученых такой режим работы был недостижим. Так, например, Гамов после своего невозвращения с научного конгресса в Европе хлопотал о продлении научной командировки и сохранения советского паспорта, что успехом не увенчалось.

Судьба крупных ученых по-прежнему решалась в индивидуальном порядке, и, пожалуй, главным определяющим фактором была их известность и нужная специализация, из чего вытекала «полезность» для советской власти. При наличии последней политические убеждения ученых отходили на второй план, им разрешалось не только выезжать за рубеж, но и работать за границей, сохраняя советский паспорт, и свободно посещать СССР⁹², а в отдельных случаях даже открыто высказывать свое мнение о реалиях советской власти⁹³.

Отъезды известных ученых, ставших почти массовым явлением, получили большой общественный резонанс, так что власти отреагировали на это жестким образом. Так, Академия Наук СССР уже в 1927 г. вынужденно ввела в свой устав пункт об исключении из нее членов с формулировкой «ввиду утраты связи с АН

⁹² К ним в разные годы относились, например, видный физик, академик, а позже лауреат Нобелевской премии П. Л. Капица, академик В. И. Вернадский и славист Н. Н. Дурново, генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский. Однако среди них были и такие, которых советская власть впоследствии принудительно оставляла в СССР. Так случилось, например, с академиком П. Л. Капицей (см.: Есаков В.Д. Почему П. Л. Капица стал невыездным // Вестник РАН. 1997. № 6. С. 543-553), или с Н. В. Тимофеевым-Ресовским (см.: Бабков В.В., Саканян Е.С. Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: 1900–1981. М., 2002).

⁹³ Так, например, академик Павлов – один из немногих, который мог свободно критиковать действующий порядок, – пишет в 1931 г. Бухарину: «Революция для меня – это действительно что-то ужасное по жестокости и насилию, насилию даже над наукой; ведь один ваш диалектический материализм по его теперешней жизненной постановке ни на волос не отличается от теологии и космогонии инквизиции». см. СПФ АРАН. Ф. 259. Оп. 1а. Ед.хр. 42. Цит. по: Самойлов В.О. О патриотизме и диссидентстве Павлова // Природа. 1999. № 8. В 1934 г. в письме в СНК тов. Молотову Павлов обличает советскую власть: «Вы напрасно верите в мировую пролетарскую революцию. [...] Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было». См. АПРФ. Ф. 3. Оп. 33. Д. 180. Л. 47-50. Автограф. цит по: Пощадите же родину и нас: протесты академика И. П. Павлова против большевистских насилий // Источник. 1995. № 1(14). С. 138-144.

СССР»⁹⁴. Это положение было практически сразу, в 1928 г., применено на практике для исключения из своих рядов нескольких академиков и членов-корреспондентов, покинувших Россию после Октябрьской революции (в этот список входили, например, академик, антиковед М. И. Ростовцев, академик, филолог-славист В. А. Францев, член-корреспондент, историк церкви Н. Н. Глубоковский и др.), и широко использовалось и в дальнейшем для воздействия на «сбежавших» ученых. Например, в 1936 г. из Академии наук после невозвращения из заграничной командировки были исключены химики В. Н. Ипатьев и А. Е. Чичибабин, по той же причине в 1938 г. из числа членов-корреспондентов АН СССР был исключен Г. А. Гамов.

Ученые не только лишались членства Академии наук, чем, по мнению советской власти, компрометировались в профессиональной среде. Помимо этого, им присваивали юридический статус «невозвращенца»⁹⁵ и лишали гражданства, что обрекало ученых на безвозвратный отрыв от Родины, чего абсолютное большинство из них категорически не желало. Так советская власть продолжала бороться с негодными ей учеными и многие годы спустя после революции.

Но как же сложилась дальнейшая карьера ученых, обладавших «нужной» для нового социалистического государства специализацией и знаниями, которые приняли решение остаться в советской России и согласились сотрудничать с новой властью, с теми, кто поднимал народное хозяйство страны и работал над прочими прикладными задачами, которые ставила перед ними советская власть? И, напротив, что произошло с учеными, вынужденно или добровольно покинувшими Россию, в эмиграции? Несколько примеров того, как сложились их судьбы, позволяют нам выявить некоторую закономерность.

Бывший царский приват-доцент, а в советской России – академик Н. И. Вавилов был выдающимся ученым-биологом и селекционером. Работа Вавилова имела, помимо прочего, огромное значение в становлении советских научных учреждений аграрного комплекса. Он стал также одним из основоположников советской генетики. Крупный ученый – помимо прочего академик АН СССР и АН УССР, президент ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства и Института генетики АН СССР, директор Всесоюзного географического общества, – он был известен не только в СССР, но и обладал всемирным признанием, был членом множества зарубежных академий и научных обществ по всему миру⁹⁶.

Вавилов всю свою работу посвятил борьбе с голодом – насущной проблеме, периодически угрожавшей стране катастрофой. С помощью новых сортов растений с улучшенной урожайностью, повышенной устойчивостью к паразитам и

⁹⁴ Сорокина. Российское научное зарубежье versus русская научная эмиграция.

⁹⁵ Статус «невозвращенца» был закреплен постановлением ЦИК СССР от 21 ноября 1929 г. и присваивался гражданам СССР, работавшим за границей и «перебежавшим в лагерь врагов рабочего класса и крестьянства», отказываясь вернуться в СССР.

⁹⁶ Поповский М. Дело академика Вавилова. М., 1991.

болезням и способностью плодоносить на любых почвах и в суровом климате ученый создавал основы продовольственной безопасности СССР и всего мира. Вавилов по всему миру собирает семена культурных и диких растений из мест их изначального произрастания, постепенно составляя одну из крупнейших в мире коллекций посевного материала, уникальную по своему генетическому материалу и биологическому разнообразию. Коллекция Всесоюзного института растениеводства уже при жизни ученого содержала семена растений, исчезнувших у себя на родине⁹⁷.

Вавилов не просто собирал коллекцию растений, а систематизировал этот процесс, научно обосновав идею «мобилизации растительных ресурсов – поисковой работы, направленной на овладение растительными богатствами Земли»⁹⁸. В основу своей обширной коллекции Вавилов закладывает «идею ботанической географии, идею эволюции растительного мира, последовательности этапов, изменчивости в пространстве и во времени, свойственной культурным и диким растениям»⁹⁹.

Всемирную известность Вавилову приносит его закон «гомологических рядов» в наследственной изменчивости – своего рода «периодическая система Менделеева для растений», выявляющая закономерности их изменчивости и имеющая, помимо прочего, огромное практическое значение для выведения новых сортов и систематизации существующего многообразия растительного мира.

Огромные достижения гениального ученого не спасают его от репрессий. Вследствие активного неприятия идей псевдо-академика Т. Д. Лысенко, любимца Сталина, обещавшего, в отличие от Вавилова, руководству страны невиданные урожаи в кратчайшие сроки, Вавилов в 1940 г. был арестован в ходе кампании против ученых-генетиков по сфабрикованному обвинению в антисоветской вредительской деятельности и шпионажу.

Приговоренный к высшей мере наказания, Вавилов из камеры пишет наркому НКВД Л. П. Берия: «Перед лицом смерти как гражданин СССР и как научный работник считаю своим долгом заявить, [...] что я никогда не изменял своей Родине ни в помыслах, ни делом, не причастен к каким-либо формам шпионской работы, контрреволюционной деятельности, посвятив себя всецело научной работе. Все мои помыслы – продолжать и завершить достойным для советского

⁹⁷ На сегодняшний момент в коллекции Всероссийского института растениеводства, нетронутой даже во времена блокады Ленинграда, уже почти половина образцов – семена растений, которые больше не растут на Земле. См.: Литвинцев Д. Победить голод // GEO. 2013. № 4. С. 138-149.

⁹⁸ Вавилов Н.И. Пять континентов. М., 1987. Там же Вавилов пишет: «Уже с первых лет наших исследований в области растениеводства нам стала совершенно ясной необходимость широкого подхода к мобилизации растительных ресурсов в целях их правильного использования для улучшения существующих культур и сортов. [...] Вскоре для нас стал совершенно очевиден случайный характер европейских коллекций, отсутствие какой-либо единой идеи в привлечении материала. Логически стало необходимым исследование растительных ресурсов Земли в их эволюции, в их расхождении из начальных очагов».

⁹⁹ Там же.

ученого образом большие недоконченные работы на пользу советскому народу, своей Родине. [...] Мне 54 года, имея большой опыт и знания, в особенности в области растениеводства, владея свободно главнейшими европейскими языками, я был бы счастлив отдать себя полностью моей Родине, умереть за полезной работой для моей страны»¹⁰⁰.

В 1942 г. Лондонское королевское общество избирает находящегося в камере смертников и лишившегося всех своих постов Н. И. Вавилова своим иностранным членом за выдающийся вклад в науку. И хотя вскоре после этого смертный приговор заменен Вавилову на 20 лет лишения свободы ввиду возможности его использования на работах, имеющих «серьезное оборонное значение»¹⁰¹, это уже не может помочь знаменитому ученому вернуться к работе. В январе 1943 г. 55-летний Вавилов погибает в тюрьме в самом расцвете ученой карьеры от болезни и истощения. В СССР труды репрессированного Вавилова долгое время считались «антинаучными», в то время как результаты его исследований по генетике и селекции растений широко использовались во всем мире. Советская генетика в результате тотальных на нее гонений оказалась отброшенной на много лет назад.

Как и Вавилов, В. Н. Ипатьев, величайший ученый-химик своего времени, начал свою карьеру в царской России, где совмещал военную службу с работой в химической лаборатории Михайловской артиллерийской академии, где с 1899 г. становится профессором. Во время Первой мировой войны Ипатьев был председателем Химического комитета Главного артиллерийского управления русской армии, который под его руководством сумел наладить стратегически важное производство взрывчатых и горюче-смазочных веществ для армии. За свои заслуги Ипатьев был произведен в генерал-лейтенанты и удостоен множества орденов.

После большевистской революции Ипатьев, оставаясь приверженцем конституционной монархии, хотя и не принял революцию, однако сразу встал на путь сотрудничества с новой властью. В советской России он возглавил организацию научной работы в области химии и одновременно занялся восстановлением и расширением химического производства в стране. По словам Ленина, Ипатьев был «главой нашей химической промышленности»¹⁰². Ипатьев был членом президиума ВСНХ и Госплана СССР, при этом продолжая проводить исследования, публиковать свои научные труды и популяризировать химию.

Несмотря на все свои заслуги, к концу 1920-х гг. Ипатьев под влиянием участвовавших репрессий против ученых – своих ближайших коллег – и чисток в

¹⁰⁰ Письмо Н. И. Вавилова к Л. П. Берия от 25.04.1942. Цит. по: Тузова Р.В., Ковалев Н.А. Молекулярно-генетические механизмы эволюции органического мира: генетическая и геновая инженерия. Минск, 2010.

¹⁰¹ ЦА ФСБ России. № Р-2311. Т. 1. П. 464. Машинопись. Цит. по: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/vavilov/124.htm>. Последнее посещение 15 ноября 2016.

¹⁰² Российская научная эмиграция: двадцать портретов / Под ред. Г.М. Бонгард-Левин, В.Е. Захаров. М., 2009. С. 191.

промышленности перестал чувствовать себя в безопасности и принял непростое для себя решение эмигрировать. Позже в своих мемуарах Ипатьев так напишет об этом: «у меня самого в душе до конца моей жизни останется горькое чувство: почему сложились так обстоятельства, что я, все-таки, принужден был остаться в чужой для меня стране, сделаться ее гражданином и работать на ее пользу в течении последних лет моей жизни?»¹⁰³.

В 1930 г. получив отпуск для лечения за границей, Ипатьев с женой не вернулся в СССР, обосновавшись сначала в Европе, а затем перебравшись в США. Несмотря на всю горечь изгнания, Ипатьев продолжил свою блестящую научную карьеру в Америке, где совершил несколько прорывных открытий в различных областях химии. Так, Ипатьев считается одним из основателей нефтехимии в США. Открытиями в этой области, прославившими его, стали каталитический крекинг, который увеличивал выход бензина при переработки нефти, и высокооктановый бензин, в том числе увеличивавший скорость транспортных средств, что, как считается, обеспечило американской авиации преимущество во Второй мировой войне¹⁰⁴, а также технология производства полимеров и пластмасс. В 1939 г. Ипатьева избирают членом Национальной академии наук США. Ученый продолжал активно публиковать свои научные труды (их у него насчитывается около 500) и патентовать свои изобретения на их основе (более 250 патентов) в производстве и экологической практике¹⁰⁵. В СССР Ипатьев, до конца своих дней мечтавший о возвращении на Родину, в 1936 г. был исключен из числа академиков АН СССР, в 1937 г. лишен советского гражданства, а все его книги были изъяты из употребления на долгие годы.

Гениальный ученый-экономист Н. Д. Кондратьев ставил целью своей научной работы поднятие народного хозяйства страны после войны и революции, и в том числе занимался, как и Вавилов, решением продовольственного вопроса. Обладаящему «пролетарским происхождением» Кондратьеву – выходцу из крестьян, удалось получить образование, и благодаря своим выдающимся способностям начать научную карьеру. Политически активный ученый, состоявший в партии эсеров, он сначала не принимает октябрьскую революцию и участвует в подпольной работе Временного правительства. Однако вскоре после вытеснения эсеров из власти большевиками Кондратьев оставляет политику и концентрируется исключительно на научной деятельности, начав сотрудничать с новой властью.

Несмотря на это, в 1922 г. Кондратьев, на тот момент профессор, директор Конъюнктурного института при Наркомфине, начальник управления экономики и планирования сельского хозяйства Наркомзема, был включен в список лиц на высылку из советской России и должен был стать одним из пассажиров «фило-

¹⁰³ Ипатьев В.Н. Жизнь одного химика. Воспоминания. Том 2: 1917-1930. Нью-Йорк, 1945. С. 484.

¹⁰⁴ Российская научная эмиграция. С. 201.

¹⁰⁵ Там же.

софского парохода». Но по ходатайству в Политбюро ЦК РКП(б) в связи с ценностью его работы для Наркомзема¹⁰⁶ Кондратьев был исключен из списка высылаемых, и остался с энтузиазмом работать на благо России.

Помимо прочего, Кондратьев работал над теоретической подоплекой НЭПа, а в дальнейшем трудился в Госплане и разрабатывал первый пятилетний план по развитию сельского хозяйства в СССР, позволивший советской деревне восстановиться после гражданской войны. Во всем мире ученый стал знаменит благодаря своей теории больших циклов конъюнктуры, известной в мировой науке под названием «волны Кондратьева», которое ей дал один из крупнейших экономистов XX века И. Шумпетер. Однако в СССР «кондратьевщина» была объявлена «идеологией кулачества», способствующей «реставрации капитализма». В 1930 г. Кондратьев был арестован, приговорен к 8 годам тюремного заключения по сфабрикованному делу об основании подпольной «Трудовой крестьянской партии» и расстрелян в 1938 г. в разгаре сталинских репрессий.

Помимо «философского парохода», у Кондратьева была еще как минимум одна возможность остаться работать за границей. В 1924 г. он с женой едет в годичную научную командировку в США, Канаду, Великобританию и Германию. Во время пребывания в США его давний друг Питирим Сорокин, другой пассажир «философского парохода», высланный из России в 1922 г., предлагает Кондратьеву остаться в США, однако последний отказывается¹⁰⁷, видя перед собой большой фронт работ на Родине.

Что же касается друга Кондратьева, П. А. Сорокина, жизнь его сложилась совсем по-другому. В судьбе двух этих крупных российских ученых присутствует множество параллелей до одного судьбоносного момента в их биографии – когда один из них остается на Родине, а другой оказывается в эмиграции. Именно это определяет разницу всей их дальнейшей жизни и карьеры.

Крупный ученый-социолог и культуролог П. А. Сорокин, как и Кондратьев, начал свой путь в науку, будучи выходцем из крестьян. Их дружба началась еще в семинарии, во время обучения в которой они оба вступают в партию эсеров, а затем вместе отбывают тюремное заключение за революционную деятельность. Друзья вместе перебираются в Санкт-Петербург для получения высшего образования, где оба не только продолжают активную политическую деятельность, но и делают свои первые научные успехи. После февральской революции 1917 г. молодые ученые еще активнее становятся вовлеченными в политику, оба становятся секретарями у А. Ф. Керенского. После октября 1917 г. Кондратьев и Сорокин становятся депутатами Учредительного собрания, вскоре разогнанного больше-

¹⁰⁶ Ходатайство В. В. Оболенского (Н. Осинского) в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой освободить от высылки Н. Д. Кондратьева. 23.08.1922. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 175. Л. 75-75 об. Автограф. http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19220823osin.html. Последнее посещение 28 ноября 2016.

¹⁰⁷ Агеев А., Мясоедов Б. Сорокин и Кондратьев – два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5.

виками, а в 1918 г. – участниками «Союза возрождения России», за что подвергаются преследованию большевиками¹⁰⁸. Вместе ученые должны быть высланными на «философском пароходе», но покинуть Россию суждено было лишь Сорокину.

Это, однако, была отнюдь не случайность. Как и Кондратьев, Сорокин категорически не принимает большевистской революции, однако занимает при этом намного более резкую позицию: он говорит о «мятеже большевиков» и о «государственном перевороте»¹⁰⁹. В необыкновенно резкой статье, обращенной к «Победителям», он называет большевиков «лгунами», «грабителями», «негодями», «убийцами», «предателями родины и революции»¹¹⁰. Сразу после октябрьской революции Сорокин занялся активной оппозиционной деятельностью, однако с успехами большевиков в гражданской войне не видит для себя более возможности продолжать политическую борьбу, и пишет отречение, в котором складывает с себя депутатские полномочия и объявляет о своем выходе из партии эсеров. В своем «Отречении» Сорокин, помимо прочего, признается в своем «горячем желании вернуться к прерванной чисто научной работе и к работе по культурному просвещению народа. [...] Политики могут ошибаться, политика может быть общественно полезной, но и может быть общественно вредной, работа же в области науки и народного просвещения – всегда полезна и всегда нужна народу, в особенности же в эпоху коренного переустройства всей государственной и общественной жизни»¹¹¹.

Заявление Сорокина попадает в поле зрения Ленина, который распорядился напечатать его в центральной газете *Правда*. На следующий день в ней же появляется статья самого Ленина¹¹², который показательно рассматривает отречение известного контрреволюционера Сорокина и приглашает к сотрудничеству его единомышленников-противников революции. По словам Ленина, «поворот Питирима Сорокина отнюдь не случайность, а проявление неизбежного поворота целого класса, всей мелкобуржуазной демократии», и далее: «мы должны научиться [...] использовать этот поворот, поддержать его, вызвать его в соответственных группах и слоях, осуществить все возможное в деле соглашения с этими элементами»¹¹³.

Однако Сорокин отказывается лишь от продолжения своей политической деятельности, но не от своих научных воззрений. Как и Кондратьев, видя свое дальнейшее призвание исключительно в научной деятельности, Сорокин при этом, в отличие от него, отказывается от сотрудничества с большевиками и продолжает

¹⁰⁸ См. Агеев А., Мясоедов Б. Сорокин и Кондратьев – два переплетенных пути // Экономические стратегии. 2013. № 5.

¹⁰⁹ Сорокин П. Во власти преторианцев // Воля народа. 29 октября 1917.

¹¹⁰ Он же. Победителям // Воля народа. 28 октября 1917.

¹¹¹ Отречение Питирима Сорокина // Правда. 20 ноября 1918.

¹¹² Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Правда. 21 ноября 1918.

¹¹³ Там же.

отстаивать свои научные взгляды. Помимо прочего, не обходит своим вниманием Сорокин и тему голода, рассматривая ее с социологической точки зрения. В своем труде «Голод как фактор. Влияние голода на человеческое поведение, социальную жизнь и социальную организацию» ученый утверждает, что продовольственная проблема будет вечным спутником тоталитарной идеологии. Главы этой книги печатаются в *Экономисте* в 1922 г., войну против которого как раз ведет Ленин, и авторы, и редакция которого практически в полном составе пополняют рейс «философского парохода». Не избежал попадания в списки высылаемых и Сорокин.

После высылки за границу, очевидно, спасшей жизнь Сорокину, начинается пересмотр его ценностных и научных взглядов. Из Берлина ученый по официальному приглашению Масарика перебирается в Чехословакию, где читает лекции и активно участвует в деятельности русского научного сообщества в Праге. В 1923 г. он получает предложение от американских социологов читать лекции о русской революции в США и вскоре перебирается туда. В Америке Сорокин совершенствует свой английский, пытается получить профессорскую ставку в американском университете, а также борется за признание своих идей, неизменно оставаясь критиком коммунистических воззрений и большевистской революции. Одновременно Сорокин издает несколько своих важных трудов по социологии¹¹⁴. Эти работы были скоро оценены по достоинству и приобрели международное признание. Сорокин не только создал себе репутацию крупного социолога в США, но и получил почетное и действительное членство нескольких академий и научных обществ.

Когда в Гарварде открывается новая кафедра социологии, Сорокина приглашают ее возглавить. Здесь для ученого создаются благоприятные условия работы, и его известность еще более растет. Помимо прочего, он создает «Гарвардский исследовательский центр по созидающему альтруизму», где разрабатывает идеи «творческого альтруизма» и «любви». В 1964 г. Сорокина избирают президентом Американской социологической ассоциации. Он и на пенсии продолжает работу над научными трудами, пишет воспоминания¹¹⁵, постоянно путешествует по стране с лекциями, участвует в международных научных конференциях и симпозиумах.

Сегодня Сорокина называют одним из великих умов XX в., признанным не только в США, но и во всем мире классиком социологии¹¹⁶. Лишь с большим

¹¹⁴ В частности, Сорокин создает концепцию «социальной мобильности», заканчивает «Современные социологические исследования», долгое время служившие учебником социологии в американских университетах.

¹¹⁵ Сорокин. Долгий путь.

¹¹⁶ Высочайшие характеристики в т.ч. в некрологе Гарвардской газеты *The Harvard Crimson* от 12.02.1968 г. <http://www.thecrimson.com/article/1968/2/12/pitirim-sorokin-is-dead-at-age/>; American Sociological Association «Past ASA Presidents: Pitirim Sorokin». <http://www.asanet.org/about-asa/asa-story/asa-history/past-asa-officers/past-asa-presidents/pitirim-aleksandrovich-sorokin>. Последнее посещение 12 декабря 2016.

опозданием его научное мировоззрение, в большинстве своем сформировавшееся и оформленное в эмиграции, получило признание и на его родине, в России.

Другой великий русский экономист начала XX в. наравне с Кондратьевым – В. В. Леонтьев. По стечению обстоятельств, Леонтьев также имел отношение к «философским пароходам»: в 1922 г. его, молодого студента Петроградского университета, арестовывают за расклейку листовок с протестом против высылки русских ученых. Получив диплом экономиста и начав научную карьеру в Петрограде, очень скоро молодой ученый сталкивается с цензурой. Стремление найти возможность исследовать занимающие его темы наводит Леонтьева на мысль об эмиграции. За этим следует аспирантура и научная работа в Берлине. В 1931 г. он перебирается в США и начинает преподавать в Гарвардском университете, где долгие годы работает над своей моделью «затраты-выпуск», прославившей его. Леонтьев выполняет прогнозы экономики для правительства Франклина Рузвельта, а во время войны руководит планированием поставок по ленд-лизу для СССР. В 1948 г. Леонтьев создает Гарвардский центр экономических исследований, ставший ведущим в своей отрасли в мировом масштабе, а в 1954 г. его избирают президентом Американского эконометрического общества. Вскоре модель Леонтьева начали применять во многих странах, что сделало его всемирно известным экономистом. В 1970 г. Леонтьев был избран президентом Американской экономической ассоциации, а в 1973 г. ему присуждается Нобелевская премия по экономике.

Идеи Леонтьева находят применение и в СССР, куда ученый неоднократно приезжал с научными визитами. Лишь в 1988 г. Леонтьева избирают иностранным членом Российской Академии наук, и его работы начинают издавать на родине¹¹⁷. Леонтьев, всегда следивший за ситуацией в экономике на родине, после перестройки пытался повлиять на ход экономических реформ, предостерегая от резкого перехода к рыночной экономике, однако услышан не был. Скончался знаменитый ученый в 1999 г. в США. Его жизнь представляет еще один пример того, как могла сложиться судьба ученого в эмиграции.

Стоит отметить, что подобных примеров существует множество. Несколько приведенных нами фактов из биографий русских ученых указывают на очевидную закономерность: во многом их дальнейшая жизнь и развитие научной карьеры зависели от того, остались ли они работать в стране при новой власти – или оказались в эмиграции. Этот вопрос, который ученые вынуждены были решать для себя после большевистской революции, оказался воистину судьбоносным как для них самих, так и для российской науки.

Большинство оставшихся в России представителей «старой науки» были деморализованы постоянными репрессиями и негативным отношением к ним как к «буржуазии», а, зачастую, и как к «врагам народа». Вслед за красным террором ученых, переживших первые послереволюционные годы, ожидали сталинские

¹¹⁷ Финансисты, которые изменили мир. М., 2014.

репрессии, разгромившие остатки старой научной элиты. Описанные в этой статье гонения на ученых складываются в катастрофическую картину планомерного уничтожения неугодной советской власти интеллигенции. Поскольку большая часть научной интеллигенции была уничтожена, покинула страну или была подавлена и запугана большевиками, интеллектуальный потенциал общества значительно ослаб. Для русской науки, и в особенности для общественных наук, массовые репрессии ученых обернулись развалом сложившегося научного сообщества, означая разрыв преемственности научных знаний и многих традиций русской науки.

И если судьба большинства оставшихся в СССР крупных ученых сложилась трагически, то за рубежом ученые часто получали возможность продолжить начатую до революции научную карьеру и работать в сфере своих интересов. Несмотря на горечь изгнания, эмиграция, вероятно, многим из них спасла жизнь, а комфортные условия научно-исследовательской деятельности и быта создавали ученым предпосылки для продуктивной работы. Таким образом, эмигрировавшие русские ученые обогатили науку тех стран, которые их приютили, как и мировую науку в целом (а позже и науку российскую, после реабилитации у себя на родине). Так эмиграция спасла многих российских ученых для науки.

Картина *Философский пароход*. Художник Дмитрий Пантюхин, холст, масло 85x150 см. Слева направо: Франк, Трубецкой, Бердяев, Шестов, Лапшин, Кизеветтер, Ильин, Осоргин, Выше-славцев, Карсавин, Лосский. <http://arthb.ru/filosofskiy-parohod/>

V. Искусствоведение

Аннэ Реннерт

«Двое в комнате» – Родченко, Ленин и Маяковский: к наличности отсутствующего*

Когда Александр Родченко в 1935 году снимал фотографа Регину Лемберг в ее московской квартире, ее младшей сестры Евгении уже не было в живых¹. В 1934 году художник портретировал Женю как *Девушку с лейкой*, а после ее смерти у него установились тесные отношения с Региной. Сестры были родом из еврейской семьи фотографов; они учились у Родченко и работали фоторепортерами в московских газетах. В некрологе Регины Григорьевны, умершей от гангрены 4 июля 1938 года, перечислены ее заслуги перед *64. Шахматно-шашечной газетой*². Уже их отец Григорий Моисеевич Лемберг работал фотографом и обучил работе с фото- и кинокамерой своего сына Александра, который в 1917 году в качестве оператора должен был участвовать в одной из первых киносъемок Ленина³.

* Переработанная версия статьи, ранее опубликованной на немецком языке в журнале *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte* (2014. № 1).

¹ Летом 1934 года она погибла в железнодорожной катастрофе во время одной из совместных с Родченко фотоэкспедиций. См. записи в дневнике художника с 25 августа 1936 г. и 12 января 1937 г. в: *Опыты для будущего: дневники, статьи, письма, записки*. М., 1996. С. 295 и 296.

² Некролог в: *64. Шахматно-шашечная газета*. 1938. № 37(217). 5 июля (РГАЛИ, ф. 3017, оп. 1, ед. хр. 126).

³ «Ленин произносит речь с балкона дворца Кшесинской в мае 1917 г.». См.: Ленин: собрание фотографий и кинокадров. В 2-х тт. Т. 2: Кинокадры 1918–1922. Второе изд. М., 1980. С. 529. См. также: Лемберг, Александр Григорьевич (1898–1974), РГАЛИ, ф. 3017, оп. 1. Наследство оператора в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве составляют многочисленные источники и фотографии, выполненные семьей Лемберг, среди которых есть и до сих пор не опубликованные фотографии Родченко. См. список документов в: Rennert A. *Rodčenkos Metamorphosen: Zur Dynamik der Form im fotografischen Werk*. Freie Universität Berlin, Diss., 2005. P. 318.

Лейка и девушка

На одной из самых известных фотографий Родченко – фотопортрете *Девушка с лейкой* – малоформатная фотокамера расположена так, что она остается таинственно скрытой⁴. Молодая женщина, сложив руки, задумчиво смотрит в даль, в то время как эксплицитно упомянутый в названии фотоаппарат предположительно покоится у нее на коленях. На более позднем снимке крупным планом *Регина Лемберг с фотоаппаратом* (см. рис. 1) художник показывает фотографа позади ее технической аппаратуры.

Рисунок 1. Александр Родченко, *Регина Лемберг*, 1935, серебряно-желатиновый отпечаток. Москва, Архив Родченко и Степановой. Из: Alexander Rodtchenko: la femme en jeu. Exh. cat. Musée de l'Élysée. Lausanne, 1997. С. 76 (© VG Bild-Kunst, Bonn 2016).

⁴ Следует упомянуть, что этой фотографии отдается предпочтение при иллюстрации истории Лейки. См.: Pasi A. LEICA. Witness to a century. N.Y., L., 2004. P. 53.

Правым глазом она смотрит через видоискатель «Лейки I» и держится обеими руками за штатив. Объектив направлен на снимающего, а ее левый глаз при этом остается закрытым. Родченко зафиксировал внимание на фотографическом снаряжении и акцентировал ясные, блестящие формы штатива на переднем плане. Металлическая резьба, круглое колено и фиксирующие шурупы выделяются в световых бликах на фоне сдержанного рисунка летнего пуловера с короткими рукавами, в который одета фотограф. Эти качества ткани, детально, но все же с легкой нечеткостью, освещенные в середине снимка, образуют контраст к размытому фону пространства. Гибкий спусковой тросик поднят в середину камеры, однако Регина Григорьевна не снимает. Она как будто позирует позади закрепленного на штативе аппарата, не сняв в помещении свой берет, в результате чего фотография производит впечатление современного модного фотоснимка⁵. Художник не показывает фотографа за работой. Его диагональная композиция скорее призвана продемонстрировать эстетику женщины и ее фотографической техники.

Активные фотографии

Для серии портретов фотографов-современников Родченко наглядно документировал свой способ работы и обнажал процесс возникновения «ракурсных снимков», сделанных с необычной точки⁶. Тем же способом он снимал и Евгению Григорьевну летом 1932 года⁷. На снимке *Фоторепортер Евгения Лемберг во время съемки на водном стадионе* (см. рис. 2) она выглядит как две капли воды похожей на свою старшую сестру со своими разделенными на пробор волосами и в берете. Родченко твердо придерживается поперечного формата, фиксируя то, как 28-летняя женщина, наклонив камеру, фотографирует снизу. Присев на корточки на деревянном полу, она опирается на колено и сильно наклоняет корпус вправо. Согнув локоть, она крепко держит Лейку в правой руке, указательный палец – на спуске, а левой рукой устанавливает дальномер «Фодис»⁸.

⁵ Художнику и его спутнице жизни Варваре Степановой принадлежат многочисленные наброски конструктивистского дизайна тканей, относящиеся к началу 1920-х годов. Рожденный в Берлине фотограф моды Гельмут Ньютон также интересовался творчеством Родченко и собирал книги о нем.

⁶ См. снимки Георгия Петрусова и Бориса Игнатовича, сделанные Родченко, в: Lavrent'ev A. Rodtchenko e le Groupe Octobre. Paris, 2006. P. 45, 72.

⁷ См.: Lahs-Gonzales O. Alexander Rodchenko: «Woman with A Camera» // Saint Louis Art Bulletin. 1996. № 21. P. 32-33, здесь p. 32.

⁸ Это была еще одна комплектующая «Лейки I». Серийная модель «Лейка II» 1932 года была укомплектована встроенным составным дальномером.

Рисунок 2. Александр Родченко, *Фоторепортёр Евгения Лемберг на стадионе*, 1932, серебряно-желатиновый отпечаток. Москва, Архив Родченко и Степановой. Из: Lavrentiev A. Alexander Rodchenko: Photography 1924-1954. Köln, 1995. P. 109 (© VG Bild-Kunst, Bonn 2016).

Этой фотографией Родченко презентует одну из своих фотосессий как формально стилизованный акт. Он представляет профессиональный наклон корпуса как диагональную, изогнутую S-форму, которая выделяется на деревянном полу спортивного стадиона. Его кадрированный снимок сосредоточен на формах – на соотношении полосок на платье и линий деревянных досок, которые устремлены назад и уходят в перспективу. Художник фотографирует стоя при помощи своей Лейки и 50-ти-миллиметрового объектива «Эльмар». Воспринимаемое с верхней точки зрения, перспективное схождение досок производит впечатление «едущего» или «летающего» движения. Фрагментирование усиливает динамический эффект линий, которые устремлены к точке, лежащей за пределами картины, и уводят взгляд наблюдателя наверх к ней. Снимая Евгению фотографирующей под углом, Родченко презентует технику наискось поставленной камеры, так называемой «косины», «наклоненной линии горизонта», которая была характерна для фотоэстетики «Группы Октябрь»⁹. Оказанное Родченко влияние на молодое поколение фоторепортеров сделало его самого предметом фотографирования. Обнажение процесса равнозначно изменению угла наблюдения, что влечет за собой возникновение совершенно иной картины. При этом движение невидимых спортсменов на стадионе, которые узнаваемы на других картинах данной се-

⁹ См.: «Ветераны вспоминают ...» // Советское фото. 1979. № 8. С. 7-11.

рии¹⁰, переносится на перспективную динамику линий строения и «спортивный акт» фотографирования. Сам Родченко, однако, снял стилизованный наклон фотографа горизонтально.

Диагональ может вновь преобразовать себя в вертикаль подобно тому, как это происходит на портрете Вадима Ковригина (см. рис. 3). Складывается впечатление, что молодой фотограф наклоняется в сторону и держит Лейку почти параллельно картине. В действительности же он стоит прямо и наклоняет камеру. Это Родченко наклонил его по диагонали. Абстрактная линия в верхнем правом углу разрушает пространственное раздражение, показывает угол наклона и лишает картину загадочности. И действительно за рамками фотографии остался сложный контекст, в котором фотографы работали поздним летом 1934 года. Канал Москва-Волга был строительным проектом Сталина, который только в первые два года – 1933 и 1934 – стоил жизни почти пятнадцати тысячам арестантам, отправленным сюда на принудительные работы.

Рисунок 3. Александр Родченко, *Фоторепортёр Вадим Ковригин на съёмке канала «Москва–Волга»*, 1934, серебряно-желатиновый отпечаток. Москва, Архив Родченко и Степановой. Из: Lavrentiev. Alexander Rodchenko... P. 108 (© VG Bild-Kunst, Bonn 2016).

¹⁰ См.: Alexander Rodchenko: abangoardiako argazkigintzea, fotomontaketea eta zinemagintzea / Ed. St. Yates, N. Foley. Exh. cat. Fundación Bilbao Bizkaia Kutxa. Bilbao, 2003. P. 168.

Тень Ленина

На снимке *Регина Лемберг* (см. рис. 1) художник ограничил комнату фотографией, висящей на невычурной белой стене. И хотя изображенный на ней человек виден нечетко, его невозможно не узнать. Это Владимир Ильич Ленин. Снимок был сделан во время съемок фильма Альфонса Винклера и Александра Левицкого, показывающего политика на прогулке во дворе Кремля 16 октября 1918 года. Фотография (см. рис. 4), многократно репродуцированная в двадцатых и в начале тридцатых годов, авторство которой точно не установлено – либо Петр Оцуп, либо Альфонс Винклер, – заполняет собой все открытое пространство¹¹.

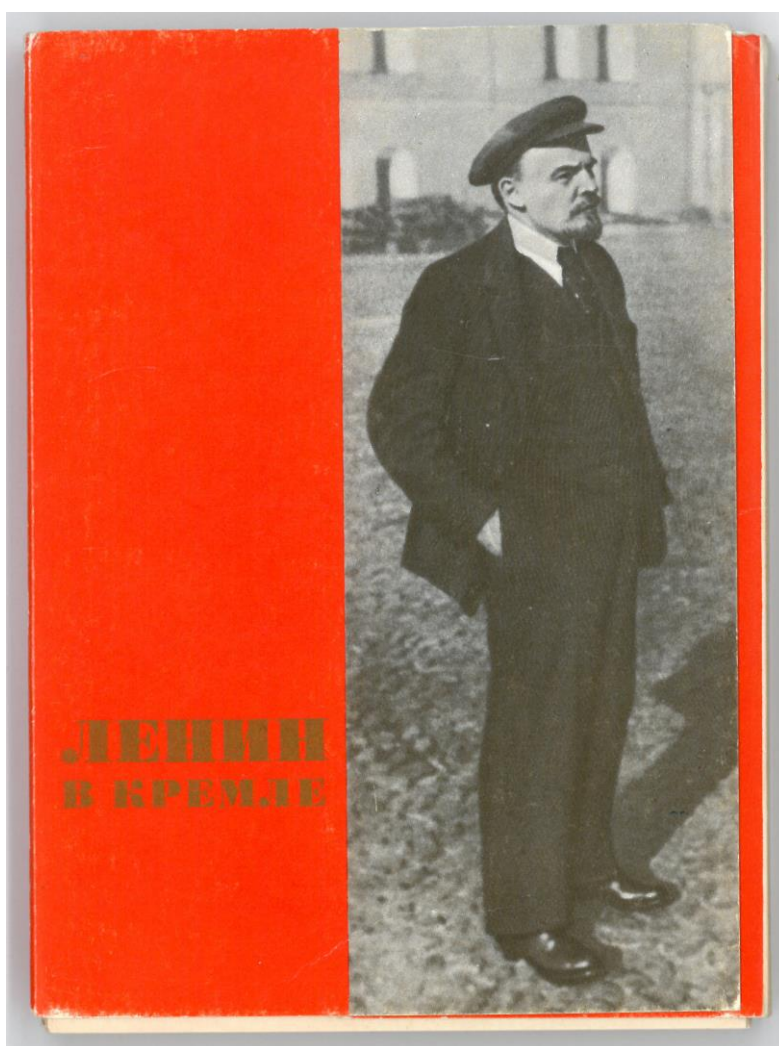

Рисунок 4. Ленин в Кремле, комплект открыток, Москва, 1969. Архив автора

¹¹ См.: Ленин В. И.: собрание фотографий и кинокадров в двух томах. Т. 1: Фотографии 1874-1923. Второе изд. М., 1980. С. 79; Taylor V. Photo-Power: Painting and Iconicity in the First Five Year Plan // Art and Power: Europe under the Dictators 1930-45 / Ed. D. Ades et al. Exh. cat. Hayward Gallery. L., 1995. P. 249-252, здесь p. 249-250.

Силуэты двух голов в кепках в нижнем правом углу картины были отретушированы и тень Ленина укорочена. Родченко наклонил плоскость картины на 45 градусов по часовой стрелке и расположил репродукцию по диагонали. Таким образом ось тела Ленина проходит параллельно металлическому штативу, продленному спуску, а также верхней части тела молодой женщины-фотографа. Благодаря экстремально наклонному расположению фотографии вождь, которого уже с 1924 года не было в живых, оказывается на одном уровне с современной малоформатной фотокамерой, превратившейся, благодаря стараниям фотографа, в намек на технизацию страны, форсированную в свое время Лениным. В схематичности своего образа, который подобен отчуждающей абстракции, бывший глава правительства все же пребывает на темной дистанции.

Диалог с Маяковским

В «комнате» лишь «двое» – Регина Лемберг и Ленин. Это образ, навеянный другом художника – поэтом Владимиром Маяковским, застрелившимся в апреле 1930 года. Разочаровавшийся в политическом развитии поэт за пятнадцать месяцев до своей смерти написал *Разговор с товарищем Лениным*. Стихотворение, в котором Маяковский жалуется умершему вождю на «волокитчиков»¹², которым нету «числа», начинается и заканчивается такими словами:

Грудой дел,
суматохой явлений
день отошел,
постепенно стемнев.
Двое в комнате:
Я
и Ленин –
фотографией
на белой стене¹³.

Портрет Ленина, упоминаемый Маяковским в его стихотворении, при жизни висел у него над рабочим столом. Это была вырезка из фотографии, сделанной Григорием (Гершон-Лейзером) Гольдштейном¹⁴, которую Родченко перефотографировал и увеличил для своего друга в 1925 году. В 1939 году в своих воспоми-

¹² Маяковский В. *Разговор с товарищем Лениным* // он же. *Ленин с нами: сборник стихов* / Сост. В. Носков. М., 1969. С. 81 и сл.

¹³ Там же. С. 80, 83.

¹⁴ «В. И. Ленин выступает с речью перед красноармейцами, отправляющимися на польский фронт», 5 мая 1920 г. Фотография, Москва, Государственный Исторический Музей.

нениях, названных *Работа с Маяковским*, он писал: «Как-то Володя попросил меня напечатать фото с Ленина. У меня были репродукции, снятые с фото в музее Ленина. Я принес ему два отпечатка. Один – голова говорящего Ленина, а другой – стоящего на грузовике на Красной площади. Он их повесил в комнате на Лубянке. До последнего момента говорящий Ленин висел на стене; второй снимок, наверно, оторвался от стены. Видимо, как-то, смотря на эту фотографию, он написал стихотворение ... *Разговор с товарищем Лениным*»¹⁵.

На увеличенном фрагменте Родченко сократил знаменитый снимок от 5 мая 1920 года до головы, заполняющей весь формат. При этом он сосредоточил внимание зрителя на открытом рте Ленина, который, произнося речь, обращался к солдатам Красной Армии. На фотографии не видно ни бесчисленных слушателей, собравшихся вокруг деревянной трибуны перед Большим театром, ни Троцкого, ни расстрелянного позднее Льва Каменева. Оба в 1930-х годах были вырезаны из фотографии Гольдштейна, а на другой фотографии заретушированы¹⁶. Выступая в качестве портретиста, Родченко всегда стремился к тому, чтобы подчеркнуть деталь, указывающую на профессию человека. На портрете Маяковского 1924 года, фрагмент которого также был растиражирован в виде почтовой открытки, это были ручки в кармане куртки, которые указывали на него как на писателя. Отпечаток фотографии Гольдштейна, сделанный Родченко, сконцентрирован на акте говорения, а значит на энергичной риторике Ленина и силе словесного воздействия. Вырванная из исторического контекста, эта деталь на фотографии, висевшей в одиночестве над письменным столом Маяковского, была призвана создать интимное отношение между оратором и поэтом. Под ее влиянием Маяковский и написал свое стихотворение¹⁷. Это был именно тот рабочий кабинет, в котором отчаявшийся поэт свел счеты с жизнью. Он был найден окровавленным на ковре и вместе с этим ковром переложен на кровать¹⁸. Остается лишь спекулировать о том, вел ли Маяковский свой последний безмолвный диалог с Лениным, когда стоял в комнате и направлял пулю в сердце. Свои стихи он опубликовал к пятилетию со дня смерти Ленина в январе 1929 года. И к пятой же годовщине самоубийства поэта была сделана фотография Родченко, которая перевела вербальный диалог в параллельную структуру форм. В процессе съемок это был в первую очередь скончавшийся поэт, размышления о котором становятся лейтмотивом данной фотографии, осовременнивая поэта.

¹⁵ Родченко. Опыты для будущего. С. 242. Кадрированный снимок с говорящим Лениным должен был висеть и в созданном Родченко «Рабочем клубе», см. модель в: *Art into Life: Russian Constructivism 1914–1932. Exh. cat.* Henry Art Gallery of the University of Washington, Seattle [Wash.]. N.Y., 1990. P. 112.

¹⁶ См. Dickerman L. *Camera Obscura: Socialist Realism in the Shadow of Photography* // *October*. 2000. № 93. P. 139-153, здесь p. 144 и сл.

¹⁷ В стихотворении снимок Ленина описывается следующим образом: «Рот открыт / в напряжённой речи». См.: Маяковский. Ленин с нами. С. 80.

¹⁸ *Владимир Маяковский после самоубийства*, 14 апреля 1930 г. Фотография в: «В том, что умираю, не вините никого»?... Следственное дело В. В. Маяковского / Сост. С. Стрижнева. М., 2000. С. 387.

Ленин в Смольном?

Наличность отсутствующего вызывает в памяти картину Исаака Бродского, написанную в 1930 году, на которой Ленин изображен один в его рабочем кабинете в Петроградском Смольном институте (см. рис. 5).

Рисунок 5. Исаак Бродский, *Ленин в Смольном*, 1930. Почтовая открытка. СССР, Москва, «Международная книга». Архив автора

Сидя в кресле и закинув ногу на ногу, он делает свои записи по следам разговора, который состоялся незадолго до этого. Мебель – покрытое белой накидкой кресло и рассчитанный на трех человек диван перед простой стеной – еще хранит «следы» участников дискуссии. Красноречивая пространственная пустота свидетельствует в равной мере о бытии как отсутствующего, так и живого присутствующего. Ежедневные газеты лежат в беспорядке на столе, как будто бы они только что были пролистаны. Большая развернутая газета – это петербургский листок *Вооруженный народ*, датированный 1918 годом. Композиционное оформление «культовой картины» Бродского было выстроено таким образом, чтобы наблюдатель-современник сосредоточил свое внимание на «центральном событии» печатного слова Ленина¹⁹. Смольный институт, ранее Институт благо-

¹⁹ Титул этой *Ежедневной военной газеты*, как и титул издававшегося в то же время иллюстрированного еженедельника *Вооруженный народ*, указывает на цитату Ленина: «Только

родных девиц, был тем местом, где планировалась русская революция и где располагался Совет рабочих и солдатских депутатов. Изначально Бродский хотел назвать свою картину *Декрет о земле*²⁰. Этим названием он смог бы обыграть разработанный Лениным «Декрет о земле» от 26 октября (8 ноября по григорианскому календарю) 1917 года, основывавшийся на требованиях крестьян. Его ученик Владимир Серов вернулся к этой идее в 1950 году и сгруппировал трех крестьян вокруг деревянного стола в Петроградском институте. Они настойчиво передают свои просьбы главе правительства, который слушает их внимательно с карандашом в руке, – в такой пространственной близости, которая в исторической реальности была невозможна²¹.

Картина Исаака Бродского выполнена мастерски. В Петербургской академии художеств он был одним из самых одаренных учеников Ильи Репина и сохранял контакт со своим учителем даже тогда, когда тот проживал в финском Куоккала. Непосредственное ощущение живого присутствия Ленина на картине «Ленин в Смольном» возникает за счет того, что его фигура была детально срисована с документального фото. На одном из Конгрессов Коминтерна фотограф Виктор Булла²² снял художника за тем, как он, сидя позади Ленина в Андреевском зале Кремля, рисовал политика (см. рис. 6).

Для выполнения карандашных зарисовок главы советского правительства Бродскому потребовалось разрешение, которое ему было дано весной 1918 года после рекомендательного письма Анатолия Луначарского²³. Во время открытия II Конгресса Коминтерна во Дворце Урицкого в 1920 году в Петрограде художник закончил рисунок профиля, который Ленин подписал, сочтя его все же неудачным: «Пристально всмотревшись в карандашный набросок, Владимир Ильич ответил мне, что он не похож на себя»²⁴.

вооруженный народ может быть действительным оплотом народной свободы». Письмо Ленина из Женевы // Вперёд. 1905. № 4. 31(18) января.

²⁰ Бродский в разговоре с учениками и посетителями ателье, в: Памяти И. И. Бродского: воспоминания, документы, письма / Сост. И. Бродский, М. Сокольников. Л., 1959. С. 214.

²¹ «Ходоки у В. И. Ленина». Масло, холст, 60 x 58 см. Москва, Государственный Исторический Музей, в: Лебедев А. Владимир Серов. М., 1984. Рис. 92. Об этом см.: Burke P. Eyewitnessing: The Uses of Images as Historical Evidence. Ithaca, 2001. P. 71.

²² Виктор Булла фотодокументировал февральскую и октябрьскую революции 1917 года. Он был сыном известного Петербургского фотографа-портретиста Карла Буллы, бывшего родом из Пруссии.

²³ См.: Бродский И.И. Мой творческий путь. Второе доп. и перераб. изд. Л., 1965. С. 113.

²⁴ Там же. С. 114. Немного позже, после того как рисунок был поправлен другой рукой, Ленин увидел его вновь. Он указал на его сходство. Там же. С. 116.

Рисунок 6. В. И. Ленин на заседании II конгресса Коминтерна в Андреевском зале Кремля, 1920 г., не ранее 23 июля – не позднее 6 августа. Фотография Виктора Буллы. Из: Ленин: собрание фотографий. Т. 1. 3. изд. М., 1990. С. 294.

Другой рисунок, сделанный во время II мирового Конгресса в Москве, был положен в основу его картины: «Вместе с делегатами конгресса после открытия торжественного заседания я из Петрограда поехал в Москву. Здесь, в Андреевском зале Большого Кремлевского дворца, где происходили деловые заседания конгресса, мне удалось сделать несколько новых зарисовок Владимира Ильича. [...] Между прочим, я зарисовал Владимира Ильича записывающим что-то в тетрадь в позе, в которой я позднее изобразил Владимира Ильича в своей картине *Ленин в Смольном*»²⁵. Однако на эскизах, сделанных во время этого заседания, Ленин изображен под иным ракурсом. Художник не мог видеть профиль пишущего политика так, как его зафиксировала камера Буллы. Изображенный в сконцентрированной позе Ленин находился не в Петроградском институте, как это обозначено в названии картины, но в Московском Кремле. Подобно «фотонатуралистической передвижной декорации»²⁶ «революционер» был позже перемещен художником на свое полотно и изображен в поперечном формате.

Наискось от Ленина Бродский нарисовал пустой кофейный стул, созданный венским мастером-мебельщиком Михаэлем Тонетом. Простой предмет мебели

²⁵ См.: Бродский. Мой творческий путь. С. 114.

²⁶ Понятие, использовавшееся критиками Бродского. См.: Бродский И. Исаак Израилевич Бродский. М., 1973. С. 299.

для сидения точно соответствовал тому стулу с выгнутой спинкой, который стоял в Андреевском зале рядом с художником. Делегаты облокачивались спинами на сильно изогнутые деревянные спинки Тонетовского стула № 16. Лево́й рукой портретист оперся на спинку Тонетовского стула № 14. В руке он держит блок для рисования, на котором только что возникла зарисовка лица Ленина. Пустая мебель – это тот способ, используя который Бродский изобразил себя самого *in absentia*** присутствующим в картине и остался рядом с политиком в качестве отсутствующего художника.

В автобиографии *Мой творческий путь* снимки Буллы, арестованного и убитого в 1937 году, были опубликованы без упоминания его имени и с подписью «II Конгресс Коминтерна. 1921» (см. рис. 7)²⁷.

В. И. Ленин и И. И. Бродский на III конгрессе Коминтерна. 1921.

Рисунок 7. Из: Бродский И.И. *Мой творческий путь*. Второе доп. и перераб. изд. Л., 1965. С. 114.

На противоположной странице находился ранний петроградский рисунок Бродского, который больше соответствовал снимку Буллы. К тому же эта фото-

** заочно – прим. перев.

²⁷ Бродский. *Мой творческий путь*. С. 114. И в 1921 году Бродский выполнил несколько рисунков Ленина во время заседания в Кремле (там же. С. 117). Датирование съемок Буллы 1921 годом во время проведения III Мирового конгресса, как это обычно указывалось в публикациях и на почтовых открытках, было исправлено в 1980 году. Булла снимал в Андреевском зале Кремля во время II Мирового конгресса «не ранее 23 июля – не позднее 6 августа» 1920 г. См.: Ленин В. И.: собрание фотографий и кинокадров. В двух тт. Т. 1. Изд. второе. М., 1980. С. 299. См. также: Ленин В. И.: собрание фотографий и кинокадров. В двух тт. Т. 1. Третье доп. и испр. изд. / Сост. Ю. Ахапкин. М., 1990. С. 294.

графия с Московского конгресса была отретуширована для публикации. Задний план вокруг художника был осветлен для того, чтобы его профиль лучше выделялся на фоне золотого, цветочно-вьющегося орнамента. Теперь его голову обрамлял «ореол», благодаря которому он выступал из темноты рядом с Лениным.

Фотонатуралистические фикции

Уже в XIX веке художники использовали в своей работе фотографии. Корень противоречия социалистически-реалистической живописи должен быть скрыт в ее «документализации»²⁸ и манипуляции историческими фактами. Бродский срисовал Ленина прогуливающимся в дождевой кепке и в пиджаке с фотографии, сделанной Оцупой или Винклером, и перенес на холст в 1924 году²⁹. При этом он расположил его перед Кремлем и укоротил его тень. Монументальное полотно *Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года* также возникло на основе фотографий (см. рис. 9).

Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года. 1929.

Рисунок 9. Исаак Бродский, *Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года*, 1929. Масло, холст, 280 x 555 см. Из: *Мой творческий путь*. Второе изд. Л., 1965. С. 125

На фоне кулисы из дымящихся труб и цехов агитатор лишь немного выделяется из массы рабочих-металлургов. В 1929 году художник был сфотографирован с

²⁸ Бродский. Исаак Израилевич Бродский. С. 315.

²⁹ «В. И. Ленин на фоне Кремля». Масло, холст, 74 x 52 см. Москва, Государственный Исторический Музей.

кистями и палитрой перед своей почти полностью законченной картиной (см. рис. 8), которая получила Grand prix на мировой выставке в Париже в 1937 году. Репродуцированный к 75-летию Бродского³⁰ фрагмент был сделан таким образом, как будто художник стоит прямо напротив Ленина и вступает с ним в диалог. Тем самым историческая личность «присутствует» на полотне подобно фигуре святого на религиозно-культовых изображениях.

Рисунок 8. Исаак Бродский за работой над картиной *Выступление В. И. Ленина на митинге рабочих Путиловского завода в мае 1917 года*, 1929. Фотография из: *Памяти И. И. Бродского*. Сост. Бродский, Иосиф и Сокольников, Михаил. Ленинград, 1959. С. 11

³⁰ Памяти И. И. Бродского. Л., 1959. С. 11. Художник умер уже 14 августа 1939 года. Меттью Е. Леноэ упоминает его близость к Сергею Кирову, а также нападение с ножом на Бродского в Смольном. См.: Lenoe M.E. *The Kirov Murder and Soviet History*. New Haven, 2010. P. 406.

Этот детальный способ рисования по документальным фото и наброскам был раскритикован в двадцатых годах как «Бродскизм», что повлекло за собой исключение Исаака Израилевича из Ассоциации художников Революции (АХР)³¹. Однако в 1933 году высоко ценимый Сталиным художник, к тому времени ставший профессором Ленинградской академии искусств, получил заказ на создание масляного полотна на основе фотографии Гольдштейна³². Ретушированные на фотографии Троцкий и Каменев были заменены двумя журналистами. После этой монументальной фальсификации истории Бродский в 1934 году становится директором Всероссийской академии художеств в Ленинграде и награждается Орденом Ленина. Он был первым художником, удостоившимся этой награды.

Александр Родченко с большим скепсисом рассматривал это направление развития живописи, которое использовало фотографию в целях внушения достоверности. Выступая в качестве художника-абстракциониста, он проводил границу между своими беспредметными произведениями и иллюзионизмом; выступая в качестве фотографа, он открыто показывал используемые им технические средства отчуждения от реальности. Срисовки собственных фотографий, случавшиеся от случая к случаю, не воспринимались им как «творчество»³³.

В поздних 1930-х и в 1940-х годах он резко выступал против «империи ложного реализма и сдирания»³⁴, а также против неуважительного репродуцирования произведений искусства ушедших эпох: «Вчера ездил в клуб Монино – 45 км от Москвы на электричке. [...] В этом клубе работает студия имени Грекова³⁵. Художники студии находятся на питании армии и рисуют. Висят копии с репродукции Репина «Запорожцы»³⁶ огромного размера. Копии с репродукций!!! Это любимый реализм. Не могут сделать копии с его картин ... Ужас! Как можно копировать репродукции! Это же дискриминация Репина!»³⁷

Будучи конструктивистом, Родченко не в меньшей степени оставался связан с традицией Репина. Ведь его учитель в Казанской художественной школе, портретист Николай Фешин, оказавший на него решающее влияние, был учеником русского реалиста³⁸. Его ранние работы, возникшие под влиянием Фешина, были автопортретами, подобно тому, как и на его первых известных фотографиях мы видим людей, а не абстрактные структурные формы. В свою очередь Репин счи-

³¹ См.: Russian Jewish Artists in a Century of Change, 1890–1990. Exh. cat. Jewish Museum, New York / Ed. S. Tumarkin Goodman. Munich, N.Y., 1995. P. 152.

³² «Речь В. И. Ленина на проводах частей Красной Армии на Польский фронт». Масло, холст, 280 x 422 см. Частное собрание.

³³ Запись в дневнике с 9 декабря 1937 г., в: Родченко. Опыты для будущего. С. 299.

³⁴ Запись 1 января 1944 г. Там же. С. 363.

³⁵ Подразделения военно-воздушного флота задействовали здесь привилегированных армейских художников.

³⁶ «Запорожцы пишут письмо турецкому султану», 1891, Масло, холст, 203 x 358 см. Государственный Русский Музей, Санкт-Петербург.

³⁷ Запись в дневнике с 3 марта 1943 г., в: Родченко. Опыты для будущего. С. 333.

³⁸ Работы Фешина также находились в коллекции его сокурсника Исаака Израилевича. См.: Бродский. Мой творческий путь. С. 137.

тал себя наследником традиции нидерландской живописи и с огромной тщательностью копировал в Петербургском Эрмитаже оригиналы Рембрандта³⁹.

Социалистический реализм как партийно-тенденциозное искусство продолжало при жизни Родченко оставаться официально признанным художественным направлением и потому авангардист чем дальше, тем больше ощущал себя маргиналом, оказавшимся за рамками общественной жизни: «Никому не нужным [...]». Странно жить художнику, у которого нет ни одного поклонника. Скажете, вот интеллигент, формалист. Нет, я не интеллигент ... Я почти знаю, что не надо делать, как Герасимов и Бродский. А вот как нужно, не знаю. Не могу, как все ... Всякий вопрос рассматривается с политической точки зрения. Это перегиб. Нужно руководство искусством такое, чтоб помогало творить, давало идеи широкого диапазона. Сегодня грустно. Болит сердце»⁴⁰.

Ретушь Родченко

В некоторых случаях творческая мастерская художника включала в себя экспериментальные раскрашивания отпечатков цветными карандашами. Также к его повседневному ремеслу относилось ретуширование фотографий, для чего Родченко использовал специальный нож, щетки и белую лазурь. Так, например, на увеличенном фрагменте из фотографии Гольдштейна он осветлил фон и обвел белым цветом темные линии фасада здания. Ретушь была для него вторжением художника в картину. За этим процессом он был сфотографирован в 1934 году. Анатолий Скурихин в буквальном смысле слова заглянул фотографу через плечо и зафиксировал, как Родченко скальпелем соскабливал фотобумагу (см. рис. 10). Его рабочее место было сфотографировано с возвышения так, что предметы образовали геометрические круговые структуры. Зеркало для бритвы, абажур и выбритая голова художника перекрещиваются подобно дискам и кругам на его абстрактных картинах. Верхний ракурс являлся реминисценцией избравшихся самим Родченко перспектив для своих фотосъемок, оказавших влияние и на Скурихина. В круглом зеркале, которое присутствует на многих фотографиях самого Родченко, отражается лицо сконцентрированного художника. Левый снимок на столе был составной частью его пионерской серии, сделанной в 1930 году⁴¹. Он показывает девочку снизу по косой и ее голова целиком заполняет вертикальный формат.

³⁹ См.: Sokolova I. Rembrandt dans le miroir de la culture russe // Rembrandt et son école: collections du musée de l'Ermitage de Saint-Petersbourg. Exh. cat. Musée des Beaux-arts de Dijon / Ed. G. Rudolf. Paris, 2003. P. 64-79, здесь p. 75.

⁴⁰ Запись в дневнике от 18 августа 1938 г., в: Родченко. Опыты для будущего. С. 303.

⁴¹ Правый отпечаток сделан с фотографии «Портрет мальчика» 1932 года. См.: Rodtschenko Alexander: Das Neue Moskau – Fotografien aus der Sammlung L. и G. Tatunz. Exh. cat. Sprengel-Museum Hannover / Ed. M. Tupitsyn. München, 1999. Рис. 58.

Рисунок 10. Анатолий Скурихин, *Родченко ретуширует фотографии*, 1934. Серебряно-желатиновый отпечаток. Из: Lavrentiev. *Alexander Rodchenko*. Köln 1995. С. 13

Горящие глаза с обрисованными, мелированными зрачками образуют «внеземную зону» по ту сторону героического, которая обнаруживает вторую, тревожную реальность (см. рис. 11). В других оригинальных отпечатках можно лишь при помощи лупы заметить, как ретушь добавлена к нарисованному слою. Увеличительное стекло делает видимым белые возвышения, добавленные черные или белые линии, отчего поверхность многих фотографий начинает напоминать живописное полотно⁴².

⁴² На более поздних отпечатках, многократно выставлявшихся в последние годы, ретушь уже не заметна.

Рисунок 11. Титульная страница *Art in America* с *Пионерка* Александра Родченко (1930, серебряно-желатиновый отпечаток. MoMA, New York). Originally published in *Art in America*, December 1998, cover page. Courtesy BMP Media Holdings, LLC. (© VG Bild-Kunst, Bonn 2016)

На фотографиях Евгении Лемберг (см. рис. 2) и Вадима Ковригина (см. рис. 3) Родченко наглядно продемонстрировал возникновение необычных фотосессий в камеротехническом аспекте. Скурихин показал, как художественное оформление фотографии продолжается на рабочем столе и что только здесь оно должно завершаться. Слово «Искусство», видимое на обложке книги 1930 года в нижнем левом углу фотографии, которая на одном из последующих снимков Скурихина видна полностью⁴³, выражает программное самопонимание фотографа.

⁴³ См.: Rodtchenko photographe: la révolution dans l'œil. Exh. cat. Musée d'Art moderne de la Ville de Paris. Marseille, 2007. P. 19.

«Le retour du mort» (Возвращение смерти)⁴⁴

На портрете «Регина Лемберг» (см. рис. 1), благодаря использованию различных слоев, отличающихся друг от друга своей резкостью, раскрывают себя субтильные воспоминания Родченко о погибшей возлюбленной, мертвом политике и потерянном друге-поэте. Ассоциативное восприятие выводит наблюдателя за границы визуального, наводя на мысль о реальном присутствии поэтического слова – упомянутой строфы Маяковского. Переход от видимого изображения к высказанному слову в свою очередь воскрешает в памяти риторику революции. При этом фотография, ставшая «ощутимой» в виде фотокамеры, с ее особым отношением к смерти вступила в картину. Она осовременила присутствие (умершего) писателя в его диалоге с мертвым оратором подобно тому, как фотография Буллы дала жизнь нарисованному Ленину – после разговора, наличие которого презентуют оставленные следы. Однако осовременивания Родченко были медиально осмыслены. Его осмысленное обращение с репродукциями и их «остранениями»^{***} посредством использования кадрирования и ретуши отличает его от Бродского, добивавшегося аутентичности за счет использования отчасти сфальсифицированных фотодокументов⁴⁵, растиражированных миллионными тиражами.

На момент съемки в комнате находились два человека – Регина Лемберг и Александр Родченко – и Ленин «фотографией на белой стене». Когда три года спустя фотограф умерла, Родченко попросил ее подругу уничтожить его письма и записал в своем дневнике: «Она одна знала, кто я был для Регины ...»⁴⁶. Пять лет спустя, на тринадцатилетие смерти Маяковского, он вынужден был пожаловаться на невежество советской бюрократии, обращаясь к поэту: «Сегодня годовщина смерти Маяковского, но по радио почти ничего нет ... Передают оперетки Кальмана и романсы Пушкина, а также пошлые песенки. Вот тебе и Хорош!⁴⁷!

⁴⁴ Barthes R. *La chambre claire: note sur la photographie*. Paris, 1980. P. 23.

^{***} Остранение – художественный принцип изображения любого явления или предмета как впервые увиденного, выпавшего из привычного контекста. Прием «остранения» является одним из главных принципов художественного освоения действительности, имеющим целью вывести вещь из автоматизма восприятия, а также увеличить его трудность и долготу. Термин был введен теоретиком искусства В. Б. Шкловским в его статье «Искусство как прием». – *прим. перев.*

⁴⁵ Традиция древнерусской иконописи, стремившаяся к идентичности прообраза и первообраза, использовалась здесь в политических целях в виде стратегии оживления. См.: Taylor. *Photopower*. P. 251 и Dickerman L. *Lenin in the Age of Mechanical Reproduction // Disturbing Remains: Memory, History, and Crisis in the Twentieth Century* / Ed. M.S. Roth, Ch.G. Salas. Los Angeles, 2001. P. 77-110.

⁴⁶ Запись от 7 июня 1938 г., в: Родченко. *Опыты для будущего*. С. 303.

⁴⁷ Родченко играет словами. «Хорошо!» – так называлась поэма Маяковского, написанная к десятой годовщине Октябрьской революции, над графическим изображением которой художник работал перед своей смертью.

Обюрократились! Обчиновничились! Пайковые крысы! Забаррикадировались в кабинетах и говорят одно и то же 'Нет!' Нет. Всё так же, Володя!⁴⁸»

В конце восьмидесятых годов XX века Виталий Комар и Александр Меламид (Комар&Меламид) вновь обратились к реализму на основе фотографий и довели его до абсурда. В качестве образца для своего произведения *Ленин*⁴⁹ они использовали портретную фотографию Павла Жукова, выглядящую скорее устрашающе⁵⁰. Фрагмент детально воспроизводит эту съемку крупным планом, сделанную в июле 1920 года, которая при этом все же была немного переработана. Простая лента для волос удалена и левое ухо больше не затемнено. Используя принципы фотомонтажа, они разместили голову основателя Советского Союза на туловище черного «ночного мотылька» с красным рисунком на крыльях, превратив его в символ темной трансформации. Этот зооморфизм художники Соц-арта в нижней части картины скомбинировали с подписью ЛЕНИН, оформленной в стиле конструктивистских рекламных плакатов. Как и в дизайне рекламы «Промбанка», выполненной Родченко, простые прописные буквы расположены на геометрических базовых формах⁵¹. Однако Комар&Меламид, обрамляя круг треугольными зазубринами, показывают его как черное, «колючее» солнце. Связь различных цитат на картинах представляет отношение «детей социалистического реализма и внуков авангарда»⁵². Свою зловещую пародию на Ленина они нарисовали лишь после того, как им удалось эмигрировать через Израиль в США.

Перевод с немецкого языка Оксаны Назаровой.

⁴⁸ Запись в дневнике от 14 апреля 1943 г., в: Родченко. *Опыты для будущего*. С. 341.

⁴⁹ 1987/88. Темпера и масло, дерево; акварельная краска, бумага, 121,92 x 60,96. Частное собрание.

⁵⁰ См.: «Владимир Ильич Ленин», 1920. Фотография. Москва, Государственный Исторический Музей. Фотограф Павел Жуков, получивший образование в Санкт-Петербурге, фотопортретировал ведущих деятелей государства и армии. Он умер в 1942 году во время блокады Ленинграда.

⁵¹ См.: Лаврентьев А.Н. *Лаборатория конструктивизма: опыты графического моделирования*. М., 2000. С. 249. В 1924 году в своей двуязычной, англо-русской рекламе индустриального банка Родченко использовал зазубренную круговую форму.

⁵² Комар & Меламид в: *Gedichte über den Tod: Das Gespenst des Eklektizismus*. Exh. cat. Neue Gesellschaft Bildender Kunst, Berlin, 1988. P. 34. О творчестве обоих художников см.: Mania A. Komar & Melamid. «Nostalgic Realism Series» – *Vom Umgang mit historischem Material*. Rheinisch-Westfälische Technische Hochschule Aachen, Diss., 1997.

VI. Политология

Ростислав Аверчук

Полномочия и влияние президента Украины в сравнительной перспективе*

Наблюдая за украинской политикой, легко забыть о том, что в Украине действует парламентско-президентская форма правления, в рамках которой роль президента обычно ограничивается сферами внешней политики и обороны. Ведь представив амбициозную стратегию развития Украины вскоре после победы на президентских выборах 2014 года, Петр Порошенко уже неоднократно брал на себя ответственность за будущее страны. В этой статье автор сравнивает президентские полномочия в Украине и других странах и пытается определить, каким влиянием обладает президент в украинской политической системе.

Конституционные полномочия президента Украины в сравнении с другими странами

В течение длительного периода своей истории (в 1996-2005 и 2010-2014 гг.) Украина была президентско-парламентской республикой. Президент играл ведущую роль в формировании (и роспуске) правительства. Вместе со значительными формальными полномочиями и неформальным влиянием это превращало его в самого могущественного политика в Украине.

Конституционная реформа 2004 года (отмененная в 2010 году Президентом Януковичем и восстановленная парламентом в 2014 году), казалось, изменила распределение власти в политической системе. Ведь правительство, за исключением министерств обороны и иностранных дел, теперь подотчетно лишь парламенту. Но несмотря на то, что теперь Украина является парламентско-президентской страной, некоторые полномочия украинского президента на са-

* Расширенная версия статьи, опубликованной 8 июля 2016 года на русском, английском и украинском языках на сайте аналитической организации *VoxUkraine* (<http://voxukraine.org/2016/07/08/presidential-power-in-ukraine-comparative-perspective-ru/>).

мом деле более характерны для президентских и президентско-парламентских политических систем (Таблица 1).

Таблица 1. Президентские полномочия в Украине и других странах со сравнительно влиятельными президентами¹

	Украина (парл.- през.)	Польша (парл.- през.)	Румыния (парл.- през.)	Литва (парл.- през.)	Россия (през.- парл.)	США (през.)	Бразилия (през.)
Центральная роль в формировании правительства	Нет	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
Центральная роль во внешней политике	Да	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Использование указов	Ограничено	Ограничено	Ограничено	Ограничено	Широкое	Ограничено	Широкое
Право законодательной инициативы	Да	Да	Нет	Да	Да	Да	Да
Вето Депутатов, чтобы преодолеть	Да 2/3	Да 3/5	Да 50%+1	Да 50%+1	Да 2/3	Да 2/3	Да 50%+1
Отмена решений правительства	Да (до решения Конституционного суда)	Нет	Нет	Нет	Да	Да	Да
Широкие полномочия по назначениям	Да	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Центральная роль в выборе Генерального прокурора	Да	Нет	Нет	Да	Да	Да	Да
Назначение глав местной исполнительной власти	Да	Нет	Нет	Нет	Да	Нет	Нет

Например, президенты в других парламентско-президентских странах часто теряют ведущую роль в формировании внешней политики страны или вынуждены делить ее с правительством. Если Конституция открыто не закрепляет веду-

¹ Текст конституций на онлайн-ресурсе *Constitute Project*: <https://www.constituteproject.org/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года. См. также: Taghiyev E. Measuring Presidential Power in Post-Soviet Countries // CEU Political Science Journal. 2006. № 3. P. 11-21; Siaroff A. Comparative Presidencies: The Inadequacy of the Presidential, Semi-Presidential and Parliamentary Distinction // European Journal of Political Research. 2003. Vol. 42. P. 287-312.

щей роли президента во внешней политике, правительство выходит на первый план (Таблица 2). Так случилось, например, в Польше. Продолжительные конфликты между президентом и премьер-министром, например, за право пользования самолетом для заграничных полетов², закончились признанием доминирования премьер-министра во внешней политике. В то же время президент Украины имеет уникальное право выбирать кандидатуры министров обороны и иностранных дел, что, с одной стороны укрепляет роль президента во внешней политике, а с другой, не раз приводило к конфликтам. Например, в одном из эпизодов противостояния в 2006 году министра иностранных дел попросту не пустили³ на заседания правительства, сформированного враждебно настроенной к президенту коалицией. Но все равно даже во время противостояния с премьер-министром это позволяло президенту бороться за влияние на внешнюю политику и на армию.

Таблица 2. Конституционная роль президента во внешней политике в Украине и других странах с парламентско-президентской формой правления⁴

Украина	Польша	Румыния	Литва	Грузия
Представляет страну, администрирует внешнюю политику государства. Правительство реализует внешнюю политику	Представляет страну, но внешнюю политику осуществляет правительство	Представляет страну. Реализацию внешней политики обеспечивает правительство, согласно программе, поддержанной парламентом	Определяет основные принципы внешней политики и реализует ее вместе с правительством	Представляет страну, но главные направления внешней политики определяет парламент, а реализует правительство
Назначает и увольняет послов в другие государства	Назначает и увольняет послов в другие государства	По предоставлению правительства, аккредитует и отзывает послов	Назначает и отзывает, по предоставлению правительства, послов	Назначает и отзывает послов с согласия правительства
Выбирает и вносит кандидатуру министра иностранных дел на рассмотрение парламента		Участствует в заседаниях правительства, на которых обсуждаются вопросы внешней политики и национальной безопасности		

Еще одним уникальным полномочием, оставляющим президенту Украины влияние на исполнительную ветвь власти, является право назначать глав местных государственных администраций. По крайней мере среди европейских стран

² Zagner A. Spór premiera i prezydenta o szczyt UE // Polityka. 13 October 2008. <http://www.polityka.pl/tygodnikpolityka/kraj/270698,1,spor-premiera-i-prezydenta-o-szczyt-ue.read>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

³ Тарасюка не пустили на заседание Кабмина // Украинская правда. 6 декабря 2006 года. <https://www.pravda.com.ua/rus/news/2006/12/6/4409704/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

⁴ Текст конституций на онлайн-ресурсе Constitute Project: <https://www.constituteproject.org/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

такое право сохраняют лишь президенты некоторых бывших советских республик. Президент также может вмешиваться в работу правительства, отменяя его решения «на основании их несоответствия Конституции» и направляя на рассмотрение Конституционного суда, таким образом фактически имея право (временного) вето на решения Кабинета министров. Этим правом неоднократно пользовался Виктор Ющенко в то время, когда премьер-министрами были Юлия Тимошенко и Виктор Янукович. Приняв во внимание влияние⁵, которое Президент имеет на Конституционный Суд, неудивительно, что большинство представлений Президента Суд поддерживал. Кроме того, президент Украины играет решающую роль в назначении Генерального прокурора. Он выбирает кандидата и вносит его на рассмотрение в парламент, тогда как в некоторых других парламентско-президентских странах его выбирает парламент (Хорватия), другие ведомства (Румыния) или же функции прокурора выполняет министр юстиции (Польша и Австрия).

Сила вето президента Украины также превышает силу вето в таких парламентско-президентских странах, как Польша, Румыния и Литва. В Украине для преодоления вето необходимы голоса двух третей депутатов, тогда как в вышеуказанных странах для этого достаточно получить голоса от половины до 60% депутатов. Эти полномочия выделяют украинскую политическую систему среди других парламентско-президентских систем. В то же время президенты этих стран имеют некоторые другие полномочия, которых не имеет президент Украины. Например, президент Румынии может один раз отказаться от утверждения в должности министра кандидата, представленного главой правительства. Но предварительная оценка показывает, что полномочия президентского института в Украине в совокупности, вероятно, выше, чем в других парламентско-президентских странах со сравнительно сильным президентом (например, Польша, Литве и Румынии).

Это можно увидеть и с помощью индекса конституционных президентских полномочий (Рисунок 1). Индекс рассчитали политологи Дойл и Элджи, объединив опубликованные в научной литературе показатели формальных президентских полномочий⁶. Силу президентских полномочий подсчитали по шкале от 0 до 1, где 0 соответствует самому слабому президенту, а 1 – самому сильному⁷.

⁵ Президент назначает треть состава Конституционного суда и может влиять на назначение остальных судей, которых выбирает Конгресс судей Украины и Верховная Рада.

⁶ Doyle D., Elgie R. Maximizing the Reliability of Cross-National Measures of Presidential Power // *British Journal of Political Science*. 2016. Vol. 46. № 4. P. 731-741.

⁷ Дойл и Элджи рассчитали два отличающихся варианта индекса. И хотя первый вариант индекса Украины несколько ненадежен (значительная дисперсия базовых показателей), для сравнения я выбрал его. Здесь я последовал совету авторов индекса опираться на очевидную валидность показателя (face validity) (ibid.). Кроме того, показатели первого варианта индекса подтверждаются результатами расчётов согласно другим методикам, например: Taghiyev. *Measuring Presidential Power...*; Siaroff. *Comparative Presidencies...* В то же время не стоит слишком полагаться на незначительные различия между значениями индекса для разных стран.

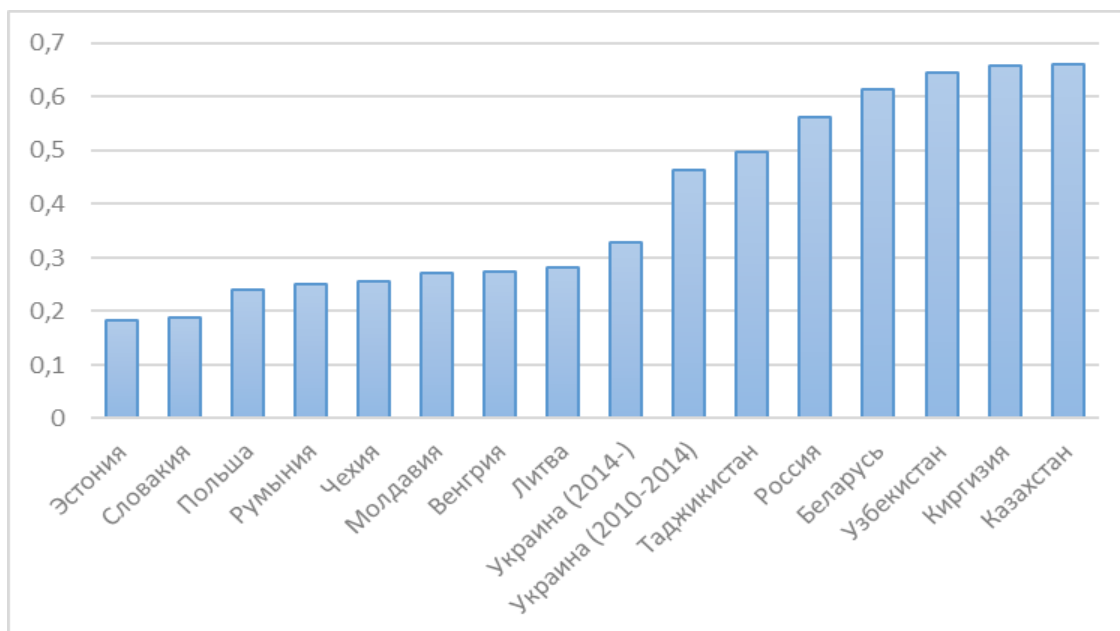

Рисунок 1. Индекс президентских полномочий в посткоммунистических странах⁸

Постсоветские страны и посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы можно четко разделить на две группы. Первая группа состоит из сравнительно демократических стран, имеющих более слабых президентов. Во вторую группу входят преимущественно автократические государства с могущественными президентами. Украина – где-то посередине. И кажется, что она никак не может определиться, «перепрыгивая» из одной группы в другую. Находясь сейчас в первой группе, президент Украины является одним из сильнейших среди своих коллег в других (полу)демократических посткоммунистических странах. Некоторые другие страны региона (Грузия, Армения) также движутся в направлении ослабления полномочий президента (Таблица 3)⁹. Конечно, эти изменения, как и в Украине, не являются необратимыми и не означают консолидации демократии в этих странах. Политики в основном прибегают к ним с целью ослабить противников и удержать власть. Но по крайней мере эти шаги свидетельствуют о наличии активной политической борьбы, находящей отображение в институциональном поле, а не лишь в неформальных договоренностях¹⁰. Ведь во время рокировки Путин-Медведев в 2008 году в России, Владимир Путин не посчитал необходимым каким-либо образом обезопасить себя институционально от роста влияния Дмитрия Медведева, который формально обладал гораздо более высокими полномочиями на посту президента, чем Путин на посту премьера. А

⁸ Prespower1 Scores // Presidential Power: Presidents and Presidential Politics around the World. http://presidential-power.com/?page_id=2151. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

⁹ К сожалению, недавние изменения не позволяют рассчитать актуальный индекс президентских полномочий для этих стран.

¹⁰ Элджи и Мостреп пришли к заключению, что снизившиеся полномочия президента помогли улучшить качество демократии в этих странах. См.: Elgie R. Weaker Presidents, Better Semi-presidentialism? // Presidential Power: Presidents and Presidential Politics around the World. 1 June 2016. <http://presidential-power.com/?p=4977>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

все развитие политической системы в России (как и в других странах второй группы стран региона) характеризовалось постепенным возрастанием полномочий президента, одновременно отображающем и усиливающим влияние Владимира Путина (и авторитарных лидеров в странах Центральной Азии). В то же время более стабильные демократические страны региона, такие как Польша, избежали значительных изменений политической системы после принятия посткоммунистической конституции, почти сразу ограничив полномочия президента.

Таблица 3. Изменения роли президента в политических системах Украины и стран региона

Украина	Армения	Грузия	Россия	Польша
1996 – принятие президентско-парламентской Конституции	1995 – президентско-парламентская Конституция	1995 – президентско-парламентская Конституция с сильным президентом	1993 – принятие «суперпрезидентской» Конституции	1992 – Малая Конституция, парламентско-президентская республика со значительными полномочиями президента
1999 – прекращение значительных полномочий президента по выпуску указов в обход парламента	2005 – парламентско-президентская система, но сильный президент		2005 – отмена выборов губернаторов, отныне назначаемых Президентом	
2006 – парламентско-президентская система	2015 – решение о переходе к парламентской системе с символической ролью президента	2004 – незначительно увеличены полномочия президента	2008 – увеличение срока полномочий президента от 4 до 6 лет	1997 – принята парламентско-президентская Конституция
2010 – президентско-парламентская система		2012 – переход к парламентско-президентской системе с ограниченными полномочиями президента	2014 – расширение полномочий президента в формировании Совета Федерации	
2014 – парламентско-президентская система				

Если же сравнивать полномочия президентов в разных регионах мира, до конституционных изменений президент Украины был настолько же сильным, как президенты многих латиноамериканских стран, и несколько слабее, чем президенты так называемых «суперпрезидентских» постсоветских стран (Рисунок 2). После реформ президент Украины потерял позиции в рейтинге. Однако он все еще сильнее, чем президенты других парламентско-президентских стран.

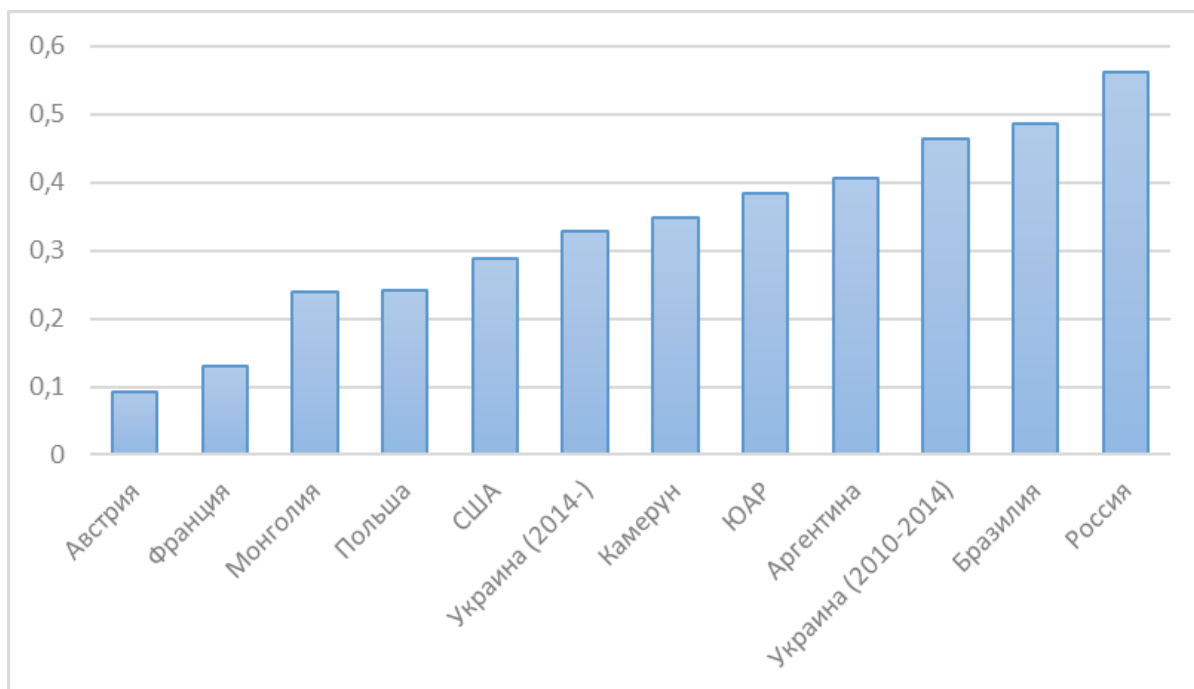

Рисунок 2. Индекс президентских полномочий в разных странах мира

Настолько сильный президентский институт в формально парламентско-президентской стране создает почву для конфликтов в исполнительной власти – похожих на те, которые происходили в феврале-апреле 2016 года и практически непрерывно в 2006-2010 гг. Виктор Ющенко, избранный на волне Оранжевой революции 2004 года, столкнулся с навязанным ему значительным снижением полномочий в 2006 году и вел борьбу за сбережение своего влияния как с номинальным партнером по коалиции Юлией Тимошенко, так и с недавним оппонентом Виктором Януковичем. А в феврале 2016 года Президент Петр Порошенко, являющийся также лидером крупнейшей коалиционной фракции, призвал премьер-министра Арсения Яценюка уйти в отставку. После непродолжительного противостояния Яценюк уступил место премьера представителю фракции Блока Петра Порошенко Владимиру Гройсману.

За рамками Конституции

Одна из проблем формальной оценки президентской власти заключается в том, что конституции не всегда отображают реальную власть президента. Конституции могут быть нечеткими и скорее создавать основу для распределения власти, тогда как политические условия, традиции и борьба могут значительно его менять.

Ярким примером является Франция. Согласно Конституции этой страны, президент является достаточно слабым (индекс президентской власти равен 0,131 –

лишь немного выше, чем в Австрии, в которой президент практически лишен формальных полномочий). Если партия президента не контролирует большинство депутатов в нижней палате парламента, президент практически лишен власти, за исключением внешней политики и обороны. Однако если его партия имеет большинство в парламенте, он становится реальным лидером страны. Таким образом президенты Франции следуют образцу Шарля де Голля, харизматической и властной личности, бывшей президентом в сложные для страны времена (1958-1969 гг.). Поэтому даже в формально парламентско-президентской республике может возникнуть очень сильный президентский институт.

Также актуален пример Турции, где Президент Реджеп Эрдоган благодаря своему политическому влиянию практически управляет страной несмотря на парламентско-президентскую форму правления. В то же время попытки законодательно закрепить превосходство президента свидетельствуют о воспринимаемой важности конституционных положений, которые помогли бы снизить риск вызова со стороны формально более влиятельного главы правительства.

Пространство для неформальной динамики власти особенно большое в постсоветских политических системах. Их слабые институты позволяют лидерам руководить посредством патронажа и личного управления¹¹. Политолог Генри Хейл замечает, что президенты в постсоветских странах усиливают свою формальную власть «неформальной властью и ресурсами благодаря клиентелистским сетям, пронизывающим государство и экономику»¹².

Усилив полномочия премьер-министра, конституционные изменения 2004 года (начавшие действовать в 2006 году) и 2014 года создали некоторую неуверенность относительно того, кто же на самом деле сильнее: президент или премьер-министр. Однако президент Украины остается достаточно могущественным для того, чтобы вокруг него сосредоточивались разнообразные группы влияния. Президент конкурирует с другими институтами власти и во многих случаях побеждает¹³. Например, Президент Ющенко использовал свою формальную и неформальную власть для роспуска парламента в 2007 году сомнительным с правовой точки зрения способом, таким образом победив враждебно настроенного премьер-министра Януковича. А в 2010 году новоизбранный президент Янукович легко консолидировал власть и отменил конституционную реформу, вернувшись к президентско-парламентской форме правления.

В свете Евромайдана и политического наследия Януковича еще одно формальное возвращение к президентско-парламентской системе не выглядит слишком вероятным. Однако сокращение конституционных полномочий может не

¹¹ Chaisty P., Cheeseman N., Power N. Rethinking the «Presidentialism Debate»: Conceptualizing Coalitional Politics in Cross-Regional Perspective // *Democratization*. 2014. Vol. 21. № 1.

¹² Hale H. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia // *World Politics*. 2005. Vol. 58. № 1.

¹³ Минаков М., Милованов Т. Опасный пост №1: в чем изъян постсоветского института президентства // *VoxUkraine*. 14 июня 2016 года. <http://voxukraine.org/2016/06/14/opasnyi-pervyi-post-ru/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

остановить Порошенко от попыток консолидировать власть в рамках парламентско-президентской системы. Война на востоке Украины подчеркивает ведущую роль президента во внешней политике и обороне, предоставляя ему как Верховному главнокомандующему и гаранту целостности Украины возможность подняться на отдельный от других политиков уровень. Частота изменений Конституции в Украине (три существенных изменения за 12 лет) и слабое верховенство закона создают еще больше возможностей для гибкой трактовки или игнорирования правил. Примером стало реформирование Кабинета Министров в апреле 2016 года, процедура которого противоречила «ряду законов и логике парламентско-президентской модели»¹⁴.

Влияние президента и обеспечение поддержки в парламенте

Даже могущественные президенты нуждаются в поддержке парламента, если хотят осуществить свои замыслы. Для этого президенты разных стран постоянно используют такие инструменты, как законодательные полномочия (право вето и издание собственных указов), бюджетные полномочия, распределение правительственных должностей, контроль над парламентскими фракциями (в частности пропрезидентской) и неформальные инструменты (назначение на разнообразные должности, бизнес-преференции, подкуп и т. д.)¹⁵. На выбор инструментов влияют как конституционные полномочия и неформальное влияние президента, так и политический контекст. Например, президент Бразилии компенсирует сравнительно слабый контроль над партиями значительными законодательными и бюджетными полномочиями и распределением правительственных должностей. В условиях большого количества партий и слабой внутрифракционной дисциплины разные президенты активно использовали свой контроль над бюджетом, в некоторых случаях ситуативно или систематически «покупая» поддержку депутатами своих законодательных инициатив. Умелое использование этих возможностей позволяло президентам избежать участи тех своих предшественников и коллег (например, Колора ди Мелу), которые пытались обойтись без поддержки парламента, активно используя указы в обход парламента и принуждая парламентариев к согласию, и были отправлены в отставку.

¹⁴ В частности, правительство Гройсмана сформировали без формального создания парламентской коалиции (там же).

¹⁵ Chaisty, Cheeseman, Power. Rethinking the «Presidentialism Debate».

Таблица 4. Возможности президентов в обеспечении парламентской поддержки

	Украина	Россия	Бразилия
Законодательные полномочия	Средние <i>Вето</i>	Сильные <i>Вето, значительные возможности указов</i>	Очень сильные <i>Вето (в т. ч. частичное), значительные возможности указов</i>
Бюджетные полномочия	Ограниченные/сильные <i>Зависит от партийного влияния и других факторов</i>	Сильные	Очень сильные
Раздача министерских портфелей	Ограниченные /сильные <i>Зависит от партийного влияния и других факторов</i>	Очень сильные <i>Конституционное полномочие</i>	Очень сильные <i>Конституционное полномочие</i>
Влияние на партии	Среднее/сильное <i>Контролирует крупнейшую партию</i>	Очень сильное <i>Доминантная партия, подконтрольная оппозиция</i>	Ограниченное <i>Фрагментированный парламент, слабая дисциплина</i>
Неформальное влияние	Очень сильное <i>Обмен услугами, бизнес-преференции, запускание и т. д.</i>	Очень сильное <i>Обмен услугами, бизнес-преференции, запускание и т. д.</i>	Сильное <i>Обмен услугами, бизнес-преференции; недавно раскрыты некоторые незаконные случаи</i>

Примечание: Это предварительная оценка автора. Особенно осторожно следует относиться к характеристике неформальных инструментов, оценить которые особенно сложно.

Парадоксально, но возросшее внимание общественности и СМИ к таким неформальным договоренностям иногда ослабляет влияние президентов и может дестабилизировать политическую систему. Например, в Эквадоре именно возможность неформальной покупки голосов депутатов с помощью закрепленных за президентом бюджетных средств позволяла президентам получать поддержку фрагментированного парламента¹⁶. После разоблачения этой схемы и лишения президента контроля над этими средствами три подряд президента Эквадора потеряли власть вследствие народных протестов и отсутствия парламентской поддержки.

В постсоветских странах, например, в России, президент сначала тоже преимущественно использовал законодательные и бюджетные полномочия, стремясь либо обойти сопротивление парламента указами, либо получая ситуативную поддержку парламентариев посредством распределения должностей или доступа к бюджетным средствам. Но как напоминает недавнее отстранение президента Бразилии Дилмы Руссеф, сами по себе эти полномочия недостаточны для обеспечения надежной парламентской поддержки. Постоянное стремление усилить контроль президента над партиями в России и постсоветских автократиях в Азии привело к формированию в этих странах доминантных президентских

¹⁶ Pereira C., Acosta A.M. Policymaking in Multiparty Presidential Regimes: A Comparison between Brazil and Ecuador // Governance. 2010. Vol. 23. № 4. P. 641-666.

партий и контролю над оппозиционными партиями. Вначале президентства Путина ему достался еще относительно независимый парламент. А уже в 2007 году ему удалось полностью подчинить законодательный орган, создав монополию на основе партии «Единая Россия», блокировав доступ оппозиционных партий в парламент и контролируя формальную оппозицию в лице партий ЛДПР и КПРФ¹⁷.

Как показывает исследование Пола Чейсти и Светланы Черных, в Украине президенты использовали все возможные инструменты¹⁸. В то время как законодательные и бюджетные полномочия украинского президента не так высоки, как в России или Бразилии, президенты Украины часто полагались на распределение министерских портфелей и неформальные инструменты, к которым принадлежали «обмен услугами, запугивание и подкуп»¹⁹. Успешные в построении коалиций президенты создавали законодательные картели, используя неформальные связи между депутатами, министерствами и другими исполнительными органами²⁰. Особенно «прославился» использованием запугивания и бизнес-преференций Виктор Янукович²¹. Понимая важность партийного влияния, он также пытался повторить успех Президента России Путина и создать доминантную партийную систему. Но ему не удалось совладать с конфликтами между различными группами внутри Партии Регионов. Как показывает анализ от *VoxUkraine*, еще в 2012 году уровень поддержки депутатами законодательных инициатив президента резко снизился (с 82% до 58%)²². А Евромайдан окончательно перечеркнул все его усилия по монополизации влияния на партию.

Конституционная реформа значительно снизила влияние президента на бюджет и распределение должностей в правительстве, отобрав у него право выбора и увольнения главы правительства. Кроме того, в парламентско-президентских странах формированием парламентского большинства обычно занимается более сильный премьер-министр. Это частично объясняет, почему наименее эффективным менеджером коалиций среди украинских президентов считают именно Виктора Ющенко.

Тем не менее Президент Порошенко активно и успешно действует с целью обеспечить поддержку своих многочисленных законодательных инициатив. Парламент принимает 72% внесенных президентом законопроектов и к тому же очень быстро (в среднем законопроект проходит полный путь в парламенте за 52

¹⁷ Gel'man V. Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. № 6. P. 913-930.

¹⁸ Chaisty P., Chernykh S. Coalitional Presidentialism and Legislative Control in Post-Soviet Ukraine // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. № 3.

¹⁹ Chaisty, Cheeseman, Power. Rethinking the «Presidentialism Debate».

²⁰ Ibid.

²¹ Chaisty, Chernykh. Coalitional Presidentialism.

²² Остапчук Д., Давиденко Б. Digital история украинского парламента: 20 лет Верховной Рады в 5 графиках // *VoxUkraine*. <http://voxukraine.org/longreads/digital-history-of-rada/article-ru.html>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

дней, что является рекордным показателем для президентов Украины)²³. Его ситуация значительно отличается от той, в которой после конституционной реформы 2004 года и падения популярности оказался Ющенко. Контроль над самой крупной парламентской фракцией, фрагментированная оппозиция, все еще широкие формальные и неформальные полномочия – все эти факторы обеспечивают активную роль президента в формировании парламентского большинства. Эта активность также отличает политическую систему в Украине от многих других парламентско-президентских систем в Европе, в которых даже сравнительно сильные президенты практически не имеют влияния на работу парламента и правительства.

Чтобы получить поддержку парламентских партий, Порошенко использует распределение должностей в правительстве. Например, портфели в правительстве Яценюка были поделены пропорционально между представителями входящих в коалицию фракций²⁴. После выхода из коалиции фракций Радикальной партии, Батькивщины и Самопомощи еще большее значение получили влияние президента на собственную фракцию и использование неформальных инструментов. Ведь депутатов двух базовых для правительства Гройсмана фракций (БПП и Народного Фронта) не хватило даже для формального создания коалиции, не говоря уже о стабильной поддержке президентских законопроектов. Мы уже видели и, вероятно, еще увидим попытки обеспечить строгую партийную дисциплину, необходимую для усиления контроля президента над своей парламентской фракцией²⁵. Попытки повысить партийное влияние президента также делают не очень вероятным скорое внедрение полностью пропорциональной избирательной системы ввиду того, что в мажоритарных округах лучшие результаты часто показывают провластные кандидаты – или по крайней мере именно с ними президенту легче договориться о поддержке, используя обмен услугами и другие неформальные инструменты.

Неформальные инструменты особенно важны тогда, когда необходимо получить голоса внефракционных депутатов и депутатов оппозиционных фракций. Здесь могут быть полезными влияние президента на Генерального прокурора и другие силовые структуры, полномочия по назначению на государственные должности и те бюджетные полномочия, которые президент сохраняет благодаря

²³ Жолудь А., Сологуб И., Остапчук Д., Боженко С., Ярошук А. Петр Порошенко и его закон: с какими законопроектами президент воюет, а какие поддерживает // VoxUkraine. 23 июня 2016 года. <http://voxukraine.org/2016/06/23/33-veto-a-chem-borolsya-president-poroshenko-ru/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

²⁴ Черных С., Чейсти П. Насколько справедливо распределены «портфели» в Украине? // VoxUkraine. 12 февраля 2015 года. <http://voxukraine.org/2015/02/12/raspredeleniye-portfeley-v-ukraine-rus/>. Последнее посещение 30 сентября 2016 года.

²⁵ Контроль партии над депутатским мандатом закрепили, лишив мандатов двух народных депутатов, ранее покинувших фракцию БПП. Также закреплено право руководства партии исключать депутатов из своих выборных списков уже после выборов.

влиянию на министерство финансов²⁶. Скорее всего, именно использованием неформальных инструментов можно объяснить получение голосов депутатов фракций «Возрождение», «Воля народа», Оппозиционного блока в некоторых важных голосованиях, например, за назначение кандидата президента (Юрия Луценко) на пост Генерального прокурора или за конституционные изменения в области правосудия в 2016 году.

После перехода Украины к парламентско-президентской системе способность президента обеспечивать парламентскую поддержку больше зависит от его политического умения и партийного влияния. Однако в благоприятных условиях его формальные полномочия и неформальное влияние кажутся достаточно высокими для того, чтобы успешно убеждать депутатов поддержать его законодательные инициативы.

Выводы

Президент Украины потерял часть конституционных полномочий, но все равно остается одним из самых могущественных среди президентов парламентско-президентских стран. Значительные формальные полномочия и неформальное влияние позволяют президенту конкурировать с другими органами государственной власти и могут помочь ему сосредоточить власть в своих руках даже в парламентско-президентской системе. Пока неизвестно, как закончится эта борьба. Но такой тип политической системы, вероятно, будет порождать нестабильность и неопределенность до тех пор, пока не будет найдено конституционное или политическое решение.

²⁶ Министерство финансов в правительстве Гройсмана возглавляет Александр Данилюк, бывший представитель Петра Порошенко в Кабинете министров.

VII. Эссе

Леонид Люкс

Россия и Германия в XIX и XX веке: два особых пути*

XX столетие, окончившееся в Европе победоносным шествием либерально-демократических идей, начиналось с бунта против плюралистически устроенных обществ и отстаиваемых ими ценностей. В своем радикализме бунт этот превзошел все предшествующие волнения подобного рода. Германия и Россия образовали центр этого восстания против ценностей, которые принято ассоциировать с Западом. Конечно, необходимо иметь в виду, что этот бунт в Германии, с одной стороны, и в России с другой вдохновлялся диаметрально противоположными идеями.

Несмотря на то, что Германия была частью западного мира, радикальная критика многих конститутивных для этого мира ценностей являлась традиционным элементом немецкой культурной истории. Иначе дело обстояло в России. Здесь отталкивание от Запада вдохновлялось западными же идеями, прежде всего идеями 1789 года. В 1917 казалось, что России суждено стать новым прибежищем идеалов 1789 года, которые якобы предала западная буржуазия. Почему Германия и Россия оказались особенно восприимчивыми к тоталитарным искушениям, хотя и с разными знаками? Возможно, это было связано с особенно глубоко укорененной тоской в обеих странах по преодолению внутреннего раскола – в Германии национального, в России социального.

Эйфория, настигшая Германию ко времени германских войн за объединение и прежде всего во время германо-французской войны 1870/71 гг., представляла собой своего рода революцию – вместо неудавшейся революции 1848/49 гг., не решившей национального вопроса. Объединение Германии, воспринимавшееся многими немцами как своего рода завершение национальной истории, было связано с эйфорическими ожиданиями. Некоторые даже спрашивали себя, почему именно их поколение заслужило честь быть свидетелем эпохальных изменений. Историк Генрих фон Сюбелль в письме своему коллеге Герману Баумгартену от 27 января 1871 г. точно выразил это состояние: «Чем мы заслужили милость божью переживать столь великие грандиозные события? Как же нам жить после

* Расширенная версия доклада, прочитанного 2-го июля 2015 г. в Мюнхене в рамках конференции «Zukunft gestalten im Dialog: Deutschland– Russland».

этого? То, что 20 лет было содержанием всех желаний и стремлений, теперь сбылось бесконечно великолепным образом! Как же теперь жить дальше, где в мои годы найти новый смысл, необходимый для продолжения жизни?»¹.

Однако история, в противоположность тезису американского политолога Фрэнсиса Фукуямы, не имеет конца – она продолжается. Эйфория в Германии очень быстро пошла на убыль, так как ожидавшееся национальное примирение, несмотря на беспрецедентные внешнеполитические успехи Бисмарка, так и не состоялось. Пыл 1870/71 гг. быстро остыл. Нация осталась внутренне расколотовой и сотрясаемой религиозными, территориальными и социальными проблемами, до того момента, когда идеи лета 1914 г. спаяли нацию, не знавшую «больше никаких партий», также, как и в 1870/71 гг., казалось, в монолит. Военное вдохновение лета 1914 г. представляло собой, конечно же, общеевропейский феномен, но только в Германии оно стало новым этапом в процессе построения нации. Для борцов за «органическое» единство нации этот процесс, однако, шел не так далеко, как им хотелось. То, что «непобедимая на поле боя» армия в конце концов все-таки проиграла эту войну, многие объясняли слабостью на внутреннем фронте. Теперь борьба за органическое единство нации, за искоренение всего чужеродного, стоявшего на пути этого процесса, начала принимать все более несуразный характер и потеряла всякую связь с реальностью. Только в этой атмосфере² могла быть осуществлена все упрощающая «программа» расовых антисемитов, определявших евреев истинными виновниками всех бед немцев. Захват власти Гитлером, который был напрямую связан с исключением евреев из общественной жизни Германии, рассматривался многими немцами своего рода продолжением начатого в 1864-1871 гг. и обновленного в 1914 г. процесса объединения, своего рода революцией. Это упоение объединением особенно наглядно описано в биографии Гитлера Иохима Феста³.

Что касается России, то она пережила похожую эйфорию не в 1914, а в 1917 г. Война в России не была связана, не считая тонкого слоя образованных людей, с ожиданиями блага и спасения, это наступило только с революцией 1917 г. Обожествление революции имеет в России длинную предысторию. Воплощением этого обожествления была в первую очередь русская интеллигенция – феномен, у которого на Западе, как справедливо подчеркивает кёльнский историк Теодор Шидер, не было эквивалента⁴. Мышление интеллигенции носило манихейские черты. Зло символизировало для них царское самодержавие, добро – простой русский народ, и они исходили из того, как указывает российский философ Семен Франк, что механическое устранение зла автоматически приведет к победе

¹ Цит. по: Gall L. Bismarck. Der weiße Revolutionär. Frankfurt/Main, 1980. P. 467.

² См. Rauschnig H. The Conservative Revolution. N.Y., 1941. P. 262-263.

³ Fest J.C. Hitler: Eine Biographie. Frankfurt/Main, 1979. P. 513-570.

⁴ Schieder Th. Das Problem der Revolution im 19. Jahrhundert // idem. Staat und Gesellschaft im Wandel unserer Zeit: Studien zur Geschichte des 19. und 20. Jahrhunderts. München, 1970. P. 42-44.

добра⁵. Бескомпромиссная революционная деятельность интеллигенции привела к тому, что она не придавала значения глубоким метафизическим вопросам, так как занятие ими отвлекало, якобы, от борьбы за освобождение народа, добавляет Николай Бердяев. Чистый материализм и атеизм являлись единственным интеллектуальным багажом интеллигенции⁶.

Лишь «идеалистический поворот», захвативший к началу 20-го века часть русской интеллигенции, привел к постепенному отказу от обожествления революции. Однако эта смена парадигм наступила слишком поздно, так как хилиастические мечтания интеллигенции, ее вера в исцелительную силу революции уже заразили простой народ, до этого еще укорененный в допетровском мироощущении. Для народных слоев на протяжении поколений государство воплощал православный царь. Будучи солдатами, они боролись за Веру, Царя и Отечество. Русский историк Георгий Федотов указал в связи с этим на то, что понятию Отечество в этой триаде не случайно отводилось последнее место⁷. Идея современного национального государства, считавшегося независимо от религиозных коннотаций вершиной создания, к началу 20-го века проникла лишь в часть образованного слоя России. Низшие слои российского общества, правда, и пережили процесс модернизации, приведший на рубеже веков к ослаблению их привязанности к церкви и царю; но они так и не нашли привязки к современной идее национального государства. Они находились в подвешенном состоянии между прошлым и будущим, и этот мировоззренческий вакуум все сильнее заполнялся идеей революции. Вера в революцию представляла собой замену тогдашней в значительной мере опустошенной веры в православного царя. Таким образом революционная интеллигенция выиграла свою длящуюся десятилетиями конкурентную борьбу с царской бюрократией за «душу» народа.

Интеллигенция «просветила» народ, чьи традиционные представления были поколеблены, писал в 1908 г. русский философ Сергей Булгаков. Эта «победа», однако, будет иметь для России трагические последствия, продолжал Булгаков⁸. При этом необходимо добавить, что современные революционные учения, с помощью которых интеллигенция пыталась «просветить» народ, смешивались с традиционными идеалами справедливости низших слоев российского общества, носящих ярко выраженный эгалитарный характер. «Из всех форм справедливости равенство для русских – на первом месте» – говорил Георгий Федотов⁹.

После падения царской монархии в 1917 г. эгалитарная эйфория, овладевшая российским населением, приняла стихийные масштабы и направилась против иерархического принципа как такового, являющегося для каждого государства

⁵ Франк С. Этика нигилизма // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909. С. 175-210.

⁶ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. С. 1-22.

⁷ Федотов Г. Революция идет // Современные Записки. 1929. № 39. С. 306-359.

⁸ Булгаков С. Два града. М., 1911. Т. 2. С. 159-163.

⁹ Федотов Г. Народ и власть // Вестник РСХД. 1969. № 94. С. 89.

основополагающим принципом построения. Все политические партии России пытались сдержать этот эгалитаристский восторг, грозивший смести всю цивилизаторскую «надстройку» страны, – но только не большевики. Ленин разжигал и дальше стремление к освобождению от всех форм неравенства, созданию «органического», единого социального организма и к уничтожению «буржуазного государства». Ибо он знал, что только на этих руинах могло быть построено воображаемое им «партийное государство нового типа». Для достижения этой цели он даже был готов объединиться с непросвещенными массами.

Участник событий 1917 года Федор Степун пишет: в 1917 г. Ленин понял, что в определенных ситуациях лидер должен поддаваться воле масс, чтобы победить. Несмотря на то, что Ленин был «человеком громадной воли, он послушно шел на поводу у массы, на поводу у ее самых темных инстинктов»¹⁰. Однако этот союз Ленина с анархичными массами представлял собой лишь краткосрочное явление. Сразу после победы большевистской революции «партия нового типа» стремилась деполитизировать своих «союзников» и превратить их в винтики тоталитарного механизма. Так как опьянение свободой 1917 г. еще очень долго действовало на россиян, при попытке приспособить строптивую российскую действительность к марксистской утопии большевики натолкнулись на существенное сопротивление. Партия ответила террором, которому суждено было стать с краткими перерывами до 1953 г. (до смерти Сталина) одной из важнейших основ нового режима.

Но вернемся к Германии. Борьба с либеральными ценностями, точнее говоря, с демократическим парламентаризмом обострилась здесь после поражения якобы «не побежденной на поле боя» нации в Первой Мировой войне до предела. Суровость Версальского договора, по своему характеру, кстати, не слишком сильно отличавшегося от заключенного немцами победоносного мира на востоке в марте 1918 года (Брест-Литовский мир), поборники национального реванша считали вполне достаточным основанием для того, чтобы смести существующий европейский уклад. Оскорбленное национальное самолюбие стало господствующим мотивом их образа мыслей, определяло их тактику; соображения касательно общеевропейского и христианского наследия уже не играли никакой роли. «Мы – притесняемый народ», – писал в 1923 один из провозвестников так называемой Консервативной революции Меллер ван ден Брук: «Скудная территория, на которую нас отеснили, таит в себе огромную опасность, от нас исходящую. Не следует ли нам строить нашу политику на основе этой опасности?»¹¹.

Заимствованный у Запада либерализм был провозглашен сторонниками Консервативной революции и других националистических группировок смертельным врагом немцев. Для Меллера ван ден Брука либерализм был «моральным за-

¹⁰ Степун Ф. Сочинения. М., 2000. С. 342.

¹¹ Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 71-72.

болеванием нации», свободой от каких бы то ни было убеждений, выдаваемой за убеждения¹².

Характерная для консервативных революционеров псевдоэтическая установка проявляется здесь особенно отчетливо. Те, кто из-за допущенной в Версале несправедливости были готовы разрушить весь европейский порядок, кто готов был надсмехаться над гуманизмом, не задумываясь бросали либерализму упрек в равнодушии к морали. Неудивительно, что этот морализаторский имморализм, заранее отпускавший грехи своим единомышленникам, но изображавший своих противников неисправимыми преступниками, многим казался весьма заманчивым.

Утверждение либеральной системы в Германии представлялось немецким критикам Запада следствием коварных интриг западных демократий. Запад обладает иммунитетом против либерального яда, он не принимает всерьез либеральные принципы, утверждал Меллер ван ден Брук. Напротив, в Германии либерализм был воспринят буквально. Поэтому его разлагающие принципы сумели привести страну к гибели. Западные государства, неспособные одолеть немцев на поле брани, пытаются сделать это путем революционной и либерально-пацифистской пропаганды. И наивные немцы позволили отравить себя этим ядом¹³.

Жалость сторонников Консервативной революции к самим себе была столь же безгранична, как и их мания величия. Получалось, что единственным средством, способным облегчить страдания немцев, было мировое господство. Меллер ван ден Брук разъяснял: «Власть над миром – единственная предоставленная народу перенаселенной страны возможность выжить. Наперекор всем препятствиям порыв людей в нашей перенаселенной стране направлен туда же, его цель – про странство, которое нам необходимо»¹⁴.

Парламентская демократия представлялась ее немецкими критикам как «лишенная рыцарских начал». Ноябрьская революция 1918 года не была в состоянии защитить страну от внешнего врага. Поэтому от нее отвернулись солдаты, пишет Эрнст Юнгер. Эта революция, по мнению Юнгера, отвергла такие понятия, как «мужество, честь, отвага»¹⁵. Освальд Шпенглер в свою очередь говорит о «неописуемой мерзости ноябрьских дней»: «Ни одного властного взгляда, ничего вдохновляющего, ни одного значительного лица, запоминающегося слова, дерзкого преступления»¹⁶.

Поборники Консервативной революции в своей критике парламентской демократии и либерализма основывались на традиционно консервативных представлениях и клеймили либерализм как жизнеразрушающую силу. Он якобы разрушает органические связи в обществе и разжигает низменные, эгоистические ин-

¹² Moeller van den Bruck A. Das dritte Reich. Hamburg, 1931. P. 69-71.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 63, 71-72.

¹⁵ Bastian K.-F. Das Politische bei Ernst Jünger (Diss.). Heidelberg, 1963. P. 66.

¹⁶ Spengler O. Preußentum und Sozialismus. München, 1920. P. 11.

стинкты. Не служение общему делу, а собственным интересам – вот к чему зовет либерализм. Правовед Карл Шмитт вообще отказывался признать Веймарскую республику государством. В ней, утверждал Шмитт, отдельные сегменты общества (партии, объединения и т.п.) захватили власть, которую используют исключительно в собственных интересах. Государство как олицетворение общенациональных задач упразднено. Главной и неустранимой слабостью так называемого законодательного государства эти критики считали мнимую неспособность такого государства принимать решения, справляться с реальной опасностью. В законодательном государстве властвуют не люди, не правители, а буква закона, сетовал Карл Шмитт. Исходное понятие господства, согласно Шмитту, стало недействительным, подменено абстрактными нормами¹⁷. Последователь Шмитта Эрнст Форстхофф вторил учителю: честь и достоинство – личные понятия; правовое государство, которое сводит на нет все личное, лишено достоинства и чести¹⁸. Так зародилась в кругах консервативных революционеров тоска по настоящему властителю, по «цезарю». Харизматический вождь, чье появление предсказывали крупные европейские мыслители на рубеже XIX-XX в., одни с беспокойством, другие – с надеждой, должен был сбросить власть безликих учреждений, заменив ее диктатом персонифицированной воли.

Грезы консервативных революционеров о национальной диктатуре, об упразднении либерального государства «без чести и достоинства», о Германии, готовой к войне, грезящей о безграничной экспансии, вплоть до господства над миром, их тоска по сильной руке, по завершающей историю «третьей империи» закономерно должны были воплотиться в фактически установленный 30 января 1933 года Третий рейх. Победы НСДАП на выборах в парламент в начале 30-х годов вызвали ликование у большинства консервативных революционеров. К немногочисленным скептикам относились Эрнст Никиш вместе со своей группой «Сопrotивление» и Эвальд фон Клейст-Шменцин. В элитарных кругах Консервативной революции иронизировали над плебейским характером национал-социалистического движения, да и косо посматривали на попытку Гитлера захватить власть не революционными, а легальными парламентскими средствами; но это были малосущественные детали. В глазах большинства радикальных критиков веймарской демократии, принадлежавших консервативно-революционному либо правому лагерю, взлет НСДАП означал конец ненавистной им либеральной эпохи и начало национального возрождения. Вот почему в первое время после образования Третьего рейха они относились к новому государству – не без основания – как к собственному детищу. Но это была история с учеником чародея. Лишь постепенно им стало ясно, каких демонов они растревожили. Утрата иллюзий приняла весьма широкие масштабы¹⁹.

¹⁷ Schmitt C. *Legalität und Legitimität*. München, Leipzig, 1932; idem. *Der Hüter der Verfassung*. Tübingen, 1931; idem. *Der Begriff des Politischen*. 4. erw. Aufl. Berlin, 1963.

¹⁸ Forsthoff E. *Der totale Staat*. Hamburg, 1933. P. 13.

¹⁹ Kuhn H. *Das geistige Gesicht der Weimarer Zeit // Zeitschrift für Politik*. 1961. Vol. 8. P. 4.

Национал-социалистический режим достиг вершины своей радикальности незадолго до своего краха. Почитатель Рихарда Вагнера Гитлер пытался инсценировать гибель Третьего рейха как «сумерки богов». Гитлер считал себя и «новый порядок» апогеем немецкой истории. С его смертью должна была завершиться и немецкая история. В марте 1945 года Гитлер заявил в беседе с министром вооружений Шпеером: «Если будет проиграна война, исчезнет и немецкий народ. Нет необходимости сохранять основы, которые нужны немецкому народу для продолжения примитивного существования. Напротив, лучше уничтожить сами эти основы. Ибо народ проявил свою слабость и будущее исключительно принадлежит более сильному восточному народу. Все, что останется после этой битвы, и без того неполноценно, ибо все наиболее ценные представители нации погибли на фронте»²⁰. Так крах немецкого особого пути, сопротивления западным идеям открытого общества, правового государства и суверенности человеческой личности ознаменовался беспримерным саморазрушением.

Можно назвать своего рода парадоксом тот факт, что самая стабильная в истории Германии демократия была создана после величайшей катастрофы в истории страны. Однако оба эти явления тесно связаны друг с другом. Так как Германия в 1945 была совершенно разгромлена, здесь не мог, в отличие от 1918 года, появиться миф о «непобежденной на поле боя нации», у которой, якобы, в последнюю минуту была украдена победа. После разгрома третьего рейха не возникла в Германии, в отличие от эпохи после Первой мировой войны, также и зловещая легенда об «ударе ножом в спину», так как оппозиционные группировки, которые, согласно авторам этой легенды в 1918, якобы, предали страну, в 1945 не существовали. Они были разгромлены нацистами уже в 1933 году, сразу же после их прихода к власти. В 1945 году никто также, в отличие от 1918 года, не сомневался в том, кто является главным виновником войны. Берлинский историк Генрих Август Винклер пишет: «Тот факт, что главная ответственность за войну лежит на руководстве Третьего Рейха, был так очевиден, что легенды о якобы ни в чем не виноватой Германии не могли охватить массы»²¹. Таким образом, вторая немецкая демократия могла развиваться без балласта мифов и легенд, которые в свое время отравляли политическую культуру Веймарской демократии и привели в конечном итоге к ее уничтожению.

Главным уроком, который создатели второй немецкой демократии извлекли из поражения первой, заключался в их выводе, что демократия должна уметь себя защищать. Член парламентского Совета, который разрабатывал Основной Закон будущей демократической Германии, социал-демократ Карло Шмид, говорил в сентябре 1948 года о нетерпимости, которую демократия должна проявлять по отношению к тем, кто использует демократические свободы для того, чтобы уничтожить демократию, а коллега Шмида из партии ХСС, Швальбер, критико-

²⁰ Цит. по: Thamer H.-U. *Verführung und Gewalt: Deutschland 1933-1945*. Berlin, 1986. P. 760.

²¹ Winkler H.-A. *Der lange Weg nach Westen*. Vol. 2. München, 2002. P. 122.

вал Веймарскую конституцию за то, что она врагам свободы давала чуть ли не больше свобод, чем ее защитникам, что в конце концов и привело к уничтожению немецкой демократии легальным путем²².

Стоит здесь вспомнить слова Федора Степуна, эмигрировавшего в 1922 в Германию, который уже в 1934 году, будучи свидетелем поражения Веймарской республики, пришел к тем же выводам, которые сформулировали 14 лет спустя авторы немецкого «Основного Закона». Степун писал: «Демократия ... должна быть лишь демократией для демократов. Против ханжества своих врагов ей приличествуют все формы действенной самообороны. Нельзя забывать, что демократия обязана защищать не только свободу мнения, но и *власть свободы*. Если эта власть не защитима словом, то ее надо защищать мечом. Это, по нашему времени, положения элементарные и очевидные»²³.

Вернемся к России. После прихода к власти большевики были уверены, что им удастся мгновенно преодолеть буржуазные порядки и построить новое, никогда еще не существовавшее общество. Троцкий в своих воспоминаниях рассказывает, что Ленин в первое время после прихода большевиков к власти неоднократно заявлял: «Через полгода у нас будет социализм, и мы станем сильнейшим государством на земле»²⁴. Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин искренне восхищался эффективностью капиталистической системы. Созданные этой системой структуры (Ленин называл их аппаратами) основатель большевистской партии считал своего рода нейтральными объектами, вполне пригодными для использования и в «социалистическом государстве». Незадолго до захвата большевиками власти Ленин писал: «(Этот аппарат) надо вырвать из подчинения капиталистам ... Его надо подчинить пролетарским Советам. ... Крупные банки есть тот "государственный аппарат", который нам нужен для осуществления социализма и который мы берем готовым у капитализма, причем нашей задачей является здесь лишь отсечь то, что *капиталистически уродует* этот превосходный аппарат»²⁵. Декретом от 14.12.1917 о национализации банков и учреждении Госбанка этот замысел Ленина большевики начали претворять в жизнь.

К 28 июня 1918 года все крупные предприятия были национализированы, 21 ноября правительство национализировало практически всю внутреннюю торговлю. Контролируемое государством распределение товаров должно было заменить рынок, который для ортодоксальных марксистов всегда был бельмом на глазу. Левобольшевистский экономист Осинский писал осенью 1918 года: «Рынок – это очаг заразы, из которого постоянно просачиваются возбудители болезни капитализма. Контроль над механизмом общественного обмена сделает невозмож-

²² Winkler H.-A. Der lange Weg nach Westen. Vol. 2. München, 2002. P. 132-133.

²³ Степун. Сочинения. С. 501.

²⁴ Trockij L. Über Lenin: Material für einen Biographen. Frankfurt/Main, 1964. P. 106.

²⁵ Ленин. ПСС. Т. 34. С. 107.

ным спекуляцию, накопление нового капитала, возникновение новых частных собственников»²⁶.

Таким образом, все более усиливающаяся с середины 1918 года экономическая диктатура отнюдь не была всего лишь временной мерой. Партия не просто реагировала на крах механизмов снабжения, но и активно действовала сама. Распад прежних структур понимался как шанс сформировать новые структуры согласно собственным идеологическим представлениям.

Борьба с либеральными моделями развития достигла в Советской России кульминации к началу тридцатых годов. После победы в гражданской войне большевикам пришлось отказаться от попытки немедленно воплотить в жизнь коммунистическую утопию. Мятежи против системы военного коммунизма приобрели в то время масштабы чуть ли не новой гражданской войны. Последним предупреждением для большевиков стало восстание кронштадских матросов. Еще в дни восстания Ленин заявил, что диктаторские меры в экономике были обоснованными только во время гражданской войны. Теперь война окончилась и продолжение этой политики более не оправдано: «Пока мы не переделали (крестьянство), пока крупная машина его не переделала, надо обеспечить ему возможность свободы хозяйничать»²⁷. Была провозглашена Новая экономическая политика. Объекты ненависти ортодоксальных марксистов – частная собственность и свободный рынок – были частично реабилитированы.

Итак, намерение осуществить общественную утопию с первого раза не удалось. Однако эта утопическая идея отнюдь не перестала вдохновлять партию. Победив в гражданской войне, большевики осуществили только политическую часть своей программы – теперь партия обладала неограниченной монополией власти в государстве. Но в стране, где огромное большинство населения составляли крестьяне, эта всевластная партия представляла собой не более чем кучку людей. Не существовало сколько-нибудь значительного социального слоя, на который партия могла бы опереться. Большевики же мечтали о приумножении и укреплении класса, от имени которого они правили, и о возобновлении «социалистического наступления», приостановленного в 1921 году. Особенно после крушения надежд на всемирную революцию, в частности после так называемого немецкого Октября 1923 года, партии требовались новые масштабные задачи.

Пробил час Сталина. Нереальной мечте о мировой революции Сталин противопоставил реалистическую на первый взгляд концепцию «построения социализма в одной отдельно взятой стране». Выяснилось, что за «мягкие» годы НЭПа большевизм отнюдь не растерял своей воинственности. Его волюнтаристски-утопический потенциал в двадцатые годы не был израсходован. Именно к этому потенциалу теперь апеллировал Сталин. Большевицкое руководство вновь попыталось посредством массового террора подогнать под свою доктрину социаль-

²⁶ Pipes R. Die Russische Revolution. Vol. 2. Berlin, 1992. P. 572.

²⁷ Ленин. ПСС. Т. 43. С. 29.

ную действительность. На этот раз, однако, у крестьян решили отнять не только продукты их труда, но и всю их собственность. Так был аннулирован один из важнейших результатов большевистской революции – радикальная земельная реформа 1917 года. Георгий Федотов говорил в 1930 году: то, что ныне происходит в России, – не продолжение Октябрьской революции, а новая революция, цель которой отменить провозглашенный в Октябре *Декрет о земле*²⁸.

Сопrotивление крестьян было отчаянным. Но в противостоянии тоталитарному государству, где господствующая верхушка сосредоточила в своих руках не знавшую прецедентов власть, у них не было шансов на успех. Задача, которая многим казалась неосуществимой, – экспроприация ста с лишним миллионов крестьян – была выполнена. Бесчеловечность, с которой проводилась коллективизация, не могла коснуться одних лишь крестьян, – она неизбежно должна была распространиться и на другие слои населения. Ближайшей жертвой коллективизации стали те, кто сыграл в ее осуществлении решающую роль.

Существенной чертой сталинистской системы было то, что ее создатель не доверял не только контролируемым – подчиненному обществу, – но и самим контролерам – всевластному партаппарату. Отсюда и кампания по частичному уничтожению коммунистической элиты, которая была подлинным базисом этой системы. Сталин, судя по всему, считал свой режим стабильным и надежным лишь при условии, когда никто из власть имущих не мог чувствовать себя уверенно.

Об организованном сопротивлении тирану со стороны партийной олигархии не могло быть и речи. Большевики, ставшие жертвами Сталина, как правило, считали себя связанными возникшим в ленинские времена «большевистским кодексом чести». Этот кодекс запрещал применять насилие по отношению к противникам внутри партии. Правда Ленин характеризовал диктатуру пролетариата как ничем не ограниченную, не связанную никакими законами и никакими правилами власть. Внутри партии, однако, большевики в ленинский период соблюдали определенные правила игры. При всей своей исключительной жесткости внутрипартийная дискуссия, как правило, не выходила за рамки словесных баталий. Большинство большевиков осталось верным этой традиции и во время Большого сталинского террора. Отступление от «большевистского кодекса чести» они и теперь считали недопустимым – в то время как для Сталина в борьбе с партийными соратниками не существовало никаких табу. Троцкистка Сафонова, случайно пережившая террор тридцатых годов, вспоминала: «Мы отрицали террор как принцип, не предпринимали ни единой попытки [террора в борьбе против Сталина]»²⁹.

Трагическая участь большевиков, ставших жертвами Большого террора, не снимает с них ответственность за сталинский деспотизм. Путем насилия они собирались построить социалистический рай на земле. Вместо рая они создали си-

²⁸ Федотов Г. Проблемы будущей России // Современные записки. 1930. № 43. С. 406-437.

²⁹ Феофанов Ю. Мы думали, что так надо // Неделя. 1988. № 41. С. 11.

стему, которую российский философ Анатолий Бутенко в годы горбачевской перестройки охарактеризовал как «ад на земле». И такое развитие событий отнюдь не было чем-то непредсказуемым. Террор породил террор и «революция пожрала своих детей».

Так революционный идеал, которому радикальная русская интеллигенция беззаветно служила на протяжении целого столетия, был дезавуирован именно тем политиком, который, по мнению огромной массы коммунистов, не исключая многих прежних скептиков и критиков, был «величайшим стратегом революционной борьбы» и «олицетворением партийной воли и разума» – Иосифом Сталиным.

После смерти Сталина выяснилось, что не только национал-социалистическая, но и сталинская система была тесно связана с личностью вождя и пережить его у нее было мало шансов. Буквально через несколько дней после смерти диктатора его ближайшие соратники, «послушные исполнители», приступили к постепенному, робкому демонтажу сталинской системы. Спустя месяц после кончины диктатора не кто иной, как многолетний руководитель сталинских органов террора Лаврентий Берия выступил против применения органами госбезопасности «изуверских методов допроса» и запретил пытки. Осуждению подвергся не только произвол органов террора, но и культ личности вождя. На пленуме ЦК в июле 1953 г. глава советского правительства Георгий Маленков говорил: «Вы должны знать, товарищи, что культ личности т. Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы и размеры. Методы коллективности в работе были отброшены, критика и самокритика в нашем высшем звене руководства вообще отсутствовали. Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и страной»³⁰.

XX съезд КПСС в феврале 1956 года, на котором произошло «посмертное свержение тирана», положил начало процессу, который, несмотря на все попытки реставрации спохватившейся верхушки, уже нельзя было остановить. Этот процесс вел к постепенному отходу страны от революционного, классово-антагонистического особого пути, на который она вступила в 1917 году. Часть российской общественности дистанцировалась от господствующей с 1917 года этики классовой борьбы и повернулась лицом к универсальным ценностям, таким, как права человека. Это в первую очередь относится к сформированному в шестидесятые годы правозащитному движению. Конечно, это движение не сумело оказать влияния на широкие слои населения, оно осталось изолированным даже в среде самой интеллигенции. Тем не менее, правозащитникам удалось основательно изменить политическую культуру в СССР. В несвободной стране они действовали, по словам одного из ведущих диссидентов Андрея Амальрика, как свободные люди.

³⁰ Цит. по: Правда. 3 января 1991. С. 5.

Они снова ввели в обиход такое запрещенное понятие, как «оппозиция»³¹. Единборство маленькой группы советских правозащитников с автократическим государством на первый взгляд напоминает противостояние революционной российской интеллигенции российскому самодержавию в XIX – начале XX веков. Однако многие правозащитники сознательно дистанцировались от своих предполагаемых предшественников, во всяком случае, от их идеологии. Представители правозащитного движения отвергали типичную для старой интеллигенции идеализацию революции, и отказались от методов насильственного достижения «благих целей». В отличие от прежней революционной интеллигенции они стремились не к построению земного рая, но к восстановлению действующих в современном мире общечеловеческих норм и ценностей. Напрямую достичь своих целей им не удалось, все их организационные структуры были разгромлены к концу семидесятых – началу восьмидесятых годов. И все же они победили. Об этом свидетельствует то, что провозглашенное Михаилом Горбачевым «новое мышление» во многих пунктах – осознанно или нет – опиралось на разработанные правозащитниками принципы. Тем самым Генеральный секретарь ЦК КПСС невольно совершил одно из крупнейших преобразований в истории XX века. Ибо «мораль классово́й борьбы», сердцевина коммунистической идеологии, никак не согласовалась с декларируемым Горбачевым «приоритетом общечеловеческих ценностей»³². Господствующая прежде коммунистическая иерархия ценностей была расшатана, а вместе с ней и весь политический фундамент прежнего государственного строя. Начался постепенный «возврат России в Европу» – с многочисленными отступлениями, тернистый путь страны к «открытому обществу».

Победившая после неудавшегося коммунистического путча в августе 1991 г. ельцинская команда не стремилась к расправе над побежденными по большевистскому образцу. Хотя КПСС и была запрещена, но российским коммунистам вскоре вновь была предоставлена возможность вернуться на политическую сцену. Компромисс, лежащий в основе системы, созданной после августовских событий, был явно подготовлен горбачевским отказом от мышления в категориях классово́й борьбы, что в свое время вызвало крайнее негодование многих коммунистов. Первый председатель созданной в июне 1990 г. Российской компартии Иван Полозков считал, что недооценка классовых противоречий лишила партию ее важнейшего методологического инструмента и политически разоружила широкие массы коммунистов. Однако когда в августе 1991-го г. коммунисты потерпели сокрушительное поражение, тот факт, что победители отказались от ленинского «кто кого?», т.е. действовали уже по образцу, созданному горбачевским «новым мышлением», спас побежденных от антикоммунистического реванша, которого многие так опасались.

³¹ Amalrik A. Aufzeichnungen eines Revolutionärs. Berlin, 1983. P. 44-52.

³² Горбачев М. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987. С. 149.

Отказ от идеологии классовой борьбы был временным отказом России от «особого пути», на который она вступила вследствие октябрьского переворота 1917-го года. После распада Советского Союза дискурс об особом пути России возобновился. Однако его анализ выходит за рамки данного очерка.

VIII. Рецензии

Юрий Радченко

Холокост на пограничье: новая монография об истории межвоенного и военного Закарпатья

Raz Segal. *Genocide in the Carpathians: War, Social Breakdown, and Mass Violence, 1914-1945*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2016. 232 p.

История Холокоста на пограничных территориях Центральной и Восточной Европы продолжает интересовать исследователей. Это подтверждает опубликованная в 2016 году монография израильского историка Раза Сигала *Геноцид в Карпатах: война, социальный провал и массовое насилие, 1914-1945 гг.* Исследование амбициозное и показывает события на территории современной Закарпатской области Украины в разрезе отношений большинства этнических и религиозных групп, которые проживали в этом регионе до периода окончания Второй мировой войны. Сигал исследует, в первую очередь, отношения евреев и неевреев – украинцев (русинов) и венгров. Касается он, однако, также и вопроса трагической судьбы ромского населения Подкарпатской Руси (Закарпатской Украины) в годы Второй мировой войны.

Сама хронология событий иллюстрирует всю трагедию событий на Закарпатье. Автор начинает повествование с периода Первой мировой войны – времени крушения империй в Европе – Австро-Венгерской, Немецкой и Российской – и образования ряда независимых государств – в том числе Чехословакии, куда волею судеб вошла в 1919 году Подкарпатская Русь. Заканчивает Сигал свою работу периодом, когда Закарпатье стало частью Украины, а события Второй мировой войны изменили этнический состав региона. Основная часть исследования Сигала посвящена преследованию, ограблению и убийству евреев на территории Закарпатья венгерскими властями в период с 1939 по 1944 гг. Значительная часть монографии описывает отношения закарпатских украинцев и евреев. Немалую часть исследования Сигал посвящает и событиям существования автономной Подкарпатской Руси и кратковременно независимой Карпатской Украины. Он говорит про особый характер отношений евреев и местных украинцев (русинов) в тот период. Вместе с тем украинский агрессивный антисемитизм (видимо, в виде идеологии Организации украинских националистов – ОУН) автор называет «экспортом» из Галиции. По его словам, отношения местных украинцев (руси-

нов) с евреями были нейтральными, а «насилие... пришло с украинским национализмом с другой стороны Карпатских гор» («violence...came with Ukrainian nationalism from the other side of the Carpathian Mountains») (С. 62).

Сигал пишет о негативном отношении прибывших на Закарпатье членов ОУН к местным евреям, а также про антиеврейские акции правительства Августина Волошина и вооруженных сил Карпатской Украины – Карпатской Сечи (С. 56-57). Вместе с тем автор не использовал большого пласта источников на украинском языке. Из других документов мы знаем, что лозунги борьбы за независимость сочетались у большинства идеологов Карпатской Украины и особенно прибывших из Галичины членов ОУН с антисемитизмом и украинским империализмом. Один из идеологов этого движения Михайло Колодзинский был противником немецкой колониальной политики в Украине, но вместе с тем хотел строить «украинскую империю». В первой части своей книги *Военная доктрина* во второй половине 1930-х он писал: «... Гитлер в *Майн кампф* связывает существование немецкого народа с получением Востока Европы, а тем самым делает из этого мировоззренческое дело национал-социализма. Нас должна возмутить такая экспансивность Гитлер. А что вложили те искатели "раумов" в Восточную Европу? Сколько крови пролили они за нее? Бандиты они международные, которые хотят сделать из Украины публичный международный дом, чтобы могли воплотить здесь свои хищнические планы».

Автор *Военной доктрины* предостерегал, что нацисты смотрят на Украину «как на европейскую Абиссинии, которой Гитлер хочет воспользоваться, чтобы переселить сюда избыток немецкого населения без малейшего признания и понимания, что на восточно-европейском пространстве живет большой народ, который веками борется за свое право, право к жизни ...». Но это не означало, что Колодзинский был противником империализма как такового. Наоборот, он считал, что на востоке Европы есть место только для одной империи – украинской. По словам украинского историка Александра Зайцева, «экспансия и империализм – постоянная тема *Военной доктрины*». Колодзинский постоянно подчеркивал, что ОУН в своих государственных планах не должна ограничиваться этническими украинскими землями: «Не строить Украину только над Днестром или Днепром, но Украина в таких размерах, которые ей измерил сам Творец, когда создавал нынешний географический вид Земли. Восток Европы должен быть наш, такое завещание оставили нам наши прадеды».

Военная доктрина Колодзинского предусматривала также полное «очищение» западноукраинских земель от поляков и предписывала «вырубить под корень польский элемент на З[ападных] У[краинских] З[емлях] и таким образом пресечь польские претензии на польский характер этих земель». Она и предусматривала частичное уничтожение других «враждебных» меньшинств: «Восстание ОУН должно уничтожить живые враждебные силы на укр[аинских] землях. ... к этим силам принадлежит в том числе, кроме регулярной армии, вражеское население в целом и все те меньшинства, которые относятся враждебно к укр [аинской] са-

мостоятельности». Это особенно касалось евреев: «чем больше погибнет евреев во время восстания, тем будет лучше для украинского государства».

Антисемитские и прогерманские лозунги звучали на публичных мероприятиях, которые проводили чиновники Карпатской Украины. 22 января 1939 в Хусте проходил митинг в честь дня Соборности, на котором выступали чиновники Карпатской Украины, командование Карпатской Сечи. Когда выступал Волошин, сечевики приветствовали его словами: «Слава Отцу Народа!». На мероприятии взял слово Иван Рогач. К тому времени он был членом Провода ОУН, членом Главной Команды и военным писарем Карпатской Сечи, а затем – секретарем Волошина. В январе 1939 года Рогач заявил: «Евреи, которые живут на нашей земле и с нашей земли, показали свою враждебность в связи с новостью о приезде ген. Прхлы (генерала, направленного из Праги в Закарпатье – *Р.Ю.*). Мы это помним.

Строится Украинская империя.

Великий Канцлер Гитлер перестраивает Европу. Украинский Народ пойдет с Немецким Народом плечом к плечу.

Украинская Империя будет, хочется кому-то или нет! Этой идеей все переполнены!

Да здравствует вождь Украины!

Да здравствует Провод Организации Укр. Националистов!

Да здравствует Отец Волошин!

Да здравствует правительство Карпатской Украины».

Осенью 1941 года Рогач в оккупированном нацистами Киеве был назначен на должность главного редактора еженедельника *Украинское слово*, где публиковалась масса антисемитских статей. В конце концов в феврале 1942 года он стал жертвой нацистов.

На страницах газеты *Наступ* – официального рупора ОУН и Карпатской Сечи – с одобрением публиковались речи Гитлера, в которых лидер нацистской Германии требовал колоний для Третьего Рейха и призывал убивать европейских евреев «в случае», если произойдет новая война на континенте. Так, в частности, в статье «Вождь Германии говорит...» пересказывалось выступление лидера НСДАП в рейхстаге 30 января 1939 г.: «В своей речи канцлер Гитлер коснулся дела еврейства как разрушающей силы, которая при помощи коммунизма, масонства и безвольной демократии постепенно уничтожает строй и порядок, который несут сильные народы, которые опираются на националистическое мировоззрение. И если еврейство не перестанет провоцировать мир, то пусть будет готово к тому, что карающая рука народов достигнет их на всем земном шаре, если снова вспыхнет война».

На страницах *Наступа* евреев обвиняли в экономической эксплуатации украинского Закарпатья. В одной из статей в начале марта 1939 сообщалось, что в верховинских селах «Всевластно над богатством страны царит фирма "Ляториця" и тучи еврейских эксплуататоров ... Все участки принадлежат упомянутой

фирме ... а остальное, что было лучшего, за долги, спяну забрали у крестьян евреи. Жиды так разбогатели на крестьянской несправедливости, что сейчас стали графами, а крестьяне оказались над пропастью безвыходной нужды».

Во многом эти тезисы повторял один из активистов ОУН Евгений Стахов. Рассуждая о событиях второй половины 1930-х в Галиции и Закарпатье, он вспоминал: «На молодое поколение, в частности, на украинское галицийское студенчество, большое влияние имели произведения Донцова, которые популяризировали различные фашистские направления в тогдашней Европе. В Галиции была масса подобной литературы – книги Михаила Островерхи *Муссолини*, Ростислава Ендика *Гитлер*, были книги о Франко, де Лярока – французского фашиста, Дегреля – бельгийского фашиста. Помню очень хорошо, как на том праздновании 22 января 1939 народ пел:

Нам поможет дядька Гитлер

И отец Волошин

С чехами воевать ...».

Когда Сигал пишет про местное славянской население на Закарпатье, то называет его «карпато-рутенами» (Carpatho-Ruthenians), хотя в межвоенный период значительная часть населения стала называть себя украинцами. Кроме того, по старой традиции часть населения именовала себя не только «русинами», но и «руснаками» или «словьяками». Термин «рутены» (Ruthenen) был изобретением австрийской бюрократии и как самоназвание не использовался.

Когда Сигал пишет об убийствах членов Карпатской Сечи венгерскими войсками в марте 1939 года, он также называет эти жертвы «карпато-рутенами». Это несмотря на то, что среди членов этого формирования была значительная часть галицких украинцев, которых называть «карпато-рутенами» еще более неуместно. Тем более, что в следующей строчке Сигал цитирует воспоминания раввина Егوشу Гринвальда, который, сообщая о тех событиях, пишет: «Венгерские солдаты убили много украинцев» («Hungarian soldiers killed numerous Ukrainians») (С. 58).

Значительная часть исследования Сигала посвящена геттоизации, ограблениям и депортациям евреев Закарпатья в лагерь уничтожения в 1944 году. На фоне этого он анализирует то, как закарпатские украинцы относились к этим акциям венгерских властей. Автор приходит к выводу, что сравнения ситуацию на «подконтрольной немцам советской территории, где многие люди атаковали своих еврейских соседей и убивали их, карпато-рутены редко выступали против евреев, и в общем старались не сотрудничать с оккупантами их земли» («in the German occupied Soviet territories, where many people attacked their Jewish neighbors and murdered them, Carpatho-Ruthenians rarely turned against the Jews and, in general, preferred not to cooperate with the occupiers of their homeland») (С. 111). Этот тезис спорный хотя бы ввиду того, что «подконтрольные немцам советские территории» (the German occupied Soviet territories) были очень обширными и включали самые различные зоны контроля, где к евреям часто относились со-

вершено по-разному. Это, к примеру, показывает сравнительное исследование Дианы Думитру о Бессарабии и Приднестровье.

Но эти небольшие недочеты не преуменьшают того значительного вклада в исследование поставленных проблем, который сделал Раз Сигал своей важной монографией. Хочется надеяться, что эта работа будет вдохновлять других ученых также изучать историю Холокоста на территории Центральной и Восточной Европы в контексте межэтнических взаимоотношений и с привлечением множества новых источников на разных языках.

Коротко об авторах

Ростислав Аверчук, политолог, VoxUkraine, Киев

Лукаш Адамский, историк, Центр польско-российского диалога, Варшава

Михаил Блюменкранц, философ, Харьков/Мюнхен

Ярослав Божко, политолог, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Иван Гомза, политолог, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Александр Зайцев, историк, Украинский католический университет, Львов

Екатерина Коллинг, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария

Леонид Люкс, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария

Гжегож Мотыка, историк, Ягеллонский университет, Краков

Элеонора Нарвселиус, историк, Лундский университет, Швеция

Юрий Радченко, историк, Центр исследований межэтнических отношений, Харьков

Аннэ Реннерт, историк искусства, Берлин

Тимоти Д. Снайдер, историк, Йельский университет, Нью-Хейвен, Коннектикут

Юлия Юрчук, историк, Университет Сёдертёрна, Стокгольм